РУССКАЯ ЛѢТОПИСЬ

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ

ИЗДАНІЕ «РУССКАГО ОЧАГА» ВЪ ПАРИЖѢ

ПАРИЖЪ

1922

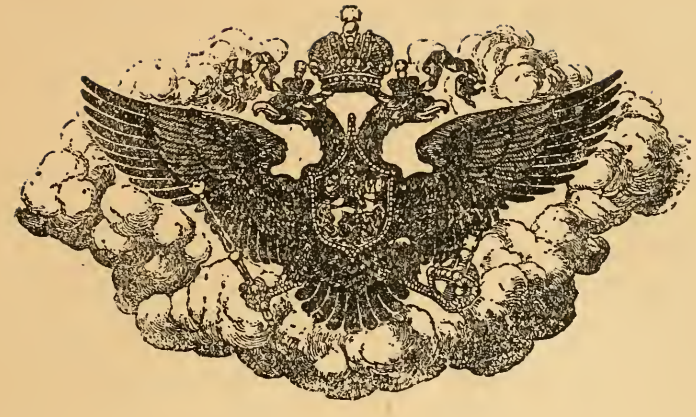
THE LIBRARY OF THE
UNIVERSITY OF
NORTH CAROLINA
AT CHAPEL HILL

RARE BOOK COLLECTION

The André Savine Collection

Savine
DK265
.A15
kn.4

ИЗДАНІЕ «РУССКАГО ОЧАГА» въ ПАРИЖѢ.



РУССКАЯ ЛѢТОПИСЬ

РУССКАЯ ЛѢТОПИСЬ

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ

ИЗДАНІЕ «РУССКАГО ОЧАГА» ВЪ ПАРИЖѢ

ПАРИЖЪ

1922

Тип. «Франко-Русская Печать», 216, Bd Raspail, Paris.

Государыня Императрица Александра Ѳеодоровна.

(*Съ фотографіи 1896 года.*)

Digitized by the Internet Archive
in 2010 with funding from
University of North Carolina at Chapel Hill

http://www.archive.org/details/russkaialietopis04russ

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Истекаетъ шестой годъ отъ начала русской смуты. Много за это страшное время пережито, и многое изъ того, что было тайнымъ, становится явнымъ.

Сквозь туманъ взаимныхъ обвиненій, раздраженія и злобы, вольной и невольной неправды, истина пробивается на свѣтъ Божій. Раскрываются двери архивовъ, становятся доступными тайны сношеній, ростутъ воспоминанія, и у людей начинаетъ говорить совѣсть.

И по мѣрѣ того, какъ съ прошлаго, одна за другою, ниспадаютъ завѣсы, рушатся съ ними и тѣ злые вымыслы и сказки, на которыхъ выросла, въ злобѣ зачатая, русская революція. Какъ будто вставъ отъ тяжелаго сна, русскіе люди протираютъ глаза и начинаютъ понимать, что они потеряли.

И все выше, и выше поднимается надъ притихшей толпой чистый образъ Царственныхъ страдальцевъ за грѣхи всея Россіи. Ихъ кровь, Ихъ страданія и смерть тяжкимъ укоромъ ложатся на совѣсть всѣхъ насъ, не съумѣвшихъ Ихъ оберечь и защитить и съ Ними защитить и Россію.

Покорные волѣ Предвѣчнаго, съ Евангельской

кротостью, несли Они поруганіе, храня въ душѣ непоколебимую вѣрность Россіи, любовь къ народу, и вѣру въ его возрожденіе. Они давно простили всѣхъ тѣхъ, кто клеветалъ на Нихъ и кто Ихъ предалъ, но мы не имѣемъ права этого дѣлать. Мы обязаны всѣхъ призвать къ отвѣту и всѣхъ виновныхъ пригвоздить къ столбу позора. Ибо нельзя извлечь изъ прошлаго благотворныхъ уроковъ для грядущихъ поколѣній, пока это прошлое не исчерпано до дна.

Нѣсколько времени назадъ, въ Берлинѣ, издательствомъ «Слово» опубликованъ первый томъ собранія писемъ Императрицы Александры Федоровны къ Государю за время войны. Письма эти извѣстны давно, такъ какъ были напечатаны въ американскихъ газетахъ еще въ 1919 году, а извлеченія изъ нихъ — въ англійскихъ и французскихъ изданіяхъ. Содержаніе ихъ, въ общемъ, настолько интимно, въ такой мѣрѣ проникнуто нѣжностью двухъ существъ, трогательно любившихъ другъ друга, что, казалось, простая порядочность должна была удержать всякаго русскаго человѣка отъ использованія ихъ полнаго текста для цѣлей книгопродавческой наживы. Эта элементарная порядочность тѣмъ болѣе была обязательна, что переводъ писемъ на русскій языкъ (подлинникъ писанъ по англійски) — по различію языковъ и свойственныхъ имъ оборотовъ — искажаетъ и даже опошливаетъ внутренній смыслъ многихъ изъ выраженій любящаго чувства, въ нихъ встрѣчающихся; къ тому же большая часть ихъ текста не имѣетъ историческаго значенія и можетъ быть интересна лишь для празднаго любопытства людей, охочихъ подсматривать и подслушивать чужія, задушевныя тайны.

Свято чтя память Того, кто хранилъ эти письма, какъ сокровище души своей, и отдалъ ихъ въ руки убійцъ только съ жизнью, мы не считали возможнымъ касаться этихъ драгоцѣнныхъ документовъ. Но теперь, когда похищенныя у погибшаго Императора, залитыя Его кровью, письма эти стали достояніемъ

русскаго книжнаго рынка, мы поставлены въ необходимость на нихъ ссылаться, полагая, что въ создавшихся условіяхъ, это не можетъ почитаться неуваженіемъ къ памяти почившихъ. Мы дадимъ отчетъ о письмахъ, какъ только изданіе ихъ будетъ закончено.

Въ настоящей же книгѣ «Русской Лѣтописи» мы даемъ ключь къ пониманію нѣкоторыхъ сторонъ этихъ писемъ, — а именно воспоминанія Анны Александровны Вырубовой, рожденной Танѣевой.

Говорить много о ихъ значеніи не приходится; оно само собою очевидно. Изъ всѣхъ постороннихъ Царской Семьѣ лицъ, А. А. Танѣева*) ближе всѣхъ стояла къ Ней, въ теченіе послѣднихъ двѣнадцати лѣтъ, и лучше многихъ Ее знала. Она была все это время, какъ бы посредницей между Императрицей Александрой Федоровной и внѣшнимъ міромъ. Она знала почти все, что знала Императрица: и людей, и дѣла, и мысли. Она пережила съ Царской Семьей и счастливые дни величія, и первыя, наиболѣе горькія минуты униженія. Она не прерывала сношеній съ Нею до самаго почти конца, находя способы поддерживать переписку въ невѣроятно трудныхъ для того условіяхъ. За свою близость къ Царской Семьѣ она подверглась тяжкимъ гоненіямъ и со стороны Временнаго Правительства, и со стороны большевиковъ. И клевета ее не щадила. Имя ея до сихъ поръ, въ глазахъ извѣстной части русскаго общества, остается, какъ бы воплощеніемъ чего то предосудительнаго, какихъ-то интригъ, какихъ-то темныхъ тайнъ Двора.

Мы не имѣемъ въ виду ни оправдывать, ни опорачивать А. А. Танѣеву, и не беремъ на себя отвѣтственности за правильность изложенныхъ ею фактовъ и впечатлѣній. Напомнимъ, однако, что дѣйствія ея были предметомъ самаго тщательнаго разслѣдованія, производившагося людьми, глубоко противъ нея предубѣжденными, и что разслѣдованіе это направлялось Временнымъ Правительствомъ, для котораго обнаруженіе въ средѣ, близкой къ Царской Семьѣ, преступленій

*) Послѣ развода, она вновь носитъ свою дѣвичью фамилію.

или хотя бы того, что принято называть скандаломъ, было жизненной потребностью, такъ какъ въ предполагаемой «преступности» стараго режима было все оправданіе смуты. И вотъ это разслѣдованіе, вывернувъ на изнанку самыя интимныя подробности жизни и подвергнувъ эту женщину страшной нравственной пыткѣ, не говоря о физическихъ страданіяхъ, ничего за ней не открыло и кончило тѣмъ, что признало ее ни въ чемъ не виновной. Мало того, В. М. Рудневъ—слѣдователь, производившій разысканіе объ источникахъ «безотвѣтственныхъ» вліяній при Дворѣ, проводникомъ коихъ почиталась А. А. Танѣева—далъ ей въ своихъ воспоминаніяхъ (см. «Русская Лѣтопись», книга 2-я) характеристику, совершенно обратную той, какую рисовала досужая молва. Онъ опредѣляетъ ее, какъ женщину глубоко религіозную, полную доброты и «чисто христіанскаго всепощренія», какъ «самую чистую и искреннюю поклонницу Распутина, котораго до послѣднихъ дней его жизни она считала святымъ человѣкомъ, безсребренникомъ и чудотворцемъ». «Всѣ ея объясненія на допросахъ»—говоритъ слѣдователь—«при провѣркѣ ихъ, на основаніи подлинныхъ документовъ, всегда находили себѣ полное подтвержденіе и дышали правдой и искренностью».

Не касаясь этой оцѣнки по существу, нельзя не отмѣтить, что факты, слѣдователемъ установленные, сняли, во всякомъ случаѣ, съ А. А. Танѣевой тѣ обвиненія нравственнаго порядка, которыя взводила на нее молва.

Не всѣ, быть можетъ, найдутъ въ воспоминаніяхъ А. А. Танѣевой то, чего отъ нихъ ожидаютъ. И дѣйствительно, во многомъ эти воспоминанія слишкомъ сжаты, во многомъ излишне подробны. Возможно, что въ нихъ есть кое что недосказаннаго, вѣрнѣе неточно воспринятаго и расцѣненнаго авторомъ, напримѣръ степень вліянія Распутина на образъ мыслей Императрицы Александры Федоровны, довѣрявшей, къ прискорбію, его прозорливости и пониманію людей. Нѣтъ въ нихъ достаточно подробныхъ свѣдѣній и о содержаніи бесѣдъ съ нимъ, и о тѣхъ совѣтахъ, кото-

рые онъ иногда подавалъ по практическимъ вопросамъ жизни, и это тѣмъ болѣе жаль, что его совѣты, если судить по письмамъ Императрицы, имѣли вовсе не тотъ характеръ, который имъ приписывали. Нѣтъ подробностей и о многихъ изъ лицъ, которые черезъ А. А. Танѣеву пытались проникнуть въ кругъ вниманія Императрицы и заручиться Ея поддержкой. И вообще роль этого окруженія кажется въ воспоминаніяхъ недостаточно выясненной.

Не слѣдуетъ, впрочемъ, забывать, что воспоминанія—не изслѣдованіе, и къ нимъ нельзя предъявлять требованій полноты впечатлѣнія, да и дѣйствительная жизнь всегда проще фантазіи. Дѣло критики указать пробѣлы, если они есть, и мы имѣемъ основаніе ожидать, что въ этомъ случаѣ авторъ не преминетъ восполнить ихъ тѣмъ, что у него въ памяти сохранилось. Искренность воспоминаній А. А. Танѣевой тому порукой.

Однако и самый строгій критикъ долженъ будетъ признать, что воспоминанія эти являются документомъ большого историческаго значенія, и что знакомство съ ними обязательно для каждаго, кто хочетъ дать себѣ ясный отчетъ въ событіяхъ, предшествовавшихъ смутѣ.

Впервые изъ источника, освѣдомленность котораго стоитъ внѣ всякихъ сомнѣній, мы узнаемъ о настроеніяхъ, господствовавшихъ въ средѣ Царской Семьи, и получаемъ ключъ къ пониманію взглядовъ Императрицы Александры Федоровны, нашедшихъ себѣ выраженіе въ Ея перепискѣ съ Государемъ. Впервые мы получаемъ и точныя свѣдѣнія объ отношеніяхъ Государя и Его Семьи къ многимъ событіямъ политической и общественной жизни и о внутреннихъ переживаніяхъ Ихъ въ трудныя минуты объявленія войны, принятія Государемъ верховнаго командованія, и въ первые недѣли революціи.

Воспоминанія А. А. Танѣевой наводятъ на мысль, что одной изъ главныхъ, если даже не главной причиной, вражды противъ Императрицы Александры Федоровны, которая сложилась въ извѣстныхъ слояхъ общества,

а оттуда, пріукрашенная молвой и сплетней, перешла въ массы, былъ чисто внѣшній фактъ—замкнутость Ея жизни, обусловленная, въ значительной степени, болѣзнью Наслѣдника, и вызывавшая безразсудную ревность со стороны тѣхъ, кто считалъ себя въ правѣ близко стоять къ Царской Семьѣ. Мы видимъ, какъ росло это настроеніе, вызывая все большее и большее углубленіе въ себя Императрицы, искавшей успокоенія въ религіозномъ подъемѣ и стремившейся, въ формахъ простой, народной вѣры, найти разрѣшеніе мучительнымъ противорѣчіямъ жизни. Мы видимъ также, какое чистое, любящее и преданное Россіи сердце билось въ той, которую считали надменной, холодной и даже чуждой Россіи Царицей. И, если это впечатлѣніе такъ упорно держалось, то, спрашивается, не лежитъ ли вина прежде всего на тѣхъ, которые не съумѣли или не захотѣли ближе и проще подойти къ Ней, понять и охранить отъ клеветы и сплетни Ея тоскующую душу.

Мы видимъ изъ воспоминаній А. А. Танѣевой ярче, чѣмъ изъ всѣхъ другихъ источниковъ, весь ужасъ измѣны, окружившей Царскій Домъ, мы видимъ, какъ въ минуту бѣды отпадали отъ Государя и Его Семьи, одинъ за другимъ, всѣ тѣ, кто, казалось, обязанъ былъ первымъ сложить голову на Ихъ защиту; какъ тщетно ожидали Императрица и Великія Княжны того флигель-адъютанта, котораго считали ближайшимъ своимъ другомъ; какъ отказался прибыть въ Царское Село, по зову Государя, Его духовникъ, какъ приближенные и близкіе слуги, за исключеніемъ нѣсколькихъ вѣрныхъ, поспѣшили покинуть Ихъ, при первыхъ же признакахъ развала..... и много другого, тяжелаго и позорнаго узнаемъ мы изъ этихъ воспоминаній.

Но есть въ воспоминаніяхъ А. А. Танѣевой и особая черта, выдѣляющая ихъ изъ другихъ впечатлѣній первыхъ временъ смуты. Наряду съ тяжелыми картинами развала, предательства и измѣны, какъ много

чистыхъ и свѣтлыхъ явленій ею отмѣчено. Среди безконечнаго, казалось бы, озвѣрѣнія сбитаго съ пути народа, сколько прорывается чуткаго состраданія и ласки, сколько геройскаго самоотверженія, сколько привязанности къ старому, гонимому прошлому. Всѣ эти трогательные люди, укрывающіе отъ преслѣдованій несчастную, затравленную женщину, или пытающіеся оградить ее отъ остервенѣлыхъ солдатъ и матросовъ, всѣ эти раненые, помнящіе добро и ласку — въ нихъ оправданіе Россіи, въ нихъ Ея свѣтлое будущее! Старое, доброе, хорошее погибло или примолкло, придавленное обвалившейся на него громадой злобы и звѣрскнхъ страстей, но Она жива — эта безконечно трогательная душа православной, сердобольной Россіи. Подъ грубой корой предразсудковъ, подъ грязью и гноемъ, хлынувшими изъ трещинъ исторіи, — продолжаетъ жить нѣжное и сострадательное сердце народа. Оно лучшая порука въ томъ, что не все потеряно и погибло, что настанетъ день, когда изъ праха, изъ развалинъ и грязи встанетъ Россія, очиститъ себя покаяніемъ, стряхнетъ съ души своей инородное иго, и вновь явитъ изумленному міру беззавѣтную преданность исконнымъ своимъ идеаламъ.

И погибшій Праведникъ-Царь станетъ тогда первой святыней Россіи.

СТРАНИЦЫ ИЗЪ МОЕЙ ЖИЗНИ

А. А. Танѣевой (Вырубовой)

Посвящается

Возлюбленной Государынѣ Императрицѣ

АЛЕКСАНДРѢ ѲЕОДОРОВНѢ

«Аще и пойду посреди сѣни смертныя
не убоюся зла, яко Ты со мною еси.»
Псаломъ 22.

«Укоряемы — благословляйте, гонимы — терпите, хулимы — утѣшайтесь, злословимы — радуйтесь» *(Слова Св. Серафима Саровскаго)* — вотъ нашъ путь съ тобою».

Изъ письма Императрицы Александры Ѳеодоровны
отъ 20 марта 1918 года изъ Тобольска.

Приступая, съ молитвой и чувствомъ глубокаго благоговѣнія, къ разсказу о священной для меня дружбѣ съ Императрицей Александрой Ѳеодоровной, хочу сказать вкратцѣ, — кто я, и какъ могла, я воспитанная въ тѣсномъ семейномъ кругу, приблизиться къ моей Государынѣ.

Отецъ мой, Статсъ-Секретарь Александръ Сергѣевичъ Танѣевъ, занималъ видный постъ Главноуправляющаго Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріей въ продолженіи двадцати лѣтъ. По странному стеченію остоятельствъ этотъ же самый постъ занимали его отецъ и дѣдъ при Императорахъ Александрѣ I, Николаѣ I, Александрѣ II и Александрѣ III.

Дѣдъ мой, генералъ Толстой, былъ флигель-адъютантомъ Императора Александра II, а прадѣдъ былъ знаменитый фельдмаршалъ Кутузовъ. Прадѣдъ матери — былъ графъ Кутайсовъ, другъ Императора Павла I.

Несмотря на высокое положеніе отца, наша семейная жизнь была простая и скромная. Кромѣ служебныхъ обязанностей весь его жизненный интересъ былъ сосредоточенъ въ семьѣ и любимой имъ музыкѣ, — онъ занималъ видное мѣсто среди русскихъ композиторовъ. Вспоминаю тихіе вечера дома: братъ, сестра и я, помѣстившись за круглымъ столомъ, готовили уроки, мама работала, отецъ же, сидя у рояля, занимался композиціей. Благодарю Бога за счастливое дѣтство, въ которомъ почерпнула силы для тяжелыхъ переживаній послѣднихъ лѣтъ.

Шесть мѣсяцевъ въ году мы проводили въ родовомъ имѣніи «Рож-

дественно» подъ Москвой. Это имѣніе принадлежало нашему роду 200 лѣтъ. Сосѣдями были наши родственники, князья Голицины, и Великій Князь Сергѣй Александровичъ. Съ ранняго дѣтства мы, дѣти, обожали Великую Княгиню Елизавету Ѳеодоровну (старшую сестру Государыни Императрицы Александры Ѳеодоровны), которая насъ баловала и ласкала, даря платья и игрушки. Часто мы ѣздили къ нимъ въ Ильинское, и они пріѣзжали къ намъ — на длинныхъ линейкахъ — со свитой, пить чай на балконѣ и гулять въ старинномъ паркѣ. Однажды, пріѣхавъ изъ Москвы, Великая Княгиня пригласила насъ къ чаю, послѣ котораго мы, дѣти, искали игрушки, спрятанныя ею въ большой угловой гостиной, какъ вдругъ доложили, что пріѣхала Императрица Александра Ѳеодоровна. Великая Княгиня, оставляя своихъ маленькихъ гостей, побѣжала на встрѣчу сестрѣ.

Первое мое впечатлѣніе объ Императрицѣ Александровнѣ Ѳеодоровнѣ относится къ началу царствованія, когда она была въ разцвѣтѣ молодости и красоты : высокая, стройная, съ царственной осанкой, золотистыми волосами и огромными, грустными глазами — она выглядѣла настоящей Царицей. Къ моему отцу Государыня съ перваго же времени проявила довѣріе, назначивъ его вице-предсѣдателемъ Комитета Трудовой Помощи, основаннаго ею въ Россіи. Въ это время зимой мы жили въ Петербургѣ, въ Михайловскомъ Дворцѣ, лѣтомъ же на дачѣ въ Петергофѣ.

Возвращаясь съ докладовъ отъ юной Государыни, мой отецъ дѣлился съ нами своими впечатлѣніями. Такъ онъ разсказывалъ, что на первомъ докладѣ онъ уронилъ бумаги со стола и что Государыня, быстро нагнувшись, подала ихъ сильно смутившемуся отцу. Необычайная застѣнчивость Императрицы его поражала, «но, говорилъ онъ, умъ у нея мужской ». Прежде же всего она была матерью : держа на рукахъ шестимѣсячную Великую Княжну Ольгу Николаевну, Государыня обсуждала съ моимъ отцомъ серьезные вопросы своего новаго учрежденія; одной рукой качая колыбель съ новорожденной Великой Княжной Татьяной Николаевной, она другой подписывала дѣловыя бумаги. Разъ, во время одного изъ докладовъ, въ сосѣдней комнатѣ раздался необыкновенный свистъ. Какая это птица? — спросилъ отецъ. «Это Государь зоветъ меня», — отвѣтила, сильно покраснѣвъ, Государыня и убѣжала, быстро простившись съ отцомъ. Впослѣдствіи, какъ часто я слыхала этотъ свистъ, когда Государь звалъ Императрицу, дѣтей или меня; сколько было въ немъ обаянія, какъ и во всемъ существѣ Государя.

Обоюдная любовь къ музыкѣ и разговоры на эту тему сблизили

Государыню съ нашей семьей. Я уже упоминала, о музыкальномъ дарованіи моего отца. Само собой разумѣется, что намъ съ раннихъ лѣтъ дали музыкальное образованіе. Отецъ возилъ насъ на всѣ концерты, въ оперу, на репетиціи и во время исполненія часто заставлялъ слѣдить за партитурой; весь музыкальный міръ бывалъ у насъ, — артисты, капельмейстера, русскіе и иностранцы. Помню, какъ разъ пришелъ завтракать П. И. Чайковскій и зашелъ къ намъ въ дѣтскую.

Образованіе, мы, дѣвочки, получили домашнее и держали экзаменъ на званіе учительницъ при Округѣ. Иногда черезъ отца мы посылали наши рисунки и работы Императрицѣ, которая хвалила насъ, но въ то же время говорила отцу, что поражается, что русскія барышни не знаютъ ни хозяйства, ни рукодѣлія, и ничѣмъ, кромѣ офицеровъ не интересуются. Воспитанной въ Англіи и Германіи, Императрицѣ не нравилась пустая атмосфера Петербургскаго свѣта, и она все надѣялась привить вкусъ къ труду. Съ этой цѣлью она основала общество рукодѣлія, члены котораго, дамы и барышни, обязаны были сработать не менѣе трехъ вещей въ годъ для бѣдныхъ. Сначала всѣ принялись за работу, но вскорѣ, какъ и ко всему, наши дамы охладѣли, и никто не могъ сработать даже трехъ вещей въ годъ. Идея не привилась. Не взирая на это, Государыня продолжала открывать по всей Россіи дома трудолюбія для безработныхъ, учредила дома призрѣнія для падшихъ дѣвушекъ, страстно принимая къ сердцу все это дѣло.

Жизнь при Дворѣ въ то время была веселая и беззаботная. 17-ти лѣтъ я была представлена Императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ въ Петергофѣ, въ ея Дворцѣ. Сначала страшно застѣнчивая, — я вскорѣ освоилась и очень веселилась. Эту первую зиму я успѣла побывать на 32 балахъ, не считая разныхъ другихъ увеселеній. Вѣроятно переутомленіе отозвалось на моемъ здоровьи, — и лѣтомъ, заболѣвъ брюшнымъ тифомъ, я была три мѣсяца при смерти. У меня сдѣлалось воспаленіе легкихъ, почекъ и мозга, отнялся языкъ и я потеряла слухъ. Во время долгихъ, мучительныхъ ночей я видѣла, какъ то разъ во снѣ о. Іоанна Кронштадскаго, который сказалъ мнѣ, что скоро мнѣ будетъ лучше. Въ дѣтствѣ о. Іоаннъ Кронштадскій раза три бывалъ у насъ и своимъ благодатнымъ присутствіемъ оставилъ въ моей душѣ глубокое впечатлѣніе, и теперь, казалось мнѣ, могъ скорѣе помочь, чѣмъ доктора и сестры, которые за мной ухаживали. Я какъ то съумѣла объяснить свою просьбу — позвать о. Іоанна, — и отецъ сейчасъ же послалъ ему телеграмму, которую онъ впрочемъ не сразу получилъ, такъ какъ былъ у себя на родинѣ. Въ полузабытьи я чувствовала, что о. Іоаннъ ѣдетъ къ намъ, и не удивилась, когда онъ вошелъ ко мнѣ въ ком-

нату. Онъ отслужилъ молебенъ, положивъ эпитрахиль на мою голову. По окончаніи молебна, онъ взялъ стаканъ воды, благословилъ и облилъ меня, къ ужасу сестры и доктора, которые кинулись меня вытирать. Я сразу заснула и на слѣдующій день жаръ спалъ, вернулся слухъ и я стала поправляться. Великая Княгиня Елизавета Ѳеодоровна три раза навѣстила меня, а Государыня присылала чудные цвѣты, которые мнѣ клали въ руки, пока я была безъ сознанія.

Въ сентябрѣ я уѣхала съ родителями въ Баденъ и затѣмъ въ Неаполь. Здѣсь мы жили въ одной гостинницѣ съ Великимъ Княземъ Сергѣемъ Александровичемъ и Великой Княгиней Елизаветой Ѳеодоровной, которые очень забавлялись, видя меня въ парикѣ. Вообще же Великій Князь имѣлъ сумрачный видъ, и говорилъ матери, что разстроенъ свадьбой его брата, Великаго Князя Павла Александровича. Въ іюнѣ я совсѣмъ поправилась и зиму 1903 года очень много выѣзжала и веселилась. Въ январѣ получила шифръ — т. е. была назначена городской фрейлиной, но дежурила при Государынѣ только на балахъ и выходахъ. Это дало возможность ближе видѣть и оффиціально познакомиться съ Императрицей Александрой Ѳеодоровной, и вскорѣ потомъ, мы подружились тѣсной неразрывной дружбой, продолжавшейся всѣ послѣдующіе годы .

Мнѣ бы хотѣлось нарисовать портретъ Государыни Императрицы Александы Ѳеодоровны, — такой, какой она была въ эти свѣтлые дни, пока горе и испытанія не постигли нашу дорогую родину. Высокая, съ золотистыми густыми волосами, доходившими до колѣнъ, она, какъ дѣвочка, постоянно краснѣла отъ застѣнчивости ; глаза ея, огромные и глубокіе, оживляясь при разговорѣ и смѣялись. Дома ей дали прозвище « Sunny » « Солнышко » — имя, которымъ всегда называлъ ее Государь. Съ первыхъ же дней нашего знакомства я всей душой привязалась къ Государынѣ : любовь и привязанность къ ней остались на всю мою жизнь.

Зима 1903 года была очень веселая. Особенно памятны мнѣ въ этомъ году знаменитые балы при Дворѣ въ костюмахъ времени Алексѣя Михайловича; первый балъ былъ въ Эрмитажѣ, второй въ концертномъ залѣ Зимняго Дворца и третій у графа Шереметьева. Сестра и я были въ числѣ двадцати паръ, которыя танцовали русскую. Мы нѣсколько разъ репетировали танецъ въ залѣ Эрмитажа и Императрица приходила на эти репетиціи. Въ день бала она была поразительно хороша въ золотомъ парчевомъ костюмѣ, и на этотъ разъ, какъ она мнѣ разсказывала, она забыла свою застѣнчивость, ходила по залѣ, разговаривая и разсматривая костюмы.

Лѣтомъ я заболѣла сердцемъ. Мы жили въ Петергофѣ, — и это было первый разъ, что Государыня насъ посѣтила. Пріѣхала она въ маленькомъ шарабанѣ, сама правила. Пришла веселая и ласковая наверхъ въ комнату, гдѣ я лежала, въ бѣломъ платьѣ и большой шляпѣ. Ей видимо доставляло удовольствіе пріѣхать запросто, не предупреждая. Вскорѣ послѣ того мы уѣхали въ деревню. Въ нашемъ отсутствіи Императрица еще разъ пріѣзжала къ намъ и оторопѣвшему курьеру, который открылъ ей дверь, передала бутылку съ св. водой изъ Сарова, поручивъ передать ее намъ.

Слѣдующую зиму началась Японская война. Это ужасное событіе, которое принесло столько горя и глубоко потрясло страну, отразилось на нашей семейной жизни тѣмъ, что сократилось количество баловъ, что не было пріемовъ при Дворѣ и что мать заставила насъ пройти курсъ сестеръ милосердія. Для практики мы ѣздили въ Елизаветинскую общину. По иниціативѣ Государыни въ залахъ Зимняго Дворца открытъ былъ складъ бѣлья для раненыхъ. Мать моя завѣдывала отдѣломъ раздачи работъ на домъ, и мы помогали ей цѣлыми днями. Императрица почти ежедневно приходила въ складъ; обойдя длинный рядъ залъ, гдѣ за безчисленными столами трудились дамы, она садилась гдѣ нибудь работать.

Императрица тогда была въ ожиданіи Наслѣдника. Помню ея высокую фигуру въ темномъ бархатномъ платьѣ, опушенномъ мѣхомъ, скрадывавшемъ ея полноту, и длинномъ жемчужномъ ожерельѣ. За ея стуломъ стоялъ арапъ Jimmy въ бѣлой чалмѣ и шитомъ платьѣ; арапъ этотъ былъ однимъ изъ четырехъ абиссинцевъ, которые дежурили у дверей покоевъ Ихъ Величествъ. Вся ихъ обязанность состояла въ томъ, чтобы открывать двери. Появленіе Jimmy въ складѣ производило всеобщее волненіе, такъ какъ оно предвѣщало прибытіе Государыни. Абиссинцы эти были остаткомъ придворнаго штата временъ Екатерины Великой.

Слѣдующимъ лѣтомъ родился Наслѣдникъ. Государыня потомъ мнѣ разсказывала, что это изъ всѣхъ ея дѣтей это были самые легкіе роды. Императрица едва успѣла подняться изъ маленькаго кабинета по витой лѣстницѣ къ себѣ въ спальню, какъ родился Наслѣдникъ. Сколько было радости, несмотря на всю тяжесть войны, кажется, не было того, чего Государь не сдѣлалъ бы въ память этого дорогого дня. Но почти съ первыхъ же дней родители замѣтили, что Алексѣй Николаевичъ унаслѣдовалъ ужасную болѣзнь, геомнфилію, которой страдали многіе въ семьѣ Государыни; женщина не страдаетъ этой болѣзнью, но она можетъ передаваться отъ матери къ сыну. Вся жизнь маленькаго

Наслѣдника, красиваго, ласковаго ребенка, была однимъ сплошнымъ страданіемъ, но вдвойнѣ страдали родители, въ особенности Государыня, которая не знала болѣе покоя. Здоровье ея сильно пошатнулось, послѣ всѣхъ переживаній войны, и у нея начались сильные сердечные припадки. Она безконечно страдала, сознавая, что была невольной виновницей болѣзни сына. Дядя ея, сынъ королевы Викторія, принцъ Леопольдъ, болѣлъ той же болѣзнію, — маленькій братъ ея умеръ отъ нея же и также всѣ сыновья ея сестры, принцессы Прусской, страдали съ дѣтства кровоизліяніями.

Естественно, все, что доступно медицинѣ, было сдѣлано для Алексѣя Николаевича. Государыня кормила его съ помощью кормилицы (такъ какъ сама не имѣла довольно молока), какъ кормила она и всѣхъ своихъ дѣтей.

У Императрицы при дѣтяхъ была сперва няня англичанка и три русскія няни, ея помощницы. Съ появленіемъ Наслѣдника она разсталась съ англичанкой и назначила его няней вторую няню, М. И. Вишнякову. Императрица ежедневно сама купала Наслѣдника и такъ много удѣляла времени дѣтской, что при Дворѣ стали говорить, что Императрица не Царица, а только мать. Конечно, сначала не знали и не понимали серьезности положенія здоровья Наслѣдника. Человѣкъ всегда надѣется на лучшее будущее. Ихъ Величества скрывали болѣзнь Алексѣя Николаевича отъ всѣхъ, кромѣ самыхъ близкихъ родственниковъ и друзей, закрывая глаза на возрастающую непопулярность Государыни. Она безконечно страдала и была больна, а о ней говорили, что она холодна, горда и непривѣтлива: таковой она осталась въ глазахъ придворныхъ и Петербургскаго свѣта даже тогда, когда узнали о ея горѣ.

II.

Въ концѣ февраля 1905 года моя мать получила телеграмму отъ свѣтлѣйшей княгини Голицыной, гофмейстерины Государыни, которая просила отпустить меня на дежурство — замѣнить больную свитскую фрейлину, княжну Орбельяни. Я сейчасъ же отправилась съ матерью въ Царское Село. Квартиру мнѣ дали въ музеѣ — небольшія мрачныя комнаты, выходящія на церковь Знаменья. Будь квартира и болѣе привѣтливой все же я съ трудомъ могла побороть въ себѣ чувство одиночества, находясь въ первый разъ въ жизни вдали отъ родныхъ, окруженная чуждой мнѣ придворной атмосферой. Кромѣ того Дворъ былъ въ траурѣ. 4 февраля былъ убитъ Великій Князь Сергѣй Александровичъ, Московскій Генералъ-губернаторъ. По слухамъ, его не любили въ Москвѣ, гдѣ началось серьезное революціонное движеніе и Великому Князю грозила ежедневная опасность. Великая Княгиня, несмотря на тяжелый характеръ Великаго Князя, была безконечно ему предана и боялась отпускать его одного. Но въ этотъ роковой день онъ уѣхалъ безъ ея вѣдома. Услышавъ страшный взрывъ, она воскликнула: « It is Serge? ». Она поспѣшно выбѣжала изъ дворца и глазамъ ея представилась ужасная картина: тѣло Великаго Князя, разорваное на сотни кусковъ. Такимъ страшнымъ образомъ погибъ Великій Князь Сергѣй Александровичъ. Злодѣя убійцу схватили и приговорили къ смертной казни. Характерно, что Великая Княгиня сама поѣхала къ нему въ тюрьму сказать, что прощаетъ его, и молилась возлѣ него. Молился ли онъ вмѣстѣ съ ней, я не знаю: соціалисты - революціонеры гордятся своимъ безбожіемъ. Грустное настроеніе при Дворѣ тяжело ложилось на душу одинокой дѣвушки. Мнѣ сшили траурное черное платье, носила я и длинный креповый вуаль, какъ носили остальныя фрейлины.

Императрица приняла меня въ большой пріемной гостинной. Она была тоже въ глубокомъ траурѣ и показалась мнѣ очень пополнѣвшей. Она сказала мнѣ, что видѣть меня почти не будетъ, такъ какъ занята своими сестрами, Великой Княгиней Елизаветой Ѳеодоровной и прин-

цессой Ириной Прусской. Кромѣ того у нихъ гостила Императрица — Мать. Свиты было много, и я чувствовала себя среди нихъ чужой. По желанію Государыни главной моей обязанностью было проводить время съ больной фрейлиной, княжной Орбельяни, которая страдала прогрессивнымъ параличемъ; вслѣдствіе болѣзни характеръ у нея былъ очень тяжелый. Остальныя придворныя дамы также не отличались любезностью, я страдала отъ ихъ частыхъ насмѣшекъ, — особенно онѣ потѣшались надъ моимъ французскимъ языкомъ, и должна сознаться, что говорила я тогда очень дурно по французски. Государыню я видѣла, только разъ, когда она позвала меня кататься съ собою, о чемъ мнѣ сообщилъ скороходъ по телефону. Былъ теплый весенній день, снѣгъ на солнцѣ таялъ. Мы выѣхали въ открытой коляскѣ. Помню, какъ сейчасъ, что я не знала, какъ сидѣть возлѣ нея: мнѣ все казалось, что я недостаточно почтительно себя держу. Вообще я была подавлена всей окружающей обстановкой этой прогулки, кланяющейся публикой, казакомъ, который скакалъ за нами по дорогѣ. Первыя впечатлѣнія ярко остаются въ памяти, и я помню всѣ вопросы Государыни о моихъ родныхъ, — и ея разсказы о своихъ дѣтяхъ, въ особенности о Наслѣдникѣ, которому было тогда семь мѣсяцевъ. Императрица торопилась вернуться къ уроку танцевъ дѣтей. Потомъ, вечеромъ, княжна Орбельяни все дразнила меня, что Императрица меня не позвала на урокъ: позови же она, можетъ быть, княжна нашла бы предлогъ еще больше издѣваться надъ мной; таковъ былъ Дворъ.

Былъ постъ, и по средамъ и пятницамъ въ походной церкви Александровскаго Дворца служили преждеосвященныя литургіи для Государыни. Я просила и получила разрѣшеніе бывать на этихъ службахъ. Другомъ моимъ была княжна Шаховская, фрейлина Великой Княгини Елизаветы Ѳеодоровны, только что осиротѣвшая. Всегда добрая и ласковая, она первая начала мнѣ давать религіозныя книги для чтенія. Очень добра была ко мнѣ и Великая Княгиня Елизавета Ѳеодоровна. Меня поражалъ ея взглядъ, — точно она видѣла передъ собой картину убійства мужа..... Но наружно она всегда казалась спокойной, по праздникамъ одѣвалась вся въ бѣлое, напоминая собою Мадонну. Принцесса Ирина Прусская была въ траурѣ по случаю смерти ея маленькаго сына, котораго она такъ жалѣла и о которомъ она мнѣ говорила со слезами на глазахъ. Подошла страстная недѣля и мнѣ объявили, что дежурство мое кончено. Императрица вызвала меня въ дѣтскую проститься. Застала я ее въ угловой игральной комнатѣ, окруженную дѣтьми, на рукахъ у нея былъ Наслѣдникъ. Я была поражена его красотой, — такъ онъ былъ похожъ на херувима: вся головка

въ золотыхъ кудряхъ, огромные синіе глаза, бѣлое кружевное платьице. Императрица дала мнѣ его подержать на руки и тутъ же подарила мнѣ медальонъ (сѣрый камень въ видѣ сердца, окруженный брилліантами) на память о моемъ первомъ дежурствѣ и простилась со мной. Несмотря на ея ласку, я была рада вернуться домой.

На лѣто я переѣхала на дачу съ родителями въ Петергофъ и видѣла Государыню чаще, чѣмъ во время перваго дежурства, работая въ складѣ въ Англійскомъ дворцѣ. Императрица пріѣзжала туда почти ежедневно въ маленькомъ экипажѣ и всегда сама правила. Каждую недѣлю она ѣздила въ автомобилѣ въ Царское Село, въ свой лазаретъ, и два раза просила мать отпустить меня съ ней. Во время одной изъ этихъ поѣздокъ состоялась закладка школы нянь, основанной ею въ Царскомъ Селѣ. Въ лазаретѣ она обходила раненныхъ офицеровъ, играла съ ними въ шашки, пила чай, — съ материнской нѣжностью говорила съ ними, нисколько не стѣсняясь, и въ эти минуты мнѣ казалось страннымъ, что ее находили холодной и непривѣтливой. Съ безконечной благодарностью и уваженіемъ окружали ее больные и раненые, каждый стараясь быть къ ней поближе. Между мной и Государыней сразу установились простыя, дружескія отношенія, и я молила Бога, чтобы онъ помогъ мнѣ всю жизнь мою положить на служеніе Ихъ Величествамъ. Вскорѣ я узнала, что и Ея Величество желала приблизить меня къ себѣ.

Въ августѣ Императрица прислала къ намъ фрейлину Оленину, прося отпустить меня съ ними въ шхеры. Отплыли мы изъ Петергофа на яхтѣ «Александрія», въ Кронштадтѣ перешли на «Полярную Звѣзду» и ушли въ море. Сопровождали Ихъ Величества: флигель-адъютантъ князь Оболенскій, графъ Гейденъ, морской министръ, адмиралъ Бирилевъ, контръ-адмиралъ Чагинъ, командиръ яхты графъ Толстой, Е. Шнейдеръ, я и другіе. Я была очень взволнована, сидя въ первый разъ около Государя за завтракомъ. Сидѣли за длиннымъ столомъ, Государь на обычномъ своемъ мѣстѣ, Императрица и я около него. Вспоминая тяжкій годъ войны, Государь сказалъ мнѣ, указывая на Императрицу: «Если бы не она, я бы ничего не вынесъ».

Жизнь на яхтѣ была простая и беззаботная. Каждый день мы съѣзжали на берегъ, гуляли по лѣсу съ Государыней и дѣтьми, лазили на скалы, собирали бруснику и чернику, искали грибы, находили разныя тропинки. Ихъ Величества, словно дѣти, радовались простой, свободной жизни. Набѣгавшись и надышавшись здоровымъ морскимъ воздухомъ, мнѣ такъ хотѣлось спать по вечерамъ, а садились пить чай только въ 11 часовъ вечера. Разъ, къ моему стыду, я заснула за чаемъ

и чуть не упала со стула. Какъ дразнилъ меня Государь ! — Тогда же въ первый разъ мы начали играть съ Императрицей въ четыре руки. Я играла не дурно и привыкла разбирать ноты, но отъ волненія теряла мѣсто и пальцы леденѣли. Играли мы Бетховена, Чайковскаго и другихъ композиторовъ.

Вспоминаю наши первые задушевные разговоры у рояля и, иногда, до сна, какъ мало по малу она мнѣ открывала свою душу, разсказывая, какъ съ первыхъ дней ея пріѣзда въ Россію, она почувствовала, что ее не любятъ, и это было ей вдвойнѣ тяжело, такъ какъ она вышла замужъ за Государя только потому, что любила его, и любя Государя, она надѣялась, что ихъ обоюдное счастье приблизитъ къ нимъ сердца ихъ подданныхъ.

Моя бабушка Толстая разсказывала мнѣ случай, переданный ей ея родственницей, баронессой Анной Карловной Пиларъ, фрейлиной Государыни Императрицы Маріи Александровны. Во время посѣщенія Государыней Дармштадта, въ семидесятыхъ годахъ, Принцесса Алиса Гессенская привела показать ей всѣхъ своихъ дѣтей, принесла на рукакъ сдѣлать, чтобы его не обидѣть. И вотъ на дѣтскомъ балу въ Аничсандру Ѳеодоровну). Императрица Марія Александровна, обернувшись къ баронессѣ Пиларъ, произнесла, указывая на маленькую принцессу Алису: «Baisez lui la main, elle sera votre future Impératrice».

Еще маленькой дѣвочкой въ 1884 году Императрица пріѣзжала въ Петербургъ на свадьбу своей сестры, Великой Княгини Елизаветы Ѳеодоровны. Она тогда очень подружилась съ сестрой Государя, маленькой Великой Княжной Ксеніей Александровной, а также съ малолѣт нимъ Наслѣдникомъ Николаемъ Александровичемъ ,который какъ то разъ подарилъ ей маленькую брошку. Сперва она приняла ее, но послѣ рѣшила въ своей дѣтской головкѣ ,что подарка принимать нельзя; но какъ сдѣлать, чтобы его не обидѣть. И вотъ на дѣтскомъ балу въ Аничковомъ дворцѣ она потихоньку втиснула брошку въ его руку. Государь былъ очень огорченъ и подарилъ эту брошку своей сестрѣ. Съ годами увлеченіе ихъ росло, но Государыня боролась со своими чувствами, боясь сдѣлать неправильный шагъ въ отношеніи своей религіи. Когда женился ея братъ, и ей казалось, что послѣ смерти отца, котораго она обожала, ей больше уже нечего дома дѣлать, чувство къ Государю все перебороло и счастью ихъ не было границъ. Они вмѣстѣ были на свадьбѣ брата въ Кобургѣ; потомъ Государь пріѣзжалъ къ ней въ Англію, гдѣ она гостила у королевы Викторіи.

Въ это время смертельно заболѣлъ Императоръ Александръ III и ее вызвали, какъ будущую Цесаревную, въ Крымъ. Императрица съ

любовью вспоминала, какъ встрѣтилъ ее Императоръ Александръ III, какъ онъ одѣлъ мундиръ, когда она пришла къ нему, показавъ этимъ свою ласку и уваженіе. Но окружающіе встрѣтили ее холодно, въ особенности, разсказывала она, княжна А. А. Оболенская и графиня Воронцова. Ей было тяжело и одиноко ; не нравились ей шумные обѣды, завтраки и игры собравшейся семьи, въ такой моментъ, когда тамъ наверху доживалъ свои послѣдніе дни и часы Государь Императоръ. Затѣмъ переходъ ея въ православіе и смерть Государя. Государыня разсказывала, какъ она, обнимая Императрицу-Мать, когда та отошла

ГЛАВНѢЙШІЯ ИЗЪ ЗАМѢЧЕННЫХЪ ОПЕЧАТОКЪ.

Стр. (трока)	Напечатано :	Слѣдуетъ читать :
Стр. 24 (18)	«какъ сдѣлать, чтобы его не обидѣть. И вотъ, на дѣтскомъ балу въ Анич-»	«кахъ и маленькую принцессу Алису (Государыню Императрицу Алек-»
25 (4)	«княжна А. А. Оболенская»	«княгиня А. А. Оболенская»
27 и 29 (I и II)	«Петроградъ» «Петроградѣ»	«Петергофъ» «Петергофѣ»
35 (22)	«сказалъ татаринъ»	«скакалъ татаринъ».
47 (5)	«Неподкупно частная»	«Неподкупно честная».
50 (1)	«1913 годъ»	«1912 годъ».
60 (21)	«Помѣщеніе Государя»	«Помѣщеніе Государыни».
70 (31)	«Схъ Величествъ»	«Ихъ Величествъ».
71 (9 снизу)	«а разсказала»	«я разсказала».
119 (4)	«и видѣла»	«я видѣла».
176 (6)	шестая строка	излишняя.
207 (прим. 2)	«Н. П. Соблинъ».	«Н. П. Саблинъ».

дороже. Офицеры яхты говорили мнѣ, что я проломила стѣну, столько лѣтъ окружавшую Государыню. Государь сказалъ мнѣ, прощаясь въ концѣ плаванія : « Теперь Вы абонированы ѣздить съ нами ». Но до-

и чуть не упала со стула. Какъ дразнилъ меня Государь ! — Тогда же въ первый разъ мы начали играть съ Императрицей въ четыре руки. Я играла не дурно и привыкла разбирать ноты, но отъ волненія теряла мѣсто и пальцы леденѣли. Играли мы Бетховена, Чайковскаго и другихъ композиторовъ.

Вспоминаю наши первые задушевные разговоры у рояля и, иногда, до сна, какъ мало по малу она мнѣ открывала свою душу, разсказывая, какъ съ первыхъ дней ея пріѣзда въ Россію, она почувствовала, что ее не любятъ, и это было ей вдвойнѣ тяжело, такъ какъ она вышла замужъ за Государя только потому, что любила его, и любя Государя, она надѣялась, что ихъ обоюдное счастье приблизит
ихъ подданныхъ.

М
ея ро
Госу
Гос
Ге
к
са
кт
А

Пе
Θе
кой
ним
раз
рѣш
как
ково
был
увле
боясь
жени
обожа
переб
бѣ бра
гдѣ он

В
Императоръ Александръ III
и ее вы
, какъ будущую Цесаревную, въ Крымъ. Императрица съ

любовью вспоминала, какъ встрѣтилъ ее Императоръ Александръ III, какъ онъ одѣлъ мундиръ, когда она пришла къ нему, показавъ этимъ свою ласку и уваженіе. Но окружающіе встрѣтили ее холодно, въ особенности, разсказывала она, княжна А. А. Оболенская и графиня Воронцова. Ей было тяжело и одиноко ; не нравились ей шумные обѣды, завтраки и игры собравшейся семьи, въ такой моментъ, когда тамъ наверху доживалъ свои послѣдніе дни и часы Государь Императоръ. Затѣмъ переходъ ея въ православіе и смерть Государя. Государыня разсказывала, какъ она, обнимая Императрицу-Мать, когда та отошла отъ кресла, на которомъ только что скончался Императоръ, молила Бога помочь ей сблизиться съ ней. Потомъ длинное путешествіе съ гробомъ Государя по всей Россіи, и панихида за панихидой. «Такъ я въѣхала въ Россію », — разсказывала она — « Государь былъ слишкомъ поглощенъ событіями, чтобы удѣлить мнѣ много времени,, и я холодѣла отъ робости, одиночества и непривычной обстановки. Свадьба наша была какъ бы продолженіемъ этихъ панихидъ, — только, что меня одѣли въ бѣлое платье ». Свадьба была въ Зимнемъ Дворцѣ. Тѣ, кто видѣли Государыню въ этотъ день, говорили, что она была безконечно грустна и блѣдна.

Таковы были въѣздъ и первые дни молодой Государыни въ Россіи. Послѣдующіе мѣсяцы мало измѣнили ея настроеніе. Своей подругѣ, графинѣ Рантцау, (фрейлинѣ Принцессы Прусской), она писала : « Я чувствую, что всѣ, кто окружаютъ моего мужа, не искренни и никто не исполняетъ своего долга ради долга и ради Россіи ; всѣ служатъ ему изъ за карьеры и личной выгоды, и я мучаюсь и плачу цѣлыми днями, такъ какъ чувствую, что мой мужъ очень молодъ и неопытенъ, чѣмъ всѣ пользуются ». Государыня цѣлыми днями была одна. Государь днемъ былъ занятъ съ министрами, вечера же проводилъ съ своей матерью (жившей тогда въ томъ же Аничковомъ дворцѣ), которая въ то время имѣла большое на него вліяніе. Трудно было молодой Государынѣ первое время въ чужой странѣ. Каждая молодая дѣвушка, выйдя замужъ и попавъ въ подобную обстановку, легко могла бы понять ея душевное сотояніе. Кажущаяся холодность и сдержанность Государыни началась съ этого времени почти полнаго одиночества, и ее находили непривѣтливой.

Не все сразу, но по немногу, Государыня разсказывала мнѣ о своей молодости. Разговоры эти сблизили насъ, и она стала мнѣ еще дороже. Офицеры яхты говорили мнѣ, что я проломила стѣну, столько лѣтъ окружавшую Государыню. Государь сказалъ мнѣ, прощаясь въ концѣ плаванія : « Теперь Вы абонированы ѣздить съ нами ». Но до-

роже всего были мнѣ слова моей Государыни : « Благодарю Бога, что Онъ послалъ мнѣ друга », сказала она, протягивая мнѣ руки. Такимъ другомъ я и осталась при ней, не фрейлиной, не придворной дамой, а просто другомъ.

Въ этомъ году на яхту пріѣзжалъ графъ Витте послѣ заключенія мира съ Японіей. Видѣла его за обѣдомъ, передъ которымъ онъ получилъ графское достоинство ; онъ взошелъ вслѣдъ за Государемъ сіяющій и во время обѣда разсказывалъ о своихъ впечатлѣніяхъ въ Америкѣ.

III.

Вернувшись въ Петроградъ, на слѣдующій день Императрица вызвала меня въ Нижній Дворецъ у моря, гдѣ Ихъ Величества жили совсѣмъ одни безъ свиты. Въ крошечномъ кабинетѣ, съ свѣтлой ситцевой мебелью и массой цвѣтовъ, горѣлъ каминъ : Императрица, какъ сейчасъ помню, стояла въ сѣрой шелковой блузочкѣ. Обнявъ меня, она шутя спросила : хотѣла ли я ее повидать сегодня ? Шелъ сильный дождь, въ комнатѣ же у огня было тепло и уютно. Императрица показывала мнѣ всѣ свои книги, прочитанныя и переписанныя мѣста изъ ея любимыхъ авторовъ, фотографіи родныхъ, весь міръ, въ которомъ она жила. За письменнымъ столомъ изъ свѣтлаго дерева стоялъ портретъ во весь ростъ ея покойнаго отца.

Черезъ нѣсколько дней послѣ нашего возвращенія я уѣхала съ семьей заграницу. Мы остановились сперва въ Карлсруэ у родныхъ, затѣмъ поѣхали въ Парижъ. Государыня передала мнѣ письма къ ея брату, Великому Герцогу Гессенскому, и ея старшей сестрѣ, принцессѣ Викторіи Батенбергской. Великій Герцогъ находился въ имѣніи Вольфсгартенъ. Дворецъ Герцога окружалъ обширный садъ и паркъ, устроенный по его плану и рисункамъ. Послѣ завтрака, во время котораго Великій Герцогъ распрашивалъ меня о Государынѣ и ея жизни, я гуляла въ саду съ госпожей Гранси, гофмейстериной Гессенскаго Двора, милой и любезной особой. Она показала мнѣ игрушки и вещицы, принадлежавшія маленькой Принцессѣ Елизаветѣ, единственной дочери Великаго Герцога, по первому браку, которая скончалась въ Россіи отъ остраго заболѣванія. Видѣла я и бѣлый мраморный памятникъ, воздвигнутый Гессенцами въ ея память. Ко второму завтраку, на который меня пригласили, пріѣхала Принцесса Викторія Батенбергская съ ея дѣтьми, красавицей Принцессой Луизой и маленькимъ сыномъ. Меня занималъ этикетъ при Гессенскомъ Дворѣ : Принцесса Батенбергская присѣдала передъ своей молодой невѣсткой, Принцессой Элеонорой. Принцесса Викторія отличалась большимъ умомъ, но говоряла

настолько быстро, что многое терялось въ ея рѣчи ; она меня распрашивала о русской политикѣ, что ставило меня въ затрудненіе, такъ какъ я мало что знала на этотъ счетъ. Она пригласила меня и мою сестру завтракать къ ней въ Югенгеймъ, въ окрестностяхъ Дармштадта. И братъ и сестра моей Государыни снабдили меня письмами, я взяла съ собой въ Парижъ, не зная, что не скоро мнѣ придется ихъ передать по назначенію.

Пока мы пріятно проводили время заграницей, въ Россіи назрѣвало народное неудовольствіе, вызванное революціонной пропагандой. Безпорядки начались забастовкой желѣзныхъ дорогъ, стачками рабочихъ и разными революціонными демонстраціями. Все это намъ мѣшало вернуться въ Россію, но мы еще тогда не понимали, къ чему все это можетъ повести. Сознавая тяжелое положеніе родины, я все время думала о Государѣ, который долженъ былъ водворять порядокъ въ государствѣ, и стремилась назадъ къ Государынѣ, которая раздѣляла всѣ его заботы.

О Манифестѣ 17 октября мы еще тогда ничего не слыхали. Манифестъ этотъ, ограничивающій права самодержавія и создавшій Государственную Думу, былъ данъ Государемъ послѣ многочисленныхъ совѣщаній, а также и потому, что на этомъ настаивали Великій Князь Николай Николаевичъ и графъ Витте. Государь не сразу согласился на этотъ шагъ не потому, что Манифестъ ограничивалъ права самодержавія, но его останавливала мысль, что Русскій народъ еще вовсе не подготовленъ къ представительству и самоуправленію, что народныя массы находятся еще въ глубокомъ невѣжествѣ, а интеллигенція преисполнена революціонныхъ идей. Я знаю, какъ Государь желалъ, чтобы народъ его преуспѣвалъ въ культурномъ отношеніи, но въ 1905 г. онъ сомнѣвался, что полная перемѣна въ государственномъ управленіи можетъ принести пользу странѣ. Въ концѣ концовъ его склонили подписать Манифестъ. Императрица разсказывала, что она сидѣла въ это время съ Великой Княжной Анастасіей Николаевной, и у нихъ такое было чувство, какъ будто рядомъ происходятъ тяжелые роды. Слышала я тоже, что будто, когда Государь, сильно взволнованный, подписывалъ указъ о Государственной Думѣ, министры встали и ему поклонились. Государь и Государыня горячо молились, чтобы народное представительство привело Россію къ спокойствію и порядку.

Открылась Государственная Дума послѣ Высочайшаго выхода въ Зимнемъ Дворцѣ. Я съ другими была въ Тронномъ Залѣ и слышала, какъ Государь привѣтствовалъ членовъ Думы. Мало осталось у меня въ памяти о первой Думѣ ; много было разговоровъ, а дѣла мало. Она

была закрыта по Высочайшему указу послѣ двухъ мѣсяцевъ существованія. Газеты были полны сообщеніями о событіяхъ, происходившихъ на Руси, но до Дворца доходили лишь слабые отклики.

Государыня и я брали уроки пѣнія у профессора Консерваторіи Н. А. Прецкой. У Императрицы было чудное контральто, у меня высокое сопрано, и мы постоянно вмѣстѣ пѣли дуэты. Прецкая говорила о голосѣ Императрицы, что она могла бы имъ зарабатывать хлѣбъ. Пѣла съ нами иногда моя сестра тріо Шумана, Рубинштейна и другъ. Пѣла Государыня и подъ акомпаниментъ скрипки. Иногда пріѣзжалъ изъ Англіи знакомый Государынѣ скрипачъ Вольфъ, и мы много занимались музыкой. Въ Петроградѣ мы брали уроки пѣнія обыкновенно въ Фермерскомъ Дворцѣ, такъ какъ Царицыно піанино стояло стѣна объ стѣну съ кабинетомъ Государя, а онъ вообще не любилъ, когда Императрица пѣла, почему никогда не приходилъ ее слушать.

Лѣтомъ, когда Дума кончила свое короткое существованіе, мы снова ушли въ шхеры на два мѣсяца на любимой яхтѣ Ихъ Величествъ «Штандартъ». Государь ежедневно гулялъ на берегу, два раза въ недѣлю пріѣзжалъ фельдъегерь съ бумагами, и тогда онъ занимался цѣлый день. Государыня съѣзжала также на берегъ и гуляла въ лѣсу. Мы постоянно были вмѣстѣ, читали, сидя на легкомъ мху или, сидя на палубѣ, наблюдали какъ рѣзвились и играли дѣти. Къ каждому изъ нихъ былъ приставленъ матросъ изъ команды дядькой. Матросъ Деревенко въ первый разъ нянчилъ Алексѣя Николаевича на Полярной Звѣздѣ въ 1905 г., научилъ его ходить и затѣмъ былъ взятъ къ нему во дворецъ. Эти матросы получали цѣнные подарки отъ Ихъ Величествъ: золотые часы и т. п. Къ сожалѣнію и знаменитый Деревенко во время революціи покинулъ Наслѣдника.

Дни моего дежурства при Государынѣ были среды и пятницы. Тогда я на цѣлый день уѣзжала въ Царское Село, обѣдала съ Августѣйшей семьей и ночевала въ дворцѣ. Часто обѣдалъ у нихъ Свиты Его Величества генералъ Орловъ, командиръ Уланскаго Ея Величества полка, единственный близкій другъ Государя. Послѣ обѣда Государь и генералъ играли обыкновенно на билліардѣ, мы же съ Государыней, сидя въ той же комнатѣ, работали у лампы. Ѣздилъ генералъ Орловъ съ нами лѣтомъ и въ шхеры. Меня уже всѣ тогда ревновали къ Ихъ Величествамъ, начались всевозможныя сплетни и разговоры, и я часто говорила о всемъ этомъ съ Орловымъ, который сталъ моимъ искреннимъ другомъ. Переживая впослѣдствіи уже не пустяки, а тяжелыя испытанія, я вспоминала его голосъ, убѣждавшій меня «быть молодцомъ»

Въ семейномъ кругу часто говорили о томъ, что мнѣ пора выйти замужъ, но никто изъ молодежи, которая бывала у насъ, не плѣнялъ моего воображенія. Среди другихъ часто бывалъ у насъ морской офицеръ Александръ Вырубовъ. Въ декабрѣ онъ сдѣлалъ мнѣ предложеніе письмомъ изъ деревни, которое меня сильно взволновало и смутило. Пріѣхавъ въ Петербургъ, онъ сталъ ежедневно бывать у насъ и терзалъ меня, умоляя скорѣе дать ему согласіе. За однимъ изъ завтраковъ въ февралѣ 1907 г., когда онъ пришелъ сказать, что нашелъ себѣ службу, меня поздравили его невѣстой. Всѣ въ домѣ и Вырубовъ сіяли отъ радости, начались обѣды, визиты, приготовленіе приданнаго. Меня осыпали подарками и мнѣ казалось, что я счастлива. Государыня тоже одобрила мою помолвку. Только Орловъ выразилъ сомнѣніе, совѣтуя мнѣ серьезно обдумать этотъ шагъ. Это случилось во время моего дежурства въ дворцѣ и Государыня, войдя въ комнату, рѣшительно сказала, что нельзя меня смущать, разъ слово уже дано.

Свадьба моя была 30 апрѣля 1907 г. въ церкви Большого Царскосельскаго Дворца. Я не спала всю ночь и встала утромъ съ тяжелымъ чувствомъ на душѣ. Весь этотъ день прошелъ какъ сонъ. Меня одѣвали въ одной изъ запасныхъ половинъ Большого Дворца. Какъ во снѣ встала я на колѣни передъ Ихъ Величествами, благословившими меня иконой, затѣмъ началось шествіе по заламъ, какъ на выходѣ. Шествіе открывалъ оберъ-церемоніймейстеръ графъ Гендриковъ, за нимъ шествовали Ихъ Величества подъ руку, потомъ шелъ мой мальчикъ съ образомъ. графъ Карловъ, и наконецъ я, подъ руку съ отцомъ. Подымаясь по лѣстницѣ, Государь обернулся и, вѣроятно замѣтивъ мое грустное выраженіе, улыбнулся, глазами показывая на небо. Во время вѣнчанья чувствовала себя чужой возлѣ своего жениха. Въ Золотой Дворцовой церкви было немного народу. Налѣво стояли Ихъ Величества, окруженные дѣтьми, Великими Княжнами, и дѣти Великаго Князя Павла Александровича. Одинъ изъ нихъ, Великій Князь Дмитрій Павловичъ, принявшій впослѣдствіи участіе въ убійствѣ Распутина, въ день моей свадьбы былъ очаровательный мальчикъ. Гостей звали только, кажется, по выбору Ихъ Величествъ. Въ залѣ, гдѣ поздравляли, произошелъ забавный случай: старикъ-священникъ Благовѣщенскій, вѣнчавшій насъ, обнялъ меня и одного изъ моихъ шаферовъ, принявъ его за жениха, назвавъ насъ «дорогими дѣтьми». Послѣ обряда бракосочетанія мы пили чай у Ихъ Величествъ. Прощаясь, Императрица по обыкновенію тихонько передала мнѣ письмо, полное ласки и добрыхъ совѣтовъ на счетъ моей будущей жизни. Какимъ ангеломъ она казалась мнѣ въ тотъ день,

и тяжело было съ ней разстаться. У родителей былъ семейный обѣдъ, послѣ котораго мы уѣхали въ деревню, въ Пензенскую губернію.

Тяжело женщинѣ говорить о бракѣ, который съ самаго начала оказался неудачнымъ, и я только скажу, что мой бѣдный мужъ страдалъ наслѣдственной болѣзнью. Нервная система мужа была сильно потрясена послѣ Японской войны и гибели флота у Цусимы ; бывали минуты, когда онъ не могъ совладать съ собой, цѣлыми днями лежалъ въ постели, ни съ кѣмъ не разговаривая. Помню, какъ во время одного изъ припадковъ я позвонила вечеромъ Государынѣ, напуганная его видомъ. Императрица, къ моему удивленію, пришла сейчасъ же пѣшкомъ изъ дворца, накинувъ пальто сверхъ открытаго платья и просидѣла со мной цѣлый часъ, пока я не успокоилась.

Въ августѣ Ихъ Величества пригласили насъ сопровождать ихъ на Штандартѣ во время путешествія по финскимъ шхерамъ. Тутъ случилось несчастье, трудно объяснимое, такъ какъ на Штандартѣ всегда находились лоцмана. Былъ чудный солнечный день. Въ четыре часа всѣ собрались въ верхней рубкѣ къ дневному чаю, какъ вдругъ мы почувствовали два сильныхъ толчка ; чайный сервизъ задребезжалъ и посыпался со стола. Императрица вскрикнула, мы всѣ вскочили. яхту начало кренить на правый бортъ ; въ одну минуту вся команда собралась на лѣвый бортъ и стали заботиться о Ихъ Величествахъ и дѣтяхъ. Государь успокаивалъ всѣхъ, говоря что мы просто сѣли на камень. Матросъ Деревенко кинулся съ Наслѣдникомъ на носъ корабля, боясь разрыва котловъ, что легко могло случиться. Моментально у праваго борта стали миноносцы, конвоирующіе яхту, и дѣтей съ ихъ няньками перевели на финскій корабль. Государыня и я бросились въ каюты и съ поспѣшностью стали связывать всѣ вещи въ простыни; мы съѣхали съ яхты послѣдними, перейдя на транспортное судно «Азія». Дѣтей уложили въ большую каюту, Императрица съ Наслѣдникомъ помѣстилась рядомъ, а Государь и свита въ каютахъ наверху. Всюду была неимовѣрная грязь. Помню, какъ Государь принесъ Императрицѣ и мнѣ тазъ съ водой, чтобы помыть руки. Поваръ Кюба все же смастерилъ обѣдъ, и мы сѣли за столъ около 12 ч. ночи. На слѣдующій день пришла яхта «Александрія», на которую мы и перешли и жили двѣ недѣли очень тѣсно, пока не пришла «Полярная Звѣзда». На яхтѣ «Александрія» Государь спалъ въ рубкѣ на диванѣ, дѣти въ большой каютѣ, кромѣ Алексѣя Николаевича. Напротивъ — Государыня, около нея — Наслѣдникъ съ М. И. Вишняковой. Я спала рядомъ на диванѣ. Наверху въ двухъ маленькихъ каютахъ помѣщались княжна Оболенская и адмиралъ Нилов. Свита, въ томъ числѣ и мой мужъ, остались на фин-

скомъ кораблѣ. Бѣдный «Штандартъ» лежалъ на боку. День и ночь работали машины, чтобы снять его со скалы.

Послѣ нашего возвращенія въ Петроградъ, мужу стало хуже, и доктора отправили его въ Швейцарію. Но пребываніе тамъ ему не помогло, а я все больше и больше его боялась... Весной онъ получилъ службу на кораблѣ. Послѣ года тяжелыхъ переживаній и униженій несчастный бракъ нашъ былъ расторгнутъ. Я осталась жить въ крошечномъ домѣ въ Царскомъ Селѣ, который мы наняли съ мужемъ; помѣщеніе было очень холодное, такъ какъ не было фундамента и зимой дуло съ пола. Государыня подарила мнѣ къ свадьбѣ шесть стульевъ, съ ея собственной вышивкой, акварели и прелестный чайный столъ. У меня было очень уютно. Когда Ихъ Величества пріѣзжали вечеромъ къ чаю, Государыня привозила въ карманѣ фрукты и конфекты, Государь «шери-бренди». Мы тогда сидѣли съ ногами на стульяхъ, чтобы не мерзли ноги. Ихъ Величествъ забавляла простая обстановка. Сидя у камина, пили съ сушками чай, который приносилъ мой вѣрный слуга Берчикъ, камердинеръ покойнаго дѣрушки Толстого, прослужившій 45 лѣтъ въ семьѣ. Помню, какъ Государь, смѣясь, сказалъ потомъ, что послѣ чая у меня въ домикѣ, онъ согрѣлся только у себя въ ванной.

Во время плаванія въ слѣдующемъ году пріѣхалъ прощаться съ Ихъ Величествами передъ отъѣздомъ въ Египетъ генералъ Орловъ, заболѣвшій скоротечной чахоткой. Его похоронили въ Царскомъ Селѣ, и Императрица иногда ѣздила на его могилу отвозить цвѣты. Эти рѣдкія поѣздки на Казанское кладбище наводнили столицу цѣлымъ потокомъ силетней. Бѣдный генералъ, подобно мнѣ, страдалъ отъ зависти придворныхъ, которые по своему старались истолковать милостивое къ нему отношеніе. Горе Ихъ Величествъ по случаю смерти генерала было чистосердечно и глубоко.

IV.

Осенью 1909 г. въ первый разъ была въ Ливадіи, любимомъ мѣстопребываніи Ихъ Величествъ, на берегу Чернаго моря. Съ Сѣвера Ливадія защищена высокими горами, потому климатъ здѣсь почти тропическій. Государь не желалъ, чтобы желѣзная дорога нарушила тишину Ливадіи и отклонялъ проекты желѣзныхъ дорогъ въ Крыму. Трудно описать красоту этого мѣста, на фонѣ обросшихъ густыми лѣсами горъ, вершины которыхъ большую часть года покрыты снѣгомъ, растилающіеся цвѣтущіе сады и виноградники. Осенью полное изобиліе винограда и всевозможныхъ фруктовъ, весной неисчислимое количество цвѣтущихъ деревьевъ, кустовъ, а всего больше розановъ : розаны, розаны всѣхъ сортовъ, всѣхъ цвѣтовъ ; ими покрыты всѣ стѣны строеній, всѣ склоны горъ: въ паркѣ, лужайки, бесѣдки. И тутъ же рядомъ — глициніи, море фіалокъ, цѣлыя аллеи золотого дождя, по мѣстамъ такой одуряющій ароматъ, что голова кружилась. А какое горячее солнце и синее море ! Какъ могу я нарисовать волшебную картину Крыма ? ! Татары въ своихъ живописныхъ костюмахъ, женщины въ шитыхъ золотомъ платьяхъ, бѣлыя мечети въ аулахъ, придавали особую поэзію мѣстности.

Дворецъ въ 1909 г. имѣлъ видъ большого деревяннаго зданія съ навѣсными балконами, такъ что въ комнатахъ было всегда темно и сыро, особенно же сыро было внизу, въ бывшихъ покояхъ Императрицы Маріи Александровны, со старинной шелковой мебелью и разными бездѣлушками. Государь и дѣти ежедневно завтракали со свитой внизу въ большой бѣлой столовой, единственной свѣтлой комнатѣ ; Государыня завтракала наверху одна или съ Алексѣемъ Николаевичемъ. Послѣднее время у Императрицы все чаще и чаще повторялись сердечные припадки, но она ихъ скрывала и была недовольна, когда я замѣчала ей, что у нея постоянно синѣютъ руки и она задыхается. « Я не хочу, чтобъ объ этомъ знали », — говорила она. Помню, какъ я была рада, когда она наконецъ позвала доктора. Выборъ остановился на

Е. С. Боткинѣ, врачѣ Георгіевской общины, котораго она знала съ Японской войны, — о знаменитостяхъ она и слышать не хотѣла. Императрица приказала мнѣ позвать его къ себѣ и передать ея волю. Докторъ Боткинъ былъ очень скромный врачъ и не безъ смущенія выслушалъ мои слова. Онъ началъ съ того, что положилъ Государыню на три мѣсяца въ постель, а потомъ совсѣмъ заретилъ ходить, такъ что ее возили въ креслѣ по саду. Докторъ говорилъ, что она надорвала сердце, скрывая свое плохое самочувствіе. Ихъ Величества не смѣли болѣть, какъ простые смертные, — малѣйшій ихъ шагъ замѣчался, и они часто пересиливали себя, чтобы присутствовать на обѣдѣ или завтракѣ или появляться въ оффиціальныхъ случаяхъ.

Жизнь въ Ливадіи была простая. Мы гуляли, ѣздили верхомъ, купались въ морѣ. Государь обожалъ природу, совсѣмъ перерождался ; часами мы гуляли въ горахъ, въ лѣсу, брали съ собой чай и на кострѣ жарили собранные нами грибы. Государь ѣздилъ верхомъ и ежедневно игралъ въ теннисъ; я всегда была его партнеромъ, пока Великія Княжны были еще маленькія, и волновалась, такъ какъ онъ отлично игралъ и терпѣть не могъ проигрывать. Онъ относился очень серьезно къ игрѣ, не допуская даже разговаривать ; играя съ нимъ, я, какъ сказала, на первыхъ порахъ нервничала, но послѣ приловчилась. Вообще Государь любилъ всякій спортъ, прекрасно гребъ, очень любилъ охоту и былъ неутомимъ на прогулкахъ.

Въ Ливадію пріѣзжалъ Эмиръ Бухарскій. Онъ привезъ Ихъ Величествамъ всевозможные подарки : ожерелья, браслеты съ алмазами и рубинами. Свита получила ордена и звѣзды, украшенныя камнями.

20-го октября, въ день кончины Императора Александра III, была панихида въ комнатѣ, гдѣ онъ почилъ, въ его маленькомъ дворцѣ ; всѣ стояли вокругъ его кресла, покрытаго чернымъ сукномъ.

Мы прожили до середины декабря ; стало холодно, въ горахъ выпалъ снѣгъ. Государь уѣхалъ въ Италію, въ Раконинджи, къ королю итальянскому. Это была первая при мнѣ разлука Ихъ Величествъ. Простившись съ Государемъ, Ея Величество цѣлый вечеръ плакала, замкнувъ свою комнату ; никто, даже дѣти, не входили къ ней. Во зато радости свиданія не было границъ. « Къ сожалѣнію, намъ всегда приходится разставаться и встрѣчаться при другихъ », — говорила она, « при свитѣ и публикѣ ».

Осенью заболѣлъ Наслѣдникъ. Всѣ въ дворцѣ были подавлены страданіемъ бѣднаго мальчика. Ничто не помогало ему, кромѣ ухода и заботъ его матери. Окружающіе молились въ маленькой дворцовой церкви. Иногда мы пѣли во время всенощной и обѣдни ; Ея Величество.

старшія Великія Княжны, я и двое пѣвчихъ изъ придворной капеллы. Фрейлина Тютчева читала шестопсалміе. Императрица обидѣлась, когда присутствующіе замѣтили, что лучше всѣхъ читаетъ С. А. Тютчева. — Среди горестныхъ переживаній болѣзни Алексѣя Николаевича пріѣзжалъ съ докладомъ дорогой мой отецъ. Къ Рождеству мы вернулись въ Царское Село. До отъѣзда Государь нѣсколько разъ гулялъ въ солдатской походной формѣ, желая на себѣ самомъ испытать тяжесть амуниціи. Было нѣсколько забавныхъ случаевъ, когда часовые, не узнавъ Государя, не хотѣли впустить его обратно въ Ливадію.

Въ слѣдующій разъ, когда мы вернулись въ Ливадію (1911), старый дворецъ уже не существовалъ, а на его мѣстѣ былъ построенъ новый дворецъ архитекторомъ Красновымъ, тѣмъ самымъ, который выстроилъ дома въ имѣніяхъ Великаго Князя Георгія Михайловича и Великаго Князя Николая Николаевича. Въ самомъ дѣлѣ построить въ два года не только дворецъ, который былъ одинъ изъ самыхъ красивыхъ на южномъ берегу Крыма, но вмѣстѣ съ тѣмъ огромный свитскій домъ и службы, — цѣлый городъ, было почти волшебствомъ. Отправляясь въ Крымъ, Ихъ Величества радовались увидѣть новый дворецъ. На яхтѣ Штандартъ» мы подошли къ молу въ Ялтѣ и слѣдомъ за Ихъ Величествами поѣхали въ Ливадію. На набережной пестрая толпа народа, флаги и горячее южное солнце; впереди коляски Ихъ Величествъ сказалъ татаринъ въ шитомъ золотомъ кафтанѣ, на лихомъ иноходцѣ. Въ Крыму испоконъ вѣку передъ коляской Ихъ Величествъ скакалъ татаринъ, расчищая путь на горныхъ дорогахъ, гдѣ изъ за частыхъ поворотовъ, легко можно было налетѣть на встрѣчныя татарскія арбы. Впослѣдствіе появились моторы, и Государь требовалъ необычайно быстрой ѣзды. Господь хранилъ Государя, но ѣзда захватывала духъ ; шоферъ его, французъ Кегрессъ, ѣздилъ лихо, но умѣло.

Когда мы проѣхали виноградники, глазамъ нашимъ представился новый дворецъ — бѣлое зданіе въ Итальянскомъ стилѣ — окруженный цвѣтущими кустами на фонѣ синяго моря. Ихъ Величества прошли прямо въ дворцовую церковь, гдѣ былъ отслуженъ молебенъ, и вслѣдъ за духовенствомъ, которое кропило зданіе, послѣдовали въ свои помѣщенія. Первые дни были посвящены устройству комнатъ и размѣщенію оставшихся и привезенныхъ вещей. Я много помогла Императрицѣ развѣшивать образа, акварели, разставлять фотографіи и т. д. Спальня Ихъ Величествъ выходила на большой балконъ съ видомъ на море; налѣво въ угловой комнатѣ былъ кабинетъ Императрицы, уютный, съ окнами на Ялту, съ свѣтлой мебелью и массой цвѣтовъ; направо отъ спальни находился кабинетъ Государя съ зеленой кожанной ме-

бѣлью и большимъ письменнымъ столомъ посреди комнаты. Наверху помѣщалась также семейная столовая, комнаты Великихъ Княженъ и Наслѣдника и ихъ нянь и большая бѣлая зала. Внизу были пріемная, гостинная, комнаты для гостей и огромная столовая, выходящая на Мавританскій дворикъ, гдѣ вокругъ колодца были посажены розаны. Государь имѣлъ обыкновеніе послѣ завтрака курить на этомъ дворикѣ, разговаривая съ приглашенными.

Въ эту осень Ольгѣ Никоваевнѣ исполнилось 16 лѣтъ, срокъ совершенолѣтія для Великихъ Княженъ. Она получила отъ родителей разныя брилліантовыя вещи и колье. Всѣ Великія Княжны 16 лѣтъ получали жемчужныя и брилліантовыя ожерелья, но Государыня не хотѣла, чтобы Министерство Двора тратило столько денегъ сразу на ихъ покупку Великимъ Княжнамъ и придумала такъ, что онѣ два раза въ годъ, въ дни рожденія и именинъ, получали по одному брилліанту и по одной жемчужинѣ. Такимъ образомъ у Великой Княжны Ольги Николаевны образовались два колье по 32 камня, собранныхъ для нея съ малаго дѣтства. Вечеромъ былъ балъ, одинъ изъ самыхъ красивыхъ баловъ при Дворѣ. Танцовали внизу въ большой столовой, — оркестръ трубачей мѣстнаго гарнизона стоялъ въ Мавританскомъ дворикѣ. Въ огромныя стеклянныя двери, открытыя настежъ, смотрѣла южная, благоухающая ночь. Приглашены были всѣ Великіе Князья съ семьями, офицеры мѣстнаго гарнизона и знакомые, проживавшіе въ Ялтѣ. Великая Княжна Ольга Николаевна, первый разъ въ длинномъ платьѣ изъ мягкой розовой матеріи, съ бѣлокурыми волосами, красиво причесанная, веселая и свѣжая, какъ цвѣточекъ, была центромъ всеобщаго вниманія. Она была назначена шефомъ одного изъ гусарскихъ полковъ, что особенно ее обрадовало. Послѣ бала былъ ужинъ за маленькими круглыми столами. Разрѣшено было и маленькимъ Великимъ Княжнамъ присутствовать на балу, и онѣ очень веселились, порхая, какъ бабочки среди приглашенныхъ. Второй балъ былъ въ декабрѣ. Въ эту зиму Великія Княжны танцовали на двухъ балахъ, въ Аничковомъ дворцѣ и у Великой Княгини Маріи Павловны. Самыя счастливыя воспоминанія связаны съ Ливадіей и бѣлымъ новымъ дворцомъ. Ихъ Величества ѣздили туда весной 1912, 1913 и 1914 гг.

Въ 1912 году пріѣхали въ Вербную Субботу, цвѣли всѣ фруктовыя деревья, и къ всеночной вмѣсто вербы мы стояли съ вѣтками цвѣтущаго миндаля. Два раза въ день были службы въ дворцовой церкви. Въ Великій Четвергъ Ихъ Величества и мы всѣ причащались. Ея Величество, какъ всегда, въ бѣломъ платьѣ и бѣлой накол-

кѣ. Трогательная картина была, когда, приложившись къ Св. Иконѣ, она клапялась на три стороны присутствующимъ. Маленькій Алексѣй Николаевичъ бережно помогалъ матери встать съ колѣнъ послѣ земныхъ поклоновъ у Св. Иконъ. Въ Святую ночь, когда шли крестнымъ ходомъ вокругъ дворика, стало вдругъ холодно и вѣтеръ задувалъ свѣчи. Въ свѣтлое Христово Воскресенье въ продолженіи двухъ часовъ Ихъ Величества христосовались, Государь съ нижними чинами охраны, полиціи, конвоя, команды яхты Штандартъ и т. д. Императрица—съ дѣтьми мѣстныхъ школъ. Мы стояли за стекляными дверями столовой, наблюдая, какъ подходившіе получали изъ рукъ Ихъ Величествъ фарфоровыя яйца съ вензелями. Государь и Государыня чувствовали себя послѣ этой церемоніи утомленными.

Жизнь въ Ливадіи была сплошнымъ праздникомъ. Этой весной гостили братъ Государыни Принцъ Эрнестъ съ супругой и дѣтьми; пріѣзжала Великая Княгиня Елизавета Ѳеодоровна, въ своемъ красивомъ костюмѣ Марфо-Маріинской общины. Для нея служили литургію въ дворцовой церкви въ Ореандѣ. Гостилъ Великій Князь Дмитрій Павловичъ. Пріѣхалъ старый князь Голицынъ, подарившій Государю часть своего имѣнія «Новый Свѣтъ», куда мы ѣздили на яхтѣ «Штандартъ». Ѣздили мы въ Гагры по приглашенію Принца Ольденбургскаго. Въ этотъ день былъ свѣжій вѣтеръ и у Кавказскаго берега сильно качало. Къ нашему общему разочарованію Императрица рѣшила не съѣзжать на берегъ, такъ какъ плохо себя чувствовала; укачало и Великую Княжну Татьяну Николаевну. Встрѣча Государя была своеобразная и красивая. Государь посѣтилъ народный праздникъ ,устроенный въ честь его пріѣзда; на кострахъ жарили воловъ на вертелахъ, хорошенькія княжны танцовали въ національныхъ костюмахъ, но къ сожалѣнію накрапывалъ дождикъ . Государь былъ въ прекрасномъ настроеніи духа и послѣ часто вспоминалъ Гагры.

Описывая жизнь въ Крыму, я должна сказать, какое горячее участіе принимала Государня въ судьбѣ туберкулезныхъ, пріѣзжавшихъ лѣчиться въ Крымъ. Санаторіи въ Крыму были стараго типа. Осмотрѣвъ ихъ всѣ въ Ялтѣ, Государыня рѣшила сейчасъ же построить на свои личныя средства въ ихъ имѣніяхъ санаторіи со всѣми усовершенствованіями, что и было сдѣлано. Часами я разѣзжала по приказанію Государыни по больницамъ, распрашивая больныхъ отъ имени Государыни о всѣхъ ихъ нуждахъ. Сколько я возила денегъ отъ Ея Величества на уплату леченія неимущимъ. Если я находила какой нибудь вопіющій случай одиноко умирающаго больного, Императрица сейчасъ же заказывала автомобиль и отправлялась со мной лично

привозя деньги, цвѣты, фрукты, а главное — обаяніе, которое она всегда умѣла внушить въ такихъ случаяхъ, внося съ собой въ комнату умирающаго столько ласки и бодрости. Сколько я видѣла слезъ благодарности! Но никто объ этомъ не зналъ; Государыня запрещала мнѣ говрить объ этомъ. Императрица соорганизовала четыре большихъ базара въ пользу туберкулезныхъ въ 1911, 1912, 1913 и 1914 гг.; они принисли массу денегъ. Она сама работала, рисовала и вышивала для базара, и, не смотря на свое некрѣпкое здоровье, весь день стояла у кіоска, окруженная огромной толпой народа. Полиціи было приказано пропускать всѣхъ, и люди давили другъ друга, чтобы получить что нибудь изъ руки Государыни или дотронуться до ея платья; она не уставала продавать вещи, которыя буквально вырывали изъ ея рукъ. Маленькій Алексѣй Николаевичъ стоялъ возлѣ нея на прилавкѣ, протягивая ручки съ вещами восторженной толпѣ. Въ день «бѣлаго цвѣтка» Императрица отправлялась въ Ялту въ шарабанчикѣ съ корзинами бѣлыхъ цвѣтковъ; дѣти сопровождали ее пѣшкомъ. Восторгу населенія не было предѣла. Народъ, въ то время, не тронутый революціонной пропагандой, обожалъ Ихъ Величества, и это никогда нельзя забыть.

V.

Кромѣ пребыванія Ихъ Величествъ въ Ливадіи, которыя я описала, Государь и Государыня обыкновенно каждый годъ, какъ я уже говорила, уходили на яхтѣ «Штандартъ» въ шхеры, а также посѣщали родственниковъ, проживающихъ заграницей. Въ 1910 году Ихъ Величества направились въ Балтійскій Портъ. Стоянка не важная, рейдъ со стороны моря открытый, такъ что малѣйшій вѣтеръ разводитъ сильное волненіе. Оттуда пошли въ Ригу. За исключеніемъ Государя насъ всѣхъ почти укачало. Пріемъ въ Ригѣ былъ замѣчательный. Ихъ Величества говорили, что они долго будутъ помнить эти дни. Затѣмъ ушли въ Финляндскія шхеры. Сюда прибыли король и королева Шведскіе — визитъ былъ оффиціальный. Императрица радовалась встрѣчѣ съ королевой, которую она очень любила. У насъ на яхтѣ былъ обѣдъ, а на шведскомъ кораблѣ завтракъ. Во время завтрака я сидѣла возлѣ шведскаго адмирала; послѣдній въ этотъ день былъ удрученъ несчастнымъ случаемъ на ихъ кораблѣ: одинъ изъ матросовъ былъ нечаянно убитъ во время салюта.

Осенью Ихъ Величества уѣхали въ Наугеймъ, надѣясь, что пребываніе тамъ возстановитъ здоровье Государыни. Въ день ихъ отъѣзда изъ Петергофа погода стояла холодная и дождливая. Ихъ Величества отъѣзжали изъ Россіи въ удрученномъ настроеніи, озабоченные къ тому же серьезнымъ состояніемъ здоровья Императрицы. Государь говорилъ: «Я готовъ сѣсть въ тюрьму, лишь бы Ея Величество была здорова!» И слуги всѣ раздѣляли безпокойство о ея здоровьѣ; они стояли на лѣстницѣ, и Ихъ Величества, проходя, съ ними прощались: всѣ цѣловали Государя въ плечо, а Государынѣ руку.

Я почти ежедневно получала письма изъ Фридберга, гдѣ жили Ихъ Величества. Императрица писала мнѣ каждый день, писали и дѣти и Государь, описывая ихъ жизнь и поѣздки. Въ одномъ изъ писемъ Государыня просила меня пріѣхать въ Гомбургъ, гдѣ лѣчился мой отецъ, чтобы быть отъ нея не вдалекѣ. Пріѣхавъ, я позвонила по те-

лефону въ Фридбергъ, и на другой день Императрица прислала за мной моторъ. Я нашла Императрицу похудѣвшей и утомленной леченьемъ. Пришелъ Государь въ штатскомъ платьѣ; съ непривычки было какъ то странно его такъ видѣть, хотя въ то же время очень забавляло. Императрица ѣздила съ дочерьми въ Наугеймъ, любовалась магазинами и иногда заходила въ нихъ что нибудь купить.

Разъ какъ то пріѣхалъ въ Гомбургъ Государь съ двумя старшими Великими Княжнами; дали знать, чтобы я ихъ встрѣтила. Мы болѣе часу гуляли по городу. Государь не безъ удовольствія разсматривалъ выставленныя въ окнахъ магазиновъ вещи. Вскорѣ, однако, насъ обнаружила полиція : откуда то взялся фотографъ и снятая съ насъ фотографія появилась затѣмъ на страницахъ журнала «Die Woche».

Послѣ случая съ фотографомъ Государь поспѣшилъ уѣхать; идя переулкомъ по направленію къ парку, мы столкнулись съ почтовымъ экипажемъ, съ котораго неожиданно свалился на мостовую ящикъ. Государь сейчасъ же сошелъ съ панели, поднялъ съ дороги тяжелый ящикъ и подалъ почтовому служащему; тотъ едва его поблагодарилъ. На мое замѣчаніе , зачѣмъ онъ безпокоится, Государь отвѣтилъ: «Чѣмъ выше человѣкъ, тѣмъ скорѣе онъ долженъ помагать всѣмъ и никогда въ обращеніи не напоминать своего положенія; такими должны быть и мои дѣти!»

Недолго спустя я вернулась съ отцомъ въ Россію, къ сестрѣ, у которой родился первый ребенокъ — Татьяна. Великая Княжна Татьяна Николаевна была крестной матерью. Императрица писала мнѣ, прося вернуться, и я опять уѣхала заграницу. Въ Фридбергѣ Ихъ Величества вышли ко мнѣ навстрѣчу очень веселые, говоря, что у нихъ для меня есть сюрпризъ. «Отгадайте!» — сказалъ Государь и затѣмъ добавилъ, что Великій Герцогъ приглашаетъ меня въ гости къ себѣ въ замокъ въ Фридбергѣ. Здѣсь встрѣтила меня гофмейстерина г. Гранси, и фрейлина Принцессы Батенбергской, Миссъ Каръ — веселая и умная дѣвушка; мнѣ отвели комнату рядомъ съ нею. Въ этотъ вечеръ за обѣдомъ я сидѣла между Государемъ и Великимъ Герцогомъ; противъ меня сидѣлъ Принцъ Генрихъ Прусскій, бывшій въ этотъ день въ дурномъ расположеніи духа; тутъ же были жена его, Принцесса Ирина, Принцесса Викторія Батенбергская и ея красивыя дочери — Принцесса Алиса Греческая, совсѣмъ глухая съ мужемъ, Принцесса Луиза и два сына Принца Генриха. Императрица обѣдала у себя, такъ какъ чувствовала себя утомленной послѣ своего леченія. Великій Герцогъ былъ очень талантливый музыкантъ, художникъ, человѣкъ либеральнаго образа мыслей и очень популярный въ герцогствѣ.

Жена его, Принцесса Елеонора — особа очень любезная, но молчаливая. Принцъ Генрихъ отличался очень вспыльчивымъ характеромъ, на видъ же былъ красивый, высокій мужчина. За вторымъ обѣдомъ я сидѣла возлѣ него, и онъ разсказалъ мнѣ о непріятностяхъ, которыя ему приходилось испытывать отъ брата, Императора Вильгельма, въ вопросахъ касавшихся флота, гдѣ служилъ Принцъ Генрихъ. Жена его, Принцесса Ирина, видимо было очень добрая, скромная женщина,

Замокъ Фридбергъ — старинное зданіе — выстроенъ на горѣ, съ видомъ на долину и на маленькій городокъ Наугеймъ. Особенныхъ увеселеній, кромѣ экскурсій въ моторѣ, не было. Императрицу я не много видала, но иногда вечеромъ, послѣ того, какъ всѣ расходились, Ихъ Величества приглашали меня къ себѣ; какъ то разъ Государь угощалъ насъ русскимъ чаемъ ; старикъ Рацихъ, его камердинеръ, приготовлялъ ему стаканъ чаю до сна. Государь шутя замѣтилъ, что обѣды здѣсь очень легкіе. Вообще же Государь очень умѣренно кушалъ у себя дома и никогда не повторялъ блюдъ.

Въ ноябрѣ Ихъ Величества вернулись въ Царское Село. Императрицѣ леченіе принесло пользу, и она чувствовала себя недурно; Ихъ Величества были очень рады быть снова у себя дома. Несмотря на свой холодный домикъ, я тоже была рада быть въ Царскомъ Селѣ.

Большую часть дня Императрица проводила у себя въ кабинетѣ, съ блѣдно-лиловой мебелью и такого же цвѣта стѣнами (любимый цвѣтъ Государыни). Оставшись вдвоемъ съ Государыней, я часто сидѣла на полу на коврѣ возлѣ ея кушетки, читая или работая. Комната эта была полна цвѣтовъ, кустовъ цвѣтущей сирени или розановъ, и въ вазочкахъ стояли цвѣты. Надъ кушеткой висѣла огромная картина «Сонъ Пресвятой Богородицы», освѣщенная по вечерамъ электрической лампой. Пресвятая Дѣва изображена на ней спящей, прислонившись къ мраморной колоннѣ; лиліи и ангелы стерегутъ ее. Подолгу я смотрѣла на этотъ прекрасный обликъ Богоматери, слушая чтеніе, разсказы, или раздѣляя заботы и переживанія наболѣвшей души моей Государыни и друга. Тишину этой комнаты нарушали звуки рояля сверху, гдѣ Великія Княжны поочередно разучивали одну и ту же пьесу, или же когда пробѣгутъ по коридору и задрожитъ хрустальная люстра. Иной разъ распахнется дверь, и войдетъ съ прогулки Государь. Я слышу его шаги, рѣдкіе и рѣшительные. Лицо Государыни, часто озабоченное, сразу прояснялось. Государь входилъ ясный, ласковый, съ сіяющими глазами. Зимой, стоя съ палочкой и рукавицами, нѣсколько минутъ разговаривалъ и уходя ее цѣловалъ. Около кушетки Государыни на низкомъ столѣ стояли семейныя фотографіи, лежали пись-

ма и телеграммы, которыя она складывала и такъ иногда и забывала, хотя близкимъ отвѣчала сейчасъ. Обыкновенно разъ въ мѣсяцъ горничная Маделенъ испрашивала позволеніе убрать корреспонденцію. Тогда Императрица принималась разбирать свои письма, и часто находила какое нибудь письмо или телеграмму очень нужную.

У Государя были комнаты съ другой стороны большого коридора: пріемная, кабинетъ, уборная съ бассейномъ, въ которомъ онъ могъ плавать, и бильліардная. Въ пріемной были разложены разныя книги. Кабинетъ Государя былъ довольно темный. Государь былъ очень аккуратенъ и педантиченъ. Каждая вещица на его письменномъ столѣ имѣла свое мѣсто, и не дай Богъ что нибудь сдвинуть. «Чтобы въ темнотѣ можно было бы найти», — говорилъ Государь. На письменномъ столѣ стоялъ календарь: на немъ онъ помѣчалъ лицъ, которымъ былъ назначенъ пріемъ. Около уборной находилось помѣщеніе его камердинера и гардеробъ. Въ бильліардной, на маленькой галлереѣ, сохранялись альбомы фотографій всего Царствованія. Ихъ Величества лично клеили свои альбомы, употребляя особый бѣлый клей, выписанный изъ Англіи. Государь любилъ, чтобы въ альбомѣ не было бы ни одного пятнышка клея, и, помогая ему, надо было быть очень осторожнымъ. Государыня и Великія Княжны имѣли свои фотографическіе аппараты. Фотографъ Ганъ вездѣ сопутствовалъ Ихъ Величествамъ, проявляя и печатая ихъ снимки. У Императрицы были большіе зеленые альбомы съ собственной золотой монограммой въ углу; лежали они всѣ въ ея кабинетѣ.

Императрица писала чрезвычайно быстро, лежа на кушеткѣ; она въ полъ часа могла отвѣтить на нѣсколько писемъ. Государь же писалъ очень медленно, Помню случай, какъ разъ въ Крыму онъ ушелъ въ два часа писать письмо матери и, вернувшись въ 5 часовъ къ чаю, сказалъ, что не окончилъ еще письма. Случилось это послѣ его поѣздки въ имѣніе Фальцфейна «Асканья Нова», и онъ въ своемъ письмѣ подробно описывалъ свои впечатлѣнія.

Жизнь при дворѣ въ тѣ годы была очень тихая. Императрица утромъ занималась, не вставая съ кровати, по предписанію врача. Въ часъ былъ завтракъ. Кромѣ Царской семьи къ нему приглашался дежурный флигель-адъютантъ и иногда какой нибудь гость. Послѣ завтрака Государь принималъ, а потомъ всегда до чая гулялъ. Я приходила къ Ея Величеству въ два съ половиной часа. Если погода стояла хорошая, мы катались, а то занимались чтеніемъ и работали. Чай подавали ровно въ пять часовъ. Въ кабинетъ Ея Величества вносили круглый столъ, и я, какъ сейчасъ вижу, передъ приборомъ Го-

сударя тарелку съ горячимъ калачемъ и длинной витой булкой, покрытыя салфеткой, тарелку съ масломъ и серебряный подстаканникъ. Передъ Ея Величествомъ ставили серебряную спиртовую машинку, серебряный чайникъ и нѣсколько тарелочекъ съ печеньемъ. Въ первую и послѣднюю недѣлю Великаго Поста масла не подавалось, а стояла тарелка съ баранками и сайкой и двѣ вазочки очищенныхъ орѣховъ. Садясь за чайный столъ, Государь бралъ кусочекъ калача съ масломъ и медленно выпивалъ стаканъ чая съ молокомъ. (сливокъ Государь никогда не пилъ). Затѣмъ, закуривъ папиросу, читалъ агентскія телеграммы и газеты, а Императрица работала. Пока дѣти были маленькія, они въ бѣлыхъ платицахъ и цвѣтныхъ кушакахъ играли на коврѣ съ игрушками, которыя сохранялись въ высокой корзинѣ въ кабинетѣ Государыни; позже они приходили съ работами. Императрица не позволяла имъ сидѣть сложа руки. Часто Государыня говорила: «У всѣхъ бываетъ вкуснѣе чай, чѣмъ у насъ, и болѣе разнообразія». При Высочайшемъ Дворѣ, если что заводилось, то такъ и оставалось съ Екатерины Великой до нашего времени. Залы съ натертымъ паркетомъ и золотой мебелью душились тѣми же духами, лакеи и скороходы, одѣтые въ шитые золотомъ кафтаны и головные уборы съ перьями, переносили воображеніе въ прежніе вѣка, какъ и арапы въ бѣлыхъ чалмахъ и красныхъ рейтузахъ. Съ 6 до 8 часовъ Государь принималъ министровъ и приходилъ въ 8 часовъ къ семейному обѣду. Гости бывали рѣдко. Въ 9 часовъ, въ открытомъ платьѣ и брилліантахъ, которые Государыня всегда одѣвала къ обѣду, она подымалась наверхъ помолиться съ Наслѣдникомъ. Государь занимался до 11 часовъ. Иногда приходилъ къ чаю въ 12 часовъ ночи; послѣ чая Государь уходилъ писать свой дневникъ. Ложились Ихъ Величества поздно.

Жизнь Ихъ Величествъ была безоблачнымъ счастьемъ взаимной безграничной любви. За двѣнадцать лѣтъ я никогда не слыхала ни одного громкаго слова между ними, ни разу не видала ихъ даже сколько нибудь раздраженными другъ противъ друга. Государь называлъ Ея Величество «Sunny» (Солнышко). Приходя въ ея комнату, онъ отдыхалъ и, Боже сохрани, какіе нибудь разговоры о политикѣ или о дѣлахъ. Заботы о воспитаніи дѣтей и мелкія домашнія дрязги Императрица несла одна: «Вѣдь Государь долженъ заботиться о цѣломъ государствѣ», — говорила она мнѣ. Заботы о здоровьѣ Алексѣя Николаевича они несли вмѣстѣ. Дѣти буквально боготворили родителей. Слава Богу никто изъ нихъ никогда не ревновалъ меня къ матери. Одно время Великая Княжна Марія Николаевна, которая особенно была привязана къ отцу, обижалась когда онъ бралъ меня на прогулки, какъ

самую выносливую. Одно изъ самыхъ свѣтлыхъ воспоминаній — это уютные вечера, когда Государь бывалъ менѣе занятъ и приходилъ читать вслухъ Толстого, Тургенева, Чехова и т. д. Любимымъ его авторомъ былъ Гоголь. Государь читалъ необычайно хорошо, внятно, не торопясь, и это очень любилъ. Послѣдніе годы его забавляли разсказа Аверченко и Теффи, отвлекая на нѣсколько минутъ его воображеніе отъ злободневныхъ заботъ.

Сколько писалось и говорилось о характерѣ Ихъ Величествъ, но правды еще никто не сказалъ. Государь и Государыня были, во первыхъ люди, а людямъ свойственны ошибки, и въ характерѣ каждаго человѣка есть хорошія и дурныя стороны.

У Государыни былъ вспыльчивый характеръ, но гнѣвъ ея также быстро и проходилъ. Ненавидя ложь, она не выносила, когда даже горничная ей что нибудь навретъ; тогда она накричитъ, а потомъ высказываетъ сожалѣніе: «Опять не могла удержаться!» Государя разсердить было труднѣе, но когда онъ сердился, то какъ бы переставалъ замѣчать человѣка и гнѣвъ его проходилъ гораздо медленнѣе. Отъ природы онъ былъ добрѣйшій человѣкъ: «l'Empereur est essentiellement bon» — говорилъ мой отецъ. Въ немъ не было ни честолюбія, ни тщеславія, а проявлялась огромная нравственная выдержка, которая могла казаться людямъ, не знающимъ его, равнодушіемъ. Съ другой стороны онъ былъ настолько скрытенъ, что многіе считали его неискреннимъ. Государь обладалъ тонкимъ умомъ, не безъ хитрости, но въ то же время онъ довѣрялъ всѣмъ. Удивительно что къ нему подходили люди мало достойные его довѣрія. Какъ мало пользовался онъ властью и какъ легко было бы въ самомъ началѣ остановить клевету на Государыню! Государь же говорилъ: «Никто изъ благородныхъ людей не можетъ вѣрить или обращать вниманіе на подобную пошлость», — не сознавая, что такъ мало было благородныхъ людей.

Государыня любила посѣщать больныхъ, — она была врожденной сестрой милосердія; она вносила съ собой къ больнымъ бодрость и нравственную поддержку. Раненые солдаты и офицеры часто просили ее быть около нихъ во время тяжелыхъ перевязокъ и операцій, говоря, что «не такъ страшно», когда Государыня рядомъ. Какъ она ходила за своей больной фрейлиной княжной Орбельяни: она до послѣдней минуты жизни княжны оставалась при ней и сама закрыла ей глаза. Желая привить знаніе и умѣніе надлежащаго ухода за младенцами, Императрица на личныя средства основала въ Царскомъ Селѣ школу нянь. Во главѣ этого учрежденія стоялъ дѣтскій врачъ докторъ Раухфусъ. При школѣ находился пріютъ для сиротъ на 50 кроватей. Такъ

же она основала на свои средства инвалидный домъ для 200 солдатъ-инвалидовъ Японской войны. Инвалиды обучались здѣсь всякому ремеслу, для каковой цѣли при домѣ имѣлись огромныя мастерскія. Около инвалиднаго дома, построеннаго въ Царскосельскомъ паркѣ, Императрица устроила цѣлую колонію изъ маленькихъ домиковъ въ одну комнату съ кухней и съ огородами для семейныхъ инвалидовъ. Начальникомъ инвалиднаго дома Императрица назначила графа Шуленбурга, полковника Уланскаго Ея Величества полка.

Кромѣ упомянутыхъ мною учрежденій, Государыня основала въ Петербургѣ Школу народнаго искусства, куда пріѣзжали дѣвушки со всей Россіи обучаться кустарному дѣлу. Возвращаясь въ свои села, онѣ становились мѣстными инструкторшами. Дѣвушки эти работали въ школѣ съ огромнымъ увлеченіемъ. Императрица особенно интересовалась кустарнымъ искусствомъ; цѣлыми часами она съ начальницей школы выбирала образцы, рисунки, координировала цвѣта и т. д. Одна изъ этихъ дѣвушекъ преподавала моимъ безногимъ инвалидамъ плетенье ковровъ. Школа была поставлена великолѣпно и имѣла огромную будущность.

Государь обожалъ армію и флотъ ; въ бытность Наслѣдникомъ онъ служилъ въ Преображенскомъ и Гусарскомъ полкахъ и всегда съ восторгомъ вспоминалъ эти годы. Государь говорилъ, что солдатъ — это лучшій сынъ Россіи. Ея Величество и дѣти одинаково раздѣляли любовь къ войскамъ, — «всѣ они были душки», по ихъ словамъ. Частые парады, смотры и полковые праздники были отдыхомъ и радостью Государя. Входя послѣ въ комнату Императрицы, онъ сіялъ отъ удовольствія и повторялъ всегда тѣ же самыя слова « it was splendid », никогда почти не замѣчая какихъ либо недочетовъ, Вспоминаю въ дѣтствѣ майскіе парады на Марсовомъ полѣ. Насъ возили во дворецъ Принца Ольденбургскаго, изъ оконъ котораго мы наблюдали парадъ. Послѣ парада, къ радости насъ, дѣтей, Государь и вся царская Фамилія проходили по комнатамъ дворца, шествуя къ завтраку.

Бывая въ собраніяхъ и бесѣдуя съ офицерами, Государь говорилъ, что онъ чувствуетъ себя ихъ товарищемъ; одну зиму онъ часто обѣдалъ въ полкахъ, что вызвало критику, такъ какъ онъ поздно возвращался домой. За этими обѣдами офицерство въ присутствіи Государя не пило вина; дома же за обѣдомъ Государь обыкновенно выпивалъ двѣ рюмки портвейна, который ставили передъ его приборомъ. Любилъ Государь посѣщать и Красное Село.

Всѣмъ существомъ своимъ Государь любилъ родину и никогда не задумался бы принести себя въ жертву на благо Россіи. Больно испо-

минать о его довѣріи къ каждому, въ частности, и ко всему русскому народу. Слишкомъ много заботъ было возложено на одного человѣка. Кромѣ того зачастую министры не только не исполняли его волю, но дѣйствовали именемъ Государя безъ его вѣдома и согласія и о чемъ онъ узнавалъ только впослѣдствіи. Его назначенія, о чемъ пишу позже, совершались нерѣдко подъ впечатлѣніемъ минуты, — особенно характерны въ этомъ отношеніи назначенія Протопопова и Маклакова (см. гл. XI).

Несмотря на доброту Государя, Великіе Князья его побаивались. Въ одно изъ первыхъ моихъ дежурствъ я обѣдала у Ихъ Величествъ; кромѣ меня обѣдалъ дежурный флигель - адъютантъ, Великій Князь. Послѣ обѣда Великій Князь сталъ жаловаться на какого-то генерала, что онъ въ присутствіи другихъ сдѣлалъ ему замѣчаніе. Государь поблѣднѣлъ, но молчалъ. Отъ гнѣвнаго вида Государя у Великаго Князя невольно тряслись руки, пока онъ перебиралъ какую-то книгу. Послѣ Государь сказалъ мнѣ: «Пусть онъ благодаритъ Бога, что Ея Величество и вы были въ комнатѣ, — иначе бы я не сдержался!»

Сколько бы разъ я не видѣла Государя, а во время путешествій и въ Ливадіи я видала его цѣлыми днями, я никогда за двѣнадцать лѣтъ не могла настолько привыкнуть, чтобы не замѣчать его присутствіе. Въ немъ было что-то такое, что заставляло никогда не забывать, что онъ Царь, несмотря на его скромность и ласковое обращеніе. Къ сожалѣнію, онъ не пользовался своей обаятельностью. Люди, предубѣжденные противъ него, и тѣ при первомъ взглядѣ Государя чувствовали присутствіе Царя и бывали сразу имъ очарованы. Помню пріемъ въ Ливадіи земскихъ дѣятелей Таврической губерніи: какъ двое изъ нихъ до прихода Государя подчеркивали свое неуваженіе къ моменту, хихикали, перешептовались,—и какъ они вытянулись, когда подошелъ къ нимъ Государь, а уходя—расплакались. Говорили, что и рука злодѣевъ не подымалась противъ него, когда они становились лицомъ къ лицу передъ Государемъ. Ея Величество часто мучилась: она знала доброе сердце Государя, его любовь къ родинѣ, но она знала также его довѣріе къ людямъ и что часто онъ дѣйствуетъ подъ впечатлѣніемъ послѣдняго разговора и совѣта. Тѣ, кто съ нимъ работали, не могли сказать, что у него слабая воля.

Государыня же обдумывала всѣ свои дѣйствія и скорѣе съ недовѣріемъ относилась къ тѣмъ, кто къ нимъ приближался; но чѣмъ проще и сердечнѣе былъ человѣкъ, тѣмъ скорѣе она таяла. Всѣ, кто страдалъ, были близки ея сердцу, и она всю себя отдавала, чтобы въ минуту скорби утѣшить человѣка. Я свидѣтельница сотни случаевъ, когда

Императрица, забывая свои собственныя недомоганія, ѣздила къ больнымъ, умирающимъ, или только что потерявшихъ дорогихъ близкихъ; и тутъ Императрица становилась сама собой, нѣжной, ласковой матерью. И тѣ, кто знали ее въ минуты отчаянія и горя, никогда ее не забудутъ. Неподкупно частная и прямая, она не выносила лжи; ни лестью, ни обманомъ нельзя было ее подкупить. Но иногда Императрица была упряма, и тогда между нами происходили мелкія недоразумѣнія. Особымъ утѣшеніемъ ея была молитва; непоколебимая вѣра въ Бога поддерживала ее и давала миръ душевный, хотя она всегда была склонна къ меланхоліи. Припоминая нашу жизнь на «Штандартѣ» и, насколько безлечно, если такъ можно выразиться, жили мы, настолько предавалась думамъ Государыня. Каждый разъ по окончаніи плаванія она плакала, говоря, что можетъ быть это послѣдній разъ, когда мы всѣ вмѣстѣ на дорогой яхтѣ. Такое направленіе мыслей Государыни меня поражало, и я спрашивала ее, почему она такъ думаетъ. «Никогда нельзя знать, что насъ завтра ожидаетъ», — говорила она, и ожидала худшее. Молитва, повторяю, была ея всегдашнимъ утѣшеніемъ.

Припоминаю наши поѣздки зимой въ церковь ко всеночной. Ѣздили мы въ одиночныхъ саняхъ. Въ началѣ ея появленіе въ углу темнаго собора никѣмъ не замѣчалось; служилъ одинъ священникъ, пѣлъ дьячекъ на клиросѣ. Императрица потихоньку прикладывалась къ иконамъ, дрожащей рукой ставила свѣчку и на колѣняхъ молилась; но вотъ сторожъ узналъ, — бѣжитъ въ алтарь, священникъ всполошился; бѣгутъ за пѣвчими, освѣщаютъ темный храмъ. Государыня въ отчаяніи и оборачиваясь ко мнѣ шепчетъ, что хочетъ уходить. Что дѣлать? Сани отосланы. Тѣмъ временемъ вбѣгаютъ въ церковь дѣти и разныя тетки, которыя стараются, толкая другъ друга, пройти мимо Императрицы и поставить свѣчку у той иконы, у которой она встала, забывая зачѣмъ пришли; ставя свѣчи, оборачиваются на нее и она уже не въ состояніи молиться, нервничаетъ..... Сколько церквей мы такъ объѣхали. Бывали счастливые дни, когда насъ не узнавали, и Государыня молилась — отходя душой отъ земной суеты, стоя на колѣняхъ на каменномъ полу никѣмъ не замѣченная въ углу темнаго храма. Возвращаясь въ свои царскіе покои, она приходила къ обѣду румяная отъ морознаго воздуха, съ слегка заплаканными глазами, спокойная, оставивъ свои заботы и печали въ рукахъ Вседержителя Бога.

Воспитанная при небольшомъ дворѣ, Государыня знала цѣну деньгамъ и потому была бережлива. Платья и обувь переходили отъ старшихъ Великихъ Княженъ къ младшимъ. Когда она выбирала подарки для родныхъ или приближенныхъ, она всегда сообразовалась съ цѣнами. Госу-

дарь же, выбирая, бралъ, что ему лично нравилось, не спрашивая о цѣнѣ: о деньгахъ онъ понятія, конечно, никакого не имѣлъ, такъ какъ былъ сынъ и внукъ Царя, и все уплачивалось за него Министерствомъ Двора. Личныя деньги Государя находились у моего отца, въ канцеляріи Его Величества. Отецъ мой принялъ 400.000 и увеличилъ капиталъ до четырехъ милліоновъ и ушелъ во время революціи безъ одной копейки. Онъ и мы, его дѣти, гордились тѣмъ, что, прослуживъ болѣе двадцати лѣтъ, онъ не только не получалъ денежныхъ наградъ, но и дачу лѣтомъ нанималъ на свои личныя средства, тогда какъ всѣмъ своимъ подчиненнымъ выхлопатывалъ субсидіи.

Тысячи неимущихъ получали помощь изъ этихъ личныхъ средствъ Государя. Отецъ мой былъ очень опечаленъ, когда Государь на докладѣ о состояніи суммъ не обращалъ вниманія на увеличеніе своего капитала. Отецъ постоянно получалъ записки отъ Государя выдать такому-то съ надписью суммы денегъ. Его разстраивало, когда приходилось выдавать прокутившимся офицерамъ или Великимъ Князьямъ большія суммы. Часто Великіе Князья и Княгини писали отцу, прося выхлопатать награды какимъ-нибудь « proteges », и это чрезвычайно его волновало, такъ какъ всѣ эти награды требовались внѣ закона и отецъ соблюдалъ интересы Государя. Государь разсказывалъ, какъ однажды во время прогулки въ Петергофѣ офицеръ охраны кинулся передъ нимъ на колѣни, говоря, что застрѣлится, если Его Величество не поможетъ ему. Государь возмутился этимъ поступкомъ, но заплатилъ его долги.

Когда Государь сталъ ѣздить къ обѣднѣ въ любимый Ихъ Величествами Федоровскій соборъ въ Царскомъ Селѣ, Государю понадобились деньги, чтобы класть въ тарелку. Его Величеству на этотъ предметъ выдавали четыре золотыхъ 5-рубл. монетъ въ мѣсяцъ, на четыре воскресенья. Помню, какъ Ея Величество и дѣти трунили надъ Государемъ когда случался праздникъ и у Государя не оказывалось золотого и ему приходилось занимать у Ея Величества. Какъ я уже писала, Ея Величество была очень бережлива. Я лично никакихъ денегъ отъ Государыни не получала и часто бывала въ тяжеломъ положеніи.

Я получала отъ родителей 400 руб. въ мѣсяцъ. За дачу платили 2.000 руб. въ годъ. Я должна была платить жалованіе прислугѣ и одѣваться такъ, какъ надо было при Дворѣ, такъ что у меня никогда не бывало денегъ. Свитскія фрейлины Ея Величества получали четыре тысячи въ годъ на всемъ готовомъ. Помню, какъ братъ Государыни, Великій Герцогъ Гессенскій говорилъ Государынѣ, чтобы мнѣ дали оффиціальное мѣсто при Дворѣ: тогда-де разговоры умолкнутъ и мнѣ бу-

детъ легче. Но Государыня отказала, говоря: «Неужели Императрица Всероссійская не имѣетъ права имѣть друга! Вѣдь у Императрицы Матери былъ другъ — княгиня А. А. Оболенская, и Императрица Марія Александровна дружила съ г-жей Мальцевой».

Впослѣдствіи министръ Двора, графъ Фредериксъ, говорилъ много разъ съ Ея Величествомъ о моемъ тяжеломъ денежномъ положеніи. Сперва Императрица стала мнѣ дарить платья и матеріи къ праздникамъ; наконецъ, какъ то позвавъ меня, она сказала, что хочетъ переговорить со мной о денежномъ вопросѣ. Она спросила сколько я трачу въ мѣсяцъ, но точной цифры я сказать не могла; тогда, взявъ карандашъ и бумагу, она стала со мной высчитывать: жалованье, кухня, керосинъ и т. д. Вышло 270 рублей въ мѣсяцъ. Ея Величество написала графу Фредериксу, чтобы ей посылали изъ Министерства Двора эту сумму, которую и передавала мнѣ каждое первое число. Послѣ революціи во время обыска нашли эти конверты, съ надписью 270 рублей, и наличными 25 рублей. Послѣ всѣхъ толковъ, какъ были поражены члены Слѣдственной Комиссіи. Искали во всѣхъ банкахъ и ничего не нашли. Ея Величество послѣдніе годы платила двѣ тысячи за мою дачу. Единственныя деньги, которыя я имѣла, были тѣ 100.000 рублей, которые я получила за увѣчіе отъ желѣзной дороги. На нихъ я соорудила лазаретъ. Всѣ думали что я богата, и какихъ же слезъ мнѣ стоило отказывать въ просьбѣ о денежной помощи — никто не вѣрилъ, что у меня ничего нѣтъ.

VI.

1913 годъ, закончившійся тяжелымъ заболѣваніемъ Алексѣя Николаевича, начался спокойно. Государь былъ занятъ дѣлами государства, Императрица дѣтьми. Дѣти Ихъ Величествъ были горячіе патріоты ; они обожали Россію и все русское и говорили плохо на иностранныхъ языкахъ. Старшія говорили лишь недурно по англійски, съ маленькими же Императрица говорила по русски.

Старшимъ учителемъ, который завѣдывалъ ихъ образованіемъ, былъ нѣкій П. В. Петровъ. Онъ назначалъ къ нимъ другихъ наставниковъ. Кромѣ него, изъ иностранцевъ былъ Mr. Gibbs — англичанинъ и Mr. Gilliard. Первой ихъ учительницей была г-жа Шнейдеръ, бывшая раньше учительницей Великой Княгини Елизаветы Ѳеодоровны. Она же потомъ обучала русскому языку молодую Государыню и такъ и остались при Дворѣ. У «Трины», такъ ее называла Государыня, былъ не всегда пріятный характеръ, но она была предана Царской семьѣ и послѣдовала за ними въ Сибирь. Изъ всѣхъ учителей дѣти Ихъ Величествъ больше всего любили Gilliard'a который сперва училъ Великихъ Княженъ французскому языку, а послѣ сталъ гувернеромъ Алексѣя Николаевича; онъ жилъ во дворцѣ и пользовался полнымъ довѣріемъ Ихъ Величествъ.

Mr. Gibbs'a то же очень любили; оба послѣдовали въ Сибирь и оставались съ Царской семьей, пока большевики ихъ не разлучили. Великія Княжны такъ и не научились хорошо говорить по французски, о чемъ и пишетъ M. Gilliard. «Трина́» давала дѣтямъ уроки нѣмецкаго языка, но по нѣмецки они совсѣмъ не говорили. Ихъ Величества всегда говорили между собой по англійски; семья Ея Величества и ея братъ, Великій Герцогъ говорили также по англійски. Дѣти между собою говорили только по русски. Алексѣй Николаевичъ послѣдніе годы заговорилъ по французски, такъ какъ всегда былъ вмѣстѣ съM Gilliard Императрица часами проводила въ классной, руководя занятіями своихъ дѣтей. Она учила ихъ рукодѣлію. Лучше другихъ работала Великая

Княжна Татьяна Николаевна. У нея были очень ловкія руки, она шила себѣ и старшимъ сестрамъ блузы, вышивала, вязала и великолѣпно причесывала свою мать, когда дѣвушки отлучались. Физически онѣ были воспитаны на англійскій манеръ: спали въ большихъ дѣтскихъ, на походныхъ кроватяхъ, почти безъ подушекъ и мало покрытыя. Холодная ванна по утрамъ и теплая каждый вечеръ. Великія Княжны выросли простыя, ласковыя, образованныя дѣвушки, ни въ чемъ не выказывая своего положенія въ обращеніи съ другими. Императрица не допускала мысли, что онѣ уже взрослыя. Въ 1912 году Великой Княжнѣ Ольгѣ Николаевнѣ шелъ восемнадцатый годъ, Татьянѣ Николаевнѣ — шестнадцатый. О старшихъ Ихъ Величества выражались: «Большія», а о другихъ: «маленькія». «Большія» ѣздили иногда съ отцомъ въ театръ-«маленькія» же ѣздили только въ самыхъ рѣдкихъ случаяхъ. Съ любовью и душевной болью вспоминаю Великихъ Княженъ.

Ольга и Марія Николаевны были похожи на семью отца и имѣли чисто русскій типъ. Ольга Николаевна была замѣчательна умна и способна, и ученіе было для нея шуткой, почему она иногда лѣнилась. Характерными чертами у нея были сильная воля и неподкупная честность и прямота, въ чемъ она походила на мать. Эти прекрасныя качества были у нея съ дѣтства, но ребенкомъ Ольга Николаевна бывала нерѣдко упряма, непослушна и очень вспыльчива; впослѣдствіи она умѣла себя сдерживать. У нея были чудные бѣлокурые волосы, большіе голубые глаза и дивный цвѣтъ лица, немного вздернутый носъ, походившій на Государя. Великія Княжны Марія и Анастасія Николаевны были тоже обѣ бѣлокурыя. У Маріи Николаевны были замѣчательные лучистые глаза: она была бы красавицей, если бы не толстыя губы. Дѣвочкой она была очень полной. У нея былъ сравнительно мягкій характеръ и она была добрая дѣвушка. Всѣ эти три Великія Княжны шалили и рѣзвились какъ мальчики, и манерами напоминали Романовыхъ. Анастасія Николаевна всегда шалила, лазила, пряталась, смѣшила всѣхъ своими выходками, и усмотрѣть за ней бывало не легко. Вспоминаю обѣдъ на яхтѣ «Штандартъ» въ Кронштадтѣ съ массой приглашенныхъ. Тогда Великой Княжнѣ Анастасіи Николаевнѣ было пять лѣтъ. Она незамѣтно забралась подъ столъ и, какъ собачка, тамъ ползала: осторожно ущипнетъ кого-нибудь за ногу, — важный адмиралъ въ Высочайшемъ присутствіи не смѣетъ выразить неудовольствія. Государь, понялъ въ чемъ дѣло, вытащилъ ее за волосы, и ей жестоко досталось. Татьяна Николаевна была въ мать — худенькая и высокая. Она рѣдко шалила, и сдержаностью и манерами напоминала Государыню. Она всегда останавливала сестеръ, напоминала волю матери, отчего онѣ по-

стоянно называли ее «гувернанткой». Родители, казалось мнѣ, любили ее больше другихъ. Государь говорилъ мнѣ, что Татьяна Николаевна напоминаетъ ему Государыню. Волосы у нея были темные, глаза темно-сѣрые. Мнѣ также казалось, что Татьяна Николаевна была очень популярна: всѣ ее любили, и домашніе, и учителя, и въ лазаретахъ. Она была самая общительная и хотѣла имѣть подругъ. Но Императрица боялась дурного вліянія свѣтскихъ барышенъ и даже не любила, когда ея дѣти видѣлись съ двоюродной сестрой — Ириной Александровной. Впрочемъ онѣ не страдали отъ скуки; когда онѣ выросли онѣ постоянно увлекались и мечтали то о томъ, то о другомъ. Лѣтомъ онѣ играли въ теннисъ, гуляли, гребли съ офицерами яхты или охраны. Эти дѣтскія, наивныя увлеченія забавляли родителей, которые постоянно подтрунивали надъ ними. Великая Княгиня Ольга Александровна устраивала для нихъ собранія молодежи. Иногда и у нея онѣ пили чай съ своими друзьями. Портнихой была у нихъ Mm Brisac ; одѣвались онѣ просто, но со вкусомъ. Лѣтомъ почти всегда въ бѣломъ. Золотыхъ вещей у нихъ было немного. 12-ти лѣтъ онѣ получали первый золотой браслетъ, который никогда не снимали.

Жизнь Алексѣя Николаевича была одна изъ самыхъ трагичныхъ въ исторіи царскихъ дѣтей. Онъ былъ прелестный, ласковый мальчикъ, самый красивый изъ всѣхъ дѣтей. Родители и его няня, Марія Вишнякова, въ раннемъ дѣтствѣ его очень баловали, исполняя его малѣйшіе капризы. И это понятно, такъ какъ видѣть постоянныя страданія маленькаго было очень тяжело: ударится ли онъ головкой или рукой объ мебель, сейчасъ же появлялась огромная синяя опухоль, показывающая на внутреннее кровоизліяніе, причинявшее ему тяжкія страданія. Пяти-шести лѣтъ онъ перешолъ въ мужскія руки, къ дядькѣ Деревенькѣ. Этотъ его не такъ баловалъ, хотя былъ очень преданъ и обладалъ большимъ терпѣніемъ. Слышу голосокъ Алексѣя Николаевича во время его заболѣваній: «Подыми мнѣ руку» или «поверни ногу», или «согрѣй мнѣ ручки». и часто Деревенько успокаивалъ его. Когда онъ сталъ подростать, родители объяснили Алексѣю Николаевичу его болѣзнь, прося быть осторожнымъ. Но Наслѣдникъ былъ очень живой, любилъ игры и забавы мальчиковъ, и часто бывало невозможно его удержать. «Подари мнѣ велосипедъ» — просилъ онъ мать. «Алексѣй, ты знаешь, что тебѣ нельзя!» — «Я хочу учиться играть въ теннисъ, какъ сестры!» — «Ты знаешь, что ты не смѣешь играть» Иногда Алексѣй Николаевичъ плакалъ, повторяя: «Зачѣмъ я не такой, какъ всѣ мальчики?» Частыя страданія и невольное самопожертвованіе развили въ характерѣ Алексѣя Николаевича жалость и состраданіе ко всѣмъ, кто

былъ боленъ, а также удивительное уваженіе къ матери и всѣмъ старшимъ.

Наслѣдникъ принималъ горячее участіе, если и у прислуги стрясется какое нибудь горе. Его Величество былъ тоже сострадателенъ, но дѣятельно это не выражалъ, тогда какъ Алексѣй Николаевичъ не успокаивался пока сразу не поможетъ. Помню случай съ поваренкомъ, которому почему-то отказали отъ должности. Алексѣй Николаевичъ какъ-то узналъ объ этомъ и приставалъ весь день къ родителямъ, пока они не приказали поваренка снова взять обратно. Онъ защищалъ и горой стоялъ за всѣхъ своихъ. Помню, какъ Ихъ Величества не сразу рѣшили сказать ему объ убійствѣ Распутина; когда же потихоньку ему сообщили, Алексѣй Николаевичъ расплакался, уткнувъ голову въ руки. Затѣмъ повернувшись къ отцу, онъ воскликнулъ гнѣвно: «Неужели, папа, ты ихъ хорошенько не накажешь? Вѣдь убійцу Столыпина повѣсили!» Государь ничего не отвѣтилъ ему. Я присутствовала при этой сценѣ. Не надо забывать, что не разъ приходъ Распутина облегчалъ страдія во время тяжкихъ заболѣваній Алексѣя Николаевича. Распутинъ же увѣрилъ Ихъ Величества что съ двѣнадцати лѣтъ Алексѣй Николаевичъ начнетъ поправляться и впослѣдствіи совсѣмъ окрѣпнетъ. И въ самомъ дѣлѣ, послѣ 10 лѣтъ Алексѣй Николаевичъ все рѣже и рѣже болѣлъ и въ 1917 году выглядѣлъ крѣпкимъ юношей.

Алексѣй Николаевичъ отличался большими способностями, учился вродѣ Ольги Николаевны; любимой его игрой были солдатики, которыхъ у него было огромное количество. Онъ часами разставлялъ ихъ на большомъ столѣ, устраивая войны, маневры и парады. Деревенко или «Дина», какъ называлъ его Наслѣдникъ, принималъ участіе во всѣхъ этихъ играхъ, равно, какъ его сыновья, два маленькихъ мальчика, и сынъ доктора Деревенько, Коля. Послѣдніе годы пріѣзжали маленькіе кадеты играть съ Наслѣдникомъ. Всѣмъ имъ объясняли осторожно обращаться съ Алексѣемъ Николаевичемъ. Императрица боялась за него и рѣдко приглашала къ нему его двоюродныхъ братьевъ рѣзвыхъ и грубыхъ мальчиковъ. Конечно, на это сердились родные.

Вся царская семья любила животныхъ. У Государя долго была собака Иманъ. Послѣ того какъ Иманъ околѣлъ, Государь не бралъ собакъ къ себѣ въ комнату, а только гулялъ съ англійскими колли, которыя помѣщались въ маленькомъ домикѣ въ паркѣ. У Государыни былъ маленькій англійскій теріеръ «Эра»; я ее не любила, такъ какъ она имѣла обыкновеніе бросаться неожиданно изъ подъ кресла или кушетки. Когда Эра околѣла Императрица плакала по ней. У Алексѣя Николаевича былъ «спаніель рой» и большой котъ, подаренный генераломъ Воей-

ковымъ. Котъ этотъ спалъ на его кровати. У Татьяны Николаевны былъ маленькій буль «Ортино» и «Джими» — книгъ-чарлсъ, котораго я ей подарила и котораго нашли убитымъ въ Екатеринбургскомъ домѣ, гдѣ были заключены Ихъ Величества.

Далекими кажутся мнѣ годы, когда подрастали Великія Княжны, и мы близкіе думали о ихъ возможныхъ свадьбахъ. Заграницу уѣзжать имъ не хотѣлось, дома же женіховъ не было. Съ дѣтства мысль о бракѣ волновала Великихъ Княженъ, такъ какъ для нихъ онъ былъ связанъ съ отъѣздомъ заграницу. Особенно же Великая Княжна Ольга Николаевна и слышать не хотѣла объ отъѣздѣ изъ родины. Вопросъ этотъ былъ больнымъ мѣстомъ для нея, и она почти враждебно относилась къ иностраннымъ «женихамъ». Одно время Ихъ Величества думали о Великомъ Князѣ Дмитріи Павловичѣ, за котораго хотѣли выдать Татьяну Николаевну; но впослѣдствіи Великій Князь совсѣмъ отошелъ отъ Царской семьи, такъ какъ очень кутилъ.

Пріѣзжалъ румынскій Наслѣдный Принцъ со своей красивой матерью, Королевой Маріей, и Ихъ Величества въ 1914 году отдавали визитъ — ходили изъ Крыма на яхтѣ «Штандартъ» въ Констанцу. Ольгу Николаевну дразнили приближенные возможностью брака, но она слышать не хотѣла. Во второй свой пріѣздъ въ Россію въ 1916 году, румынскій Принцъ просилъ руку Великой Княжны Маріи Николаевны, но Ея Величество нашла, что Великая Княжна ребенокъ еще и не смѣетъ думать о бракѣ. Помню, какъ разъ въ Петергофѣ я застала Государыню въ слезахъ. Оказалось что пріѣхала Великая Княгиня Марія Павловна просить руки Ольги Николаевны для Великаго Князя Бориса Владиміровича. Императрица была въ ужасѣ при одной мысли отдать ему свою дочь. Къ сожалѣнію, Великая Княгиня Марія Павловна не простила Ихъ Величествамъ ихъ отказъ.

Лѣтомъ 1912 г. Ихъ Величества ѣздили на два мѣсяца въ Шхеры. Этимъ лѣтомъ пріѣзжала туда Императрица Марія Ѳеодоровна. За семь лѣтъ, что я была у Ихъ Величествъ, я никогда съ Государыней-Матерью не встрѣчалась. Она очень рѣдко бывала у Ихъ Величествъ. Къ Императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ я питала должное уваженіе, и мнѣ потому трудно писать о ней. Казалось, что Государя она любила меньше, чѣмъ другихъ дѣтей; думаю, что Государыню она совсѣмъ не любила. Съ дѣтьми она была ласкова. Говорили, что Государыня Марія Ѳеодоровна жалѣла, что долго не было Наслѣдника; впослѣдствіи же сожалѣла, что больной Алексѣй Николаевичъ занялъ мѣсто ея здороваго сына, Великаго Князя Михаила Александровича. Я лично думаю, что виноваты въ отношеніяхъ двухъ Государынь были окру-

жающіе. Между Дворами создался непонятный антогонизмъ; для лицъ двора Императрицы Матери, что бы Ихъ Величества не дѣлали, все было плохо. Равнымъ образомъ Императрица-Мать никогда не хотѣла уступить перваго мѣста Государынѣ Императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ, какъ царствующей; на выходахъ, пріемахъ и балахъ, она всегда была первая, а Императрица Александра Ѳеодоровна позади. Императрица-Мать любила общество, которое критиковало молодую Государыню. Послѣ цѣлаго ряда недоразумѣній, отношенія ихъ, къ сожалѣнію, сдѣлались только оффиціальными, и хотя Ихъ Величества называли Императрицу-Мать Mother dear, но отношенія ихъ не были близки. Но за нѣсколько дней, которые Императрица-Мать провела въ Шхерахъ, все было очень хорошо. Во время игры въ теннисъ на берегу, Государь замѣтилъ намъ, чтобы мы играли какъ можно лучше — «такъ какъ вотъ идетъ Мама»..... Государыня шла изъ лѣса быстрой походкой съ нѣсколькими лицами свиты, въ бѣломъ платьѣ. Она казалась молоденькой барышней издали. Сѣвъ на скамейку, она стала слѣдить за нашей игрой. Мы завтракали на «Полярной Звѣздѣ». Императрица обѣдала у насъ на «Штандартѣ». 22 іюля, въ день именинъ Государыни и Великой Княжны Маріи Николаевны, мы провели полъ дня на «Полярной Звѣздѣ». Помню, послѣ завтрака я снимала Государя съ Императрицей-Матерью: она положила руку на его плечо, и ея двѣ японскія собачки лежали въ ногахъ. Потомъ мы танцовали на палубѣ, и Государыня Марія Ѳеодоровна насъ всѣхъ снимала. Вечеромъ Великія Княжны Марія и Анастасія Николаевны представляли маленькую французскую пьесу, и Государыня-Мать отъ души смѣялась. Наблюдая за обѣдомъ, многіе изъ насъ замѣтили, какъ при взглядѣ на Императрицу Александру Ѳеодоровну у Императрицы-Матери совсѣмъ мѣнялось выраженіе лица и становилось грустно, что такая бездна недоразумѣній раздѣляетъ Государынь. Помню, какъ вечеромъ, проходя мимо двери Алексѣя Николаевича, я увидѣла Императрицу-Мать сидящую на его кроваткѣ: она бережно чистила ему яблоко, и они весело болтали.

Кончился день на Штандартѣ. Какъ ясно я помню свѣтлые іюньскіе вечера, когда каждый звукъ доносился съ миноносцевъ, стоящихъ въ охранѣ. Запахъ воды и папироски Государя. Сидимъ мы на полупортикахъ и бесѣдуемъ. Длинные разсказы объ его юности или впечатлѣнія прошедшаго дня, — и какъ мирно было въ окружающихъ лѣсахъ и на озерахъ, и на далекомъ небѣ, гдѣ зажигались рѣдкія звѣздочки; также мирно и ясно было на душѣ. — Проснемся и опять будетъ день, наполненный радостными переживаніями; всѣ бу-

демъ вмѣстѣ — тѣ-же обстановка и люди, которыхъ любили Ихъ Величества. «Я чувствую, что здѣсь мы одна семья», — говорилъ Государь. Мнѣ казалось, что и офицерство, соприкасаясь съ Ихъ Величествами, и видя ихъ семейную жизнь, проникалось лучшими чувствами и настроеніемъ.

VII.

Осенью 1912 года Царская семья уѣхала на охоту въ Скерневицы, имѣніе Ихъ Величествъ въ Польшѣ. Въ то время въ лѣсахъ, окружающихъ Скерневицы, еще водились зубры, впослѣдствіи, во время войны, уничтоженные нѣмцами, вырубившими и лѣса. До войны Скерневицы были однимъ изъ любимѣйшихъ мѣстопребываній Государя.

Я же вернулась на свою дачку въ Царское Село, но ненадолго. Получила телеграмму отъ Государыни, въ которой сообщалось, что Алексѣй Николаевичъ, играя у пруда, неудачно прыгнулъ въ лодку, что вызвало внутреннее кровоизліяніе. Въ данную минуту онъ лежалъ и былъ серьезно боленъ. Какъ только ему стало получше, Ихъ Величества переѣхали въ Спалу, куда вызвали и меня. Проѣхавъ Варшаву, я вышла на небольшой станціи, сѣла въ присланный за мной тарантасъ и послѣ часовой ѣзды по песчанымъ дорогамъ пріѣхала къ мѣсту назначенія. Остановилась въ небольшомъ деревянномъ домѣ, гдѣ помѣщалась свита. По обѣимъ сторонамъ длиннаго коридора шли жилыя комнаты, изъ коихъ двѣ были предоставлены мнѣ и моей дѣвушкѣ. Великія Княжны меня ожидали и помогли разложиться. Онѣ сказали, что Государыня меня ждетъ, и я поспѣшила къ ней. Застала я ее сильно удрученной. Наслѣднику было лучше, но онъ еще былъ очень слабъ и блѣденъ. Деревянный дворецъ въ Спалѣ былъ мрачный и скучный. Внизу въ столовой постоянно горѣло электричество. Наверху, направо, были комнаты Ихъ Величествъ, гостинная съ свѣтлой ситцевой мебелью, единственная уютная комната, гдѣ мы проводили вечера, темная спальня, уборная и кабинетъ Государя ; налѣво отъ лѣстницы — билліардная и дѣтская. Пока здоровье Алексѣя Николаевича было удовлетворительно, Государь со свитой, или одинъ, охотился на оленей. Уѣзжали они рано утромъ въ высокихъ охотничьихъ шарабанахъ, возвращаясь только къ обѣду. Мы же занимались съ дѣтьми или читали съ Государыней. Послѣ обѣда, при свѣтѣ факеловъ, Государь со свитой выходилъ на площадку передъ дворцомъ, гдѣ были раз-

ложены убитые олени ; при осмотрѣ охотники играли на трубахъ. Картина была красивая, но я не ходила, жалѣла убитыхъ звѣрей. На лѣстницѣ и въ корридорахъ во дворцѣ повсюду были развѣшаны оленьи рога съ надписьями, кто именно убилъ того или другого оленя. Дворецъ былъ окруженъ густымъ лѣсомъ, черезъ который протекала быстрая рѣчка Пилица ; черезъ нее былъ перекинутъ деревянный мостъ. Утромъ я часто гуляла по берегу рѣки ; дорогу Ихъ Величества называли — дорогой къ грибу, такъ какъ въ концѣ дороги стояла скамейка съ навѣсомъ вродѣ гриба. Государь любилъ ходить далеко въ лѣсъ. Помню, какъ онъ раздражался, когда замѣчалъ, что полиція слѣдила за нимъ.

Первое время Алексѣй Николаевичъ былъ на ногахъ, хотя жаловался на боли то въ животѣ, то въ спинѣ. Онъ очень измѣнился, но докторъ не могъ точно опредѣлить, гдѣ произошло кровоизліяніе. Какъ то разъ Государыня взяла его съ собой кататься, я тоже была съ ними. Во время прогулки Алексѣй Николаевичъ все время жаловался на внутреннюю боль, каждый толчекъ его мучалъ, лицо вытягивалось и блѣднѣло. Государыня, напуганная, велѣла повернуть домой. Когда мы подъѣхали къ дворцу, его уже внесли почти безъ чувствъ. Послѣдующія три недѣли онъ находился между жизнью и смертью, день и ночь кричалъ отъ боли ; окружающимъ было тяжело слышать его постоянные стоны, такъ что иногда, проходя его комнату, мы затыкали уши. Государыня все это время не раздѣвалась, не ложилась и почти не отдыхала, часами просиживала у кровати своего маленькаго больного сына, который лежалъ на бочку съ поднятой ножкой — безъ сознанія. Ногу эту Алексѣй Николаевичъ потомъ долго не могъ выпрямить. Крошечное, восковое лицо съ заостреннымъ носикомъ было похоже на покойника, взглядъ огромныхъ глазъ былъ безсмысленный и грустный. Какъ то разъ, войдя въ комнату сына и услышавъ его отчаянные стоны, Государь выбѣжалъ изъ комнаты и запершись у себя въ кабинетѣ, расплакался. Какъ то разъ Алексѣй Николаевичъ сказалъ своимъ родителямъ : « Когда я умру, поставьте мнѣ въ паркѣ маленькій каменный памятникъ ».

Изъ Петербурга выписали доктора Раухфуса, профессора Федорова съ ассистентомъ, докторомъ Деревенко. На консультаціи они объявили состояніе здоровья Наслѣдника безнадежнымъ. Министръ Двора уговорилъ Ихъ Величества выпускать въ газетахъ бюллетени о состояніи здоровья Наслѣдника. Доктора очень опасались, что вслѣдствіе кровоизліянія начнетъ образовываться внутренній нарывъ. Разъ, сидя за завтракомъ, Государь получилъ записку отъ Государыни. Поблѣд-

нѣвъ, онъ знакомъ показалъ врачамъ встать изъ за стола : Императрица писала, что страданія маленькаго Алексѣя Николаевича настолько сильны, что можно ожидать самаго худшаго.

Какъ то вечеромъ послѣ обѣда, когда мы поднялись наверхъ въ гостинную Государыни, неожиданно въ дверяхъ появилась Принцесса Ирина Прусская, пріѣхавшая помочь и утѣшить сестру. Блѣдная и взволнованная, она просила насъ разойтись, такъ какъ состояніе Алексѣя Николаевича было безнадежно. Я вернулась обратно во дворецъ въ 11 ч. вечера ; вошли Ихъ Величества въ полномъ отчаяніи. Государыня повторяла, что ей не вѣрится, чтобы Господь ихъ оставилъ. Они приказали мнѣ послать телеграмму Распутину. Онъ отвѣтилъ : «Болѣзнь не опасна, какъ это кажется. Пусть доктора его не мучаютъ». Вскорѣ Наслѣдникъ сталъ поправляться. Въ Спалѣ не было церкви, службы происходили въ саду, въ большой палаткѣ, гдѣ ставили походный алтарь. Служилъ вновь избранный духовникъ Ихъ Вличествъ, отецъ Александръ Васильевъ. Послѣ словъ : « Со страхомъ Божіимъ и вѣрою приступите », онъ пошелъ со Святыми дарами во дворецъ къ Наслѣднику; за нимъ послѣдовали Ихъ Величества и кто хотѣлъ изъ свиты. Служба о. Александра очень вравилась Ихъ Величествамъ. Къ сожалѣнію во время революціи о. Васильевъ побоялся служить во дворцѣ, когда его вызывали Ихъ Величества. Несчастный все же былъ разстрѣлянъ большевиками.

Выздоровленіе Алексѣя Николаевича шло очень медленно. Няня его, Марія Вишнякова, сильно переутомилась. Сама Государыня такъ устала, что еле двигалась. Часто за выздоровляющимъ мальчикомъ ухаживали его сестры ; имъ помогалъ г. Жильяръ, который часами читалъ ему и его забавлялъ.

Мало по малу жизнь вошла въ свою колею. Начались охоты и теннисъ. Уланскій Его Величества полкъ во главѣ со своимъ командиромъ, генераломъ Мапергеймомъ, несъ охранную службу и стоялъ въ одной изъ ближнихъ деревень. Осень была холодная и сырая, солнце рѣдко проглядывало. Какъ то разъ Ихъ Величества меня позвали къ себѣ и сообщили о только что полученномъ ими извѣстіи, что женился Великій Князь Михаилъ Александровичъ. « Онъ обѣщалъ мнѣ этого не дѣлать », — сказалъ Государь, который былъ сильно разстроенъ. Второе извѣстіе, которое страшно огорчило Государя, была телеграмма о томъ, что адмиралъ Чагинъ покончилъ жизнь самоубійствомъ. Государь не извинялъ самоубійства, называя такой шагъ « бѣгствомъ съ поля битвы ». — « Какъ могъ онъ такъ меня огорчить во время болѣзни Наслѣдника ». — говорилъ Госуадрь. Адмиралъ Чагинъ застрѣлился изъ

за какой то гимназистки. Бѣдный Государь, каждое разочарованіе тяжело ложилось на его душу ; онъ довѣрялъ всѣмъ и ненавидѣлъ, когда ему говорили дурное о людяхъ ; потому то, что Ихъ Величества перенесли позже, было въ десять разъ тяжелѣе для нихъ, чѣмъ для людей подозрительныхъ и недовѣрчивыхъ. Великія Княжны до отъѣзда изъ Спалы ѣздили верхомъ. Однажды я чуть не утонула. Государь повезъ меня на лодкѣ по Пилицѣ, мы наткнулись на песчаный островокъ и чуть не перевернулись. 21 октября, въ день восшествія на престолъ. Ихъ Величества, и кто хотѣлъ изъ приближенныхъ, причащались Св. Таинъ.

Иногда Великія Княжны играли со мной въ четыре руки любимыя Государя 5-ую и 6-ую симфоніи Чайковскаго. Помню, какъ тихонько за нами открывалась дверь и, осторожно ступая по мягкому ковру, входилъ Государь ; мы замѣчали его присутствіе по запаху папиросъ. Стоя за нами, онъ слушалъ нѣсколько минутъ и потомъ также тихо уходилъ къ себѣ.

Наконецъ, врачи рѣшили перевезти Цесаревича въ Царское Село. Много разсуждала свита : можно ли по этикету ѣхать мнѣ въ царскомъ поѣздѣ. По желанію Ихъ Величествъ я поѣхала съ ними. Дивный царскій поѣздъ, въ которомъ теперь катаются Троцкій и Ленинъ, скорѣе былъ похожъ на уютный домъ, чѣмъ на поѣздъ. Помѣщеніе Государя, обшитое свѣтлымъ ситцемъ, съ кушеткой, креслами, письменнымъ столомъ, книгами и фотографіями на полкахъ, отдѣлялось отъ кабинета Государя ванной. Въ кабинетѣ Государя, обитомъ зеленой кожей, помѣщался большой письменный столъ. Ихъ Величества вѣшали иконы надъ диванами, гдѣ спали, что придавало чувство уютности. Вагонъ Алексѣя Николаевича былъ также обставленъ всевозможными удобствами ; фрейлины и я помѣщались въ томъ же вагонѣ. Только что отъѣхали отъ Спалы, Ихъ Величества, посѣтивъ Алексѣя Николаевича, постучались ко мнѣ и просидѣли цѣлый часъ со мной. Государь курилъ; ихъ забавляло, что мы ѣдемъ вмѣстѣ. Въ послѣднемъ вагонѣ помѣщалась столовая, передъ нею маленькая гостиная, гдѣ подавали закуску и стояло піанино. За длиннымъ обѣденнымъ столомъ Государь сидѣлъ между двумя дочерьми, напротивъ его министръ Двора и мы, дамы. Государынѣ обѣдъ подавали въ ея помѣщеніи или у Алексѣя Николаевича. Онъ лежалъ слабенькій, но веселый, играя и болтая съ окружающими.

Закончу эту главу 300-лѣтнимъ юбилеемъ дома Романовыхъ въ 1913 году. Въ февралѣ этого года Ихъ Величества переѣхали изъ Царскаго Села въ столицу, въ Зимній Дворецъ. Въ день ихъ переѣзда они

съ вокзала поѣхали въ часовню Спасителя. Заранѣе никто объ этомъ не зналъ. Шелъ тихій молебенъ, но конечно всѣ всполошились, и Ихъ Величества возвращались уже черезъ собравшуюся толпу народа. Юбилейныя торжества начались съ молебна въ Казанскомъ соборѣ, который въ этотъ день былъ переполненъ придворными и приглашенными. Во время колѣнопреклонной молитвы я издали видѣла Государя и Наслѣдника на колѣняхъ, все время смотрѣвшихъ наверхъ ; послѣ они разсказывали, что наблюдали за двумя голубями, которые кружились въ куполѣ. Вслѣдъ за этимъ были выходы и пріемы депутацій въ Зимнемъ Дворцѣ. Всѣ дамы, по положенію, были въ русскихъ нарядахъ. Точно также были одѣты Государыня и Великія Княжны. Несмотря на усталость Государыня была поразительно красива въ голубомъ бархатномъ платьѣ съ высокимъ кокошникомъ и фатой, осыпанной жемчугами и брилліантами ; на ней была голубая Андреевская лента, а у Великихъ Княженъ красныя съ Екатерининской брилліантовой звѣздой. Залы Дворца были переполнены. Царской семьѣ пришлось стоять часами, пока имъ приносили поздравленія. Въ концѣ пріема Государыня такъ утомилась, что не могла даже улыбаться. Бѣднаго Алексѣя Николаевича принесли на рукахъ. Былъ спектакль въ Маріинскомъ театрѣ — шла «Жизнь за Царя» съ обычнымъ энтузіазмомъ, проявляемымъ въ подобныхъ случаяхъ. Все же я чувствовала, что нѣтъ настоящаго воодушевленія и настоящей преданности. Какая то туча висѣла надъ Петербургскими торжествами. Государыня, повидимому, раздѣляла мои впечатлѣнія. Она не была счастлива: все въ Зимнемъ Дворцѣ напоминало ей прошлое, когда, молодая и здоровая, она съ Государемъ весело отправлялась въ театръ и, по возвращенію, ужинали вмѣстѣ у камина въ его кабинетѣ. «Теперь я рупна», — говорила она грустно. Заболѣла въ Зимнемъ Дворцѣ тифомъ Великая Княжна Татьяна Николаевна, и нельзя было сразу возвращаться въ Царское Село. Когда оказалось возможнымъ ее перевезти, Ихъ Величества переѣхали въ Царское Село. Татьянѣ Николаевны обрили ея чудные волосы.

Весной они уѣхали на Волгу, въ Кострому, Ярославль и т. д. Путешествіе это въ нравственномъ смыслѣ утѣшило и освѣжило Ихъ Величества. Прибытіе на Волгу сопровождалось необычайнымъ подъемомъ духа всего населенія. Народъ входилъ въ воду по поясъ, желая приблизиться къ Царскому пароходу. Во всѣхъ губерніяхъ толпы народа привѣтствовали Ихъ Величества пѣніемъ народнаго гимна и всевозможными проявленіями любви и преданности. Мой отецъ и вся наша семья были приглашены дворянствомъ въ городѣ Переяславлѣ, Владимірской губерніи, такъ какъ родъ нашъ оттуда происходитъ. Государь

рыни не было, -- она лежала больная отъ переутомленія въ поѣздѣ, да еще схватила на пароходѣ ангину.

Московскія торжества были очень красивы ; погода стояла чудная. Государь вошелъ въ Кремль пѣшкомъ, а передъ нимъ шло духовенство съ кадилами и иконами, какъ это было при первомъ царѣ, Михаилѣ Феодоровичѣ Романовѣ. Государыня съ Наслѣдникомъ ѣхали въ открытомъ экипажѣ, привѣтствуемые народомъ. Гудѣли всѣ Московскіе колокола. Восторженныя привѣтствія во все пребываніе Ихъ Величествъ въ Москвѣ повторялись каждый день, и казалось ничто, ни время, ни обстоятельства, не измѣнитъ эти чувства любви и преданности.

VIII.

Мирно и спокойно начался 1914 годъ. Но лично у меня было много тяжелыхъ переживаній. Всѣмъ извѣстно, что между близкими друзьями скорѣе, чѣмъ между посторонними случайныя недоразумѣнія способны вызвать временное охлажденіе прежнихъ отношеній, горячія вспышки и взаимные упреки. Тамъ гдѣ дружественныя отношенія глубоко-искренни и покоятся на твердомъ основаніи, подобныя недоразумѣнія и размолвки служатъ лишь пробнымъ камнемъ дружбы и обычно ведутъ къ дальнѣйшему упроченію и углубленію дружественныхъ связей и взаимному пониманію.

Подобному испытанію подверглась и моя любовь и преданность моей Государынѣ въ 1914 г. Государыня безъ всякаго основанія начала меня лично ревновать къ Государю. Считая себя оскорбленною въ своихъ самыхъ дорогихъ чувствахъ, Императрица, видимо, не могла удержаться отъ того, чтобы не излить свою горечь въ письмахъ къ близкимъ, рисуя въ этихъ письмахъ мою личность далеко не въ привлекательныхъ краскахъ. (См. письма Императрицы Александры Ѳеодоровны, т. I. Берлинъ 1922 г.).

Но, слава Богу, наша дружба, моя безграничная любовь и преданность Ихъ Величествамъ побѣдоносно выдержали пробу, и какъ всякій можетъ усмотрѣть изъ позднѣйшихъ писемъ Императрицы въ томъ же изданіи, а еще болѣе — изъ прилагаемыхъ къ этимъ моимъ воспоминаніямъ, « недоразумѣніе » продолжалось не долго и потомъ безслѣдно изчезло, и въ дальнѣйшемъ глубоко-дружественныя отношенія между мною и Государыней возросли до степени полной несокрушимости, такъ что уже никакія послѣдующія испытанія и переживанія, ни даже самая смерть — не въ силахъ разлучить насъ другъ отъ друга.

Мѣсяцъ прошелъ послѣ убійства въ Сараевѣ, но никто не думалъ что этотъ звѣрскій актъ повлечетъ за собой всемірную войну и паденіе трехъ великихъ Европейскихъ державъ. Еще до убійства австрійскаго

Наслѣдника и его жены Государь ѣздилъ въ Кронштадтъ встрѣчать французскую эскадру ; до этого пріѣзжалъ въ Петергофъ король Саксонскій. Изъ Кронштадта Государь отбылъ на маневры въ Красное Село. Вернувшись, Ихъ Величества торопились уйти на нѣсколько дней въ шхеры на Штандартѣ. Помню, какъ свита находила излишнимъ ѣхать на короткій срокъ (Государь долженъ былъ вернуться на смотръ) и считали за лучшее уѣхать послѣ смотра на долгое время. Ихъ Величества, хотя и торопились уѣхать, но были увѣрены, что послѣ смотра они будутъ въ состояніи продолить пребываніе на яхтѣ. 6-го іюля мы отбыли на нѣсколько дней въ шхеры ; сопровождали насъ только нѣсколько человѣкъ. Пришли на любимый рейдъ Штандартъ, погуляли по островамъ, насладились голубыми озерами. Императрица точно предчувствовала тяжелое время, была очень грустна и все время повторяла, что она увѣрена, что мы послѣдній разъ всѣ вмѣстѣ на яхтѣ. Такъ какъ мы должны были отлучиться всего на нѣсколько дней, то даже оставили весь нашъ багажъ на Штандартѣ.

Австрія стала держать себя вызывающе послѣ Сараевскаго несчастья. Государь часами совѣщался въ Великимъ Княземъ Николаемъ Николаевичемъ, министромъ Сазоновымъ и другими государственными людьми, убѣждавшими его поддержать Сербію. Какъ то разъ, я отправилась завтракать къ друзьямъ въ Красное Село. Государь съ утра также уѣхалъ въ Красное на парадъ ; вечеромъ онъ долженъ былъ быть тамъ же въ театрѣ. Во время завтрака, влетѣлъ графъ Ностицъ, служившій въ Главномъ Штабѣ, со словами : « Знаете ли, что Государь на смотру произвелъ всѣхъ юнкеровъ въ офицеры и приказалъ полкамъ возвращаться въ столицу на зимнія квартиры ». По этому поводу среди военныхъ агентовъ поднялся страшный переполохъ, всѣ посылаютъ телеграммы своимъ правительствамъ. « У насъ война » — говорили присутствующіе. Вернувшись къ Государынѣ, я разсказала о происшедшемъ. Извѣстіе это ее очень разстроило, и она не могла понять, подъ чьимъ давленіемъ Государь рѣшился на этотъ шагъ. Государя я такъ и не дождалась, такъ какъ онъ вернулся очень поздно.

Дни до объявленія войны были ужасны; видѣла и чувствовала какъ Государя толкаютъ : война казалась неизбѣжной. Императрица всѣми силами старалась удержать его, но всѣ ея убѣжденія и просьбы ни къ чему не привели. Играла я ежедневно съ дѣтьми въ теннисъ ; возвращаясь заставала Государя блѣднаго и разстроеннаго. Изъ разговора съ нимъ я увидѣла, что онъ считаетъ войну неизбѣжной. Онъ утѣшалъ себя, говоря, что война укрѣпитъ національныя чувства, что Россія послѣ войны станетъ еще болѣе могучей и т. д. Въ это время

пришла телеграмма отъ Распутина изъ Сибири, гдѣ онъ лежалъ раненный, умоляя Государя: «не затѣвать войну, что съ войной будетъ конецъ Россіи и имъ самимъ и что положатъ до послѣдняго человѣка». Государя телеграмма раздражила и онъ не обратилъ на нее вниманія. Эти дни я часто заставала Государя у телефона, который онъ вообще ненавидѣлъ и никогда имъ не пользовался: онъ вызывалъ министровъ и приближенныхъ, говоря по телефону внизу изъ дежурной комнаты камердинера.

Когда была объявлена общая мобилизація, Императрица ничего не знала. Я пришла къ ней и разсказывала, какія раздирающія сцены я видѣла на улицахъ при проводахъ женами своихъ мужей. Императрица мнѣ возразила, что мобилизація касается только губерній, прилегающихъ къ Австріи. Когда я убѣждала ее въ противномъ, она раздраженно встала и пошла въ кабинетъ Государя. Кабинетъ Государя отдѣлялся отъ комнаты Императрицы только маленькой столовой. Я слышала, какъ они около полу часа громко разговаривали; потомъ она пришла обратно, бросилась на кушетку и обливаясь слезами, произнесла: «Все кончено, у насъ война, и я ничего объ этомъ не знала!» Государь пришелъ къ чаю мрачный и разстроенный, и этотъ чай прошелъ въ тревожномъ молчаніи.

Послѣдующіе дни я часто заставала Императрицу въ слезахъ. Государь же былъ лихорадочно занятъ. Ихъ Величества получили телеграмму отъ Императора Вильгельма, гдѣ онъ лично просилъ Государя, своего родственника и друга, остановить мобилизацію, предлагая встрѣтиться для переговоровъ, чтобы мирнымъ путемъ окончить дѣло. Исторія послѣ разберется, было ли это искренное предложеніе или нѣтъ. Государь, когда принесъ эту телеграмму, говорилъ: «что онъ не имѣетъ права остановить мобилизацію, что германскія войска могутъ вторгнуться въ Россію, что по его свѣдѣніямъ, они уже мобилизованы», и «какъ я тогда отвѣчу моему народу?» Императрица же до послѣдней минуты надѣялась, что можно предотвратить войну. 19 іюля вечеромъ, когда я пришла къ Государынѣ, она мнѣ сказала, что Германія объявила войну Россіи; она очень плакала, предвидя неминуемыя бѣдствія. Государь же былъ въ хорошемъ расположеніи духа и говорилъ, что чувствуетъ успокоеніе передъ совершившимся фактомъ, что «пока этотъ вопросъ висѣлъ въ воздухѣ, было хуже».

Посѣщеніе Ихъ Величествами Петрограда въ день объявленія войны, казалось, совершенно подтвердило предсказанія Царя, что война пробудитъ національный духъ въ народѣ. Что дѣлалось въ этотъ день на улицахъ, уму не постижимо! Вездѣ тысячныя толпы народа, съ на-

ціональными флагами, съ портретами Государя. Пѣніе гимна и «Спаси Господи люди твоя». Никто изъ обывателей столицы, я думаю, въ тотъ день не оставался дома. Ихъ Величества прибыли моремъ въ Петербургъ. Они шли пѣшкомъ отъ катера до Дворца, окруженные народомъ, ихъ привѣтствующимъ. Мы еле пробрались до Дворца ; по лѣстницамъ, въ залахъ, вездѣ толпы офицерства и разныя лица имѣющія пріѣздъ ко Двору. Нельзя себѣ вообразить, что дѣлалось во время выхода Ихъ Величествъ. Въ Николаевскомъ залѣ былъ отслуженъ молебенъ, послѣ котораго Государь обратился ко всѣмъ присутствующимъ съ рѣчью. Въ голосѣ его въ началѣ были дрожащія нотки волненія, но потомъ онъ сталъ говорить увѣренно и съ воодушевленіемъ. Окончилъ рѣчь свою словами : « что не кончитъ войну, пока не изгонитъ послѣдняго нѣмца изъ предѣловъ русской земли ». Отвѣтомъ на эти слова было оглушительное « ура », стоны восторга и любви ; военные окружили толпой Государя, махали фуражками, кричали такъ, что казалось, что стѣны и окна дрожатъ. Я почему то плакала, стоя у двери залы. Ихъ Величества медленно подвигались обратно, и толпа, не взирая на придворный этикетъ, кинулась къ нимъ ; дамы и военные цѣловали ихъ руки, плечи, платье Государыни. Она взглянула на меня, проходя мимо, и я видѣла, что у нея глаза полны слезъ. Когда они вышли въ Малахитовую гостинную, Великіе Князья прибѣжали звать Государя показаться на балконѣ. Все море народа на Дворцовой площади, увидавъ его, какъ одинъ человѣкъ опустилось передъ нимъ на колѣни. Склонились знамена, пѣли гимнъ, молитвы... всѣ плакали... Такимъ образомъ, среди чувства безграничной любви и преданности Престолу — началась война.

Ихъ Величества вернулись въ Петергофъ въ тотъ же день, и вскорѣ Государь уѣхалъ провожать на фронтъ разныя части войскъ. Государыня, забывъ свои недомогавія, занялась лихорадочно устройствомъ госпиталей, формированіемъ отрядовъ, санитарныхъ поѣздовъ и открытіемъ складовъ ея имени въ Петроградѣ, Москвѣ, Харьковѣ и Одессѣ. Я же проводила на войну дорогого единственнаго брата... Переѣхали въ Царское Село, гдѣ Государыня организовала особый эвакуаціонный пункт, въ который входило около 85 лазаретовъ въ Царскомъ Селѣ, Павловскѣ, Петергофѣ, Лугѣ, Саблинѣ и другихъ мѣстахъ. Обслуживали эти лазареты около десяти санитарныхъ поѣздовъ ея имени и имени дѣтей. Чтобы лучше руководить дѣятельностью лазаретовъ, Императрица рѣшила лично пройти курсъ сестеръ милосердія военнаго времени съ двумя старшими Великими Княжнами, и со мной. Преподавательницей Государыня выбрала княжну Гедройцъ, хирурга — за-

вѣдывающаго Дворцовымъ госпиталемъ. Два часа въ день занимались съ ней, и для практики поступили рядовыми хирургическими сестрами въ первый оборудованный лазаретъ при Дворцовомъ госпиталѣ, дабы не думали, что занятіе это было игрой.

Опишу одно такое утро. Въ 9 ½ час. мы пріѣхали въ госпиталь и тотъ часъ же приступали къ работѣ — перевязкамъ, часто тяжело раненыхъ ; Государыня и Великія Княжны присутствовали при всѣхъ операціяхъ. Стоя за хирургомъ, Государыня, какъ каждая операціонная сестра, подавала стерелизованные инструменты, вату и бинты, уносила ампутированные ноги и руки, перевязывала гангренныя раны, не гнушаясь ничѣмъ и стойко вынося запахи и ужасныя картины военнаго госпиталя во время войны. Объясняю себѣ тѣмъ, что она была врожденной сестрой милосердія. Великихъ Княженъ оберегали отъ самыхъ тяжелыхъ перевязокъ, хотя Татьяна Николаевна отличалась удивительно ловкостью и умѣніемъ.

Выдержавъ экзаменъ, Императрица и дѣти на ряду съ другими сестрами, окончившими курсъ, получили красные кресты и атестаты на званіе сестеръ милосердія военнаго времени. По этому случаю былъ молебенъ въ церквѣ общины, послѣ котораго Императрица и Великія Княжны подошли во главѣ сестеръ получить изъ рукъ начальницы красный крестъ и атестатъ. Императрица была очень довольна ; возвращаясь обратно въ моторѣ, она радовалась и весело разговаривала.

Началось страшно трудное и утомительное время. Съ ранняго утра до поздней ночи не прекращалась лихорадочная дѣятельность. Вставали рано, ложились иногда въ два часа ночи. Въ 9 часовъ утра Императрица каждый день заѣзжала въ церковь Знаменья, къ чудотворному образу, и уже оттуда мы ѣхали на работу въ лазаретъ. На скоро позавтракавъ, весь день Императрица восвящала осмотру другихъ госпиталей.

Когда прибывали санитарные поѣзда, Императрица и Великія Княжны дѣлали перевязки, ни на минуту не присаживаясь, съ 9 час. иногда до 3 час. дня. Во время тяжелыхъ операцій раненые умоляли Государыню быть около. Вижу ее, какъ она утѣшаетъ и ободряетъ ихъ, кладетъ руку на голову и подчасъ молится съ ними. Имератрицу боготворили, ожидали ея прихода, стараясь дотронуться до ея сѣраго санитарнаго платья ; умирающіе просили ее посидѣть возлѣ кровати, поддержать имъ руку или голову, и она, не взирая на усталость, успокаивала ихъ цѣлыми часами.

Кромѣ дѣятельности по лазаретамъ, Государыня начала объѣзжать нѣкоторые города Россіи съ цѣлью посѣщенія мѣстныхъ лазаре-

товъ. Въ костюмѣ сестры съ старшими Великими Княжнами, небольшой свитой и со мной, Государыня посѣтила Лугу, Псковъ, гдѣ работала Великая Княжна Марія Павловна младшая, Вильно, Ковно и Гродно. Здѣсь мы встрѣтились съ Государемъ (тутъ произошелъ трогательный случай съ умирающимъ офицеромъ, который желалъ увидѣть Государя и умеръ въ его присутствіи, послѣ того какъ Государь поцѣловавъ его, надѣлъ на него Георгіевскій крестъ). Засимъ прослѣдовали въ Двинскъ. Трудно описать любовь и радость, съ которой вездѣ встрѣчали Государыню. Вспоминаю множество подробностей, но трудно все описать. Вижу ее въ Ковенской крѣпости, проходящей по госпиталю и привѣтствуемой ранеными — словно Ангела, они окружали ее, забывая свои страданія. Послѣ этого утомительнаго дня по пути изъ Ковно проѣзжали мы мимо санитарнаго поѣзда одной изъ земскихъ организацій. Императрица приказала остановить Императорскій поѣздъ и неожиданно для всѣхъ вошла въ одинъ изъ вагоновъ и обошла весь поѣздъ. Кто то изъ персонала узналъ Ея Величество. Вѣсть, что Государыня въ поѣздѣ, быстро облетѣла всѣ вагоны, и радости не было предѣла. Такимъ же образомъ Государыня неожиданно посѣтила госпиталь въ имѣніи графа Тышкевича, оборудованный его семействомъ. Всюду, гдѣ Государыня появлялась одна въ своемъ сестринскомъ платьѣ, ее особенно восторженно привѣтствовали ; ничего не было оффиціальнаго въ этихъ встрѣчахъ ; народъ толпился вокругъ нея и никто не сдерживалъ его восторга.

Вскорѣ потомъ Государыня со старшими Великими Княжнами, генераломъ Ресинымъ, командиромъ своднаго полка, фрейлиной и со мной отправилась въ Москву. Здѣсь впервые мы почувствовали возрастающія интриги противъ Государыни. На вокзалѣ встрѣтили Государыню Великая Княжна Елизавета Ѳеодоровна со своимъ другомъ, Гордѣевой, начальницей Марфо-Маріинской общины. Генералъ Джунковскій почему то распорядился, чтобы пріѣздъ Государыни въ Москву былъ « инкогнито », такъ что никто объ ея пріѣздѣ не зналъ. Проѣхали мы въ Кремль по пустымъ улицамъ и пробыли въ Москвѣ 3-4 дня. По указанію и въ сопровожденіи Великой Княгини Государыня объѣзжала лазареты и эвакуаціонные пункты и вокзалы, куда приходили поѣзда съ фронта съ ранеными. Фрейлина баронесса Буксгевденъ и я жили очень далеко отъ покоевъ Ея Величества ; было цѣлое путешествіе, чтобы добраться до ея половины. Князь Одоевскій, начальникъ Кремлевскаго Дворца, устроилъ телефонъ между нашими комнатами и Императрица звонила ко мнѣ, когда была свободна. Гофмаршальскіе обѣды происходили въ старинныхъ покояхъ, недалеко отъ грановитой па-

латы. Помню непріятный разговоръ между генераломъ Ресинымъ и генераломъ Джунковскимъ, когда первый упрекалъ Джунковскаго по поводу холоднаго пріема, оказаннаго Государынѣ, и наговорилъ ему кучу непріятныхъ словъ, упрекая его, между прочимъ, въ томъ, что онъ намѣренно скрылъ ея пріѣздъ. Но тогда еще нельзя было предвидѣть, какъ разрастутся интриги противъ нея.

Великая Княгиня, бывшая нашимъ другомъ въ дѣтствѣ, холодно отнеслась ко мнѣ, отказываясь выслушать доводы Государыни о нелѣпыхъ слухахъ, касающихся Распутина, и я убѣждалась, что враги Государыни стараются уронить ея престижъ, очернивъ меня, беззащитную, что было имъ весьма легко сдѣлать. Съ горестью я замѣчала возрастающія недоразумѣнія между сестрами, понимая, что разныя лица, вродѣ Тютчевой и компаніи, были тому причиной.

Фрейлина Тютчева поступила къ Великимъ Княжнамъ по рекомендаціи Великой Княгини Елизаветы Ѳеодоровны ; принадлежала она къ старинной дворянской семьѣ въ Москвѣ. Поступивъ къ Великимъ Княжнамъ, она сразу стала « спасать Россію ». Она была не дурной человѣкъ, но весьма ограниченная. Двоюроднымъ братомъ ея былъ извѣстный епископъ Владиміръ Путята, (который сейчасъ въ такой дружбѣ съ большевиками и повелъ кампанію противъ Патріарха Тихона). Этотъ епископъ и иже съ нимъ имѣли огромное вліяніе на Тютчеву. Пріѣхавъ какъ то разъ въ Москву. я была огорошена разсказами моихъ родственниковъ, княгиней Голицыныхъ, о Царской семьѣ : вродѣ того, « что Распутинъ бываетъ чуть ли не ежедневно въ дворцѣ », «купаетъ» Великихъ Княженъ и т. д., говоря, что слышали это отъ *самой* Тютчевой. Ихъ Величества смѣялись надъ этими баснями, но позже Государю кто-то изъ министровъ сказалъ. что надо бы обратить вниманіе на слухи, идущіе изъ Двора. Тогда государь вызвалъ Тютчеву къ себѣ въ кабинетъ, потребовалъ прекращенія подобныхъ разсказовъ. Тютчева увѣряла, что ни въ чемъ не виновата. Если впослѣдствіи Ихъ Величества и видали чаще Распутина, то въ 1911 г. онъ не игралъ никакой роли въ ихъ жизни. Но о всемъ этомъ потомъ, сейчасъ же говорю о Тютчевой. чтобы объяснить : почему именно въ Москвѣ начался антагонизмъ и интриги противъ Государыни. Тютчева послѣ предупрежденія Государя не унималась ; она съумѣла создать и въ придворныхъ кругахъ безчисленныя интриги — бѣгала жаловаться семьѣ Ея Величества на нее же. Она повліяла на фрейлину Княжну Оболенскую, которая ушла отъ Государыня несмотря на то, что служила много лѣтъ и была ей предана. И въ дѣтской она перессорила нянь, такъ что Ея Величество, которая жила дѣтьми, избѣгала ходить наверхъ, чтобы не

встрѣчаться съ надутыми лицами. Когда же Великія Княжны стали жаловаться, что она возстановляетъ ихъ противъ матери, Ея Величество рѣшила съ ней разстаться. Въ глазахъ Московскаго общества Тютчева прослыла «жертвой Распутина»; въ самомъ же дѣлѣ всѣ нелѣпыя выдумки шли отъ нея, и она сама была главной виновницей чудовищныхъ сплетенъ на чистую семью Ихъ Величествъ.

Мы были рады уѣхать изъ Москвы. Проѣхали Орелъ, Курскъ и Харьковъ; вездѣ восторженныя встрѣчи и необозримое море народа. Вспоминаю, какъ въ Тулѣ съ иконой въ рукахъ, которую поднесли Государынѣ при выходѣ изъ церкви, меня понесла толпа, и я полетѣла головой внизъ по обледенѣлымъ ступенямъ... Здѣсь же, за неимѣніемъ другого экипажа, Государыня ѣздила въ стариной архіерейской каретѣ, украшенной вѣтками и цвѣтами. Вспоминаю, какъ въ Харьковѣ толпа студентовъ, неся портретъ Государыни, окружила ея моторъ съ пѣніемъ гимна и буквально забросала ее цвѣтами.

Проѣзжая Бѣлгородъ, Императрица приказала остановить Императорскій поѣздъ, выразивъ желаніе поклониться мощамъ св. Іоасафа. Было уже совсѣмъ темно; достали извощиковъ, которые были счастливы, узнавъ кого они везутъ. Монахи выбѣжали съ огнями встрѣчать свою Государыню; отслуживъ молебенъ, мы уѣхали. На станціи собралась уже толпа простого народу провожать Государыню. Какая была разница между этими встрѣчами и оффиціальными пріемами! Удивлялась я также губернаторамъ, которые заботились только о томъ, чтобы Императрица посѣщала учрежденія, устроенныя ихъ женами; можетъ быть, это естественно, но хотѣлось бы, чтобы въ эти минуты личные интересы уходили на задній планъ.

6 декабря, въ день именинъ Государя, мы встрѣтились съ нимъ въ Воронежѣ; затѣмъ Ихъ Величества вмѣстѣ посѣтили Тамбовъ и Рязань. Въ Тамбовѣ Ихъ Величества навѣдали Александру Николаевну Нарышкину, которая была ихъ другомъ; она была убита большевиками, несмотря на все то, что сдѣлала для народа. Путешествіе Ихъ Величествъ закончилось Москвой. Ихъ Величества радовались встрѣчѣ съ маленькими дѣтьми. Перваго мы увидѣли Алексѣя Николаевича, который стоялъ вытянувшись во фронтъ, и Великія Княжны Марію и Анастасію Николаевны, которыя кинулись обнимать Ихъ Величества. Въ Москвѣ были смотры; посѣщали опять лазареты, ѣздили и въ земскую организацію осматривать летучіе питательные пункты. Встрѣчалъ князь Г. Е. Львовъ (впослѣдствіи предавшій Государя); онъ съ почтеніемъ тогда относился, особенно къ Алексѣю Николаевичу, прося его и Государя расписаться въ книгѣ посѣтителей. Вечеромъ иногда пили

чай у Ихъ Величествъ, въ огромной голубой уборной Государыни — съ чуднымъ видомъ на Замоскворѣчье. До отъѣзда Ея Величество посѣтила старушку графиню Апраксину, сестру своей гофмейстерины, княгини Голицыной ; вмѣстѣ съ Государемъ были у 80-лѣтняго старца, митрополита Макарія. Вернувшись въ Царское Село, къ Рождеству были многочисленныя елки въ лазаретахъ.

Должна упомянуть еще объ одномъ инцидентѣ. Какъ то разъ Государь упомянулъ, что его просятъ принять сестру милосердія, вернувшуюся изъ германскаго плѣна : она привезла на себѣ знамя полка, которое спасла на полѣ битвы. Въ тотъ же день вечеромъ ко мнѣ ворвались двѣ сестры изъ той же общины, изъ которой была эта сестра Со слезами онѣ разсказывали мнѣ, что ѣхали съ ней вмѣстѣ изъ плѣна, что въ Германіи ей оказывали большой почетъ нѣмецкіе офицеры ; въ то время, какъ онѣ голодали, ее угощали обѣдами и виномъ ; что черезъ границу ее перевезли въ моторѣ, въ то время, какъ онѣ должны были идти пѣшкомъ ; что въ поѣздѣ за шесть сутокъ она ни разу передъ ними не раздѣвалась, и что онѣ пріѣхали ко мнѣ отъ сестеръ общины, умоляя обратить на нее вниманіе. Онѣ такъ искренно говорили, что я не знала сперва, что дѣлать, и сочла обязанностью поѣхать и обо всемъ разсказать дворцовому коменданту. На слѣдующій день, во время прогулки, а разсказала все Государю, который сперва казался недовольнымъ. Вечеромъ меня вызвалъ дворцовый комендантъ и разсказалъ мнѣ, что онъ съ помощникомъ ѣздилъ допрашивать сестру ; во время разговора она передала коменданту револьверъ, сказавъ, что отдаетъ его, чтобы ее въ чемъ либо не заподозрили, и что револьверъ этотъ былъ съ ней на войнѣ. Комендантъ потребовалъ ея сумочку, которую она не выпускала изъ рукъ. Открывъ ее, они нашли въ ней еще два револьвера. Обо всемъ этомъ было доложено Государю, который отказалъ сестрѣ въ пріемѣ.

IX.

Вскорѣ послѣ событій, разсказанныхъ мною, произошла желѣзнодорожная катастрофа 2 января 1915 г. Я ушла отъ Государыни въ 5 ч. и съ поѣздомъ поѣхала въ городъ. Сѣла въ первый вагонъ отъ паровоза, перваго класса ; противъ меня сидѣла сестра Кирасирскаго офицера, г-жа Шифъ. Въ вагонѣ было много народа. Не доѣзжая шести верстъ до Петербурга, вдругъ раздался страшный грохотъ, и я почувствовала, что проваливаюсь куда-то головой внизъ и ударяюсь объ землю ; ноги же запутались, вѣроятно, въ трубы отъ отопленія, и я чувствовала, какъ онѣ переломились. Я на минуту потеряла сознаніе. Когда пришла въ себя, вокругъ были тишина и мракъ. Затѣмъ послышались крики и стоны придавленныхъ подъ осколками вагоновъ раненыхъ и умирающихъ. Я сама не могла ни пошевельнуться, ни кричать ; на головѣ у меня лежалъ огромный желѣзный осколокъ, и изъ горла текла кровь. Я молилась, чтобы скорѣе умереть, такъ какъ невыносимо страдала. Черезъ нѣкоторое время, которое казалось мнѣ вѣчностью, кто то приподнялъ осколокъ, придавившій мнѣ голову и спросилъ : « Кто здѣсь лежитъ ?» Я отвѣтила. Вслѣдъ за этимъ раздались возгласы ; оказалось, что нашелъ меня казакъ изъ конвоя, Лихачевъ. Съ помощью солдата желѣзнодорожнаго полка онъ началъ осторожно освобождать мои ноги ; освобожденныя ноги упали на землю — какъ чужія. Боль была нестерпима. Я начала кричать. Больше всего я страдала отъ поврежденія спины. Перевязавъ меня подъ руки веревкой, они начали меня тащитъ изъ подъ вагоновъ уговаривая быть терпѣливой. Помню, я кричала внѣ себя отъ неописуемыхъ физическихъ страданій. Лихачевъ и солдатъ выломали дверь въ вагонѣ, переложили меня на нее и отнесли въ маленькую деревянную сторожку неподалеку отъ мѣста крушенія. Комнатка была уже полна ранеными и умирающими. Меня положили въ уголокъ, и я попросила Лихачева позвонить по телефону родителямъ и Государынѣ. Четыре часа я лежала на полу безъ всякой помощи. Прибывшій врачъ, подойдя ко мнѣ, сказалъ : «Она

умираетъ, ее не стоитъ трогать!» Солдатъ желѣзнодорожнаго полка, сидя на полу, положилъ мои сломанныя ноги къ себѣ на колѣни, покрылъ меня своей шинелью (было 20 градусовъ мороза); шуба моя была порвана въ куски. Онъ же вытиралъ мнѣ лицо и ротъ, такъ какъ я не могла поднять рукъ, и меня рвало кровью. Часа черезъ два появилась вдругъ княжна Гедройцъ въ сопровожденіи княгини Орловой. Я обрадовалась приходу Гедройцъ, думая, что она сразу мнѣ поможетъ. Онѣ подошли ко мнѣ; княгиня Орлова смотрѣла на меня въ лорнетку, Гедройцъ пощупала переломленную кость подъ глазомъ и, обернувшись къ княгинѣ Орловой, произнесла: «Она умираетъ» и вышла. Оставшись совершенно одна, такъ какъ остальныхъ раненыхъ уносили, я только молилась, чтобы Богъ далъ мнѣ терпѣніе. Только около 10 час. вечера, по настоянію генерала Ресина, который пріѣхалъ изъ Царскаго Села, меня перенесли въ вагонъ-теплушку, какіе то добрые студенты-санитары. Я видѣла въ дверяхъ генерала Джунковскаго, и когда меня положили на полъ въ вагонѣ, пришли дорогіе родители, которыхъ вызвали на мѣсто крушенія. Папа плакалъ. Вновь появилась княжна Гедройцъ; она вливала мнѣ по каплѣ коньяку въ ротъ, разжимая зубы ложкой и кричала на ухо: «Вы должны жить!» Но я теряла силы, страдала отъ каждаго толчка вагона, начались глубокіе обмороки. Помню, какъ меня пронесли черезъ толпу народа въ Царскомъ Селѣ, и я увидѣла Императрицу и всѣхъ Великихъ Княженъ въ слезахъ. Меня перенесли въ санитарный автомобиль, и Императрица сейчасъ же вскочила въ него; присѣвъ на полъ, она держала мою голову на колѣняхъ и ободряла меня; я же шептала ей, что умираю. По пріѣздѣ въ лазаретъ Гедройцъ вспрыснула мнѣ камфору и велѣла всѣмъ выйти. Меня подняли на кровать; я потеряла сознаніе. Когда пришла въ себя, Государыня наклонялась надо мной, спрашивая, хочу ли я видѣть Государя. Онъ пришелъ. Меня окружили Ихъ Величества и Великія Княжны. Я просила причаститься: пришелъ священникъ и причастилъ меня Св. Таинъ. Послѣ этого я слышала какъ Гедройцъ шепнула, чтобы шли со мной прощаться, такъ какъ я не доживу до утра. Я же не страдала и впала въ какое то блаженное состояніе. Помню, какъ старалась успокоить моего отца, какъ Государь держалъ меня за руку и, обернувшись, сказалъ что у меня есть сила въ рукѣ... Помню, какъ вошелъ Распутинъ и, войдя, сказалъ другимъ: «Жить она будетъ, но останется калѣкой». Замѣчательно, что меня не обмыли, не перевязали въ эту ночь. Меня постоянно рвало кровью; мама давала мнѣ маленькіе кусочки льда, — и я осталась жить.

Послѣднія шесть недѣль я день и ночь мучилась нечеловѣческими

страданіями. Въ 9 часовъ утра на слѣдующее утро мнѣ дали хлороформу и въ присутствіи Государыни сдѣлали перевязку; отъ тяжкихъ страданій я проснулась, когда меня поднимали на столъ, и снова меня усыпили. Съ перваго дня у меня образовалось два огромныхъ пролежня, на спинѣ. Мучалась я особенно отъ раздавленной правой ноги, гдѣ сдѣлался флебитъ, и отъ болей въ головѣ — менингита; лѣвая, сломанная въ двухъ мѣстахъ, нога не болѣла.

Затѣмъ сдѣлалось травматическое воспаленіе обоихъ легкихъ. Гедройцъ и докторъ Боткинъ по перемѣнно ночевали въ лазаретѣ, но первую не смѣли будить, такъ какъ тогда кричала на меня же, умирающую. Сестры были молодыя и не умѣлыя, такъ что ухаживать за мною приходилось студентамъ врачамъ. Послѣ десяти дней мученій мать выписала фельдшерицу Карасеву, которая принимала всѣхъ дѣтей у моей сестры, и если я осталась жива, то благодаря заботливости и чудному уходу Карасевой. Гедройцъ ее ненавидѣла. Она же не допустила профессора Федорова меня лѣчить, сдѣлавъ сцену Государынѣ.

Государыня, дѣти и родители ежедневно посѣщали меня. Государь первое время тоже пріѣзжалъ ежедневно; посѣщенія эти породили много зависти: такъ завидовали мнѣ и въ тѣ минуты, когда лежала умирающая... Государь, чтобы успокоить добрыхъ людей, сталъ сначала обходить госпиталь, посѣщая раненыхъ и только потомъ спускался ко мнѣ. Многіе друзья посѣщали меня. Пріѣхала сестра изъ Львова, куда ѣздила къ мужу, и брата отпустили на нѣсколько дней съ фронта. Приходилъ и Распутинъ. Помню, что въ раздраженіи спрашивала его, почему онъ не молится о томъ, чтобы я меньше страдала. Императрица привозила мнѣ ежедневно завтракъ, который я отдавала моему отцу, такъ какъ сама ѣсть не могла. Она и дѣти часто напѣвали мнѣ въ полголосъ, и тогда я забывалась на нѣсколько минутъ, а то плакала и нервничала отъ всего.

Послѣ двухъ мѣсяцевъ мои родители и Карасева настояли, чтобы меня перевезли домой. Тамъ, по просьбѣ друзей, меня осмотрѣлъ профессоръ Гагенторнъ. Онъ такъ и развелъ руками, заявивъ, что я совсѣмъ потеряю ногу, если на другой же день мнѣ не положать гипсовую повязку на бедро. Два мѣсяца нога моя была только на вытяженіи, и лишь одна голень въ гипсовой повязкѣ; сломанное же бедро лежало на подушкахъ. Гагенторнъ вызвалъ профессора Федорова. Послѣдній, чтобы быть пріятнымъ княжнѣ Гедройцъ и косвенно Государынѣ, которая вѣрила ей, не желалъ вмѣшиваться въ неправильное лѣченіе. Гагенторнъ не побоялся высказать свое мнѣніе и очень упрекалъ Федорова. Оба профессора, въ присутствіи Ея Величества, въ моей маленькой

столовой на столѣ положили мнѣ гипсовую повязку. Я очень страдала, такъ какъ хлороформа мнѣ не дали. Государыня была обижена за Гедройцъ и первое время сердилась, но послѣ дѣло обошлось. Гедройцъ перестала бывать у меня, о чемъ я не жалѣла.

Каждый день въ продолженіи почти четырехъ мѣсяцевъ Государыня Марія Ѳеодоровна справлялась о моемъ здоровьѣ по телефону. Многіе добрые друзья навѣщали меня. Ея Величество пріѣзжала по вечерамъ. Государь былъ почти все время въ отсутствіи. Когда возвращался былъ у меня съ Императрицей нѣсколько разъ, очень растроенный тѣмъ, что дѣла наши на фронтѣ были очень плохи. Помню, какъ тронута я была, когда на страстной недѣлѣ Ихъ Величества заѣхали проститься со мной до исповѣди. Доктора пригласили сильнаго санитара. по фамиліи Жука, который сталъ учить меня ходить на костыляхъ. Онъ же меня вывозилъ лѣтомъ въ креслѣ во Дворецъ и въ церковь, послѣ шести мѣсяцевъ, что я пролежала на спинѣ.

Лѣто 1915 года Государь становился все болѣе и болѣе недовольнымъ дѣйствіями на фронтѣ Великаго Князя Николая Николаевича. Государь жаловался, что русскую армію гонятъ впередъ, не закрѣпляя позицій и не имѣя достаточно боевыхъ патроновъ. Какъ бы подтверждая слова Государя, началось пораженіе за пораженіемъ; одна крѣпость падала за другой, отдали Ковно, Новогеоргіевскъ, наконецъ Варшаву. Я помню вечеръ, когда Императрица и я сидѣли на балконѣ въ Царскомъ Селѣ. Пришелъ Государь съ извѣстіемъ о паденіи Варшавы; на немъ, какъ говорится, лица не было; онъ почти потерялъ свое всегдашнее самообладаніе. «Такъ не можетъ продолжаться,—воскликнулъ онъ, ударивъ кулакомъ по столу, — я не могу все сидѣть здѣсь и наблюдать затѣмъ, какъ разгромляютъ армію; я вижу ошибки, — и долженъ молчать! Сегодня говорилъ мнѣ Кривошеинъ, — продолжалъ Государь, — указывая на невозможность подобнаго положенія». Государь разсказывалъ, что Великій Князь Николай Николаевичъ постоянно, безъ вѣдома Государя, вызывалъ Министровъ въ ставку, давая имъ тѣ или иныя приказанія, что создавало двоевластіе въ Россіи. Послѣ паденія Варшавы Государь рѣшилъ безповоротно, безъ всякаго давленія со стороны Распутина или Государыни, стать самому во главѣ арміи; это было единственно его личнымъ, непоколебимымъ желаніемъ и убѣжденіемъ, что только при этомъ условіи врагъ будетъ побѣжденъ. «Если бы Вы знали, какъ мнѣ тяжело не принимать дѣятельнаго участія въ помощи моей любимой арміи», — говорилъ неоднократно Государь. Свидѣтельствую, такъ какъ переживала съ ними всѣ дни до его отъѣзда въ ставку, что Императрица Александра Ѳеодоровна ничуть

не толкала его на этотъ шагъ, какъ пишетъ въ своей книгѣ Жильяръ и что будто изъ за сплетней, которыя я распространяла о мнимой измѣнѣ Великаго Князя Николая Николаевича, Государь рѣшилъ взять командованіе въ свои руки. Какъ мало Государь обращалъ вниманія на такіе толки о Великихъ Князьяхъ, доказательствомъ служитъ тотъ фактъ, что онъ не обратилъ вниманія на извѣстное письмо княгини Юсуповой, о которомъ пишу въ главѣ XI. Государь и раньше бы взялъ командованіе, если бы не опасеніе обидѣть Великаго Князя Николая Николаевича, какъ о томъ онъ говорилъ въ моемъ присутствіи.

Ясно помню вечеръ, когда былъ созванъ совѣтъ министровъ въ Царскомъ Селѣ. Я обѣдала у Ихъ Величествъ до засѣданія, которое назначено было на вечеръ. За обѣдомъ Государь волновался, говоря, что какіе бы доводы ему не представляли, онъ останется непреклоннымъ. Уходя, онъ сказалъ намъ: «Ну, молитесь за меня! Помню, я сняла образокъ и дала ему въ руки. Время шло. Императрица волновалась за Государя, и когда пробило 11 час. а онъ все еще не возвращался, и она, накинувъ шаль, позвала дѣтей и меня на балконъ, идущій вокругъ дворца. Черезъ кружевныя шторы, въ ярко освѣщенной угловой гостинной, были видны фигуры засѣдающихъ; одинъ изъ министровъ, стоя, говорилъ. Уже подали чай, когда вошелъ Государь, веселый, кинулся въ свое кресло и, протянувъ намъ руки, сказалъ: «Я былъ непреклоненъ, посмотрите, какъ я вспотѣлъ!» Передавая мнѣ образокъ и смѣясь онъ продолжалъ: «Я все время сжималъ его въ лѣвой рукѣ. Выслушавъ всѣ длинныя, скучныя рѣчи министровъ, я сказалъ приблизительно такъ: Господа! Моя воля непреклонна, я уѣзжаю въ ставку черезъ два дня! Нѣкоторые министры выглядѣли, какъ въ воду опущенные!» — Государь назвалъ, кто болѣе всѣхъ горячился, но я теперь забыла и боюсь ошибиться.

Государь казался мнѣ инымъ человѣкомъ до отъѣзда. Еще одинъ разговоръ предстоялъ Государю — съ Императрицей-Матерью, которая наслышалась за это время всякихъ сплетней о мнимомъ нѣмецкомъ шпіонажѣ, о вліяніи Распутина и т. д. и, думаю, всѣмъ этимъ баснямъ вполнѣ вѣрила. Около двухъ часовъ, по разсказу Государя, она уговаривала его отказаться отъ своего рѣшенія. Государь ѣздилъ къ Императрицѣ-Матери въ Петроградъ, въ Елагинскій дворецъ, гдѣ Императрица проводила лѣто. Я видѣла Государя послѣ его возвращенія. Онъ разсказывалъ, что разговоръ происходилъ въ саду. Онъ доказывалъ, что если будетъ война продолжаться такъ, какъ сейчасъ, то арміи грозитъ полное пораженіе, и что онъ беретъ командованіе именно въ такую минуту, чтобы спасти родину, и что это его безповоротное рѣшеніе.

Государь передавалъ, что разговоръ съ матерью былъ еще тяжелѣе, чѣмъ съ министрами, и что они разстались, не понявъ другъ друга.

Передъ отъѣздомъ въ армію Государь съ семьей причастился Св. Таинъ въ Федоровскомъ соборѣ; я приходила поздравлять его послѣ обѣдни, когда они всей семьей пили чай въ зеленой гостинной Императрицы.

Изъ ставки Государь писалъ Государынѣ, и она читала мнѣ письмо, гдѣ онъ писалъ о впечатлѣніяхъ, вызванныхъ его пріѣздомъ. Великій Князь былъ сердитъ, но сдерживался, тогда какъ окружающіе не могли скрыть своего разочарованія и злобы: «точно каждый изъ нихъ намѣревался управлять Россіей!»

Я не сумѣю описать ходъ войны, но помню, какъ все, что писалось въ иностранной печати, выставляло Николая Николаевича патріотомъ, а Государя орудіемъ германскаго вліянія. Но какъ только помазанникъ Божій всталъ во главѣ своей арміи, счастье вернулось русскому оружію и отступленіе прекратилось.

Одинъ изъ величайшихъ актовъ Государя во время войны, это запрещеніе продажи винъ по всей Россіи. Государь говорилъ: «It is horrid the government would profit through the people's drinking, in this matter Kokovtzev is in fault»
(ужасно если правительство будетъ извлекать доходъ изъ народнаго пьянства. Въ этомъ Коковцевъ не правъ). «Хоть этимъ вспомнятъ меня добромъ». — добавилъ онъ.

Государь отъ души радовался когда слышалъ, какъ крестьяне богатѣютъ и носятъ свои сбереженія въ крестьянскій банкъ Французскій писатель Anet пишетъ: c'est Nicolas II, c'est l'Empereur détrôné qui a gardé l'honneur d'avoir réalisé la plus grande réforme intérieure, qui a été accomplie.

Въ октябрѣ Государь вернулся ненадолго въ Царское Село, и уѣзжая увезъ съ собой Наслѣдника Алексѣя Николаевича. Это былъ первый случай, что Государыня съ нимъ разсталась. Она очень о немъ тосковала, и Алексѣй Николаевичъ ежедневно писалъ матери большимъ дѣтскимъ почеркомъ. Въ 9 часовъ вечера она ходила въ его комнату молиться, — въ тотъ часъ, когда онъ ложился спать.

Государыня весь день работала въ лазаретѣ. Желѣзная дорога, выдала мнѣ за увѣчье 100.000 рублей. На эти деньги я основала лазареть для солдатъ — инвалидовъ. гдѣ они обучались всякому ремеслу; начали съ 60 человѣкъ, а потомъ расширили на 100. Испытавъ на опытѣ, какъ тяжело быть калѣкой, мнѣ хотѣлось хоть нѣсколькимъ облегчить ихъ жизнь въ будущемъ. Вѣдь по пріѣздѣ домой, на нихъ въ

семьяхъ стали бы смотрѣть, какъ на лишній ротъ!... Черезъ годъ мы выпустили 200 человѣкъ мастеровыхъ, сапожниковъ, переплетчиковъ. Лазареть этотъ сразу удивительно пошелъ, но и здѣсь зависть людская не оставляла меня: чего только не выдумывали. Вспоминать тошно. Но что впослѣдствіи, можетъ быть не разъ, мои милые инвалиды спасали мнѣ жизнь во время революціи, показываетъ, что все же есть люди, которые помнятъ добро.

Не взирая на самоотверженную работу Императрицы, продолжали кричать, что Государыня и я германскія шпіонки. Въ началѣ войны Императрица получила единственное письмо отъ своего брата, Принца Гессенскаго, гдѣ онъ упрекалъ Государыню въ томъ, что она такъ мало дѣлаетъ для облегченія участи германскихъ военноплѣнныхъ. Императрица со слезами на глазахъ говорила мнѣ объ этомъ. Какъ могла она что-либо сдѣлать для нихъ? Когда Императрица основала комитетъ для нашихъ военноплѣнныхъ въ Германіи, черезъ который они получали массу посылокъ, то газета «Новое Время» напечатала объ этомъ въ такомъ духѣ, что можно было подумать, что комитетъ этотъ въ Зимнемъ Дворцѣ основанъ собственно для германскихъ военноплѣнныхъ. Кто то доложилъ объ этомъ графу Ростовцеву, секретарю Ея Величества, но ему такъ и не удалась помѣстить опроверженіе.

Всѣ, кто носилъ въ это время нѣмецкія фамиліи, подозрѣвались въ шпіонажѣ. Такъ, графъ Фредериксъ и Штюрмеръ, не говорившіе по нѣмецки, выставлялись первыми шпіонами; но больше всего страдали несчастные балтійскіе бароны; многихъ изъ нихъ безъ причинъ отправляли въ Сибирь, по распоряженію Великаго Князя Николая Николаевича, въ то время, какъ сыновья ихъ и братья сражались въ русской арміи. Въ тяжелую минуту Государь могъ бы скорѣе опереться на нихъ, чѣмъ на русское дворянство, которое почти все оказалось не на высотѣ своего положенія. Можетъ быть шпіонами были скорѣе тѣ, кто больше всего кричали объ измѣнѣ и чернили имя Русской Государыни.

Но армія была предана Государю. Вспоминаю ясно день, когда Государь, какъ то разъ вернувшись изъ ставки, вошелъ сіяющій въ комнату Императрицы, чтобы показать ей Георгіевскій крестъ, который прислала ему армія южнаго фронта. Ея Величество сама приколола ему крестъ, и онъ заставилъ насъ всѣхъ къ нему приложиться. Онъ буквально не помнилъ себя отъ радости.

Отецъ мой — единственный изъ всѣхъ министровъ понялъ поступокъ Государя, его желаніе спасти Россію и армію отъ грозившей опасности, и написалъ Государю сочувственное письмо. Государь ему отвѣтилъ чуднымъ письмомъ, которое можно назвать историческимъ. Въ

этомъ письмѣ Государь изливаетъ свою наболѣвшую душу, пишетъ, что далѣе такъ продолжаться не можетъ, объясняетъ, что именно побудило его сдѣлать этотъ шагъ, и заканчиваетъ словами: «управленіе же дѣлами Государства конечно, оставляю за собою». Подпись гласила: «Глубоко васъ уважающій и любящій Николай». Въ 1918 году, когда я была въ третій разъ арестована большевиками, при обыскѣ было отобрано съ другими бумагами и это дорогое письмо.

X.

Кому дорога наша родина и кто еще надѣется что послѣ революціи и большевизма настанетъ пора, когда Россія снова будетъ Великой державой, тотъ человѣкъ пойметъ, какъ мнѣ тяжело писать слѣдующія главы; а писать я должна правду. Трудно и противно говорить о Петроградскомъ обществѣ, которое, не взирая на войну, веселилось и кутило цѣлыми днями. Рестораны и театры процвѣтали. По разсказу одной французской портнихи ни въ одинъ сезонъ не заказывалось столько костюмовъ, какъ зимой 1915 — 1916 г.г., и не покупалось такое количество брилліантовъ: война какъ будто не существовала.

Кромѣ кутежей общество развлекалось новымъ и весьма интереснымъ занятіемъ, распусканіемъ всевозможныхъ сплетней про Государыню Александру Ѳеодоровну. Типичный случай мнѣ разсказывала моя сестра. Какъ то къ ней утромъ влетѣла сестра ея мужа, Дерфельденъ, со словами: «Сегодня мы распускаемъ слухи на заводахъ, что Императрица спаиваетъ Государя, и всѣ этому вѣрятъ». Я разсказываю объ этомъ типичномъ случаѣ, такъ какъ дама эта была весьма близка къ Великокняжескому кругу. Говорили, что она присутствовала на ужинѣ въ домѣ Юсуповыхъ въ ночь убійства Распутина. Клеветники выискивали всевозможные случаи и факты, за которые они могли бы ухватится для подтвержденія своихъ вымысловъ. Такъ изъ Австріи пріѣхала одна изъ городскихъ фрейлинъ Императрицы, Марія Александровна Васильчикова, которая была другомъ Великаго Князя Сергѣя Александровича и его супруги и хорошо знакома съ Государыней. Васильчикова простила пріема у Государыни, но, такъ какъ она пріѣхала изъ Австріи, которая въ данную минуту воевала съ Россіей, ей въ пріемѣ отказали. Пріѣзжала ли она съ политической цѣлью, или нѣтъ, осталось неизвѣстнымъ, но фрейлинскій шифръ съ нее сняли и выслали ее изъ Петрограда въ ея имѣніе. Клеветники же увѣряли, что она была вызвана Государыней для переговоровъ о сепаратномъ мирѣ съ Австріей или Германіей. Дѣло о Васильчиковой было между прочимъ однимъ изъ

обвиненій, которое и на меня возводила слѣдственная комиссія. Все, что я слыхала о ней было почерпнуто мной изъ письма Великой Княгини Елизаветы Ѳеодоровны къ Государынѣ, которое она мнѣ читала. Великая Княгиня писала, чтобы Государыня ни за что не принимала «That horrid Masha» («эту ужасную Машу»). Вспоминая дружбу Великой Княгини съ ней, которой я была свидѣтельницей въ дѣтствѣ, мнѣ стало грустно за нее.

Клевета на Государыню не только распространялась въ обществѣ, но велась также систематически въ арміи, въ высшемъ командномъ составѣ, а болѣе всего союзомъ земствъ и городовъ. Въ этой кампаніи принимали дѣятельное участіе извѣстный Гучковъ и Пуришкевичъ. Такъ въ вихрѣ увеселеній и кутежей и при планомѣрной организованной клеветѣ на Помазанниковъ Божьихъ — началась зима 1915-1916 года, темная прелюдія худшихъ временъ.

Весной 1916 году здоровье мое еще не вполнѣ окрѣпло, и меня послали съ санитарнымъ поѣздомъ, переполненнымъ больными и ранеными солдатами и офицерами, въ Крымъ. Со мной поѣхали сестра милосердія, санитаръ Жукъ и три агента секретной полиціи, — будто бы для охраны, а въ сущности съ цѣлью шпіонажа.

Эта «охрана» была однимъ изъ тѣхъ неизбѣжныхъ золъ, которые окружали Ихъ Величества. Государыня въ особенности тяготилась и протестовала противъ этой «охраны»; она говорила, что Государь и она хуже плѣнниковъ; но почему-то Ихъ Величества не могли выйти изъ этого тяжелаго положенія, вѣроятно другія заботы были слишкомъ велики, чтобы удѣлять время на этотъ предметъ. Каждый шагъ Ихъ Величествъ записывался, подслушивались даже разговоры по телефону. Ничто не доставляло Ихъ Величествамъ большаго удовольствія, какъ «надуть» полицію; когда удавалось избѣжать слѣжки, пройти или проѣхать тамъ, гдѣ не ожидали, они радовались, какъ школьники. За жизнь свою они никогда не страшились и за всѣ годы я ни разу не слышала разговора о какихъ либо опасеніяхъ съ ихъ стороны. Вспоминаю случай, какъ разъ во время прогулки съ Государемъ въ Крыму, «охранникъ» сорвался съ горы и скатился прямо къ ногамъ Государя. Нужно было видѣть его лицо. Государь остановился и, топнувъ ногой, крикнулъ: «Пошелъ вонъ». Несчастный кинулся бѣжать. Однажды гуляя съ Императрицей въ Петергофѣ, мы встрѣтили моего отца и Императрица долго съ нимъ бесѣдовала. Только что мы отошли, какъ на него наскочили два «агента» съ допросомъ «по какому дѣлу онъ смѣлъ безпокоить Государыню». Когда отецъ назвалъ себя, они моментально отскочили — странно было имъ его не знать....

Итакъ, я отправилась на югъ. Государыня при проливномъ дождѣ, пріѣхала проводить поѣздъ. Мы ѣхали до Евпаторіи пять сутокъ, останавливаясь въ Москвѣ и другихъ городахъ на нѣсколько часовъ. Городской голова Дуванъ далъ мнѣ помѣщеніе въ его дачѣ, окруженной большимъ садомъ на самомъ берегу моря; здѣсь я прожила около двухъ мѣсяцевъ, принимая грязевыя ванны. За это время я познакомилась съ нѣкоторыми интересными людьми, между прочимъ съ караимскимъ Гахамомъ, образованнымъ и очень милымъ человѣкомъ, который читалъ мнѣ и разсказывалъ старинныя легенды караимскаго и татарскаго народовъ. Онъ, какъ и всѣ караимы, былъ глубоко преданъ Ихъ Величествамъ. Получила извѣстіе, что Ея Величество уѣхала въ ставку, откуда вся царская семья должна была проѣхать на смотры въ Одессу и Севастополь. Государыня телеграммой меня вызвала къ себѣ. Отправилась я туда въ автомобилѣ черезъ степь, цвѣтущую красными маками, по проселочнымъ дорогамъ. Въ Севастополѣ дежурный солдатъ изъ за военнаго времени не хотѣлъ меня пропустить. Къ счастью я захватила телеграмму Государыни, которую и показала ему. Тогда меня пропустили къ царскому поѣзду, гдѣ жили Ихъ Величества. Завтракала съ Государыней. Государь съ дѣтьми вернулся около 6 часовъ съ морского смотра. Ночевала я у друзей, и на другой день вернулась въ Евпаторію. Ихъ Величества обѣщались вскорѣ пріѣхать туда же. 16 мая они прибыли на день въ Евпаторію.

Я много путешествовала съ Ихъ Величествами, но думаю, что встрѣча въ Евпаторіи была одна изъ самыхъ красивыхъ. Толпа инородцевъ, татаръ, караимовъ въ національныхъ костюмахъ; вся площадь передъ соборомъ — одинъ сплошной коверъ розановъ. И все залито южнымъ солнцемъ. Утро Ихъ Величества посвятили разъѣздамъ по церквамъ, санаторіямъ и лазаретамъ, днемъ же пріѣхали ко мнѣ и оставались до вечера; гуляя по берегу моря, сидѣли на пескѣ и пили чай на балконѣ. Къ этому чаю мѣстные караимы и татары прислали всевозможныя сласти и фдукты. Любопытная толпа, которая за все время не расходилась, не дала Государю выкупаться въ морѣ, чѣмъ онъ былъ очень не доволенъ. Наслѣдникъ выстроилъ крѣпость на берегу, которую мѣстные гимназисты обнесли послѣ заборомъ и оберегали, какъ святыню.

Обѣдала я въ поѣздѣ Ихъ Величествъ и проѣхала съ ними нѣсколько станцій.

Въ концѣ іюня я вернулась въ Царское Село и принялась снова за работу въ своемъ лазаретѣ. Лѣто было очень жаркое; но Государыня продолжала свою неутомимую дѣятельность. Въ лазаретѣ къ сожалѣ-

нію, слишкомъ привыкли къ частому посѣщенію Государыни—нѣкоторые офицеры стали держать себя въ ея присутствіи развязно. Ея Величество этого не замѣчала; когда я нѣсколько разъ просила ее ѣздить туда рѣже и лучше посѣщать учрежденія въ столицѣ, Государыня сердилась.

Атмосфера въ городѣ сгущалась, слухи и клевета на Государыню стали принимать чудовищные размѣры, но Ихъ Величества, и въ особенности Государь, продолжали не придавать имъ никакого значенія и относились къ этимъ слухамъ съ полнымъ презрѣніемъ, не замѣчая грозящей опасности. Я сознавала, что все, что говорилось противъ меня, противъ Распутана или министровъ, говорилось противъ Ихъ Величествъ, но молчала. Родители мои тоже понимали, насколько серьезно было положеніе; моя бѣдная мать получила два дерзкихъ письма, одно отъ княжны Голицыной, свояченицы, М. В. Родзянки, — второе отъ нѣкой г-жи Тимашевой. Первая писала, что она и на улицѣ стыдится показаться съ моей матерью, чтобы люди не подумали что и она принадлежитъ къ «нѣмецкому шпіонажу». Родители мои въ то время жили въ Теріокахъ и я ихъ изрѣдка навѣщала.

Единственно, гдѣ я забывалась — это въ моемъ лазаретѣ, который былъ переполненъ. Купили клочекъ земли и стали сооружать деревянные бараки, выписанные изъ Финляндіи. Я часами проводила у этихъ новыхъ построекъ. Многіе жертвовали мнѣ деньги на это доброе дѣло, но, какъ я уже писала, и здѣсь злоба и зависть не оставляли меня; люди думали, вѣроятно, что Ихъ Величества даютъ мнѣ огромныя суммы на лазаретъ. Лично Государь мнѣ пожертвовалъ 20.000. Ея Величество денегъ не пожертвовала, а подарила церковную утварь въ походную церковь. Меня мучали всевозможными просьбами, съ ранняго утра до поздней ночи не давали покоя съ разными горями, нуждами и требованіями. И всѣ говорили въ одинъ голосъ: «Ваше одно слово все устроитъ». Господь свидѣтель, что я никого не гнала вонъ, но положеніе мое было очень трудное. Если я за кого просила то или иное должностное лицо, то лишь потому, что именно я прошу — скорѣе отказывали; а убѣдить въ этомъ бѣдноту было также трудно, какъ увѣрить ее въ томъ, что у меня нѣтъ денегъ.

Къ сожалѣнію я была робка и глупа и, боясь кого либо обидѣть, принимала и выслушивала всѣхъ, кто ко мнѣ ни обращался, а не гнала, какъ бы слѣдовало многихъ изъ нихъ прочь. Государыня всегда всѣмъ со мной дѣлилась; естественно, что и я, съ своей стороны, передавала ей все что видѣла и слышала. Этимъ, разумѣется, пользовались,

какъ водится, и недостойные люди; вѣдь не всякаго сразу разберешь*). Была бы я другая, вѣроятно врали бы на меня меньше; думаю, мало было людей, которыхъ такъ эксплоатировали и благорасположенные и враги, какъ меня...

Помню случай съ одной дамой. Придя ко мнѣ, она стала требовать, чтобы я содѣйствовала назначенію ея мужа губернаторомъ. Когда я начала убѣждать ее, что не могу ничего сдѣлать она раскричалась на меня и грозила мнѣ отомстить... Какъ часто я видѣла въ глазахъ придворныхъ и разныхъ высокихъ лицъ злобу и недоброжелательность. Всѣ эти взгляды я всегда замѣчала и сознавала, что иначе не можетъ быть послѣ пущенной травли и клеветы, чернившей черезъ меня Государыню. Настоящей нуждѣ я старалась по мѣрѣ силъ помочь, но сознаюсь, что не сдѣлала и половины того, что я могла; посидѣвъ въ тюрьмахъ ,и часто голодая и нуждаясь, я каюсь ежечасно, что мало думала о страданіи другихъ, — особенно же заключенныхъ; имъ и калѣкамъ хотѣла бы посвятить жизнь, если Господь приведетъ когда либо вернуться на родину.

Въ жаркіе лѣтніе дни Государыня иногда ѣздила кататься въ Павловскъ. Она заѣзжала за мной въ коляскѣ; за нами въ четырехмѣстномъ экипажѣ ѣхали Великія Княжны. Ея Величество и старшія Великія Княжны цѣлыми днями не снимали костюмы сестеръ милосердія. Они выходили изъ экипажей въ отдаленной части Павловскаго парка и гуляли по лужайкамъ, собирая полевые цвѣты. Вспоминаю одну такую прогулку. Мы ѣхали въ Павловскъ по дорогѣ къ «бѣлой березѣ». Вдругъ одинъ изъ великолѣпныхъ вороныхъ рысаковъ захрипѣлъ, повалился на бокъ и тутъ же околѣлъ. Вторая лошадь испугалась и стала биться. Императрица вскочила блѣдная и помогла мнѣ выйти. Мы вернулись въ экипажѣ дѣтей. На меня этотъ случай произвелъ тяжелое впечатлѣніе. Конюшенное начальство приходило потомъ извиняться.

Въ лазаретахъ въ Царскомъ Селѣ устраивали для раненыхъ всевозможныя развлеченія и концерты въ которыхъ принимали участіе лучшіе пѣвцы, разсказчики и т. д. Въ лихорадочной дѣятельности на пользу больнымъ и раненымъ Государыня забывала о зловѣщихъ слу-

*) Меня напримѣръ часто упрекаютъ за знакомство съ княземъ М. М. Андронниковымъ. Въ дѣйствительности онъ бывалъ у меня не болѣе, чѣмъ бывалъ повсюду въ Петроградскомъ обществѣ, куда онъ старался и съумѣлъ втереться. Государынѣ онъ никогда представленъ не былъ и, если я разсказывала ей о своихъ разговорахъ съ Андронниковымъ, то потому лишь, что разсказывала ей все вообще, что приходилось слышать и видѣть, Государыня скоро узнала, кто такой Андронниковъ, и запретила мнѣ принимать его. Послѣ этого Андронниковъ сталъ писать мнѣ отвратительныя подметныя письма и преслѣдовалъ своей злобой даже тогда когда, я сидѣла въ Петропавловской крѣпости.

хахъ, доносившихся до нея. Въ августѣ изъ Крыма пріѣхалъ Гахамъ караимскій. Онъ представлялся Государынѣ и бывалъ нѣсколько разъ у Наслѣдника, который слушалъ съ восторгомъ легенды и сказки, которыя Гахамъ ему разсказывалъ. Гахамъ первый умолялъ обратить вниманіе на дѣятельность сэра Бьюканена и на заговоръ, который готовился въ стѣнахъ посольства съ вѣдома и согласія сэра Бьюканена. Гахамъ раньше служилъ по министерству иностранныхъ дѣлъ въ Персіи и былъ знакомъ съ политикой англичанъ. Но Государыня и вѣрить не хотѣла. Она отвѣчала, что это сказки, такъ какъ Бьюканенъ былъ довѣрный посолъ Короля Англійскаго, ея двоюроднаго брата и нашего союзника. Въ ужасѣ она обрывала разговоръ. Черезъ нѣсколько дней мы уѣхали въ ставку навѣстить Государя. Вѣроятно всѣ эти именитые иностранцы, проживавшіе въ ставкѣ, одинаково работали съ сэромъ Бьюкенеемъ. Ихъ было множество: генералъ Вильямсъ со штабомъ отъ Англіи, генералъ Жаненъ отъ Франціи, генералъ Риккель — бельгіецъ а также итальянскіе, сербскіе и японскіе генералы и офицеры. Какъ то разъ послѣ завтрака всѣ они и наши генералы и офицеры штаба толпились въ саду, пока Ихъ Величества совершали «серкль», разговаривая съ приглашенными. Сзади меня иностранные офицеры, громко разговаривая, обзывали Государыню обидными словами и во всеуслышаніе дѣлали замѣчанія: «вотъ она снова пріѣхала къ мужу передать послѣднія приказанія Распутина». — «Свита», — говорилъ другой, «ненавидитъ когда она пріѣзжаетъ; Ея пріѣздъ обозначаетъ перемѣну въ правительствѣ и т .д.». Я отошла, мнѣ стало почти дурно. Но Императрица не вѣрила и приходила въ раздраженіе, когда я ей повторяла слышанное .

Великіе Князья и чины штаба приглашались къ завтраку, но Великіе Князья часто «заболѣвали» и къ завтраку не появлялись, во время пріѣзда Ея Величества; «заболѣвалъ» также и генералъ Алексѣевъ. Государь не хотѣлъ замѣчать ихъ отсутствія. Государыня же мучилась, не зная, что предпринять. При всемъ ея умѣ и недомѣрчивости, Императрица къ моему изумленію не сознавала какой нежеланной гостью она была въ ставкѣ. Ѣхала она туда окрыленная любовью къ мужу, считая дни до ихъ свиданія. Но я глубоко сознавала и чувствовала во всѣхъ окружающихъ озлобленіе къ тѣмъ, кого боготворила, и чувствовала, что озлобленіе это принимаетъ ужасающіе размѣры. Все это заставляло переживать минуты непъяснимой муки. Я лично постоянно чувствовала разныя оскорбленія, и во взглядахъ, и въ «любезныхъ» пожатіяхъ руки и понимала, что злоба эта направлена черезъ меня на Государыню.

Вскорѣ Ихъ Величества узнали, что генералъ Алексѣевъ, талантливый офицеръ и помощникъ Государя, состоялъ въ перепискѣ съ предателемъ Гучковымъ. Когда Государь его спросилъ, онъ отвѣтилъ, что это неправда. Чтобы дать понятіе, какъ безудержно въ высшемъ командномъ составѣ плелась клевета на Государыню, разскажу слѣдующій случай.

Генералъ Алексѣевъ вызвалъ генерала Иванова, главнокомандующаго арміи южнаго фронта, и заявилъ ему, что, къ сожалѣнію, онъ уволенъ съ поста главнокомандующаго по приказанію Государыни, Распутина и Вырубовой. Генералъ Ивановъ не повѣрилъ генералу Алексѣеву. Онъ отвѣтилъ ему: «Личность Государыни Императрицы для меня священна, — другія же фамиліи я не знаю!» Алексѣевъ оскорбился недовѣріемъ къ нему генерала Иванова и пожаловался на него Государю который его сталъ не замѣчать. Пишу это со словъ генерала Иванова; разсказывая мнѣ объ этомъ, генералъ плакалъ; слезы текли по его сѣдой бородѣ. Государь, думаю, гнѣвался на Алексѣева, но въ такое серьезное время, вѣроятно, не зналъ, кѣмъ его замѣнить, такъ какъ считалъ его талантливѣйшимъ генераломъ. Впослѣдствіе Государь измѣнилъ свое обращеніе съ генераломъ Ивановымъ и былъ къ нему ласковъ.

Пріѣзжая въ ставку, Государыня съ дѣтьми и свитой жила въ поѣздѣ. Въ часъ дня за нами пріѣзжали моторы, и мы отправлялись въ губернаторскій домъ къ завтраку. Два казака конвоя стояли внизу, наверхъ вела крутая лѣстница; первая комната была зала, гдѣ ожидали выхода Ихъ Величествъ. Большая столовая съ темными обоями. Изъ залы шла дверь въ темный кабинетъ и спальню съ двумя походными кроватями Государя и Наслѣдника. Лѣтомъ завтракали въ саду, въ палаткѣ. Садъ былъ расположенъ на высокомъ берегу Днѣпра, откуда открывался чудный видъ на рѣку и окрестности Могилева. Мы радовались, глядя на Алексѣя Николаевича. Любо было смотрѣть, какъ онъ выросъ, возмужалъ и окрѣпъ; онъ выглядѣлъ юношей, сидя около отца за завтракомъ; пропала и его застѣнчивость: онъ болталъ и шалилъ. Особенымъ его другомъ былъ старикъ бельгіецъ, генералъ Риккель.

Каждый день послѣ завтрака наши горничныя привозили намъ изъ поѣзда платья, и мы переодѣвались въ какомъ нибудь углу для прогулки. Государь уходилъ гулять со свитой. Императрица оставалась въ лѣсу съ Алексѣемъ Николаевичемъ, сидя на травѣ. Она часто разговаривала съ проходившими и проѣзжавшими крестьянами и ихъ дѣтьми. Народъ казался мнѣ тамъ несчастнымъ. Бѣдно одѣтые и приниженные, когда они узнавали, кто съ ними говоритъ, они становились на

колѣни и цѣловали руки и платье Государыни; казалось, что крестьяне, несмотря на ужасы войны, оставались вѣрными своему Царю. Окружающая же свита и приближенные люди жили своими эгоистичными интересами, интригами и кознями, которыя они строили другъ противъ друга. Послѣ прогулки и чая въ губернаторскомъ домѣ Государыня возвращалась къ себѣ въ поѣздъ. Сюда къ обѣду пріѣзжали Государь и Алексѣй Николаевичъ; фрейлина и я обыкновенно обѣдали съ Августѣйшей семьей.

Среди неправды, интригъ и злобы, было однако и въ Могилевѣ одно свѣтлое мѣстечко, куда я приносила свою больную душу и слезы. То былъ Братскій Монастырь. За высокой каменной стѣной на главной улицѣ — одинокій бѣдный храмъ, гдѣ два-три монаха справляли службу, проводя жизнь въ нищетѣ и лишеніяхъ. Тамъ находилась чудотворная икона Могилевской Божьей Матери, благой ликъ Которой сіялъ въ полумракѣ бѣднаго, каменнаго храма. Я каждый день урывала минутку, чтобы съѣздить приложиться къ иконѣ. Услышавъ объ иконѣ, Государыня также ѣздила раза два въ монастырь. Былъ и Государь, но въ нашемъ отсутствіи. Въ одну изъ самыхъ тяжелыхъ минутъ душевной муки, когда мнѣ казалась близка неминуемая катастрофа, помню, я отвезла Божіей Матери свои брилліантовыя серьги. По странному стеченію обстоятельствъ, единственную маленькую икону, которую мнѣ разрѣшили потомъ имѣть въ Петропавловской крѣпости, была икона Божіей Матери Могилевской; отобравъ всѣ остальныя, солдаты швырнули мнѣ ее на колѣни. Сотни разъ въ день и во время страшныхъ ночей, я прижимала ее къ груди... И первое привѣтствіе по освобожденіи изъ крѣпости, была та же икона, присланная изъ Могилева монахами, вѣроятно узнавшими о моемъ заключеніи.

Въ послѣдій разъ, когда мы ѣздили въ ставку, въ одно время съ нами пріѣхала туда княгиня Палей съ дѣтьми, чтобы навѣстить Великаго Князя Павла Александровича. Она пріѣхала изъ Кіева, гдѣ жила Императрица-Мать и Великіе Князья Александръ Михайловичъ и Николай Михайловичъ. Я два раза была у нихъ, одинъ разъ одна, второй разъ съ Ихъ Величествами и дѣтьми. Мнѣ было тяжело слышать ихъ разговоръ, такъ какъ они пріѣхали начиненныя сплетнями и слухами и не вѣрили моимъ опроверженіямъ. Вторымъ событіемъ былъ пріѣздъ въ ставку Родзянки, который требовалъ удаленія Протопопова. Рѣдко кого Государь «не любилъ», но онъ «не любилъ» Родзянку, принялъ его холодно и не пригласилъ къ завтраку. Но за то Родзянку чествовали въ штабѣ!.... Видѣла Государя вечеромъ. Онъ выглядѣлъ блѣднымъ и за чаемъ почти не говорилъ. Прощаясь со мной, онъ сказалъ: «Родзянко

has worried me awfully. I feel his motives are quite false» (Родзянко ужасно меня измучилъ, я чувствую, что его доводы не вѣрны). Затѣмъ разсказалъ, что Родзянко увѣрялъ его, что Протопоповъ будто-бы сумасшедшій!.... «Вѣроятно съ тѣхъ поръ, что я назначилъ его министромъ», усмѣхнулся Государь. Выходя изъ двери вагона, онъ еще обернулся къ намъ, сказавъ: «Всѣ эти господа воображаютъ, что помогаютъ мнѣ, а на самомъ дѣлѣ только между собой грызутся; дали бы мнѣ окончить войну»... и, вздохнувъ, Государь прошелъ къ ожидавшему его автомобилю.

На душѣ становилось все тяжелѣе и тяжелѣе; генералъ Воейковъ жаловался, что Великіе Князья заказываютъ себѣ поѣзда иногда за часъ до отъѣзда Государя, не считаясь съ нимъ, и если генералъ отказываетъ, то строятъ противъ него всякія козни и интриги.

Въ послѣдній разъ мы были въ ставкѣ въ ноябрѣ 1916 года. Его Величество уѣзжалъ съ нами, а также Его многочисленная свита и Великій Князь Дмитрій Павловичъ. Помню какъ послѣдній сидѣлъ на кушеткѣ, гдѣ лежала Государыня, и разсказывалъ ей всевозможные анекдоты; дѣти и я работали тутъ же, смежная дверь въ отдѣленіе Государя открыта и онъ занимался за письменнымъ столомъ. Изрѣдка онъ подходилъ къ дверямъ съ папироской въ рукахъ и, оглядывая насъ своимъ спокойнымъ взглядомъ, вдругъ отъ души разсмѣется какой нибудь шуткѣ Великаго Князя Дмитрія Павловича. Вспоминая это путешествіе, я послѣ думала: неужели тотъ же Великій Князь Дмитрій Павловичъ черезъ три недѣли такъ сильно опечалилъ и оскорбилъ Ихъ Величества?

Вскорѣ, какъ то разъ, прійдя днемъ къ Государынѣ, я застала ее въ горькихъ слезахъ. На колѣняхъ у нея лежало только что полученное письмо изъ ставки. Я узнала отъ нея, что Государь прислалъ ей письмо Великаго Князя Николая Михайловича, которое тотъ принесъ самолично и положилъ ему на столъ. Письмо содержало низкія, несправедливыя обвиненія на Государыню и кончалось угрозами, что если она не измѣнится, то начнутся покушенія. «Но что я сдѣлала?!» — говорила Государыня, закрывая лицо руками. По разсказу одного изъ флигель-адъютантовъ въ ставкѣ знали цѣль пріѣзда Великаго Князя Николая Михайловича, и потому были не мало удивлены, когда увидѣли его приглашеннымъ къ завтраку. Государь любилъ Государыню больше своей жизни. Объясняю себѣ подобное поведеніе только тѣмъ, что всѣ мысли Государя были поглощены войной. Помню, какъ въ то время онъ нѣсколько разъ упоминалъ о будущихъ перемѣнахъ конституціоннаго характера. Повторяю, сердце и душа Государя была на войнѣ; къ внутренней политикѣ, можетъ быть, въ то время онъ относился слишкомъ

легко. Послѣ каждаго разговора онъ всегда повторялъ: «выгонимъ нѣмца, тогда примусь за внутреннія дѣла!» Я знаю, что Государь все хотѣлъ дать, что требовали, но — послѣ побѣдоноснаго конца войны. «Почему», — говорилъ онъ много, много разъ и въ ставкѣ и въ Царскомъ Селѣ, — «не хотятъ понять, что нельзя проводить внутреннія государственныя реформы, пока врагъ на русской землѣ? Сперва надо выгнать врага!» Казалось и Государыня находила, что въ минуту войны не стопло заниматься «мелочами», какъ она выражалась, и обращать вниманіе на непріязнь и клевету. Помню, какъ разъ вечеромъ она показала мнѣ дерзкое письмо княгини Васильчиковой, но только сказала: «that is not at all clever, or well brought up on her part » (это совсѣмъ не умно и не хорошо съ ея стороны), и смѣясь добавила: « at least she could have written on a proper piece of paper, as one writes to a Sovereign » (и по крайней мѣрѣ могла бы написать на соотвѣтствующей бумагѣ, на какой приличествуетъ писать Государынѣ). Письмо было написано на двухъ листочкахъ, вырванныхъ изъ блокнота. На этотъ разъ Государь побѣлѣлъ отъ гнѣва. Сразу приказалъ вызвать графа Фредерикса. Это была одна изъ тѣхъ минутъ, когда было страшно къ нему подойти. Третье подобное письмо дерзкое и полное незаслуженныхъ обидъ, написалъ ей одинъ первый чинъ двора, нѣкто Балашевъ, чуть ли не на десяти страницахъ. Я помню, какъ у дорогой Государыни тряслись руки, пока она читала. Видя ея душевную скорбь, мнѣ казалось невозможнымъ, что тѣ, кто наносилъ оскорбленіе Помазанникамъ Божіимъ, могутъ скрыться отъ Его карающей руки... И въ сотый разъ я спрашивала себя: что случилось съ Петроградскимъ обществомъ? Заболѣли ли они всѣ душевно, или заразились какой-то эпидеміей, свирѣпствующей въ военное время? Трудно разобрать, но фактъ тотъ: всѣ были въ ненормальномъ, возбужденномъ состояніи.

Въ началѣ декабря 1916 года Ея Величество, чтобы отдохнуть душою, поѣхала на день въ Новгородъ съ двумя Великими Княжнами и маленькой свитой, гдѣ посѣтила лазареты, монастыри, и слушала обѣдню въ Софійскомъ соборѣ. Помню, что и объ этой поѣздкѣ кричали въ Петроградѣ, что именно, не помню. Богъ знаетъ: и это не понравилось! Но въ Новгородѣ огромная толпа народа восторженно встрѣчала ее. При звонѣ колоколовъ старинныхъ церквей Государыня шествовала, окруженная любящимъ и ликующимъ населеніемъ, посѣщая святыни и больныхъ и раненыхъ воиновъ. До отъѣзда Государыня посѣтила Юрьевъ и Десятинные Монастыри. Въ послѣднемъ она зашла къ старицѣ Маріи Михайловнѣ, въ ея крошечную келью, гдѣ въ тяжелыхъ вери-

гахъ, на желѣзной кровати лежала много лѣтъ старушка. Когда Государыня вошла, старица протянула къ ней свои высохшія руки и произнесла: «Вотъ идетъ мученица — царица Александра!» Обняла ее и благословила. Слова эти глубоко запали мнѣ въ душу. Черезъ нѣсколько дней старица почила.

XI.

Два дня послѣ нашего возвращенія изъ Новгорода, именно 17 декабря, началась «безкровная революція» убійствомъ Распутина. 16 декабря Государыня послала меня къ Григорію Ефимовичу отвезти ему икону, привезенную ею изъ Новгорода. Я не особенно любила ѣздить въ его квартиру, зная, что моя поѣздка будетъ лишній разъ фальшиво истолкована клеветниками. Оставалось минутъ пятнадцать, слышала отъ него, что онъ собирается очень поздно ѣхать къ Феликсу Юсупову знакомится съ его женой, Ириной Александровной. Хотя я знала, что Распутинъ часто видался съ Феликсомъ Юсуповымъ, однако же мнѣ показалось страннымъ, что онъ ѣдетъ къ нимъ такъ поздно, но онъ отвѣтилъ мнѣ, что Феликсъ не хочетъ, чтобы объ этомъ узнали его родители. Когда я уѣзжала, Григорій Ефимовичъ сказалъ мнѣ странную фразу: «Что еще тебѣ нужно отъ меня, ты уже все получила...»

Вечеромъ я разсказывала Государынѣ, что Распутинъ собирается къ Юсупомымъ знакомиться съ Ириной Александровной. «Должно быть какая нибудь ошибка, — отвѣтила Государыня, — такъ какъ Ирина въ Крыму и родителей Юсуповыхъ нѣтъ въ городѣ». Потомъ мы начали говорить о другомъ. Утромъ 17 декабря ко мнѣ позвонила одна изъ дочерей Распутина (которая училась въ Петроградѣ и жила съ отцомъ). Она сообщала мнѣ съ нѣкоторымъ безпокойствомъ, что отецъ ихъ не вернулся домой, уѣхавъ поздно вечеромъ съ Феликсомъ Юсуповымъ. Извѣстіе это меня удивило, но въ данную минуту особеннаго значенія я ему не придала. Пріѣхавъ во дворецъ, я разсказала объ этомъ Государынѣ. Выслушавъ меня, она выразила свое недоумѣніе. Черезъ часъ или два позвонили во дворецъ отъ Министра Внутреннихъ Дѣлъ Протопопова, который сообщалъ, что ночью полицейскій, стоявшій на посту около дома Юсуповыхъ, услышавъ выстрѣлъ въ домѣ, позвонилъ. Къ нему выбѣжалъ пьяный Пуришкевичъ и заявилъ ему, что Распутинъ убитъ. Тотъ же полицейскій видѣлъ военный моторъ безъ огней, который отъѣхалъ отъ дома вскорѣ послѣ выстрѣловъ. Государыня приказала

вызвать Лили Денъ, (жену морского офицера, съ которой я была очень дружна и которую Государыня очень любила). Мы сидѣли вмѣстѣ въ кабинетѣ Императрицы, очень разстроенныя, ожидая дальнѣйшихъ извѣстій. Сперва звонилъ Великій Князь Дмитрій Павловичъ, прося позволенія пріѣхать къ чаю въ пять часовъ. Императрица, блѣдная и задумчивая, отказала ему. Затѣмъ звонилъ Феликсъ Юсуповъ и просилъ позволенія пріѣхать съ объясненіемъ, — то къ Государынѣ, то ко мнѣ, — звалъ меня нѣсколько разъ по телефону, но Государыня не позволила мнѣ подойти, а ему приказала передать, что объясненія онъ можетъ прислать ей письменно. Вечеромъ принесли Государынѣ знаменитое письмо отъ Феликса Юсупова, гдѣ онъ именемъ князей Юсуповыхъ клянется, что Распутинъ въ этотъ вечеръ не былъ у нихъ. Распутина онъ дѣйствительно видалъ-де нѣсколько разъ, но не въ этотъ вечеръ. Вчера же у него была вечеринка, — справляли новоселье и перепились, а уходя Великій Князь Дмитрій Павловичъ убилъ на дворѣ собаку. Государыня сейчасъ же послала это письмо Министру Юстиціи. Кромѣ того, Государыня приказала Протопопову продолжать разслѣдованіе дѣла и вызвала Военнаго Министра, генерала Бѣляева (убитаго впослѣдствіи большевиками), съ которымъ совѣщалась по этому дѣлу.

На другой день Государыня и я причащались Св. Таинъ въ походной церкви Александровскаго дворца, гдѣ по этому случаю была отслужена литургія. Государыня не пустила меня вернуться къ себѣ, и я ночевала въ одной изъ комнатъ на 4-томъ подъѣздѣ Александровскаго дворца.

Жуткіе были дни. 19 утромъ Протопоповъ далъ знать, что тѣло Распутина найдено. Полиція, войдя въ домъ Юсуповыхъ на слѣдующее утро послѣ убійства, напала на широкій кровяной слѣдъ у входа и на лѣстницѣ и на признаки того, что здѣсь происходило что то необычайное. На дворѣ въ самомъ дѣлѣ нашли убитую собаку, но рана на головѣ не могла дать такого количества крови... Вся полиція въ Петроградѣ была поставлена на ноги. Сперва на проруби на Крестовскомъ островѣ нашли голову Распутина, а потомъ водолазы наткнулись и на его тѣло: руки и ноги были запутаны веревкой; правую руку онъ вѣроятно высвободилъ, когда его кидали въ воду, пальцы были сложены крестомъ. Тѣло было перевезено въ Чесменскую богадѣльню, гдѣ было произведено вскрытіе. Несмотря на многочисленныя огнестрѣльныя раны и огромную рваную рану на лѣвомъ боку, сдѣланную ножемъ или шпорой, Григорій Ефимовичъ вѣроятно былъ еще живъ, когда его кинули въ прорубь, такъ какъ легкія были полны водой. Когда въ столицѣ узнали объ убійствѣ Распутина, всѣ сходили съ ума отъ радости; ликованію

общества не было предѣловъ, другъ друга поздравляли: «Звѣрь былъ раздавленъ» — какъ выражались, — «злого духа не стало». Отъ восторга впадали въ истерику. Во время этихъ манифестацій по поводу убійства Распутина, Протопоповъ спрашивалъ совѣта Ея Величества по телефону, гдѣ его похоронить. Впослѣдствіи онъ надѣялся отправить тѣло въ Сибирь, но сейчасъ же сдѣлать это не совѣтовалъ, указывая на возможность по дорогѣ безпорядковъ. Рѣшили *временно* похоронить въ Царскомъ Селѣ, весной же перевезти на родину. Отпѣвали въ Чесменской богадѣльнѣ, и въ 9 часовъ утра въ тотъ же день (кажется 21-го декабря) сестра милосердія привезла на моторѣ гробъ Распутина. Его похоронили около парка, на землѣ, гдѣ я намѣревалась построить убѣжище для инвалидовъ. Пріѣхали Ихъ Величества съ Княжнами и я, и два или три человѣка посторонніхъ. Гробъ былъ уже опущенъ въ могилу, когда мы пришли; духовникъ Ихъ Величествъ отслужилъ краткую панихиду и стали засыпать могилу. Стояло туманное холодное утро, и вся обстановка была ужасно тяжелая : хоронили даже не на кладбищѣ. Сразу послѣ краткой панихиды уѣхали. Дочери Распутина, которыя одни присутствовали на отпѣваніи, положили на грудь убитаго икону, которую Государыня привезла изъ Новгорода. Вотъ правда о похоронахъ Распутина, о которыхъ столько говорилось и писалось. Государыня не плакала часами надъ его тѣломъ, и никто не дежурилъ у гроба изъ его поклонницъ. Ужасъ и отвращеніе къ совершившемуся объяли сердца Ихъ Величествъ. Государь, вернувшись изъ ставки 20-го числа, все повторялъ: «мнѣ стыдно передъ Россіей, что руки моихъ родственниковъ обрагрены кровью этого мужика».

Ихъ Величества были глубоко оскорблены злодѣяніемъ, и если они раньше чуждались Великихъ Князей, расходясь съ ними во взлядахъ, то теперь ихъ отношенія совсѣмъ оборвались. Ихъ Величества ушли какъ бы въ себя, не желая ни слышать объ нихъ, ни ихъ видѣть.

Но Юсуповы и компанія не окончили своего дѣла. Теперь, когда всѣ ихъ превозносили, они чувствовали себя героями. Великій Князь Александръ Михайловичъ отправился къ Министру Юстиціи Добровольскому, и, накричавъ на него, сталъ требовать отъ имени Великихъ Князей, чтобы дѣло это было прекращено. Затѣмъ, въ день пріѣзда Государя въ Царское Село, Великій Князь заявился съ старшимъ сыномъ во дворецъ. Оставивъ сына въ пріемной, онъ вошелъ въ кабинетъ Государя и также отъ имени семьи требовалъ прекращенія слѣдствія по дѣлу убійства Распутина; въ противномъ случаѣ онъ грозилъ чуть ли не крушеніемъ Престола. Великій Князь говорилъ такъ громко и дерзко, что голосъ его слышали посторонніе, такъ какъ онъ почему то и дверь не притворилъ

въ сосѣднюю компату, гдѣ ожидалъ его сынъ. Государь говорилъ послѣ, что онъ не могъ самъ оставаться спокойнымъ, — до такой степени его возмутило поведеніе Великаго Князя, — но въ минуту разговора онъ безмолвствовалъ. Государь выслалъ Великихъ Князей Дмитрія Павловича и Николая Михайловича, а также Феликса Юсупова, изъ Петрограда. Несмотря на мягкость наказанія, среди Великихъ Князей поднялась цѣлая буря озлобленія. Государь получилъ письмо, подписанное всѣми членами Императорскаго дома, съ просьбой оставить Великаго Князя Дмитрія Павловича въ Петроградѣ по причинѣ его слабаго здоровья... Государь написалъ на немъ только одну фразу: «Никому не дано право убивать». До этого Государь получилъ письмо отъ Великаго Князя Дмитрія Павловича въ которомъ онъ, вродѣ Феликса Юсупова, клялся, что онъ ничего не имѣлъ общаго съ убійствомъ .

Разстроенный, блѣдный и молчаливый, Государь эти дни почти не разговаривалъ, и мы никто не смѣли безпокоить его. Черезъ нѣсколько дней Государь принесъ въ комнату Императрицы перехваченное Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ письмо княгини Юсуповой, адресованное Великой Княгинѣ Ксеніи Александровнѣ. Вкратцѣ содержаніе письма было слѣдующее: «она (Юсупова), какъ мать, конечно, груститъ, о положеніи своего сына, но «Сандро» (Великій Князь Александръ Михайловичъ) спасъ все положеніе; она только сожалѣла, что въ этотъ день они не довели своего дѣла до конца и не убрали всѣхъ, кого слѣдуетъ... теперь остается только «ее» запереть. — По окончаніи этого дѣла вѣроятно вышлютъ Николашу и Стану (Великаго Князя Николая Николаевича и Стану Николаевну) въ Першино (ихъ имѣніе)... Какъ глупо, что выслали бѣднаго Николая Михайловича!» — Государь сказалъ, что все это такъ низко, что ему противно этимъ заниматься. Императрица же все поняла. Она сидѣла блѣдная, смотря передъ собой широко раскрытыми глазами... Принесли еще двѣ телеграммы Ихъ Величествамъ. Близкая ихъ родственница «благословляла» Феликса Юсупова на патріотическое дѣло. Это постыдное сообщеніе совсѣмъ убило Государыню; она плакала горько и безутѣшно, и я ничѣмъ не могла успокоить ее.

Я ежедневно получала грязныя, анонимныя письма, грозившія мнѣ убійствомъ и т. п. Императрица, которая лучше насъ всѣхъ понимала данныя обстоятельства, какъ я уже писала, немедленно велѣла мнѣ переѣхать во дворецъ, и я съ грустью покинула свой домикъ, не зная, что уже никогда туда не вернусь. По приказанію Ихъ Величествъ съ этого дня каждый шагъ мой оберегался. При выѣздахъ въ лазаретъ всегда сопутствовалъ мнѣ санитаръ Жукъ; даже по дворцу меня не пускали

ходить одну, не разрѣшили присутствовать и на свадьбѣ дорогого брата.

Мало по малу жизнь во дворцѣ вошла въ свою колею. Государь читалъ по вечерамъ намъ вслухъ. На Рождество были обычныя елки во дворцѣ и въ лазаретахъ. Ихъ Величества дарили подарки окружающей свитѣ и прислугѣ, но Великимъ Князьямъ въ этотъ годъ они не посылали подарковъ. Несмотря на праздникъ, Ихъ Величества были очень грустны: они переживали глубокое разочарованіе въ близкихъ и родственникахъ, которымъ ранѣе довѣряли и которыхъ любили, и никогда, кажется, Государь и Государыня Всероссійскіе не были такъ одиноки, какъ теперь. Преданные родственниками, оклеветанные людьми, которые въ глазахъ всего міра назывались представителями Россіи, Ихъ Величества имѣли около себя только нѣсколько вѣрныхъ друзей, да министровъ, ими назначенныхъ, которые всѣ были осуждены общественнымъ мнѣніемъ. Всѣмъ имъ ставилось въ вину, что они назначены Распутинымъ. Но это сущая неправда.

Штюрмеръ, назначенный премьеромъ, былъ рекомендованъ Государю еще послѣ убійства Плеве (см. «Воспоминанія» гр. Витте т. I, стр. 288). Онъ принадлежалъ къ старому дворянству Тверской губерніи, а не былъ изъ нѣмецкихъ выходцевъ. Онъ много лѣтъ прослужилъ при дворѣ, такъ что Государь хорошо его зналъ, считалъ его за порядочнаго, хотя и не далекаго человѣка, который не измѣнитъ своимъ убѣжденіямъ. Полагаю, Государь назначилъ его за неимѣніемъ подъ руками кого-либо другого, будучи занятъ въ то время исключительно войной. Штюрмера помѣстили въ Петропавловской крѣпости недалеко отъ меня. О его мученіяхъ и смерти уже много написано. Впослѣдствіи одинъ изъ членовъ слѣдственной комиссіи, соціалъ-революціонеръ Н. Соколовъ, высказался въ томъ смыслѣ, что если бы въ ту пору существовало Учредительное Собраніе, то Милюковъ бы сидѣлъ на скамьѣ подсудимыхъ за клевету на Штюрмера.

Протопоповъ назначенъ лично Государемъ подъ вліяніемъ хорошаго впечатлѣнія, которое онъ произвелъ на Его Величество послѣ его поѣздки заграницу въ качествѣ товарища предсѣдателя Государственной Думы. Ея Величество, получая ежедневно письма отъ Государя изъ ставки, однажды прочла мнѣ письмо, въ которомъ говорилось о Протопоповѣ, представлявшемся Государю по возвращеніи изъ заграницы (въ ставкѣ). Государь писалъ о прекрасномъ впечатлѣніи, которое произвелъ на него Протопоповъ, и (какъ всегда — подъ впечатлѣніемъ минуты, что характеризовало его назначенія) что онъ думаетъ назначить его

министромъ внутреннихъ дѣлъ: «тѣмъ болѣе, — писалъ Государь, — что я всегда мечталъ о министрѣ внутреннихъ дѣлъ, который будетъ работать совмѣстно съ Думой.... «Протопоповъ, выбранный земствами, товарищъ Родзянко». Я не могу забыть удивленіе и возмущеніе Государя, когда начались интриги; однажды за чаемъ, ударивъ рукой по столу, Государь воскликнулъ: «Протопоповъ былъ хорошъ и даже былъ выбранъ Думой и Родзянко делегатомъ заграницу; но стоило мнѣ назначить его министромъ, какъ онъ считается сумасшедшимъ!» Подъ вліяніемъ интригъ, Протопоповъ сталъ очень нервнымъ, а мнѣ казался кромѣ того очень слабохарактернымъ. Во время революціи онъ самъ пришелъ въ Думу, гдѣ его арестовали по приказанію Родзянко. Позже онъ былъ убитъ большевиками. Протопоповъ дружилъ съ Распутинымъ. Дружба его имѣла совершенно частный характеръ. Распутинъ за него всегда заступался передъ Ихъ Величествами, но это и все.

Н. А. Маклакова Государь въ первый разъ встрѣтилъ во время Полтавскихъ торжествъ. Въ бытность Маклакова черниговскимъ губернаторомъ, послѣ длиннаго разговора съ нимъ на пароходѣ, Государь рѣшилъ назначить его министромъ внутреннихъ дѣлъ. Государь былъ имъ очарованъ и говорилъ: «Наконецъ я нашелъ человѣка, который понимаетъ меня съ которымъ я могу работать». Доклады Маклакова были радостью для Государя. Онъ никогда не тяготился пріѣздами Маклакова въ Крымъ или на Штандартъ и воодушевлялся, занимаясь съ нимъ. Но настало время, когда Великій Князь Николай Николаевичъ и другіе стали требовать его удаленія, и по разсказамъ самаго Маклакова, которые мнѣ передавали, Государь лично ему объ этомъ сообщилъ на докладѣ. Маклаковъ расплакался... Онъ былъ одинъ изъ тѣхъ, которые горячо любили Государя, не только какъ Царя, но и какъ человѣка, и былъ ему беззавѣтно преданъ. По желанію Великаго Князя Николая Николаевича, Маклакова смѣнилъ князь Щербатовъ, начальникъ Коннозаводства, близкаго и знакомаго ему дѣла, какъ кавалеристу. Но, несмотря на протекцію Великаго Князя, онъ остался на посту всего только два мѣсяца, такъ какъ оказался мало свѣдующимъ въ дѣлахъ министерства внутреннихъ дѣлъ.

Щербатова замѣнилъ Алексѣй Хвостовъ. Государь зналъ о немъ, какъ объ энергичномъ губернаторѣ, и еще въ 1911 году, послѣ убійства Столыпина, прочилъ его въ министры внутреннихъ дѣлъ. Во время войны Хвостовъ былъ правымъ членомъ Думы, сталъ произносить громовыя рѣчи противъ нѣмецкаго засилія. Государь взялъ его, сказавъ, что «ужъ его въ шпіонствѣ не заподозрятъ». Хвостовъ производилъ непріят-

ное впечатлѣніе. Съ первыхъ же дней онъ познакомился съ Распутинымъ, надѣясь посредствомъ этого знакомства пріобрѣсти довѣренность Ихъ Величествъ. Онъ спаивалъ Распутина ,заставляя его вымрашивать всевозможныя милости. Когда же тотъ на отрѣзъ отказался, рѣшился устроить покушеніе на Распутина съ помощью своего товарища Бѣлецкаго и извѣстнаго разстриженнаго монаха Иліодора. Послѣдній выдалъ обоихъ, министра и его товарища, приславъ со своей женой всѣ документы и телеграммы Хвостова. Послѣ этого онъ былъ отстраненъ отъ должности.

Генерала Сухомлинова Государь уважалъ и любилъ еще до его назначенія Военнымъ Министромъ. Блестяще проведенная мобилизація въ 1914 году, доказываетъ, что Сухомлиновъ не бездѣйствовалъ. Главными его врагами были: Великій Князь Николай Николаевичъ, генералъ Поливановъ и извѣстный Гучковъ. Многіе усматривали въ походѣ противъ военнаго министра во время войны дискридитированіе власти Государя, находя, что эта интрига еще опаснѣе для Престола, чѣмъ сказки о Распутинѣ. Сухомлинову приписываютъ безконечное множество злодѣяній. Англійскій писатель Вильтонъ говоритъ о немъ: «Зачѣмъ гнали армію на южномъ фронтѣ такъ отчаянно впередъ, когда не было надежды получить достаточное количество снарядовъ? Отвѣтъ можно найти въ полномъ несогласіи между Штабомъ Верховнаго Главнокомандующаго и военнымъ министерствомъ.» По проискамъ его враговъ и клеветниковъ и Думы генерала Сухомлинова арестовали еще при Государѣ и заключили въ крѣпость. Затѣмъ, во время революціи, судили и приговорили къ пожизненной каторгѣ. Я просидѣла четыре мѣсяца въ Петропавловской крѣпости рядомъ съ Е. В. Сухомлиновой, которую раньше не знала. Въ страшныя днинныя ночи, когда мы всецѣло были въ рукахъ караула, ея стойкость и самообладаніе не разъ спасли насъ отъ самаго худшаго: солдаты уважали ее и боялись безобразничать. Она всегда занималась, читала ,писала, когда позволяли, и изъ чернаго хлѣба лѣпила прелестные цвѣты, краску брала съ синей полосы на стѣнѣ и кусочки красной бумаги, въ которой чай былъ завернутъ. Судъ оправдалъ ее. и она вышла при рукоплесканіяхъ всего зала. Во время амнистіи г-жѣ Сухомлиновой удалось освободить ея престарѣлаго мужа и перевезти въ Финляндію. Послѣ столькихъ несчастій, которыя они перенесли вмѣстѣ, Е. В. Сухомлинова оставила своего мужа и вышла замужъ за молодого грузина. Ихъ обоихъ разстрѣляли большевики.

Много было разговоровъ о Митрополитѣ Питиримѣ, будто бы назначенномъ тѣмъ же Распутинымъ. Въ дѣйствительности Государь съ

нимъ познакомился въ 1914 году, во время посѣщенія Кавказа. Митрополитъ Питиримъ былъ тогда экзархомъ Грузіи. Государь и свита были тогда очарованы имъ, и, когда мы въ декабрѣ встрѣтились съ Государемъ въ Воронежѣ, я помню, какъ Государь говорилъ что предназначаетъ его при первой перемѣнѣ митрополитомъ Петроградскимъ. Сейчасъ же послѣ его назначенія, начали кричать о близости митрополита Питирима къ Распутину, тогда какъ, по правдѣ сказать, они были только оффиціально знакомы. Митрополитъ Питиримъ былъ очень остороженъ и уменъ. Ихъ Величества уважали Митрополита, но никогда не приближали его къ себѣ. Когда онъ разъ или два былъ у Ихъ Величествъ, темой разговора, какъ они разсказывали мнѣ, была Грузинская церковь, которая, по его словамъ, не достаточно поддерживалась Синодомъ, хотя въ сущности была первой по времени христіанской церковью въ Россіи. По грузинскимъ преданіямъ церковь въ Грузіи (Иверіи) была основана самой Богоматерью, которая получила ее въ свой удѣлъ, посѣтивъ Иверію послѣ Аѳона. Митрополитъ Питиримъ, видимо всею душой любилъ Грузію, гдѣ и онъ былъ очень любимъ. Онъ же первый завелъ рѣчь о «приходахъ». Эти вопросы очень интересовали Ихъ Величества, но они откладывали всѣ вопросы до окончанія войны. Послѣ моего ареста Временнымъ Правительствомъ, однимъ изъ тяжелыхъ оскорбленій, которыя вынесла моя бѣдная мать отъ Керенскаго, была клевета, что «всѣ брилліанты, которыя я имѣю это подарки митрополита Питирима!»...

Хочу сказать нѣсколько словъ о Министрѣ Двора, графѣ Фредериксѣ, который прослужилъ всю свою жизнь при дворѣ, сперва при Александрѣ III, а потомъ при Николаѣ II, глубоко порядочномъ и беззавѣтно преданномъ. Ему не разъ приходилось имѣть дѣло съ всевозможными денежными и семейными дѣлами Великихъ Князей, что бывало подъ часъ очень нелегко. Несмотря на разныя интриги, всѣ его уважали и любили, и понимали, что онъ одинъ изъ тѣхъ людей, который не измѣнитъ своему принципу. Ихъ Величества очень любили его; особенно нѣжно къ нему относилась Государыня, называя въ шутку «our old man» Онъ же, говоря о нихъ, часто называлъ ихъ «mes enfants» Разныя заботы и горести Государыня повѣряла ему: «какъ часто помогаетъ онъ мнѣ добрымъ совѣтомъ!» Домъ его былъ мнѣ вторымъ родительскимъ, а дочери его, госпожа Воейкова и бѣдная, больная Эмма — моими друзьями, которыя мнѣ никогда не измѣняли. У Эммы, несмотря на то, что она была горбатая, былъ прелестный голосъ, Государыня любила ей аккомпонировать. Графъ Фредериксъ былъ также арестованъ

Временнымъ Правительствомъ, но позже освобожденъ изъ за преклонныхъ лѣтъ.

Государя постоянно упрекаютъ, что онъ не умѣлъ выбирать себѣ министровъ, Въ началѣ своего царствованія онъ бралъ людей, которымъ довѣрялъ его покойный отецъ, Императоръ Александръ III. Затѣмъ бралъ по своему выбору. Къ сожалѣнію война и революція не дали Россіи ни одного имени, которое съ гордостью могло бы повторять потомство. Одинъ американскій писатель говоритъ въ своей книгѣ, что «большевизмъ не развился бы въ Россіи, если бы почва для развитія порока не была бы готова». Вѣроятно нигдѣ въ мірѣ нравственность не упала такъ низко, какъ у насъ, и не легко это сознавать русскому, любящему свою родину. Къ сожалѣнію, мы ,русскіе, слишкомъ часто винимъ въ нашемъ несчастіи другихъ, не желая понять, что положеніе наше — дѣло нашихъ рукъ, мы всѣ виноваты, особенно же виноваты высшіе классы. Мало кто исполняетъ свой долгъ во имя долга и Россіи. Чувство долга не внушалось съ дѣтства; въ семьяхъ дѣти не воспитывались въ духѣ любви къ родинѣ, и только величайшее страданіе и кровь невинныхъ жертвъ могутъ смыть наши грѣхи и грѣхи цѣлыхъ поколѣній. Да поможетъ Господь намъ всѣмъ русскимъ, томящимся на далекой чужбинѣ, и страдающимъ въ многострадальной, но безконечно намъ всѣмъ дорогой, родинѣ, соединиться въ любви и мирѣ другъ съ другомъ, принося наши слезы и горячее покаяніе милосердному Богу, за безчисленныя согрѣшенія наши, содѣянныя передъ Господомъ и Богомъ вѣнчаннымъ Государемъ нашимъ и нашей родиной. И тогда только возродится великая и могучая Россія, на радость ея сыновъ и страхъ врагамъ нашимъ.

XII.

Прерываю свой разсказъ, который вела въ строго хронологическомъ порядкѣ, чтобы посвятить нѣсколько страницъ человѣку, имя котораго до сихъ поръ вызываетъ всеобщій ужасъ, злобу и отвращеніе. Распутинъ! Сколько написано книгъ, брошюръ, статей о немъ? Кажется всякій, кто умѣлъ владѣть перомъ, изливалъ свою ненависть противъ этого ужаснаго имени! Тѣ, кто ожидаютъ отъ меня секретныхъ и интересныхъ разоблаченій, вѣроятно будутъ глубоко разочарованы, потому что то, что я разскажу даже мало интересно. Да что могу сказать, я глупая женщина, когда весь міръ осудилъ его, и всѣ, кто писалъ, все видѣли «своими глазами» или знали изъ «достовѣрныхъ» источниковъ? Весь міръ осудилъ его, подобно тому, какъ осудилъ раньше Нерона, Іуду или Пилата. Значитъ, писать уже болѣе нечего, и для какой цѣли буду я стараться перемѣнять мнѣніе людей?

Но ради исторической правды я должна сказать, какъ и почему онъ имѣлъ нѣкоторое вліяніе въ жизни Государя и Государыни. Сперва надо объяснить, кто былъ Распутинъ. Ни монахъ, ни священникъ, а простой «странникъ», которыхъ не мало на Руси. Ихъ Величества принадлежали къ разряду людей, вѣрящихъ въ силу молитвы подобныхъ странниковъ. Государь, какъ и его предокъ Александръ I, былъ всегда мистически настроенъ; одинаково мистически настроена была и Государыня. Но не слѣдуетъ смѣшивать мистическое настроеніе съ спиритизмомъ, верченіемъ столовъ, вызываніемъ духовъ и т. под. Съ первыхъ дней моей дружбы съ Государыней, въ 1905 г., Государыня предупредила меня, что если я хочу быть ея другомъ, то я должна обѣщать ей никогда, никогда не заниматься спиритизмомъ, такъ какъ «это большой грѣхъ». На это я отвѣтила, что Государыня можетъ быть спокойна, такъ какъ я этимъ вопросомъ никогда не интересовалась. Государыня съ интересомъ читала религіозныя книги на всѣхъ языкахъ, интересовалась религіями всего міра, читала переводы книгъ персидскихъ и индійскихъ религій и т. д. Первая книга, которую она дала

мнѣ въ 1905 г., носила названіе: Les amis de Dieu сочиненіе XIV столѣтія. Я тогда съ трудомъ одолѣла эту книгу. Ихъ Величества говорили, что они вѣрятъ, что есть люди, какъ и во время Апостоловъ, не непремѣнно священники, которые обладаютъ благодатью Божіей и молитву которыхъ Господь слышитъ. Къ числу такихъ людей по ихъ мнѣнію принадлежалъ и M. Philippe докторъ философіи, французъ, который бывалъ у Ихъ Величествъ. Они познакомились съ нимъ у Великой Княгини Милицы Николаевны, и онъ умеръ до моего знакомства съ Государыней. Я не знала его лично, и потому не могу о немъ судить. Я только слышала отъ Ихъ Величествъ, что M. Philippe до своей смерти предрекъ имъ, что у нихъ будетъ «другой другъ, который будетъ съ ними говорить о Богѣ». Впослѣдствіи появленіе Распутина, или Григорія Ефимовича, какъ они называли его, они сочли за осуществленіе предсказанія M. Philipp'a объ «иномъ другѣ». Григорія Ефимовича ввелъ въ домъ Великихъ Княгинь Милицы и Станы Николаевнъ епископъ Ѳеофанъ, который былъ очень заинтересованъ этимъ необыкновеннымъ странникомъ. Ихъ Величества въ то время находились въ тѣсной дружбѣ съ этими Великими Княгинями. По разсказамъ Государыни, ихъ поражали умъ и начитанность Великой Княгини Милицы Николаевны, которую близкіе считали чуть ли не пророчицей. У нея Ихъ Величества познакомились съ Распутинымъ, и тамъ же они стали съ нимъ изрѣдка видаться. Ея Величество разсказывала мнѣ о глубокомъ впечатлѣніи, которое произвелъ на нихъ сибирскій странникъ, — да и не только на нихъ однихъ. Она разсказывала о томъ, какъ Столыпинъ позвалъ его къ себѣ послѣ взрыва въ его домѣ — помолиться надъ его больной дочерью.

За мѣсяцъ до моей свадьбы Ея Величество просила Великую Княгиню Милицу Николаевну познакомить меня съ Распутинымъ. Приняла она меня въ своемъ дворцѣ на Англійской набережной, была ласкова и часъ или два говорила со мной на религіозныя темы. Помню, что я очень волновалась, когда доложили о приходѣ Распутина. «Не удивляйтесь», — сказала она, — «я съ нимъ всегда христосуюсь». Вошелъ Григорій Ефимовичъ, худой, съ блѣднымъ, изможденнымъ лицомъ, въ черной сибиркѣ; глаза его необыкновенно проницательные, сразу меня поразили и напомнили глаза о. Іоана Кронштадскаго. «Попросите, чтобы онъ помолился о чемъ нибудь въ особенности», — сказала Великая Княгиня по французски.. Я попросила его помолиться, чтобы я всю жизнь могла положить на служеніе Ихъ Величествамъ. «Такъ и будетъ», — отвѣтилъ онъ, и я ушла домой. Черезъ мѣсяцъ я написала Великой

Княгинѣ, прося ее спросить Распутина о моей свадьбѣ. Она отвѣтила мнѣ, что Распутинъ сказалъ, что я выйду замужъ, но счастья въ моей жизни не будетъ. Особеннаго вниманія на это письмо я не обратила.

Приблизительно черезъ годъ я вновь встрѣтила Распутина въ поѣздѣ по дорогѣ въ Царское Село. Онъ ѣхалъ навѣщать семью одного изъ офицеровъ охраны. Но, спроситъ читатель, когда же онъ сталъ такимъ какимъ знаетъ его весь міръ? Когда пріобрѣлъ онъ такое исключительное вліяніе? Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ надо подробно описать моральное состояніе русскаго общества этой эпохи, вполнѣ ненормальное и доходившее до истеричности. Скажу объ этомъ впослѣдствіи, а теперь въ видѣ подтвержденія своихъ словъ, разскажу, что я лично пережила послѣ того, какъ меня арестовалъ Керенскій весной 1917 года, и я предстала въ первый разъ передъ Чрезвычайной Слѣдственной Комиссіей Временнаго Правительства.

Меня вывели полумертвую, послѣ долгаго заключенія, изъ камеры № 70 Трубецкого бастіона въ комнату, гдѣ сидѣли за огромнымъ зеленымъ столомъ человѣкъ 20 мудрыхъ старцевъ-судей, грозно взиравшихъ на мою особу. Вблизи стола какія то барышни-машинистки въ нарядныхъ кофточкахъ, переговаривались и потихоньку хихикали. Я же сидѣла одна противъ нихъ, на скамьѣ подсудимыхъ, окруженная вооруженными солдатами, терла виски, такъ какъ голова нестерпимо кружилась отъ голода и душа разрывалась отъ невыплаканныхъ слезъ. «Итакъ, скажите намъ», — сказалъ предсѣдатель этого мудраго собранія, — «кого Распутинъ называлъ цвѣткомъ?» Или я сошла съ ума, сидя въ Трубецкомъ бастіонѣ, или они всѣ сошли съ ума, но я никогда не забуду этого вопроса. Я смотрѣла на этого человѣка, ничего не отвѣчая, и взглядъ ли мой удивилъ его, или вопросъ, который онъ мнѣ задалъ, показался ему не столь важнымъ, но онъ замолчалъ. Послѣ перешептыванія, послѣдовалъ второй вопросъ: «Это что за секретная карта, найденная у васъ при обыскѣ?» — грозно сказалъ одинъ изъ судей, протягивая мнѣ меню завтрака на Штандартѣ 1908 года, на оборотной сторонѣ котораго было обозначено расположеніе судовъ во время смотра въ Кронштадтѣ. Маленькой короной было обозначено мѣсто стоянки Императорской яхты. «Посмотрите на годъ», — отвѣтила я. — «Правда 1908-ой?» — Третій вопросъ: «Правда ли, что бывшая Государыня не могла безъ васъ жить?» Зеленый столъ съ судьями кружился въ утомленныхъ глазахъ... Я отвѣчала: «Ахъ, господинъ предсѣдатель, какъ можетъ счастливая мать и жена не жить, не видаясь съ подругой?!» — «Можете итти». — сказалъ предсѣдатель, приказавъ держать еще «строже», такъ какъ я не хотѣла «говорить» на допросѣ.

Вотъ примѣръ умственнаго состоянія до и послѣ революціи. Вопросъ о Распутинѣ очонь похожъ на этотъ допросъ. Распутинымъ воспользовались, какъ поводомъ для разрушенія всѣхъ прежнихъ устоевъ; онъ какъ бы олицетворялъ въ себѣ все то, что стало ненавистнымъ русскому обществу, которое, какъ я уже писала, утратило всякое равновѣсіе; онъ сталъ символомъ ихъ ненависти. И на эту удочку словили всѣхъ, и мудрыхъ и глупыхъ, и бѣдныхъ и богатыхъ. Но громче всѣхъ кричала аристократія и Великіе Князья, и рубили сукъ, на которомъ сидѣли. Какъ пишетъ англійскій писатель Dillon въ своей книгѣ Eclipse of Russia! (p. 196) «It is my belief that though his friends were influential G. Rasputine was a symbol»
(«Я убѣжденъ, что хотя его друзья были вліятельны, самъ Распутинъ былъ лишь символомъ). Россія, какъ и Франція 18-го столѣтія, прошла черезъ періодъ полнаго сумасшествія, и только теперь черезъ страданія и слезы начинаетъ поправляться отъ своего тяжелаго заболѣванія. Плачутъ и проклинаютъ большевиковъ. Большевики — большевиками, но рука Господня страшна. На людяхъ можно казаться добрымъ и благочестивымъ и легко обижать и клеветать невинныхъ, но есть Богъ. И если, кто теперь потерялъ близкихъ или родныхъ, или голодаетъ, или томится на чужбинѣ и мы видимъ, что погибаетъ дорогая родина и милліоны нашихъ соотечественниковъ отъ голода и террора, но не надо забывать, что Богу не было трудно сохранить ихъ жизнь и дать все потребное, такъ какъ у Бога невозможнаго нѣтъ. Но чѣмъ скорѣе каждый поростся въ своей совѣсти, и сознаетъ свою вину передъ Богомъ, Царемъ и Россіей, тѣмъ скорѣе Господь простретъ свою крѣпкую руку и избавитъ насъ отъ тяжкихъ испытаній. «Мнѣ есть отмщеніе и Азъ воздамъ».

Всѣ книги полны разсказами о вліяніи Распутина на государственныя дѣла, и утверждаютъ, что Распутинъ постоянно находился при Ихъ Величествахъ. Вѣроятно, если бы я стала это опровергать, то никто бы не повѣрилъ. Обращу только вниманіе на то, что каждый его шагъ, со времени знакомства Ихъ Величествъ у Великой Княгини Милицы Николаевны до его убійства въ Юсуповскомъ домѣ, записывался полиціей. Объ такъ называемой «охранкѣ» читатель вѣроятно слыхалъ, но объ организованной охранѣ Ихъ Величествъ трудно себѣ составить представленіе, не зная ея. У Ихъ Величествъ были три рода охраны: «Дворцовая полиція», «конвой» и «сводный полкъ». Всѣмъ этимъ завѣдывалъ Дворцовый Комендантъ. Послѣднимъ до 1917 года былъ генералъ Воейковъ. Никто не могъ быть принятымъ Ихъ Величествами или даже подойти ко дворцу безъ вѣдома дворцовой полиціи. Каждый изъ нихъ,

а также всѣ солдаты сводnаго полка на главныхъ постахъ вели точную запись лицъ проходившихъ и проѣзжавшихъ. Кромѣ того они были обязаны сообщать по телефону дежурному офицеру сводnаго полка о каждомъ человѣкѣ, проходившемъ во дворецъ. Каждый шагъ Ихъ Величествъ записывался. Если Государыня заказывала экипажъ къ извѣстному часу, камердинеръ передавалъ по телефону на конюшню, о чемъ сейчасъ же докладывалось Дворцовому Коменданту, который передавалъ приказаніе быть на чеку всей полиціи: что де экипажъ заказанъ къ двумъ часамъ. Это значило, что вездѣ выходила полиція тайная и явная, со своими записями, слѣдя за каждымъ шагомъ Государыни. Стоило ей остановиться гдѣ или поговорить съ знакомыми, чтобы этихъ несчастныхъ сразу обступала послѣ полиція, спрашивая фамилію и поводъ ихъ разговора съ Государыней.

Всѣмъ сердцемъ Государня ненавидѣла эту охрану, которую она называла «шпіонажемъ», но была безсильна измѣнить разъ заведенные порядки. Если я говорю, что Распутинъ пріѣзжалъ два или три раза въ годъ къ Ихъ Величествамъ, а послѣднее время они можетъ быть видѣли его четыре или пять разъ въ годъ — то можно провѣрить по точнымъ записямъ этихъ полицейскихъ книгъ, говорю ли я правду. Въ 1916 году, лично Государь видѣлъ его только два раза. Но Ихъ Величества дѣлали ошибку, окружая посѣщенія Григорія Ефимовича «тайной». Это послужило поводомъ къ разговорамъ; то же они дѣлали видя M. Philipp'a что вызвало толки, будто Ихъ Величества вертятъ столы. Каждый человѣкъ любитъ имѣть нѣкоторую интимность и хочетъ иногда остаться одинъ со своими мыслями или молитвами, закрыть дверь своей комнаты. То же было у Ихъ Величествъ по отношенію къ Распутину, который былъ для нихъ олицетвореніемъ надеждъ и молитвъ. Они на часъ позабывали о земномъ, слушая разсказы о его странствованіяхъ и т. д. Проводили его какимъ нибудь боковымъ ходомъ, по маленькой лѣстницѣ, принимали не въ большой пріемной, а въ кабинетѣ Ея Величества, предварительно пройдя по крайней мѣрѣ 10 постовъ полиціи и охраны съ записями. Эта часовая бесѣда надѣлывала шуму на годъ среди придворныхъ. Я нѣсколько разъ указывала Ея Величеству что подобный пріемъ вызываетъ гораздо больше разговоровъ. Императрица соглашалась, но слѣдующій разъ повторялось то же самое. Секретовъ потому во дворцѣ не существовало. Принимали его обыкновенно вечеромъ, но это не изъ за тайны, а потому, что это было единственное время, что Государь былъ свободенъ.

Алексѣй Николаевичъ приходилъ до сна въ голубомъ халатикѣ посидѣть съ родителями и повидать Григорія Ефимовича. Всѣ они по рус-

скому обычаю три раза цѣловались и потомъ садились бесѣдовать. Онъ имъ разсказывалъ про Сибирь и нужды крестьянъ, о своихъ странствованіяхъ. Ихъ Величества всегда говорили и здоровьѣ Наслѣдника и о заботахъ, которыя въ ту минуту ихъ безпокоили. Когда послѣ часовой бесѣды съ Семьей онъ уходилъ, онъ всегда оставлялъ Ихъ Величества веселыми, съ радостными упованіями и надеждой въ душѣ; до послѣдней минуты они вѣрили въ его молитву и еще изъ Тобольска мнѣ писали, что Россія страдаетъ за его убійство. Никто никогда не могъ поколебать ихъ довѣрія, хотя всѣ враждебныя газетныя статьи имъ приносились, и всѣ старались имъ доказать, что онъ дурной человѣкъ. Отвѣтъ былъ одинъ: «Его ненавидятъ, потому что мы его любимъ». Такъ что «заступаться» за него, какъ обо мнѣ писали, мнѣ, очевидно, не приходилось.

Хотя, какъ я сказала, Ея Величество вполнѣ довѣряла ему, но два раза она посылала меня съ другими къ нему на родину, чтобы посмотрѣть, какъ онъ живетъ у себя въ селѣ Покровскомъ. Конечно, нужно было бы выбрать кого нибудь опытнѣе и умнѣе меня, болѣе способнаго дать о немъ критическій отзывъ; я же поѣхала, ни въ чемъ не сомнѣваясь, съ радостью исполняя желаніе дорогой Государыни, и доложила, что я видѣла. Поѣхала я съ старой Орловой, моей горничной и еще двумя дамами. Мать, разумѣется меня очень не охотно отпускала. Изъ Тюмени до Покровскаго ѣхали 80 верстъ на тарантасѣ. Григорій Ефимовичъ встрѣтилъ насъ и самъ правилъ сильными лошадками, которыя катили насъ по пыльной дорогѣ черезъ необъятную ширь сибирскихъ полей. Подъѣхали къ деревянному домику въ два этажа, какъ всѣ дома въ селахъ, черезъ которыя мы проѣзжали, и меня поразило, какъ сравнительно зажиточно живутъ сибирскіе крестьяне.

Встрѣтила насъ его жена — симпатичная пожилая женщина, трое дѣтей — двѣ молодыя дѣвушки-работницы и дѣдушка рыбакъ. Всѣ три ночи мы, гости, спали въ довольно большой комнатѣ наверху, на тюфякахъ, которые разстилали на полу. Въ углу было нѣсколько большихъ иконъ, передъ которыми теплились лампады. Внизу въ длинной, темной комнатѣ, съ большимъ столомъ и лавками по стѣнамъ обѣдали; тамъ была огромная икона Казанской Божіей Матери, которую они считали чудотворной. Вечеромъ передъ ней собиралась вся семья и «братья» (такъ называли четырехъ другихъ мужиковъ — рыбаковъ), всѣ вмѣстѣ пѣли молитвы и канты.

Водили насъ на берегъ рѣки, гдѣ неводами ловили массу рыбы и тутъ же еще живую и трепещущую чистили и варили уху; пока ловили рыбу, все время пѣли псалмы и молитвы. Ходили въ гости въ семьи

«братьевъ». Вездѣ сибирское угощенье: бѣлыя булки съ изюмомъ и варенъемъ, кедровые орѣхи и пироги съ рыбой. Крестьяне относились къ гостямъ Распутина съ любопытствомъ, къ нему же безразлично, а священники — враждебно. Былъ Успенскій постъ, молока и молочнаго въ этотъ разъ нигдѣ не ѣли; Григорій Ефимовичъ никогда ни мяса, ни молочнаго не ѣлъ. По возвращеніи, я разсказала все, что видѣла.

Въ 1915 году я еще разъ ѣздила въ Сибирь. Въ этотъ разъ съ моей подругой Лили Денъ и другими и со своимъ санитаромъ, такъ какъ была на костыляхъ. Въ этотъ разъ ѣхали мы на пароходѣ по рѣкѣ Турѣ, изъ Тюмени до Тобольска, на поклонъ мощамъ Святителя Іоанна. Въ Тобольскѣ останавливались въ домѣ губернатора, гдѣ впослѣдствіи жили Ихъ Величества. Это былъ большой бѣлый каменный домъ на берегу рѣки — подъ горой; большія команты, обильно меблированныя, но зимой, вѣроятно, холодныя. На обратномъ пути останавливались въ Покровскомъ. Опять ловили рыбу и ходили въ гости къ тѣмъ же крестьянамъ. Григорій Ефимовичъ же и его семья цѣлый день работали въ домѣ и на полѣ. Оба раза на обратномъ пути заѣзжали въ Верхотурскій монастырь на Уралѣ, гдѣ говѣли и поклонялись мощамъ. Св. Симеона. Посѣщали также скитъ, находившійся въ лѣсу, въ 12 верстахъ отъ монастыря; тамъ жилъ прозорливый старецъ, отецъ Макарій, къ которому многіе ѣздили изъ Сибири. Интересны бывали бесѣды между нимъ и Распутинымъ.

Вспоминаю случай на одной изъ маленькихъ станцій на Уралѣ, который не могу объяснить. Стояли два поѣзда теплушекъ съ китайцами-рабочими, ѣхавшими въ Россію. Увидя Григорія Ефимовича у вагона, вся толпа китайцевъ кинулась къ нему, его окружили, причемъ каждый старался до него добраться. Напрасно уговаривали ихъ старшины.... Публика высыпала изъ вагоновъ посмотрѣть, что будетъ, но нашъ поѣздъ тронулся. Китайцы провожали его восклицаніями, махая руками.

Самое сильное озлобленіе на Распутина поднялось въ два или три послѣдніе года его жизни. Его квартира въ Петроградѣ, гдѣ онъ проводилъ всего больше времени, была переполнена всевозможной бѣднотой и разными просителями, которые, воображая себѣ, что онъ имѣетъ огромную власть и вліяніе при Дворѣ, приходили къ нему со своими нуждами. Григорій Ефимовичъ, перебѣгая отъ одного къ другому, безграмотной рукой писалъ на бумажкахъ разнымъ вліятельнымъ лицамъ записки всегда почти одного содержанія: «милый, дорогой, прими» или «милый, дорогой, выслушай». Несчастные не знали, что менѣе всего могли разсчитывать на успѣхъ, прося черезъ него, такъ какъ всѣ относились

къ нему отрицательно. Одно изъ самыхъ трудныхъ порученій Государыни — большей частью изъ за болѣзни Алексѣя Николаевича — это было ѣздить на квартиру Григорія Ефимовича, всегда полную просителями и часто — проходимцами, которые сейчасъ же обступали меня и не вѣрили, что я въ чемъ-либо помочь имъ не могу, такъ какъ я считалась чуть ли не всемогущей. Всѣ эти прошенія, которыя шли черезъ Григорія Ефимовича и которыя онъ привозилъ въ послѣдніе годы въ карманахъ къ Ихъ Величествамъ, только ихъ сердили; они складывали ихъ въ общій пакетъ на имя графа Ростовцева *), который разсматривалъ ихъ и давалъ имъ законный ходъ. Но, конечно, это создавало массу разговоровъ, и я помню, какъ благомыслящіе люди просили Ихъ Величества дать Григорію Ефимовичу келью въ Александро-Невской лаврѣ или другомъ монастырѣ, дабы тамъ оградить его отъ толпы, газетныхъ репортеровъ и всякихъ проходимцевъ, которые впослѣдствіи, чтобы очернить Ихъ Величества, пользовались его простотой, увозили съ собой и напаивали его; но Ихъ Величества тогда не обратили вниманія на эти совѣты. Какъ то разъ, идя къ нему, я встрѣтила на лѣстницѣ бѣднаго студента, который просилъ меня купить ему пальто. Единственное письмо, полученное мною по почтѣ въ Петропавловской крѣпости, было отъ этого студента, который молился о моемъ освобожденіи. Это былъ одинъ изъ немногихъ лицъ, приходившихъ въ квартиру Распутина, который оставилъ послѣ себя пріятное воспоминаніе.

---

*) Секретарь Государыни Императрицы Александры Федоровны.

XIII.

Существуетъ фотографія, которая была воспроизведена въ Россіи, а также въ Европѣ и Америкѣ. Фотографія эта представляетъ Распутина сидящимъ въ видѣ оракула среди дамъ — аристократокъ своего «гарема» и какъ бы подтверждаетъ огромное вліяніе, которое будто бы имѣлъ онъ въ придворныхъ кругахъ. Но я думаю, что никакая женщина, если бы даже и захотѣла, не могла бы имъ увлечься; ни я, и никто, кто зналъ его близко, не слыхали о таковой, хотя его постоянно обвиняли въ развратѣ. Страннымъ кажется еще тотъ фактъ, что, когда послѣ революціи начала дѣйствовать слѣдственная комиссія, не оказалось ни одной женщины въ Петроградѣ, или въ Россіи, которая выступила бы съ обвиненіями противъ него; свѣдѣнія черпались изъ записей «охранниковъ», которые были приставлены къ нему.

Я могу дать объясненіе этого снимка, такъ какъ сама изображена на немъ. Въ первые годы къ Григорію Ефимовичу приходили только тѣ люди, которые, какъ и Ихъ Величества, искали разъясненія по разнымъ религіознымъ вопросамъ; послѣ ранней обѣдни въ какомъ нибудь монастырѣ, причастившись Св. Таинъ, богомольцы собирались вокругъ него, слушая его бесѣды, и я, всегда «искавшая» религіозное настроеніе и утѣшеніе послѣ вѣчныхъ интригъ и зла придворной обстановки, съ интересомъ слушала необыкновенныя бесѣды человѣка, совсѣмъ не ученаго, но говорившаго такъ, что и ученые профессора и священники находили интереснымъ его слушать. Несмотря на то, что онъ былъ человѣкъ безграмотный, онъ зналъ все священное писаніе, и его бесѣды отличались оригинальностью, такъ что, повторяю, привлекали не мало людей образованныхъ и начитанныхъ, каковыми были безспорно епископы Ѳеофанъ и Гермогенъ, Великая Княгиня Милица Николаевна и др. Приходили къ нему и съ разными горями и нуждами. Нуждѣ всякой онъ помогалъ, т. е. отдавалъ все, если что получалъ, и утѣшалъ совѣтами и объясненіями тѣхъ, кто приходилъ къ нему со своими заботами. Терпѣливо выслушивалъ разныхъ дамъ, которыя являлись съ сердечными вопросами, всегда строго порицая грѣховныя дѣла.

Разскажу случай съ одной моей близкой знакомой, который объяснитъ, какъ онъ смотрѣлъ на жизнь, а также его нѣкоторую прозорливость, или чуткость — пусть каждый назоветъ, какъ хочетъ. Одна молоденькая дама однажды при мнѣ заѣхала къ Григорію Ефимовичу по дорогѣ — на свиданіе со своимъ другомъ. Григорій Ефимовичъ, посмотрѣвъ на нее пристально, сталъ разсказывать, какъ на одной станціи монахъ угощалъ его чаемъ, спрятавъ бутылку вина подъ столомъ, и называя его «святымъ» задавалъ вопросы. «Я святой», — закричалъ Григорій Ефимовичъ, хлопнувъ кулакомъ по столу, — «и ты просишь меня тебѣ помочь; а за чѣмъ же ты прячешь бутылку вина подъ столомъ». Дама поблѣднѣла и растерянно стала прощаться.

Помню, какъ то въ церкви подошелъ къ нему почтовый чиновникъ и просилъ помолиться о больной. «Ты меня не просп» — отвѣтилъ онъ, — « а молись св. Ксеніи ». Чиновникъ въ испугѣ и удивленіи вскрикнулъ: «Какъ вы могли знать, что жену мою зовутъ Ксеньей». Подобныхъ случаевъ я могла бы разсказать сотни, но ихъ пожалуй, такъ или иначе можно объяснить, но гораздо удивительнѣе то, что онъ говорилъ о будущемъ, сбывалось.....

Трудно также объяснить себѣ, какъ онъ помогалъ больнымъ. Слѣдующій фактъ изъ жизни Наслѣдника тронетъ сердце каждой матери. Всѣ знаютъ, что во время постоянныхъ заболѣваній Алексѣя Николаевича Ихъ Величества всегда обращались къ Распутину, вѣря, что его молитва поможетъ бѣдному мальчику. Въ 1915 году, когда Государь всталъ во главѣ арміи, онъ уѣхалъ въ ставку, взявъ Алексѣя Николаевича съ собой. Въ разстояніи нѣсколькихъ часовъ пути отъ Царскаго Села у Алексѣя Николаевича началось кровоизліяніе носомъ. Докторъ Деревенко, который постоянно его сопровождалъ, старался остановить кровь, но ничто не помогало, и положеніе становилось настолько грознымъ, что Деревенко рѣшился просить Государя вернуть поѣздъ обратно, такъ какъ Алексѣй Николаевичъ истекаетъ кровью. Какіе мучительные часы провела Императрица, ожидая ихъ возвращенія, такъ какъ подобнаго кровоизліянія больше всего опасались. Съ огромными предосторожностями перенесли его изъ поѣзда. Я видѣла его, когда онъ лежалъ въ дѣтской: маленькое, восковое лицо, въ ноздряхъ окровавленная вата. Профессоръ Федоровъ и докторъ Деревенко возились около него, но кровь не унималась. Федоровъ сказалъ мнѣ, что онъ хочетъ попробовать послѣднее средство это достать какую то желѣзу изъ морскихъ свинокъ. Императрица стояла на колѣняхъ около кровати, ломая себѣ голову, что дальше предпринять. Вернувшись домой, я получила отъ нея запис-

ку съ приказаніемъ вызвать Григорія Ефимовича. Онъ пріѣхалъ во дворецъ и съ родителями прошелъ къ Алексѣю Николаевичу. По ихъ разсказамъ, онъ, подойдя къ кровати, перекрестилъ Наслѣдника, сказавъ родителямъ, что серьезнаго ничего нѣтъ и имъ нечего безпокоиться, повернулся и ушелъ. Кровотеченіе прекратилось. Государь на слѣдующій день уѣхалъ въ ставку. Доктора говорили, что они совершенно не понимаютъ, какъ это произошло. Но это — фактъ. Понявъ душевное состояніе родителей, можно было бы имъ простить Распутина; у каждаго человѣка есть свои предразсудки, или назовите ихъ какъ хотите, — и когда наступаютъ тяжелыя минуты въ жизни, каждый переживаетъ по своему; но самые близкіе не хотѣли понять положенія, и понявъ — объяснить тѣмъ, кого завѣдомо вводили въ заблужденіе.

Что касается денегъ, то Распутинъ никакихъ денегъ отъ Ихъ Величествъ не принималъ, никогда отъ нихъ никакихъ денежныхъ суммъ не получалъ, за исключеніемъ сотни рублей, которые посылали ему иногда на извощика. Вообще деньги въ его жизни не играли роли: если ему давали, онъ сразу же ихъ раздавалъ. Семья его послѣ его смерти осталась въ полной нищетѣ.

Въ 1913 году, помню, Министръ Финансовъ Коковцевъ, который, какъ и всѣ, не любилъ Распутина, предложилъ ему 200.000 рублей съ тѣмъ, чтобы онъ уѣхалъ изъ Петербурга и не возвращался. Предложеніе это обидѣло Григорія Ефимовича. Онъ отвѣтилъ, что если «Папа» и «Мама» хотятъ то онъ конечно уѣдетъ, но зачѣмъ же его покупать*). Знаю много случаевъ, когда онъ помогалъ во время болѣзней, но помню также, что онъ не любилъ, когда его просили помолиться о больныхъ младенцахъ, говоря: «жизнь вымолимъ, но примешь ли ты на себя грѣхи, которые ребенокъ натворитъ въ жизни».

Вспоминаю также эпизодъ съ однимъ изъ знаменитыхъ враговъ Распутина, монахомъ Иліодоромъ. О немъ, вѣроятно, много слышалъ читатель: какъ онъ въ концѣ всѣхъ своихъ приключеній снялъ рясу, женился и жилъ заграницей. По моему мнѣнію онъ безусловно былъ не нормальный человѣкъ. Этотъ самый Иліодоръ затѣялъ два покуше-

---

*) По поводу упоминаемаго факта мы обращались къ графу В. Н. Коковцову, который уполномочилъ насъ удостовѣрить, что видѣлъ Распутина, по его о томъ просьбѣ, всего лишь одинъ разъ, 15 Февраля 1912 года, когда имѣлъ съ нимъ разговоръ въ присутствіи сенатора В. Н. Мамантова. Во время этого разговора, посвященнаго главнымъ образомъ вопросу о необходимости отъѣзда его изъ Петербурга, дабы положить предѣлъ крайне неблагопріятнымъ сужденіямъ въ думѣ и въ печати, никакой рѣчи о предложеніи ему денегъ не было, и вообще графъ Коковцовъ никогда, ни прямо, ни косвенно, никакихъ, даже самыхъ отдаленныхъ намековъ на это не дѣлалъ. *(Ред.)*.

нія на Распутина. Первое ему удалось, когда нѣкая женщина Гусева ранила его ножомъ въ животъ — въ Покровскомъ. Это было въ 1914 году за нѣсколько недѣль до начала войны. Второе покушеніе было устроено министромъ Хвостовымъ съ этимъ же Иліодоромъ, но послѣдній послалъ свою жену въ Петроградъ со всѣми документами и выдалъ заговоръ. Всѣ эти личности, вродѣ Хвостова, смотрѣли на Распутина, какъ на орудіе къ осуществленію ихъ завѣтныхъ желаній, воображая черезъ него получить тѣ или иные милости. Въ случаѣ неудачи они становились его врагами. Такъ было съ Великими Князьями, епископами Гермогеномъ, Ѳеофаномъ и др. Я увѣрена что Иліодоръ также ненавидѣлъ Государыню и написалъ одну изъ самыхъ грязныхъ книгъ о Царской Семьѣ. Прежде чѣмъ издать ее, онъ сдѣлалъ Государынѣ письменное предложеніе — купить эту книгу за 60.000 рублей, грозя въ противномъ случаѣ издать ее въ Америкѣ. Помню, это было въ ставкѣ, въ 1916 году. Государыня возмутилась этимъ предложеніемъ, заявивъ, что пусть Иліодоръ пишетъ, что онъ хочетъ, и на бумагѣ написала: «отклонить». Въ послѣднее время Илліодоръ живетъ въ Россіи и кажется въ прекрасныхъ отношеніяхъ съ коммунистами, зарекомендовавъ себя нападками на церковь и духовенство. При Временномъ Правительствѣ много говорили, что братъ его занимался выдачей заграничныхъ паспортовъ.

Но какое же вліяніе имѣлъ Распутинъ на политику? Вѣдь тѣ, кто убили его, если вѣрить имъ, освобождали Россію отъ «германскаго агента», который де втягивалъ Ихъ Величества и Россію въ сепаратный миръ и т. д..... Письма Государыни доказываютъ, какъ Ихъ Величества смотрѣли на вопросъ о мирѣ.. И если я пишу, то пишу для выясненія правды и для будущаго суда исторіи, а потому пишу все, какъ было. Послѣдніе годы всевозможные министры, журналисты и т. д. ѣздили къ Распутину, и если бы онъ хотѣлъ, то ему, конечно не мало представлялось случаевъ вмѣшиваться въ политику; но теперь и судебное разслѣдованіе Чрезвычайной Слѣдственной Комиссіи Временнаго Правительства доказало, что политикой онъ не занимался. Точно также и у Ихъ Величествъ разговоры съ нимъ были всегда на отвлеченныя темы и о здоровьѣ маленькаго Наслѣдника. Вспоминаю только одинъ случай, когда дѣйствительно Григорій Ефимовичъ оказалъ вліяніе на внѣшнюю политику. Это было въ 1912 году, когда Великій Князь Николай Николаевичъ и его супруга старались склонить Государя принять участіе въ Балканской войнѣ. Распутинъ, чуть ли не на колѣняхъ передъ Государемъ, умолялъ его этого не дѣлать, говоря, что враги Россіи только

ждуть того, чтобы Россія завязалась въ эту войну, и что Россію постигнетъ немпнуемое несчастье.

Какъ я уже писала, въ началѣ войны съ Германіей, Григорій Ефимовичъ лежалъ раненый Гусевой въ Покровскомъ. Онъ тогда послалъ двѣ телеграммы Его Величеству, умоляя «не затѣвать войны». Онъ и ранѣе часто говорилъ Ихъ Величествамъ, что съ войной все будетъ кончено для Россіи и для нихъ. Государь, увѣренный въ побѣдоносномъ окончаніи войны, тогда разорвалъ телеграмму, и съ началомъ войны, какъ мнѣ лично казалось, относился холодно къ Григорію Ефимовичу. Послѣдній разъ Государь видѣлъ Распутина у меня въ домѣ въ Царскомъ Селѣ, куда по приказанію Ихъ Величествъ, я вызвала его. Это было приблизительно за мѣсяцъ до его убійства. Здѣсь я убѣдилась лишній разъ, какимъ пустымъ вымысломъ было пресловутый разговоръ о желаніи сепаратнаго мира, о которомъ клеветники распространяли молву, указывая, что это желаніе — то Государя, то Распутина-Штюрмера или другихъ. Государь пріѣхалъ озабоченный и, сѣвъ, сказалъ: «Ну, Григорій, помолись хорошенько; мнѣ кажется, что сама природа идетъ противъ насъ сейчасъ». Онъ разсказывалъ, что изъ за снѣжныхъ заносовъ не успѣваютъ подвозить хлѣбъ въ Петроградъ. Григорій Ефимовичъ ободрилъ его, сказалъ, что главное — не надо заключать мира, такъ какъ та страна побѣдитъ, которая покажетъ болѣе стойкости и терпѣнія. Государь согласился съ этимъ, замѣтивъ, что у него есть свѣдѣнія, что и въ Германіи сейчасъ плохо съ продовольствіемъ. Затѣмъ Григорій Ефимовичъ указалъ, что надо думать о томъ, какъ бы обезпечить всѣхъ сиротъ и инвалидовъ: послѣ войны, чтобы «никто не остался обиженнымъ: вѣдь каждый отдалъ тебѣ все, что имѣлъ самаго дорогого». Когда Ихъ Величества встали, чтобы проститься съ нимъ, Государь сказалъ, какъ всегда: «Григорій, перекрести насъ всѣхъ». — «Сегодня ты благослови меня», — отвѣтилъ Григорій Ефимовичъ, что Государь и сдѣлалъ. Чувствовалъ ли Распутинъ, что онъ видитъ ихъ въ послѣдній разъ, не знаю: утверждать, что онъ предчувствовалъ осбытія, не могу, хотя то, что онъ говорилъ, сбылось. Я лично описываю только то, что слышала, и какимъ видѣла его. Со своей смертью Распутинъ ставилъ въ связь большія бѣдствія для Ихъ Величествъ. Послѣдніе мѣсяцы онъ все ожидалъ, что его скоро убьютъ.

Свидѣтельствую страданіями, которыя я переживала, что я лично за всѣ годы ничего непристойнаго не видѣла и не слыхала о немъ, а наоборотъ, многое изъ сказаннаго во время этихъ бесѣдъ помогло мнѣ нести крестъ поруганья и клеветы, Господомъ на меня возложенный. Распутина считали и считаютъ злодѣемъ безъ доказательства его зло-

дѣяній. За его безчисленныя злодѣянія его убили — безъ суда, несмотря на то, что самымъ большимъ преступникамъ во всѣхъ государствахъ полагается арестъ и судъ, а ужъ послѣ — казнь.

Владиміръ Михайловичъ Рудневъ *), производившій слѣдствіе при Временномъ Правительствѣ, былъ одинъ изъ немногихъ, который старался распутать дѣло о «темныхъ силахъ» и выставить аРспутина въ настоящемъ свѣтѣ, но и ему было трудно: Распутинъ былъ убитъ, а русское общество было психически растроено, такъ что мало кто судилъ здраво и хладнокровно. Въ слѣдствіи Руднева замѣтно, какъ при самахъ лучшихъ намѣреніяхъ онъ часто смѣшивалъ показанія, и свидѣтельства съ личными выводами. Но статья его очень цѣнна, потому это онъ единственный имѣлъ гражданское мужество ради истины встать на точку зрѣнія здравомыслящаго человѣка, не заразившись стаднымъ мнѣніемъ русскаго общества въ 1917 году. Онъ изложилъ всѣ факты, касающіеся Распутина, такъ, какъ они казались ему наиболѣе правдивыми. Честный и безпристрастый судья —Рудневъ не могъ оставаться въ Чрезвычайной Комиссіи, гдѣ Муравьевъ заставлялъ его дѣйствовать противъ его убѣжденій и совѣсти. Не знаю, писалъ ли еще кто нибудь изъ другихъ членовъ Комиссіи. Я всегда сожалѣла что если Распутина считали виноватымъ, его не судили, какъ слѣдуетъ со свидѣтелями и т. д. Убійство же его,одна изъ самыхъ темныхъ страницъ въ исторіи русскаго общества, и вопросъ о его виновности остается неразрѣшеннымъ. Но какой бы смертью человѣкъ не умеръ — отъ рукъ ли убійцъ, или своей смертью, отъ Божьяго суда никто не уйдетъ, и каковъ бы человѣкъ ни былъ — Господь ему Единый Праведный Судья.

Я тоже глубоко сожалѣю о томъ, что Рудневъ лично не видалъ его и не имѣлъ случая бесѣдовать съ нимъ, какъ онъ говорилъ со мной. Меня онъ допрашивалъ не болѣе не менѣе какъ 15 разъ (по четыре часа каждый разъ). Помню какъ добросовѣстно онъ старался ради исторической правды отдѣлить факты отъ массы истеричныхъ сплетней. Въ его докладѣ обо мнѣ есть, однако одна маленькая неточность въ числахъ и небольшая несправедливость. Онъ говоритъ о моей «болтливости» и «перепрыгиваніи со одного сюжета на другой». Я часто задавала себѣ вопросъ: если бы самый ученый судья просидѣлъ въ Трубецкомъ бастіонѣ столько мѣсяцевъ, все время страдая отъ побоевъ и оскорбленій, тѣлесныхъ душевныхъ, и потомъ бы его привели на допросъ, давъ возможность въ первый разъ оправдывать себя, — сталъ

*) Записки В. М. Руднева см. „Русская Лѣтопись'' книга 2-ая.

ли бы онъ говорить съ полнымъ спокойствіемъ ? Но я не жалуюсь, а только всей душой благодарю Бога, что нашелся порядочный русскій человѣкъ, который имѣлъ смѣлость сказать правду, — всѣ же другіе, и члены Императорской фамиліи и люди высшаго общества, которые знали меня съ дѣтства, танцовали со мной на придворныхъ балахъ, знали долгую, честную и безпорочную службу моего дорогого отца, — всѣ безпощадно меня оклеветали, выставляя меня какой то проходимкой, которая сумѣла пролѣзть къ Государынѣ и ее опутать.

Когда начались гоненія на Распутина и въ обществѣ стали возмущаться его мнимымъ вліяніемъ, всѣ отреклись отъ меня и кричали, что я познакомила его съ Ихъ Величествами. Легко было свалить вину на беззащитную женщину, которая не смѣла и не могла выразить неудовольствія... Они же, сильные міра сего, спрятались за спину этой женщины закрывая глаза и уши всѣмъ на тотъ фактъ, что не я, а Великіе Князья Николай Николаевичъ и Петръ Николаевичъ съ ихъ женами привели во дворецъ сибирскаго странника. Не будь этого, онъ жилъ бы, никому не мѣшая, на своей далекой родинѣ.

Читая записки Палеолога, я нашла въ нихъ много вымышленнаго на счетъ разговоровъ касающихся моей личности. Равнымъ образомъ авторъ не точно передалъ о своемъ знакомствѣ съ Распутинымъ. Такъ какъ свиданіе происходило въ домѣ моей сестры, то я имѣю возможность внести существенную поправку въ его разсказъ. Палеологъ пріѣхалъ въ домъ сестры съ княгиней Палѣй, (матерью мужа, моей сестры), желая съ нимъ лично познакомиться. При свиданіи княгиня Палѣй служила переводчицей словъ Распутина; послѣ почти часовой бесѣды, Палеологъ всталъ и разцѣловался съ нимъ, сказавъ: « voilà un véritable illuminé».

XIV.

Послѣдніе два мѣсяца послѣ убійства Распутина Государь оставался въ Царскомъ Селѣ. Онъ былъ поглощенъ заботами о войнѣ, и Ихъ Величества оба глубоко вѣрили въ блестящее ея окончаніе. О мирѣ, повторяю, ничего не хотѣли слышать, были планы и надежды побѣдоносно окончить войну весной, такъ какъ свѣдѣнія о тяжеломъ продовольственномъ положеніи въ Турціи и Германіи подтверждались. Съ середины декабря до конца февраля было затишье на фронтѣ, и Государь находилъ свое присутствіе въ ставкѣ излишнимъ. Онъ получалъ каждый день къ вечеру свѣдѣнія по прямому проводу. Въ бильярдной Государя были военныя карты; никто не смѣлъ входить туда: ни Императрица, ни дѣти, ни прислуга. Ключи находились у Государя. Когда начались снѣжные заносы, вопросъ о продовольствіи и у насъ сильно волновалъ Ихъ Величества.

Въ это время Великій Князь Александръ Михайловичъ писалъ письмо за письмомъ, требуя видѣть Государыню для личныхъ объясненій. Писалъ онъ и Великой Княжнѣ Ольгѣ Николаевнѣ о томъ же. Императрица сперва не хотѣла принять его, зная, что начнется разговоръ о политикѣ, Распутинѣ и т. д. Кромѣ того она заболѣла. Такъ какъ Великій Князь настаивалъ на свиданіи, то Государыня приняла его, лежа въ кровати. Государь хотѣлъ быть въ той же комнатѣ, чтобы въ случаѣ непріятнаго разговора не оставить ее одну. Дежурнымъ былъ въ тотъ день флигель-адъютантъ Линевичъ. Послѣ завтрака онъ остался съ Великой Княжной Татьяной Николаевной въ кабинетѣ Императрицы. въ сосѣдствѣ со спальней Государыни, во время пріема Ихъ Величествами Великаго Князя на тотъ случай, если бы ему понадобилось кинуться на помощь Государынѣ: такъ обострились отношенія Великихъ Князей къ Ея Величеству. Новаго Великій Князь ничего не сказалъ, но потребовалъ увольненія Протопопова, образованія отвѣтственнаго министерства и устраненія Государыни отъ управленія государствомъ. Государь отвѣчалъ. какъ разсказывалъ послѣ, что пока нѣм-

цы на русской землѣ, онъ никакихъ реформъ не будетъ проводить. Великій Князь ушелъ чернѣе ночи, и вмѣсто того, чтобы уѣхать изъ дворца, отправился въ большую библіотеку, потребовалъ себѣ перо и чернила и сѣлъ писать письмо. Дежурный флигель-адъютантъ не покидалъ его. Великій Князь замѣтилъ ему, что онъ можетъ уходить, на что послѣдній возразилъ, что обязанность дежурнаго флигель-адъютанта оставаться при Великомъ Князѣ. Князь писалъ долго. Окончивъ, онъ передалъ письмо на имя Великаго Князя Михаила Александровича и отбылъ.

На другой день пріѣхалъ ко мнѣ Герцогъ Александръ Георгіевичъ Лейхтенбергскій. Взволнованный онъ просилъ меня передать Его Величеству его просьбу, отъ исхода которой, по его мнѣнію, зависѣло единственно спасеніе Царской семьи, а именно: чтобы Государь потребовалъ вторичной присяги ему всей Императорской фамиліи. Я отвѣтила тогда, что я не могу объ этомъ говорить съ Ихъ Величествами, но умоляла его сдѣлать это лично. О разговорѣ Государя съ Герцогомъ Александромъ Георгіевичемъ, однимъ изъ самыхъ благородныхъ людей, я узнала отъ Государыни только то, что Государь сказалъ ему: «Напрасно, Сандро, такъ безпокоишься о пустякахъ! Я же не могу обижать свою семью, требуя отъ нихъ присяги!»

Еще одинъ человѣкъ предупреждалъ о той грозѣ, которая вскорѣ разразилась надъ головами Ихъ Величествъ. Это — нѣкій Тихановичъ, членъ союза русскаго народа, который пріѣхалъ изъ Саратова. Онъ стучался повсюду и, не добившись ничего, пріѣхалъ въ мой лазаретъ: онъ былъ совсѣмъ глухой. Онъ умолялъ меня устроить ему пріемъ у Ихъ Величествъ, говоря, что привезъ доказательства и документы на счетъ опасной пропаганды, которая ведется союзами земствъ и городовъ съ помощью Гучкова, Родзянко и другихъ въ цѣляхъ свержения съ престола Государя. Къ сожалѣнію Государь мнѣ отвѣтилъ, что онъ слишкомъ занятъ, но велѣлъ Государынѣ принять его. Послѣ часового разговора съ нимъ, Государыня сказала, что она очень тронута его преданностью и искреннимъ желаніемъ помочь имъ, но находитъ, что опасенія его преувеличены.

Чтобы немного отдохнуть отъ монотонности и развлечься, Ихъ Величества пожелали услышать маленькій румынскій оркестръ, который понравился имъ въ одномъ изъ лазаретовъ. Я раза три приглашала ихъ вечеромъ къ себѣ. Сюда приходили и Ихъ Величества. По ихъ приказанію я пригласила на концерты также Герцога Александра Георгіевича Лейхтенбергскаго, дочерей графа Фредерикса, Воейкову и Эмму,

мою сестру съ мужемъ, Лили Дэнъ, нѣкоторыхъ флигель-адъютантовъ и другихъ лицъ. Всѣ мы съ удовольствіемъ слушали красивую игру румынъ, особенно же были довольны Государь и Великія Княжны. Сидя между Ихъ Величествами, помню, какъ я испугалась, когда увидѣла, что Государыня обливается слезами. Она сказала мнѣ, что не можетъ слушать музыку, что душа ея полна необъяснимой грустью и предчувствіемъ. Наши три безобидныхъ вечера подняли въ Петроградскомъ обществѣ бурю злостности, — во дворцѣ происходили, по ихъ словамъ, «оргіи!»...

Вѣроятно все же Государь отчасти тревожился о своемъ семействѣ, когда высказывалъ сожалѣніе, что въ Петроградѣ и Царскомъ Сэлѣ нѣтъ настоящихъ кадровыхъ войскъ (въ Петроградѣ стояли резервные полки) и выражалъ желаніе, чтобы полки гвардіи по очередно приходили въ Царское Село на отдыхъ, и, въ случаѣ нужды, думаю, чтобы предохранить отъ грозящихъ безпорядковъ. Первый приказъ послѣдовалъ Гвардейскому Экипажу выступить съ фронта въ Царское Село, но почти сейчасъ же онъ получилъ контръ-ордеръ отъ вр. Начальника Штаба Верховнаго Главнокомандующаго, генерала Гурко, замѣнившаго больного генерала Алексѣева. Насколько я помню, командиръ Экипажа испросилъ тогда дальнѣйшихъ приказаній Государя черезъ Дворцоваго Коменданта. Государь вторично приказалъ Гвардейскому Экипажу слѣдовать въ Царское Село, но, не доходя Царскаго, снова Экипажъ былъ остановленъ высшими властями подъ предлогомъ, кажется, карантина, и только послѣ третьяго приказанія Его Величества, прибылъ въ Царское Село. Государь вызвалъ и другія гвардейскія части. Такъ, напримѣръ, онъ приказалъ Уланамъ Его Величества слѣдовать въ Царское. Но Государь разсказывалъ, что пріѣхавшій генералъ Гурко подъ разными предлогами отклонилъ приказаніе Государя.

Боялись ли, что Государь догадается о серьезномъ положеніи, не знаю, но стали торопить его уѣхать на фронтъ. 19-го или 20-го февраля къ Государю пріѣхалъ Великій Князь Михаилъ Александровичъ и сталъ доказывать ему, что въ арміи растетъ большое неудовольствіе по поводу того, что Государь живетъ въ Царскомъ и такъ долго отсутствуетъ изъ ставки. Послѣ этого разговора Государь рѣшилъ уѣхать. Недовольство арміи казалось Государю серьезнымъ поводомъ спѣшить въ ставку, но одновременно онъ и Государыня узнали о другихъ фактахъ, глубоко возмутившихъ ихъ, и которые ихъ сильно обезпокоили. Государь заявилъ мнѣ, что онъ знаетъ изъ вѣрнаго источника, что англійскій посолъ сэръ Бьюкененъ принимаетъ дѣятельное участіе въ интригахъ противъ Ихъ Величествъ и что у него въ посольствѣ чуть ли не засѣда-

нія съ Великими Князьями по этому случаю. Государь добавилъ, что онъ намѣренъ послать телеграмму королю Георгу съ просьбой воспретить Англійскому послу вмѣшиваться во внутреннюю политику Россіи, усматривая въ этомъ желаніи Англіи устроить у насъ революцію и тѣмъ ослабить страну ко времени мирныхъ переговоровъ. Просить же объ отозваніи Бьюкенена Государь находилъ неудобнымъ: «это слишкомъ рѣзко», — какъ выразился его Величество.

16-го февраля, наканунѣ отъѣзда Государя, у меня обѣдали два или три офицера Гвардейскаго Экипажа, пріѣхавшіе съ фронта, и моя подруга, Лили Дэнъ. Во время обѣда я получила записку отъ Императрицы, которая приглашала насъ всѣхъ провести вечеръ у Ихъ Величествъ. Государь пришелъ очень разстроенный. Можетъ быть другіе и не замѣтили, но я хорошо знала его. Пили чай въ новой комнатѣ за круглымъ столомъ. На другой день утромъ пріѣдя къ Государынѣ, я застала ее въ слезахъ. Она сообщила мнѣ что Государь уѣзжаетъ. Простились съ нимъ по обыкновенію въ зеленой гостиной Государыни. Императрица была страшно разстроена. На мои замѣчанія о тяжеломъ положеніи и готовившихся безпорядкахъ Государь мнѣ отвѣтилъ, что прощается не на долго, что черезъ нѣсколько дней вернется. Я вышла потомъ на четвертый подъѣздъ, чтобы увидѣть проѣзжающій моторъ Ихъ Величествъ. Онъ промчался на станцію при обычномъ трезвонѣ Федоровскаго собора.

Мнѣ въ этотъ день очень нездоровилось. Утромъ я съ трудомъ занималась въ моемъ лазаретѣ, во время операціи еле держалась на ногахъ. но тяжело больной не хотѣлъ безъ меня подвергаться операціи, и пока я держала руку солдата, сама чуть не свалилась. Проводивъ Государя, я легла, написавъ Государынѣ, что не могу придти къ чаю. Вечеромъ пришла Татьяна Николаевна съ извѣстіемъ, что у Алексѣя Николаевича и Ольги Николаевны — корь. Заразились они отъ маленькаго кадета, который пріѣзжалъ играть съ Наслѣдникомъ 10 дней тому назадъ. Мы съ Императрицей долго сидѣли днемъ въ этотъ день у дѣтей, такъ какъ была больна воспаленіемъ уха Великая Княжна Ольга Николаевна. Кадетъ подозрительно кашлялъ и на другой день заболѣлъ корью. Для себя я не вѣрила въ возможность заразы. Несмотря на сильный жаръ на другой день. 22-го февраля, я превозмогла себя и встала къ обѣду, когда пріѣхала моя подруга Лили Дэнъ. Вечеромъ Императрица съ Княжнами пришла къ намъ, но у меня сильно кружилась голова, и я еле могла разговаривать. На слѣдующій день Императрица нашла, что у меня появились подозрительныя пятна на лицѣ, привели докторовъ Боткина и Полякова, которые опредѣлили корь въ очень сильной формѣ;

заболѣла и Великая Княжна Татьяна Николаевна. Дорогая Императрица, забывъ всѣ свои недуги, одѣвъ бѣлый халатъ, разрывалась между дѣтьми и мною.

Вспоминаю, что въ полуснѣ и видѣла Государыню постоянно возлѣ моей постели: то она приготовляла питье, то поправляла подушки, то говорила съ докторомъ. Подозрительно стали кашлять Марія и Анастасія Николаевны. Въ полузабытіи я видѣла родителей и сестру, и помню какъ долетали до меня ихъ разговоры съ Государыней о какихъ-то безпорядкахъ и бунтахъ въ Петроградѣ, но о первыхъ дняхъ революціи и возстаніи резервныхъ полковъ я вначалѣ ничего не знала. Знаю, одно, что несмотря на все происходившее, Государыня была вполнѣ спокойна и мужественно выслушивала всѣ доходившія до нея извѣстія. Когда моя сестра пришла и разсказывала Государынѣ происходившее въ Петроградѣ, говоря, что пришелъ всему конецъ, Императрица только улыбнулась и старалась успокоить мою сестру.

Ея Величество разсказывала мнѣ послѣ, что преданный имъ Великій Князь Павелъ Александровичъ первый привезъ ей оффиціальное извѣстіе о революціи... Революція въ странѣ во время міровой войны!... И тутъ Ея Величество не потеряла присутствія духа. Сознавая что ничего спасти нельзя, изъ министровъ она никого не вызывала и къ посольствамъ съ просьбой о защитѣ ея и дѣтей не обращалась, а съ спокойствіемъ и достоинствомъ прощалась съ приближенными, которые по немногу всѣ насъ покидали. Одни изъ боязни за себя, другихъ же арестовывали. Уѣхалъ графъ Апраксинъ, генералъ Ресинъ, ушли флигель-адъютанты, слуги офицеры и наконецъ полки. Послѣ каждаго прощанія Государыня возвращалась, обливаясь слезами. Ушли отъ меня сестра милосердія, санитаръ Жукъ, доктора лазарета, спасались всѣ, кто могъ. Императрица не теряла голву, всѣхъ успокаивала, за всѣми ходила, всѣхъ ободряла, будучи увѣрена, что Господь все дѣлаетъ къ лучшему. Такъ учила она — не словами, а примѣромъ глубочайшаго смиренія и покорности воли Божіей во всѣхъ грядущихъ событіяхъ. Никто не слышалъ отъ нея слова ропота.

Никогда не забуду ночь, когда немногіе вѣрные полки (Сводный, Конвой Его Величества, Гвардейскій Экипажъ и артиллерія) окружили дворецъ, такъ какъ бунтующіе солдаты съ пулеметами, грозя все разнести, толпами шли по улицамъ къ Дворцу. Императрица вечеромъ сидѣла у моей постели. Тихонько, завернувшись въ бѣлый платокъ, она вышла съ Маріей Николаевной къ полкамъ, которые уже готовились покинуть дворецъ. И можетъ быть и они ушли бы въ эту ночь, если бы не Государыня и ея храбрая дочь, которыя со спокойствіемъ до 12 час.

обходили солдатъ, ободряя ихъ словами и лаской, забывая при этомъ смертельную опасность, которой подвергалась. Уходя, Императрица сказала моей матери : — « Я иду къ нимъ не какъ Государыня, а какъ простая сестра милосердія моихъ дѣтей ». Выйдя на подъѣздъ, Императрица вспомнила, что я могу услышать, какъ полки отвѣчаютъ на ея привѣтствіе (отъ меня еще Государыня скрывала происшедшее). И вотъ прибѣгаетъ камердинеръ сказать мнѣ отъ имени Ея Величества, что полки ожидаютъ прибытіе Государя... Даже въ такую минуту она меня не забыла.

На слѣдующій день полки съ музыкой и знаменами ушли въ Думу. Гвардейскій Экипажъ подъ командою Великаго Князя Кирилла Владиміровича. Тѣ же полки, тѣ же люди, которые наканунѣ привѣтствовали Государыню: «Здравія желаемъ, Ваше Императорское Величество» — караулы ушли; по Дворцу бродили кучки революціонныхъ солдатъ, которые съ интересомъ все разсматривали, спрашивали у оставшихся слугъ объясненіе. Особенно ихъ интересовалъ Алексѣй Николаевичъ. Они ворвались къ нему въ игральную, прося, чтобы имъ его показали. Императрица продолжала оставаться спокойной и говорила, что опасается только одного : чтобы не произошло кровопролитія изъ за Ихъ Величествъ.

Дня два — три мы не знали, гдѣ Государь. Наконецъ пришла телеграмма, въ которой онъ просилъ, чтобы Ея Величество и дѣти выѣхали къ нему. Въ тоже время пришло приказаніе отъ Родзянки по телефону Ея Величеству съ дѣтьми выѣхать изъ Дворца. Императрица отвѣтила, что никуда ѣхать не можетъ, такъ какъ это для дѣтей грозитъ гибелью, на что Родзянко отвѣтилъ : « Когда домъ горитъ — все выносятъ !». О предполагаемомъ отъѣздѣ Императрица пришла сказать мнѣ вечеромъ, она совѣтовалась съ докторомъ Боткинымъ, какъ перевезти меня въ поѣздъ ; врачи были противъ поѣздки. Мы всетаки приготовились ѣхать, но ѣхать не пришлось. Во время всѣхъ этихъ тяжкихъ переживаній пришло извѣстіе объ отреченіи Государя. Я не могла быть съ Государыней въ эту ужасную минуту и увидѣла ее только на слѣдующее утро. Мои родители сообщили мнѣ объ отреченіи. Я была слишкомъ тяжело больна и слаба, такъ что въ первую минуту почти не соображала, что случилось. Лили Денъ разсказывала мнѣ, какъ Великій Князь Павелъ Александровичъ пріѣхалъ съ этимъ страшнымъ извѣстіемъ и какъ послѣ разговора съ нимъ Императрица, убитая горемъ, вернулась къ себѣ, и Денъ кинулась ее поддержать, такъ какъ она чуть не упала. Опираясь на письменный столъ, Государыня повторяла:«abdiqué» (Лили не говорила тогда по англійски). « Мой бѣдный дорогой страда-

етъ совсѣмъ одинъ... Боже, какъ онъ долженъ страдать !» Все сердце и душа Государыни были съ ея супругомъ ; она опасалась за его жизнь и боялась, что отнимутъ у нея сына. Вся надежда ея была въ скоромъ возвращеніи Государя: она посылала ему телеграмму за телеграммой, умоляя вернуться какъ можно скорѣе. Но телеграммы эти возвращались ей съ телеграфа съ надписью синимъ карандашемъ, что мѣсто пребыванія « адресата » неизвѣстно. Но и эта дерзость не поколебала ея душевнаго равновѣсія. Войдя ко мнѣ, она съ грустной улыбкой показала мнѣ телеграмму, но, посмотрѣвъ на меня, пришла въ раздраженіе, что я, узнавъ объ отреченіи Государя отъ моихъ родителей, обливалась слезами : раздражалась она не тѣмъ, что я плакала, а тѣмъ, что родители не исполнили ея волю, такъ какъ наканунѣ она просила ихъ не говорить объ этомъ, думая сама подготовить меня. Но оставшись одна, Императрица ужасно плакала. « Мама убивалась », — говорила мнѣ потомъ Марія Николаевна, — «и я тоже плакала: но послѣ, ради мамы, я старалась улыбаться за чаемъ ».

Никогда я не видѣла и вѣроятно никогда не увижу подобной нравственной выдержки, какъ у Ея Величества и ея дѣтей. « Ты знаешь, Аня, съ отреченіемъ Государя все кончено для Россіи », — сказала Государыня, — « но мы не должны винить ни русскій народъ, ни солдатъ : они не виноваты ». Слишкомъ хорошо знала Государыня, кто совершилъ это злодѣяніе.

Великія Княжны Ольга и Татьяна и Алексѣй Николаевичъ стали поправляться, какъ заболѣла послѣдняя — Марія Николаевна. Императрица распорядилась, чтобы меня перенесли наверхъ въ бывшую дѣтскую Государя, такъ какъ не хотѣла проходить по пустымъ залamъ, откуда всѣ караулы и слуги ушли. Фактически мы были арестованы. Уѣхали и мои родители, такъ какъ отъ моего отца требовали, чтобы онъ сдалъ канцелярію, теперь ненужную, Временному Правительству, и князь Львовъ далъ ему отставку.

Дни проходили, и не было извѣстія отъ Государя. Ея Величество приходила въ отчаяніе. Помню, одна скромная жена офицера вызвалась доставить Государю письмо въ Могилевъ и провезла благополучно : какъ она проѣхала и прошла къ Государю, — не знаю. Императрица спала совсѣмъ одна во всемъ нижнемъ этажѣ ; съ трудомъ удалось Ляли Денъ испросить разрѣшеніе ложиться рядомъ въ кабинетѣ. Пока младшія Великія Княжны не заболѣли, одна изъ нихъ ложилась на кровать Государя, другая на кушетку, чтобы не оставить ее совсѣмъ одну.

Въ первый вечеръ, какъ Дворецъ перешелъ въ руки революціонныхъ солдатъ, мы услышали стрѣльбу подъ окнами. Камердинеръ Вол-

ковъ пришелъ съ докладомъ, что солдаты забавляются охотою въ паркѣ на любимыхъ дикихъ козъ Государя. Жуткіе часы мы переживали. Пока кучка пьяныхъ и дерзкихъ солдатъ расхаживала по Дворцу. Императрица уничтожала всѣ дорогія ей письма и дневники и собственноручно сожгла у меня въ комнатѣ шесть ящиковъ своихъ писемъ ко мнѣ, не желая, чтобы они попали въ руки злодѣевъ.

XV.

Наше безпокойство о Государѣ окончилось утромъ 8-го марта. Я лежала еще больная въ постели, докторъ Боткинъ только что посѣтилъ меня, какъ дверь быстро отворилась, и въ комнату влетѣла Денъ, вся раскраснѣвшаяся отъ волненія. « Онъ вернулся ! » воскликнула она, и запыхавшись начала мнѣ описывать пріѣздъ Государя, безъ обычной охраны, но въ сохровожденіи вооруженныхъ солдатъ. Государыня находилась въ это время у Алексѣя Николаевича. Когда моторъ подъѣхалъ къ дворцу, она, по словамъ Денъ, радостная выбѣжала на встрѣчу Царю ; какъ пятнадцатилѣтняя дѣвочка, быстро опустилась съ лѣстницы, бѣжала по длиннымъ корридорамъ. Въ эту первую минуту радостнаго свиданія, казалось, было позабыто все пережитое и неизвѣстное будущее... Но потомъ, какъ я впослѣдствіи узнала, когда Ихъ Величества остались одни, Государь, всѣми оставленный и со всѣхъ сторонъ окруженный измѣной, не могъ не дать волю своему горю и своему волненію, — и какъ ребенокъ рыдалъ передъ своей женой.

Только въ 4 часа дня пришла Государыня, и я тотчасъ поняла по ея блѣдному лицу и сдержанному выраженію, все, что она въ эти часы вынесла. Гордо и спокойно, она разсказывала мнѣ о всемъ, что было Я была глубоко потрясена разсказомъ, такъ какъ за всѣ двѣнадцать лѣтъ моего пребыванія при Дворѣ, я только три раза видѣла слезы въ глазахъ Государя. « Онъ теперь успокоился », — сказала она, — « и гуляетъ въ саду ; посмотри въ окно !» Она подвела меня къ окну. Я никогда не забуду того что увидѣла, когда мы обѣ, прижавшись другъ къ другу, въ горѣ и смущеніи выглянули въ окно. Мы были готовы сгорѣть отъ стыда за нашу бѣдную родину. Въ саду, около самаго Дворца, стоялъ Царь всея Руси, и съ нимъ преданный другъ его, князь Долгорукій. Ихъ окружали шесть солдатъ, вѣрнѣе, шесть вооруженныхъ хулигановъ, которые все время толкали Государя, то кулаками, то прикладами, какъ будто бы онъ былъ какой то преступникъ, приказывая : « Туда нельзя ходить, г. полковникъ, вернитесь, когда вамъ говорятъ !»

Государь совершенно спокойно на нихъ посмотрѣлъ и вернулся во Дворецъ.

Въ то время я еще была очень больна и едва держалась на ногахъ; у меня потемнѣло въ глазахъ и я лишилась чувствъ. Но Государыня не потеряла самообладанія. Она уложила меня въ постель, принесла холодной воды, и когда я открыла глаза, я увидала передъ собой ее и чувствовала, какъ она нѣжно мочила мнѣ голову холодной водой. Нельзя было себѣ вообразить, видя ее такой спокойной, какъ глубоко была она потрясена всѣмъ, видѣннымъ въ окно. Передъ тѣмъ, какъ меня покинуть, она сказала мнѣ, какъ ребенку : « если ты обѣщаешь быть умницей и не будешь плакать, то мы придемъ оба къ тебѣ вечеромъ ».

И въ самомъ дѣлѣ, они оба пришли послѣ обѣда, вмѣстѣ съ Лили Денъ. Государыня и Денъ сѣли къ столу съ рукодѣліемъ, а Государь сѣлъ около меня и началъ мнѣ разсказывать. Государь Николай II былъ доступенъ, конечно, какъ человѣкъ, всѣмъ человѣческимъ слабостямъ и горестямъ, но въ эту тяжелую минуту глубокой обиды и униженія, я все же не могла убѣдить себя въ томъ, что восторжествуютъ его враги ; мнѣ не вѣрилось, что Государь, самый великодушный и честный изъ всей семьи Романовыхъ, будетъ осужденъ стать невинной жертвой своихъ родственниковъ и подданныхъ. Но Царь, съ совершенно спокойнымъ выраженіемъ глазъ подтвердилъ все это, добавивъ еще, что «если бы вся Россія на колѣняхъ просила бы его вернуться на престолъ, онъ никогда не вернется ». Слезы звучали въ его голосѣ, когда онъ говорилъ о своихъ друзьяхъ и родныхъ, которымъ онъ больше всѣхъ довѣрялъ и которые оказались соучастниками въ низверженіи его съ престола. Онъ показалъ мнѣ телеграммы Брусилова, Алексѣева и другихъ генераловъ, членовъ его семьи, въ томъ числѣ и отъ Николая Николаевича : всѣ просили Его Величество на колѣняхъ, для спасенія Россіи, отречься отъ престола. Но отречься въ пользу кого ? Въ пользу слабой и равнодушной Думы ! Нѣтъ, въ собственную ихъ пользу, дабы, пользуясь именемъ и царственнымъ престоломъ Алексѣя Николаевича, правило бы и обогащалось выбранное ими регентство!.. Но, по крайней мѣрѣ, этого Государь не допустилъ! «Я не дамъ имъ моего сына», — сказалъ онъ съ волненіемъ. « Пусть они выбираютъ кого нибудь другого, напримѣръ Михаила, если онъ почтетъ себя достаточно сильнымъ ! ».

Я жалѣю, что не запомнила каждое слово Государя, когда онъ разсказывалъ о томъ, что происходило въ поѣздѣ, когда прибыли депутаты изъ Думы съ требованіемъ его отреченья. Я всѣми силами старалась слушаться Государыни : « быть умницей и не плакать ». Все же я пом-

ню, какъ мнѣ Государь разсказалъ, что когда делегаты отбыли, онъ сказалъ, своимъ двумъ конвойнымъ казакамъ : « Теперь вы должны сорвать съ себя мои вензеля ». На это оба казака, ставъ во фронтъ ,отвѣтили: «Ваше Величество, прикажите ихъ убить». На что Государь отвѣтилъ : « Теперь поздно !» Говорилъ Государь также и о томъ, насколько его утѣшилъ пріѣздъ изъ Кіева Государыни Императрицы Маріи Ѳеодоровны, но что онъ не могъ выносить Великаго Князя Александра Михайловича.

Когда Государь съ Государыней Маріей Ѳеодоровной уѣзжалъ изъ Могилева, взорамъ его представилась поразительная картина : народъ стоялъ на колѣняхъ на всемъ протяженіи отъ дворца до вокзала. Группа институтокъ прорвала кордонъ и окружила Царя, прося его дать имъ послѣднюю памятку — платокъ, автографъ, пуговицу съ мундира и т. д. Голосъ его задрожалъ, когда когда онъ объ этомъ говорилъ. «Зачѣмъ вы не обратились съ воззваніемъ къ народу, къ солдатамъ ?» — спросила я. Государь отвѣтилъ спокойно : « Народъ сознавалъ свое безсиліе, а вѣдь пока могли бы умертвить мою семью. Жена и дѣти — это все, что у меня осталось !». — « Ихъ злость направлена противъ Государыни, но ее никто не тронетъ, развѣ только перешагнувъ черезъ мой трупъ »... На минуту давъ волю своему горю, Государь тихо проговорилъ : « Нѣтъ правосудія среди людей ». И потомъ прибавилъ : « Видите ли, это все меня очень взволновало, такъ что всѣ послѣдующіе дни я не могъ даже вести своего дневника».

Я поняла, что для Россіи все кончено. Армія разложилась, народъ нравственно совсѣмъ упалъ, и моему взору уже предносились тѣ ужасы, которые насъ всѣхъ ожидали. И все же не хотѣлось терять надежды на лучшее, и я спросила Государя, не думаетъ ли онъ, что всѣ эти безпорядки не продолжительны. « Едва ли раньше двухъ лѣтъ все успокоится», — былъ его отвѣтъ. Но что ожидаетъ его, Государыню и дѣтей ? Этого онъ не зналъ. Единственно, что онъ желалъ и о чемъ былъ готовъ просить своихъ враговъ, не теряя своего достоинства, — это не быть изгнаннымъ изъ Россіи. «Дайте мнѣ здѣсь жить съ моей семьей самымъ простымъ крестьяниномъ, зарабатывающимъ свой хлѣбъ ». — говорилъ онъ, — «пошлите насъ въ самый укромный уголокъ нашей родины, но оставьте насъ въ Россіи ». Это былъ единственный разъ, когда я видѣла Русскаго Царя подавленнымъ случившимся ; всѣ послѣдующіе дни онъ былъ спокоенъ.

Ежедневно смотрѣла изъ окна, какъ онъ сгребалъ снѣгъ съ дорожки, какъ разъ противъ моего окна. Дорожка шла вокругъ лужайки, и князь Долгорукій и Государь разгребали снѣгъ навстрѣчу другъ другу ;

солдаты и какіе то прапорщики ходили кругомъ нихъ. Часто Государь оглядывался на окно, гдѣ сидѣла Императрица и я, и незамѣтно для другихъ намъ улыбался или махалъ рукой. Я же въ одиночествѣ невыносимо страдала, предчувствуя новое униженіе для Царскихъ узниковъ. Императрица приходила ежедневно днемъ ; я съ ней отдыхала, она была всегда спокойна. Вечеромъ же ежедневно приходили Ихъ Величества вмѣстѣ. Государь привозилъ Государыню въ креслѣ, такъ какъ къ вечеру она утомлялась. Я начала вставать; сидѣли у круглаго стола ; Императрица работала, Государь курилъ и разговаривалъ, болѣлъ душой о гибели арміи съ уничтоженіемъ дисциплины. Многое вмѣстѣ вспоминали... Разъ онъ съ усмѣшкой разсказывалъ, какъ одинъ изъ прапорщиковъ, во время прогулки держалъ себя очень нахально, стараясь оскорбить Государя, и какъ онъ былъ ошеломленъ, когда послѣ прогулки Государь, какъ бы не замѣтивъ протянутую имъ руку, не подалъ ему своей руки.

Каждый вечеръ отъ меня Ихъ Величества заходили къ оставшейся свитѣ. При Ихъ Величествахъ остались графъ и графиня Бенкендорфъ (графиня пришла въ Дворецъ, когда его уже окружили революціонные солдаты), Фрейлина баронесса Буксгевденъ и графиня Гендрикова, госпожа Шнейдеръ. Графъ Фредериксъ, генералъ Воейковъ и генералъ Гротенъ были уже арестованы, единственные флигель адъютанты Линевичъ и графъ Замойскій, которые до послѣдней минуты не покидали Государыню, вынуждены были уйти и вернуться имъ не разрѣшали. Н. П. Саблина, самаго ихъ близкаго друга, Ея Величество и дѣти все время ожидали, но онъ не появлялся, и другіе всѣ тоже бѣжали. Оставались преданные учителя Алексѣя Николаевича, Жильяръ и Гиббсъ, нѣкоторые изъ слугъ, всѣ няни, которыя заявили, что онѣ служили въ хорошее время и никогда не покинуть семью теперь, оба доктора, Боткинъ и Деревенко. Вообще всѣ слуги лично Государыни, такъ называемая половина Ея Величества, всѣ до одного человѣка, начиная съ камердинеровъ и кончая низшими служащими, остались. У Государя же, кромѣ вѣрнаго камердинера Чемодурова, всѣ почти бѣжали.

Комендантомъ Дворца былъ назначенъ нѣкій П. Коцебу, бывшій офицеръ Уланскаго Ея Величества полка, за некрасивыя исторіи оттуда прогнанный. Я знала его съ дѣтства и была рада, что онъ, а не другой былъ назначенъ, такъ какъ у него было скорѣе доброе сердце и онъ любилъ Ихъ Величества. Онъ часто заходилъ ко мнѣ, отвезъ даже письма моимъ родителямъ въ Петроградъ, и первый предупредилъ меня о готовящемся мнѣ арестѣ, сообщивъ, что меня увезутъ, какъ только я поправлюсь. Ея Величество была въ ужасѣ и умоляла Коцебу ока-

зать содѣйствіе къ тому, чтобы меня не трогали, доказывая ему, что я больная женщина и что разлука со мной въ эту тяжелую минуту была бы равносильна разлукѣ съ однимъ изъ ея дѣтей. Коцебу отвѣчалъ уклончиво, — да онъ ничего и не могъ сдѣлать. Вся семья думала, что сдѣлать ничего нельзя, но Государь говорилъ, что онъ увѣренъ, что никто не тронетъ меня. Фельдшерица изъ моего лазарета, которая одна при мнѣ осталась, худенькая и блѣдная Ѳедосья Семеновна, кинулась передъ Ихъ Величествами на колѣни, умоляя ихъ взять меня въ комнату ихъ дѣтей и не отдавать : « Теперь », — говорила она, сквозь слезы, — « минута показать вашу любовь къ Аннѣ Александровнѣ ». Государь, улыбнувшись, сказалъ ей, что напрасно она безпокоится. Болѣе практичный и хладнокровный совѣтъ былъ данъ графомъ Бенкендорфомъ. Онъ сказалъ Государю, что надо скорѣе отдать меня, такъ какъ это лучше для Государыни ; что меня будутъ держать только въ министерскомъ помѣщеніи думы, гдѣ очень хорошо. Ея Величество мнѣ разсказала объ этомъ.

19 марта утромъ я получила записку отъ Государыни, что Марія Николаевна умираетъ и зоветъ меня. Посланный передалъ, что очень плоха и Анастасія Николаевна ; у обѣихъ было воспаленіе легкихъ, а послѣдняя кромѣ того оглохла вслѣдствіе воспаленія уха. Коцебу предупредилъ меня, что если я встану, меня сейчасъ же уведутъ. Одну минуту во мнѣ боролись чувства жалости къ умирающей Маріи Николаевнѣ и страхъ за себя, но первое взяло верхъ, я встала, одѣлась и Коцебу въ креслѣ повезъ меня верхнимъ корридоромъ на половину дѣтей, которыхъ я цѣлый мѣсяцъ не видала. Радостный крикъ Алексѣя Николаевича и старшихъ дѣвочекъ заставилъ все забыть. Мы кинулись другъ къ другу, обнимались и плакали. Потомъ на цыпочкахъ пошли къ Маріи Николаевнѣ. Она лежала бѣлая, какъ полотно; глаза ея, огромные, отъ природы, казались еще больше, температура была 40,9, она дышала кислородомъ. Когда она увидѣла меня, она стала дѣлать попытки приподнять голову и заплакала, повторяя « Аня », « Аня ». Я осталась съ ней, пока она не заснула. Когда меня везли обратно мимо дѣтской Алексѣя Николаевича, я увидѣла матроса Деревенко, какъ онъ сидѣлъ, развалившись на креслѣ, и приказывалъ Наслѣднику подать ему то то, то другое. Алексѣй Николаевичъ съ грустными и удивленными глазками бѣгалъ, исполняя его приказанія. Этотъ Деревенко пользовался любовью Ихъ Величествъ : столько лѣтъ они баловали его и семью его, засыпая ихъ подарками. Мнѣ стало почти дурно : я умоляла, чтобы скорѣе меня увезли.

На другой день, мой послѣдній день въ Царскомъ Селѣ, я опять пошла къ дѣтямъ, и мы были счастливы быть вмѣстѣ. Ихъ Величества завтракали въ дѣтской и были спокойнѣе, такъ какъ Марія и Анастасія Николаевны чувствовали себя лучше. Вечеромъ, когда Ихъ Величества пришли ко мнѣ, въ первый разъ настроеніе у всѣхъ было хорошее ; Государь подтрунивалъ надо мною, мы вспоминали пережитое и надѣялись, что Господь не оставитъ насъ, лишь бы намъ всѣмъ быть вмѣстѣ.

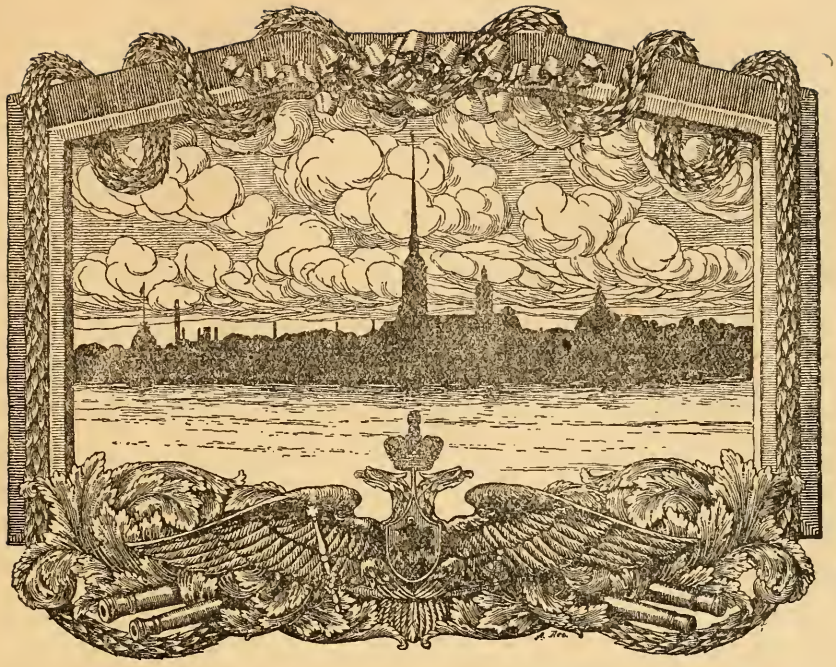
21 марта я съ утра очень нервничала, — узнала, что Коцебу не пропускаютъ солдаты во Дворецъ, вѣроятно за его гуманное отношеніе къ арестованнымъ, а тутъ доктора принесли мнѣ изъ ряду вонъ выходящую газетную статью насчетъ меня, что будто я съ докторомъ Бадмаевымъ, котораго между прочимъ не знала, « отравляю Государя и Наслѣдника ». Императрица вначалѣ сердилась на грязныя и глупыя статьи въ газетахъ но потомъ съ усмѣшкой мнѣ сказала : « There Ania keep them for your collection » (Возьми ихъ для своей коллекціи). Повторяю, съ самаго утра 21 марта мнѣ было тяжело на душѣ. Стоялъ сумрачный, холодный день, завывалъ вѣтеръ. Я написала утромъ Государынѣ записку, прося ее, не дожидаясь наступленія дня, зайти ко мнѣ утромъ. Она отвѣтила мнѣ, чтобы я къ двумъ часамъ пришла въ дѣтскую, а сейчасъ у нихъ доктора. Лили Денъ позавтракала со мной. Я лежала въ постели. Около часу поднялась вдругъ суматоха въ корридорѣ, слышны были быстрые шаги. Я вся похолодѣла и почувствовала, что это идутъ за мной. И сердце меня не обмануло. Первонаперво прибѣжалъ нашъ человѣкъ Евсѣевъ съ запиской отъ Государыни : « Керенскій обходитъ наши комнаты, — съ нами Богъ ». Черезъ минуту Лили, которая меня успокаивала, сорвалась съ мѣста и убѣжала. Вошелъ потомъ скороходъ и доложилъ, что идетъ Керенскій. Окруженный офицерами, въ комнату вошелъ съ нахальнымъ видомъ, маленькаго роста бритый человѣкъ, крикнувъ, что онъ министръ юстиціи и чтобы я собралась ѣхать съ нимъ сейчасъ въ Петроградъ. Увидавъ меня въ кровати, онъ немного смягчился и далъ распоряженіе, чтобы спросили доктора, можно ли мнѣ ѣхать : въ противномъ случаѣ обѣщалъ изолировать меня здѣсь еще на-нѣсколько дней. Графъ Бенкендорфъ послалъ спросить доктора Боткина. Тотъ, заразившись общей паникой, отвѣтилъ : « Конечно, можно ». Я узнала послѣ, что Государыня, обливаясь слезами, сказала ему : « Вѣдь у васъ тоже есть дѣти, какъ вамъ не стыдно!». Черезъ минуту какіе то военные столпились у дверей, я быстро одѣлась съ помощью фельдшерицы, и написавъ записку Государынѣ, послала ей мой большой образъ Спасителя. Мнѣ въ свою оче-

редь передали двѣ иконы на шнуркѣ отъ Государя и Государыни съ ихъ надписями на обратной сторонѣ. Какъ мнѣ хотѣлось умереть въ эту минуту!... Я обратилась съ слезной просьбой къ коменданту Коровиченко дозволить мнѣ проститься съ Государыней. Государя я видѣла въ окно, какъ онъ шелъ съ прогулки, почти бѣжалъ, спѣшилъ, но его больше не пустили. Коровиченко, (который во время большевиковъ погибъ ужасной смертью) и Кобылинскій проводили меня въ комнату Е. Шнейдеръ, которая, увы, встрѣтила меня улыбкой и... улыбаясь, вышла. Я старалась ничего не замѣчать и не слыхать, а все вниманіе устремила на мою возлюбленную Государыню, которую везъ камердинеръ Волковъ на креслѣ. Ее сопровождала Татьяна Николаевна. Я издали увидѣла, что Государыня и Татьяна Николаевна обливаются слезами ; рыдалъ и добрый Волковъ. Одно длинное объятіе, мы успѣли помѣняться кольцами, и Татьяна Николаевна взяла мое обручальное кольцо. Императрица сквозь рыданіе сказала, указывая на небо ; «Тамъ и въ Богѣ мы всегда вмѣстѣ!». Я почти не помню, какъ меня отъ нея оторвали. Волковъ все повторялъ : « Анна Александровна, никто — какъ Богъ ». Посмотрѣвъ на лица нашихъ палачей, я увидѣла, что и они въ слезахъ. Я была настолько слаба, что меня почти на рукахъ снесли къ мотору ; на подъѣздѣ собралась масса дворцовой челяди и солдатъ, и я была тронута, когда увидѣла среди нихъ нѣсколько лицъ плакавшихъ. Въ моторѣ, къ моему удивленію, я встрѣтила Лили Денъ, которая мнѣ шепнула, что ее тоже арестовали. Къ намъ вскочили нѣсколько солдатъ съ винтовками. Дверцы затворялъ лакей Сѣдневъ, прекрасный человѣкъ изъ матросовъ « Штандарта » (впослѣдствіи былъ убитъ въ Екатеринбургѣ). Я успѣла шепнуть ему : « Берегите Ихъ Величества !» Въ окнахъ дѣтскихъ стояли Государыня и дѣти : ихъ бѣлыя фигуры были едва замѣтны.

День былъ пасмурный и холодный ; у меня кружилась голова отъ слабости и волненія. Черезъ нѣсколько минутъ мы очутились въ Царскомъ павильонѣ, въ комнатѣ, гдѣ я такъ часто встрѣчала Ихъ Величества. Насъ ожидалъ министерскій поѣздъ, — поѣздъ Керенскаго. У дверей купэ встали часовые. Участливые взгляды нѣкоторыхъ солдатъ желѣзнодорожнаго полка, и то, какъ они бережно помогли мнѣ войти, чуть не заставили меня потерять самообладаніе. Влетѣлъ Керенскій съ какимъ то солдатомъ и крикнулъ на меня и на мою подругу, что бы мы назвали свои фамиліи. Лили не сразу къ нему повернулась. « Отвѣчайте, когда я съ вами говорю». — закричалъ онъ. Мы въ недоумѣніи на него смотрѣли. « Ну, что вы довольны теперь ?» — спросилъ Керенскій солдата, когда мы, наконецъ, назвали наши фамиліи. Затѣмъ они

вышли, и мы къ счастью остались однѣ ; мнѣ было дурно и я боялась упасть въ обморокъ и тѣмъ доставить лишнее удовольствіе моимъ мучителямъ. Лили поила меня каплями. По пріѣздѣ въ городъ насъ заставили пройти мимо Керенскаго, который сидѣлъ съ какимъ то господиномъ и иронически на насъ смотрѣлъ ; насъ посадили въ придворное ландо, которое теперь обслуживало членовъ Временнаго Правительства. Съ нами сѣли какіе то офицеры ; мы просили ихъ открыть окно, но они не разрѣшили.

Помню, какимъ мрачнымъ намъ показался городъ ; вездѣ безпорядочная толпа солдатъ, у лавокъ длинныя очереди, а на домахъ вездѣ грязныя красныя тряпки. Подъѣхали къ министерству юстиціи. Тамъ высокая, крутая лѣстница, — было трудно подыматься на костыляхъ. Ноги тряслись отъ слабости. Офицеры привели насъ въ комнату на третьемъ этажѣ безъ мебели, съ окномъ во дворъ; послѣ внесли два дивана ; грязные солдаты встали у двери. Я легла, усталая и убитая горемъ. Темнѣло. Вечеромъ влетѣлъ Керенскій и спросилъ Лили, ставъ спиной ко мнѣ, топили ли печь ? Не помню, что она отвѣтила ; онъ вышелъ. Намъ принесли чай и яйца и затопили печь. Солдатъ у двери, Преображенскаго полка, оказался добрымъ и участливымъ. Онъ жалѣлъ насъ и когда не было постороннихъ, вечеромъ и ночью бранилъ новые порядки, говоря, что ничего добраго не выйдетъ. Мы не спали, ночь тянулась, намъ было холодно и страшно.



XVI.

Начало разсвѣтать; мы встали измученныя. Я такъ устала послѣ безсонной ночи и настолько плохо себя чувствовала, что Лили рѣшилась попросить, не зайдетъ ли къ намъ докторъ. Сначала согласились позвать, но послѣ пришелъ офицеръ отъ Керенскаго съ заявленіемъ, что докторъ занятъ съ Военнымъ Министромъ Гучковымъ, но что меня отвезутъ въ лазаретъ, гдѣ будетъ хорошое помѣщеніе, врачъ и сестра. Что же касается Лили, то ее ожидаетъ пріятная новость (и въ самомъ дѣлѣ Лили отпустили через- день). Я отдала Лили Денъ тѣ нѣкоторыя золотыя вещи, которыя были со мной ; она же дала мнѣ полотенце и пару чулокъ, которые я и носила все время въ крѣпости. Солдатскіе чулки я не могла одѣвать на свои больныя ноги, и за неимѣніемъ платка или тряпки, мочила эти грубые чулки и прикладывала на сердце, когда бывали припадки. Конечно, чулки Лили со временемъ изорвались, но штопать ихъ не могла, такъ какъ имѣть при себѣ нитки и иголки не разрѣшалось.

Около трехъ часовъ вошелъ полковникъ Перецъ и вооруженные юнкера, и меня повели. Обнявшись, мы растались съ Лили. Внизу Перецъ приказалъ мнѣ сѣсть въ моторъ ; сѣлъ самъ, и вооруженные юнкера съ нимъ, и всю дорогу нагло глумился надо мной. Было очень трудно сохранить спокойствіе и хладнокровіе, но я старалась не слушать. « Вамъ съ вашимъ Гришкой надо бы поставить памятникъ, что помогли совершиться революціи !». Я перекрестилась, проѣзжая мимо церкви. « Нечего вамъ креститься », — сказалъ онъ, ухмыляясь, — « лучше молились бы за несчастныхъ жертвъ революціи »... Куда ведутъ меня ? — думала я. « Вотъ всю ночь мы думали, гдѣ бы вамъ найти лучшее помѣщеніе », — продолжалъ полковникъ, — « и рѣшили, что Трубецкой бастіонъ самое подходящее !» Послѣ нѣсколькихъ фразъ онъ крикнулъ на меня: « Почему вы ничего не отвѣчаете ». — « Мнѣ вамъ нечего отвѣчать », — сказала я. Тогда онъ набросился на Ихъ Величества, обзывая ихъ разными оскорбительными именами, и прибавилъ, что вѣроятно у нихъ сейчасъ « истерика » послѣ всего случившагося. Я больше молчать не могла и сказала : « Если бы вы знали, съ какимъ достоинствомъ они переносятъ все то, что случилось, вы бы не смѣли такъ говорить, а преклонились бы передъ ними ». Перецъ замолчалъ.

Описывая эту поѣздку въ своей книгѣ, Перецъ упоминаетъ, что былъ пораженъ сказаннымъ мною, а также, что я не отвѣчала на его оскорбленія, что у меня были « дешевенькія кольца на пальцахъ ». На Литейномъ мы остановились. Онъ послалъ юнкеровъ съ порученіемъ къ своимъ знакомымъ ; юнкера выглядѣли евреями, но держали себя корректно. Полковникъ благодарилъ ихъ за ихъ вѣрную службу революціи. Подъѣзжая къ Таврическому Дворцу, онъ сказалъ, что сперва мы ѣдемъ въ Думу, а послѣ въ Петропавловскую крѣпость. Хорошо, что въ крѣпость, почему-то подумала я ; мнѣ не хотѣлось быть арестованной въ Думѣ, гдѣ находились всѣ враги Ихъ Величествъ.

Пріѣхавъ въ Думу, мы прошли въ Министерскій павильонъ, гдѣ въ комнатѣ сидѣло нѣсколько женщинъ ; видъ у нихъ былъ ужасный: блѣдныя, заплаканныя, растрепанныя. Всѣ помѣщенія и коррироды были полны арестованными. Среди женщинъ я увидала г-жу Сухомлинову и съ ней поздоровалась. Мнѣ сказали, что меня повезутъ съ ней вмѣстѣ. Мнѣ назвали еще двухъ дамъ — Полубояринову и Риманъ. Послѣдняя очень плакала; ей сказали, что ее освобождаютъ, а мужа нѣтъ. Хорошенькая курсистка, которая повидимому была приставлена къ арестованнымъ женщинамъ, упрекнула г-жу Риманъ : « Вотъ ее увозятъ въ крѣпость, и она спокойна ». — сказала она, указывая на меня, — « а

васъ освобождаютъ, и вы плачете ». Когда насъ увозили, г-жа Риманъ перекрестила меня. Богъ помогъ мнѣ быть спокойной. Страшное чувство было у меня, — точно все это происходило не со мной. Я ни на кого не обращала вниманіе. Съ нами въ моторъ сѣли Перетцъ и юнкера, а также та же молоденькая курсистка. Она участливо меня спросила, не можетъ ли она дать что нибудь знать моимъ родителямъ. Я поблагодарила ее и дала номеръ телефона. Послѣ я узнала, что она сейчасъ же имъ позвонила. Керенскій наканунѣ сказалъ дать имъ знать. Перетцъ усмѣхнулся, замѣтивъ : « все равно будетъ напечатано въ газетахъ, что ее заключили въ крѣпость, и всѣ узнаютъ !».

Мы въѣхали въ ворота крѣпости и подъѣхали къ Трубецкому бастіону. Полковникъ крикнулъ, что привезъ двухъ важныхъ политическихъ преступницъ. Насъ окружили солдаты. Удивляюсь, что насъ не разорвали. Было очень скользко, и вышедшій навстрѣчу офицеръ казакъ, Берсъ, помогъ мнѣ идти. Онъ сказалъ, что замѣняетъ коменданта. Мы шли нескончаемыми корридорами. Меня толкнули въ темную камеру и заперли.

Тотъ, кто пережилъ этотъ первый моментъ заключенія, пойметъ, что я переживала : черная, безпросвѣтная скорбь и отчаяніе. Отъ слабости я упала на желѣзную кровать ; вокругъ на каменномъ полу — лужи воды, по стѣнамъ текла вода, мракъ и холодъ ; крошечное окно у потолка не пропускало ни свѣта, ни воздуха, пахло сыростью и затхлостью. Въ углу клозетъ и раковина. Желѣзный столикъ, и кровать придѣланы къ стѣнѣ. На кровати лежали тоненькій волосяной матрацъ и двѣ грязныя подушки. Черезъ нѣсколько минутъ я услышала, какъ поворачивали ключи — въ двойныхъ или тройныхъ замкахъ огромной желѣзной двери, и вошелъ какой то ужасный мужчина въ черной бородѣ, съ грязными руками и злымъ, преступнымъ лицомъ, окруженный толпой наглыхъ, отвратительныхъ солдатъ. По его приказанію солдаты сорвали тюфячекъ съ кровати, убрали вторую подушку и потомъ начали срывать съ меня образки, золотыя кольца. Этотъ субъектъ заявилъ мнѣ, что онъ здѣсь вмѣсто министра юстиціи начальникомъ, и отъ него зависитъ установить режимъ заключеннымъ. Впослѣдствіи онъ назвалъ свою фамилію — Кузьминъ, — бывшій каторжникъ, пробывшій на каторгѣ въ Сибири 15 лѣтъ. Я старалась прощать ему, понимая, что онъ на мнѣ вымещалъ обиды прежнихъ лѣтъ ; но какъ было тяжко выносить жестокость въ этотъ первый вечеръ... Когда солдаты срывали золотую цѣпочку отъ креста, они глубоко поранили мнѣ шею. Крестъ и нѣсколько образковъ упали мнѣ на колѣни. Отъ боли я вскрикнула ; тогда

одинъ изъ солдатъ ударилъ меня кулакомъ. И плюнувъ мнѣ въ лицо, они ушли, захлопнувъ за собою желѣзную дверь. Холодная и голодная, я легла на голую кровать, покрылась своимъ пальто и отъ изнеможенія и слезъ начала засыпать подъ насмѣшки, свистъ и улюлюканіе солдатъ, собравшихся у двери и наблюдавшихъ за мною въ окошко. Вдругъ я услышала, что кто то постучалъ въ стѣну, и поняла, что вѣрно Сухомлинова, заключенная рядомъ со мною, и въ эту минуту это меня нравственно спасло.

Надо полагать, что послѣ этого я заснула, такъ какъ слѣдующее, что я помню, это — солдатъ съ кипяткомъ и съ кускомъ чернаго хлѣба; чай я могла получать лишь потомъ, когда мнѣ прислали денегъ, такъ что первые дни я пила одинъ кипятокъ. Засыпала съ корочкой чернаго хлѣба въ рту. Трудно описать эти первые дни. Насмѣшки и угрозы, которыя я постоянно выносила, невозможно почти возстановить въ памяти, когда то или другое случалось.

Въ одинъ изъ первыхъ дней пришла какая то женщина, которая раздѣла меня до нага и надѣла на меня арестанскую рубашку. Какъ я дрожала, когда снимали мое бѣлье... Платье разрѣшили оставить. Раздѣвая меня, женщина увидѣла на моей рукѣ запаянный золотой браслетъ, который я никогда не снимала. Помню, какъ было больно, когда солдаты стаскивали его съ руки. Даже черствый каторжникъ Кузьминъ, присутствовавшій при этомъ, увидя, какъ слезы текли по моимъ щекамъ, грубо замѣтилъ : «оставьте, не мучайте ! Пусть она только отвѣчаетъ, что никому не отдастъ !» Но они все же его стащили.

Я буквально голодала. Два раза въ день приносили полъ-миски какой то бурды, въ родѣ супа, въ который солдаты часто плевали, клали стекло. Часто отъ него воняло тухлой рыбой, такъ что я затыкала носъ, проглатывая немного чтобы только не умереть отъ голода ; остальное же выливала въ клозетъ, выливала по той причинѣ, что, разъ замѣтивъ, что я не съѣла всего, тюремщики грозили убить меня если это повторится. Ни разу за всѣ эти мѣсяцы не разрѣшили принести мнѣ ѣду изъ дома. Первый мѣсяцъ мы были совершенно въ рукахъ караула. Все время по корридорамъ ходили часовые. Ключи были у караульнаго начальника. Входили въ камеры всегда по нѣсколько человѣкъ заразъ. Всякія занятія были запрещены въ тюрьмѣ. «Занятіе — не есть сидѣніе въ казематахъ», — говорилъ комендантъ, когда я просила его разрѣшить мнѣ шить.

Жизнь наша была медленной смертельной казнью. Ежедневно насъ выводили ровно на десять минутъ на маленькій дворикъ съ нѣсколькими деревцами ; посреди двора стояла баня. Шесть вооруженныхъ

солдатъ выводили всѣхъ заключенныхъ по очереди. Въ первое утро, когда я вышла изъ холода и запаха могилы на свѣжій воздухъ даже на эти десять минутъ, я пришла въ себя, ощутивъ что еще жива, и какъ то стало легче. Вообще трудно себѣ представить, какую радость и успокоеніе приносили въ душу эти минуты. Думаю, ни одинъ садъ въ мірѣ не доставлялъ никому столько радости, какъ нашъ убогій садикъ въ крѣпости. Я дышала Божьимъ воздухомъ, смотрѣла на небо, внимательно наблюдала за каждымъ облачкомъ, всматриваясь въ каждую травку, въ каждый листочекъ на кустахъ. Въ баню водили по пятницамъ и субботамъ, разъ въ двѣ недѣли ; на мытье давали 1/2 часа. Водили насъ надзирательница съ часовымъ. Ждали мы этого дня съ нетерпѣніемъ. Зато на другой день мы лишались прогулки, такъ какъ всѣ въ одинъ день не успѣвали помыться, а пока водили въ баню, гулять не разрѣшалось. Я цѣнила каждую минуту, которую проводила внѣ стѣнъ сырой камеры.

Я никогда не раздѣвалась ; у меня были два шерстяныхъ платка : одинъ я надѣвала на голову, другой на плечи ; покрывалась же своимъ пальто. Холодно было отъ мокраго пола и стѣнъ. Я спала до 4 ч. Затѣмъ уже слышала каждую четверть часа бой часовъ на соборѣ. Около 7 часовъ начинался шумъ въ корридорахъ : разносили дрова и бросали ихъ у печей. Этимъ шумомъ начинался день, полный тяжелыхъ переживаній. Просыпаясь, я грѣлась въ единственномъ тепломъ уголку камеры, гдѣ снаружи была печь : часами простаивала я на своихъ костыляхъ, прислонившись къ сухой стѣнѣ. Я была очень слаба послѣ только что перенесенной кори и плеврита. Отъ сырости въ камерѣ я схватила глубокій бронхитъ, который кинулся на легкія ; температура поднималась до 40 гр. Я кашляла день и ночь ; приходилъ фельдшеръ и ставилъ банки. Въ первый мѣсяцъ отъ слабости и голода у меня часто бывали обмороки. Почти каждое утро, когда подымалась съ кровати, я теряла сознаніе. Солдаты, входили, находили меня на полу. Отъ сырости, какъ я уже писала, отъ кровати до двери образовалась огромная лужа воды. Помню, какъ я просыпалась отъ холода, лежа въ этой лужи, и весь день послѣ дрожала въ промокшемъ платьѣ. Иные солдаты, войдя, ударятъ ногой, другіе же жалѣли и волокли на кровать. Положатъ, захлопнутъ дверь и запрутъ. И вотъ лежишь часами, встать и постучаться нѣтъ силъ, — да и позвать то не кого.

Караулъ состоялъ изъ 3-го стрѣлковаго полка. Пока они всецѣло вѣдали нами было правда шумно и страшно, но не знаю, хуже ли того, когда охрана перешла въ руки наблюдательной команды, которая состояла изъ солдатъ Петроградскаго гарнизона. У нихъ происходили

вѣчныя ссоры съ карауломъ, другъ другу не довѣряли, и изъ за этого страдали мы бѣдные заключенные. Одинъ солдатъ наблюдательной команды былъ старшимъ по выбору. Боже, сколько издѣвательствъ и жестокостей перенесла я отъ нихъ ! Но я прощала имъ, стараясь быть терпѣливой, такъ какъ не они меня повели на этотъ крестъ и не они создали клевету ; но трудно было прощать тѣмъ, кто изъ зависти, сознательно лгали и замучали меня. Первые дни нѣсколько разъ приходилъ завѣдующій казематомъ, сѣдой полковникъ, котораго впослѣдствіи замѣнили другимъ. Съ Сухомлиновой мы все время перестукивались ; сначала просто, а потомъ она выдумала азбуку, написала на крошечной бумажкѣ и передала черезъ надзирательницу, о которой я буду говорить позже, и мы часами, стоя у стѣны, обыкновенно поздно вечеромъ, когда былъ слышенъ храпъ заснувшаго солдата, или же въ 5 или 6 часовъ утра, переговаривались. Стучать было опасно, такъ какъ за нами слѣдили. Разъ поймалъ насъ завѣдующій Чкони, влетѣлъ черезъ ночи, пригрозилъ, что если еще замѣтитъ, то меня посадятъ въ темный карцеръ (въ темномъ карцерѣ десять дней мучали Бѣлецкаго, и его стоны доносились до насъ по корридору ; объ его мученіяхъ надзирательница и даже солдаты говорили съ содраганіемъ), но мы приловчились и, разговаривая часами, больше не попадались. Чему только не научишься въ тюрьмѣ !

Кашель становился все хуже, и отъ банокъ у меня вся грудь и спина была въ синякахъ. Надо упомянуть теперь о моемъ главномъ мучителѣ, докторѣ Трубецкого бастіона — Серебрянниковѣ. Заявился онъ уже въ первый день заключенія и потомъ обходилъ камеры почти каждый день. Толстый, съ злымъ лицомъ и огромнымъ краснымъ бантомъ на груди. Онъ сдиралъ съ меня при солдатахъ рубашку, нагло и грубо насмѣхаясь, говоря : « Вотъ эта женщина хуже всѣхъ : она отъ разврата отупѣла ». Когда я на что нибудь жаловалась, онъ билъ меня по щекамъ, называя притворящей и задавая циничные вопросы объ « оргіяхъ » съ « Николаемъ » и « Алисой », повторяя, что если я умру, меня съумѣютъ похоронить. Даже солдаты видимо иногда осуждали его поведеніе... Въ эти дни я не могла молиться и только повторяла слова Спасителя : « Боже, Боже, мой, вскую мя еси оставилъ !»... Ночью я горѣла отъ жара и не могла поднять головы, не у кого было спросить глотокъ воды... когда утромъ солдатъ приносилъ кипятокъ, вѣроятно, я показалась ему умирающей, такъ какъ черезъ нѣсколько минутъ онъ пришелъ съ докторомъ. Температура оказалась 40 гр. Онъ выругался, и когда я обратилась къ нему съ слезной просьбой, позволить надзирательницѣ

побыть ночь возлѣ меня, такъ какъ я съ трудомъ подымаю голову, онъ отвѣтилъ, что накажетъ меня за заболѣваніе, что я будто бы нарочно простудилась, и во всемъ отказалъ, ударивъ меня. Почему то я не умерла. Когда же стала поправляться, получила бумагу отъ начальства крѣпости, что я, въ наказанье за болѣзнь, лишаюсь прогулки на десять дней. Какъ разъ эти дни свѣтило солнышко, и я часами плакали, сидя въ своей мрачной камерѣ, думая, что пришла весна и я не смѣю даже десять минутъ подышать свѣжимъ воздухомъ. Вообще безъ содраганія и ужаса не могу вспомнить всѣ издѣвательства этого человѣка.

Кажется спустя недѣли, какъ мы пробыли въ заключеніи, намъ объявили, что у насъ будутъ дежурить надзирательницы изъ женской тюрьмы. Какъ то вечеромъ пришли двѣ, и я обрадовалась, въ надеждѣ что онѣ будутъ посредниками между нами и солдатами. Но эти первыя двѣ нашли наши условія настолько тяжелыми, что не согласились оставаться. Пришли двѣ другія, которыя дежурили поперемѣнно отъ 9 ч. утра до 9 ч. вечера ; ночь же, самое страшное время, мы были всетаки однѣ. Первая надзирательница была молодая, бойкая особа, флиртующая со всѣми солдатами, не обращая на насъ особаго вниманія ; вторая же постарше, съ кроткими грустными глазами. Съ первой же минуты она поняла глубину моего страданія и была нашей поддержкой и ангеломъ хранителемъ. Воистину есть святыя на землѣ, и она была святая. Имени ея я не хочу называть, а буду говорить о ней, какъ о нашемъ ангелѣ. Все, что было въ ея силахъ облегчить наше несчастное существованіе, она все сдѣлала. Никогда въ своей жизни не смогу ее отблагодарить. Видя, что мы буквально умираемъ съ голоду, она покупала на свои скудныя средства то немного колбасы, то кусокъ сыру или шоколада и т. д. Одной ей не позволяли входить, но уходя вслѣдъ за солдатами послѣдней изъ камеры, она ухитрялась бросать свертокъ въ уголъ около клозета, и я бросалась, какъ голодный звѣрь, на пакетъ, съѣдала въ этомъ углу, подбирала и выбрасывала всѣ крошки. Разговаривать мы могли сперва только разъ въ двѣ недѣли въ банѣ.

Она разсказывала мнѣ, что Керенскій пріобрѣтаетъ все большую власть, но что Ихъ Величества были живы въ Царскомъ, и это послѣднее извѣстіе мнѣ давало силу жить и бороться со своимъ страданіемъ. Первую радость, которую она доставила мнѣ, это подаривъ мнѣ красное яичко на Пасху.

Не знаю, какъ описать этотъ свѣтлый праздникъ въ тюрьмѣ. Я чувствовала себя забытой Богомъ и людьми. Въ Свѣтлую Ночь проснулась отъ звона колоколовъ и сѣла на постели, обливаясь слезами. Ворвалось нѣсколько человѣкъ пьяныхъ солдатъ, со словами : « Христосъ Воскре-

се» похристосовались. Въ рукахъ у нихъ были тарелки съ пасхой и кусочкомъ кулича ; но меня они обнесли : « Ее надо побольше мучать, какъ близкую къ Романовымъ », — говорили они. Священникъ просилъ позволенія у правительства обойти заключенныхъ съ крестомъ, но ему отказали. Въ Великую Пятницу насъ всѣхъ исповѣдывали и причащали Святыхъ Таинъ ; водили насъ по очереди въ одну изъ камеръ, у входа стоялъ солдатъ. Священникъ плакалъ со мной на исповѣди. Никогда не забуду ласковаго отца Іоанна Руднева ; онъ ушелъ въ лучшій міръ. Онъ такъ глубоко принялъ къ сердцу непомѣрную нашу скорбь, что заболѣлъ послѣ этихъ исповѣдей.

Была Пасха, и я въ своей убогой обстановкѣ пѣла пасхальныя пѣсни, сидя на койкѣ. Солдаты думали, что я сошла съ ума... и войдя подъ угрозой побить потребовали, чтобы я замолчала. Положивъ голову на грязную подушку, я заплакала... Но вдругъ я почувствовала подъ подушкой что то крѣпкое, и сунувъ руку, ощупала яйцо. Я не смѣла вѣрить своей радости. Въ самомъ дѣлѣ, подъ грязной подушкой, набитой соломой, лежало красное яичко, положенное доброй рукой моего единственнаго теперь друга, нашей надзирательницы. Думаю, ни одно красное яичко въ этотъ день не принесло столько радости : я прижала его къ сердцу, цѣловала его и благодарила Бога... Еще пришло извѣстіе, которое безконечно меня обрадовало : по пятницамъ назначили свиданье съ родными. Была надежда увидѣть дорогихъ родителей, которыхъ, я думала, никогда въ жизни больше не увижу.

XVII.

Посѣтили въ тюрьмѣ! Только тотъ, кто самъ посидѣлъ въ одиночномъ заключеніи, пойметъ, что значитъ надежда свиданія съ родными. Какъ я ждала этой первой пятницы, когда мнѣ сказали, что я увижу моихъ родителей. Я воображала себѣ, какъ мы кинемся навстрѣчу другъ другу, представляла себѣ ласковую улыбку дорогого отца и голубые глаза, полные слезъ, моей матери, и какъ мы будемъ сидѣть вмѣстѣ и я повѣдаю имъ о всемъ томъ, что вынесла за эти дни. Мечтала также получить извѣстія о дорогихъ узникахъ въ Царскомъ, узнать о здоровьѣ дѣтей и о томъ, какъ имъ живется. Въ дѣйствительности же, одно изъ самыхъ тяжкихъ воспоминаній — это дни свиданія съ родными : ни въ одинъ день я такъ не страдала, какъ въ эти пятницы. При видѣ своихъ просыпалась любовь ко всѣмъ дорогимъ, которыхъ оставила и не имѣла надежды когда либо увидѣть. Я и сейчасъ безъ слезъ и содраганія не могу вспомнить, какъ меня вводили съ часовыми въ комнату, гдѣ сидѣла бѣдная мама. Намъ не позволяли даже и подать руки; огромный столъ раздѣлялъ насъ; она старалась улыбаться, но глаза невольно выражали скорбь и ужасъ, когда она увидѣла меня, съ распущенными волосами, смертельно-блѣдную и съ большой раной на лбу. На вопросъ, который она не смѣла задать мнѣ, указывая на лобъ, я отвѣтила, что это ничего : я не смѣла сказать, что солдатъ Изотовъ, въ припадкѣ злобы, толкнулъ меня на косякъ желѣзной двери и съ тѣхъ поръ рана не заживала. Если бы мы были одни, я все бы сказала, но здѣсь, кромѣ караула, присутствовали прокуроръ, завѣдующій бастіономъ — ужасный Чкани, съ часами въ рукахъ. На свиданіе давалось ровно десять минутъ, и за двѣ минуты до конца онъ вскрикивалъ « осталось двѣ минуты », чѣмъ еще больше разстраивалъ измученное сердце. И что можно сказать въ десять минутъ въ присутствіи стольких лицъ, враждебно настроеныхъ ? Только прокуроръ послѣ разсказывалъ, что его нервы не выдерживали моихъ свиданій съ родителями, и онъ нѣсколько почей не могъ спасть. Въ слезахъ мы встрѣчались и разставались, поручая другъ друга милосердію Божію.

Бѣдные, дорогіе мои родители ! Сколько вынесли они оскорбленій и горя, ожидая иногда по три часа эти десять минутъ свиданія. Папа вспоминалъ послѣ, что ни разу меня не видалъ иначе, какъ заплаканную. Отца я видѣла три раза въ крѣпости. Въ началѣ моего заключенія онъ заболѣлъ отъ пережитаго потрясенія ; позже, чередуясь съ мамой, посѣщалъ меня. Какъ хотѣлось мнѣ выглядѣть болѣе похожей на саму себя. Я умоляла надзирательницу одолжить мнѣ на нѣсколько минутъ ея карманное зеркальце и двѣ шпильки ; причесалась, на проборъ, и всю недѣлю промывала рану на лбу. Отецъ мой, всегда сдержанный, ободрялъ меня въ эти нѣсколько минутъ, и мое сердце трепетало отъ счастья увидѣть его. Отецъ сказалъ мнѣ, что мама тоже пріѣхала, что они три часа ждали свиданья, но ее не пустили и она ожидаетъ рядомъ въ комнатѣ, надѣясь услышать мой голосъ. При этихъ словахъ Чкони вскочилъ съ мѣста и, захлопывая со всей силой дверь, закричалъ : « Это еще что, голосъ слышать ! Я вамъ запрещу свиданья за такія продѣлки !» Отецъ мой только слегка покраснѣлъ, меня же подъ конвоемъ увели....

Деньги, которыя родители посылали мнѣ, никогда до меня не доходили ; лишь самыя маленькія суммы шли на покупку чая и сахара, остальное же офицеры — Чкони, комендантъ и ихъ сотоварищи, нѣкій Новицкій и другіе, все проигрывали. Хуже еще: эти господа во все время моего заключенія приставали къ родителямъ и подъ угрозой меня убить или изнасиловать вымогали деньги большими суммами, пріѣзжали иногда къ нимъ вооруженные, или же увѣряли, что передадутъ ѣду или скорѣе выпустятъ. Бѣдные родители отдавали этимъ мерзавцамъ все свое послѣднее, дрожа за мою жизнь. Подобное продѣлывали они и съ родственниками другихъ заключенныхъ. Вотъ каковы были « начальникъ » крѣпости и довѣренные Временнаго Правительства !

Повторяю, самое страшное — это были ночи. Три раза ко мнѣ въ камеру врывались пьяные солдаты, грозя изнасиловать, и я чудомъ спасалась отъ нихъ. Первый разъ я встала на колѣни, прижимая къ себѣ иконку Богоматери, и умоляла во имя моихъ стариковъ родителей и ихъ матерей пощадить меня. Они ушли. Второй разъ въ испугѣ я кинулась объ стѣну, стучала и кричала. Екатерина Викторовна Сухомлинова слышала меня и тоже кричала, пока не прибѣжали солдаты изъ другихъ коридоровъ... Въ третій разъ приходилъ одинъ караульный начальникъ. Я со слезами упросила его, онъ плюнулъ на меня и ушелъ. Наше положеніе было тѣмъ ужаснѣе, что мы не смѣли жаловаться : солдаты могли бы отомстить намъ ; но послѣ послѣдняго случая я все же рѣшилась сказать надзирательницѣ. Она говорила со « старшимъ », и

онъ, кажется, принялъ мѣры, чтобы безобразія не повторялись. Сидѣла я въ камерѣ № 70. Существовали мы не какъ люди, а какъ номера. Заживо погребенные въ душныхъ каменныхъ склепахъ, и жизнь наша была, какъ я уже писала, медленная смертная казнь. Сколько разъ я просила у Бога смерти и все думала ; зачѣмъ я должна жить. « Господи, за что ты смѣешься надо мной », — повторяла я. Нашла тѣ же слова въ книгѣ Іова. Я иногда не могла молиться, теряла вѣру, но Богъ невидимо промышлялъ и о насъ, забытыхъ міромъ. Прежде всего приближалась весна, стало теплѣе, вода высохла на стѣнахъ и на полу ; въ нашемъ садикѣ распустились листочки, зазеленѣла трава. Отъ слабости я уже не могла ходить, но ложилась на траву, устремляя взоръ въ далекое синее небо. Разъ между камнями увидѣла первый желтый цвѣточекъ. У меня забилось сердце, хотѣлось сорвать, но боялась, что отнимутъ... Я нагнулась, сорвала и спрятала за пазуху. Солдаты не замѣтили, — они курили и спорили, облокотясь на ружья, а надзирательница сдѣлала видъ, что не видитъ... Мнѣ удалось этотъ цвѣточекъ, единственное сокровище, передать отцу. Потомъ нашла этотъ цвѣточекъ, бережно засущенный, въ его бумагахъ послѣ смерти дорогого отца. Это былъ единственный цвѣтокъ, который я сорвала въ нашемъ садикѣ. Попробовала еще разъ въ день Св. Троицы, но тогда солдатъ ударилъ меня по рукѣ и отнялъ вѣточку. Помню, цѣлый день я плакала отъ обиды.

Въ № 71 сидѣла Сухомлинова, въ № 72 генералъ Воейковъ. Въ № 69 сидѣлъ сперва Мануиловъ. Говорятъ, онъ симулировалъ параличное состояніе, закрывая то одинъ то другой глазъ. Когда его перевели въ Кресты, туда посадили писателя Колышко. Онъ громко плакалъ первую ночь ; надзирательница сказала, что онъ отецъ большой семьи.

Часто и на меня нападали минуты отчаянія, и разъ я хотѣла покончить жизнь самоубійствомъ. Это случилось, когда однажды надзирательница прибѣжала сказать, что среди стрѣлковъ возмущеніе и они грозятъ со всѣми нами покончить. Мною овладѣлъ ужасъ, и я стала придумывать, какъ бы не попасть имъ въ руки ; вспомнила, что можно сразу умереть, воткнувъ тонкую иголку въ мозжечекъ. Я постучала объ этомъ Сухомлиновой. Она очень испугалась, и послала надзирательницу наблюдать за мной. Иголка имѣлась у меня и была припрятана, но не знаю, какимъ образомъ я ее достала. Благодарю Бога, что онъ спасъ меня отъ малодушія ; на этотъ разъ солдаты успокоились.

Становилось жарко и невыносимо душно въ камерахъ ; иногда буквально задыхалась. Тогда я вскарабкивалась на кровать, оттуда на столъ, старалась уловить хоть маленькое теченіе воздуха изъ крошечной форточки. Надзирательница не на шутку безпокоилась, замѣчая, что я

очень измѣнилась, не стала на себя похожа и все время плакала. Теперь я прижималась уже къ холодной стѣнѣ, часами простаивала босикомъ. Я очень стала слабѣть, ходить не могла и, какъ писала, ложилась на травку, когда выпускали, смотря на небо, и на душѣ становилось спокойнѣе. Издали доносился городской шумъ. Къ концу моего заключенія, помню, зацвѣлъ кустъ розоваго шиповника ; были еще два куста сирени и цвѣла рябина. Часто задумывалась надъ тѣмъ, слышитъ ли Господь молитвы заключенныхъ ?!

Какъ то разъ меня повели на первый допросъ. За большимъ столомъ сидѣла вся Чрезвычайная Комиссія — почти всѣ старые и сѣдые ; предсѣдательствовалъ Муравьевъ. Допросъ этотъ я описала, въ 12-ой главѣ. Слушала я, слушала — и не понимала : или я сошла съ ума въ крѣпости, или они всѣ ненормальны. И откуда только ихъ всѣхъ набрали!? Вся процедура напоминала мнѣ дешевое представленіе комической оперетки. Вспоминая послѣ въ одиночествѣ этотъ допросъ, я иногда не могла удержаться отъ улыбки. Изъ всѣхъ ихъ одинъ Рудневъ оказался честнымъ и безпристрастнымъ. Меня онъ допрашивалъ 15 разъ, по четыре часа каждый разъ. Помню, какъ онъ былъ ошеломленъ, когда я благодарила его въ концѣ четвертаго допроса, во время котораго мнѣ сдѣлалось дурно. « Отчего вы благодарите меня !» — удивился онъ. « Поймите, какое счастье четыре часа сидѣть въ комнатѣ, съ окномъ и черезъ окно видѣть зелень !...» Послѣ моего освобожденія онъ высказалъ, что изъ моихъ словъ онъ ясно понялъ наше несчастное существованіе.

Понемногу положеніе мое стало улучшаться. Многіе солдаты изъ наблюдательной команды стали хорошо ко мнѣ относиться, особенно старо-служащіе ; они искренно жалѣли меня, защищая отъ грубыхъ выходокъ своихъ товарищей, оставляли пять лишнихъ минутъ на воздухѣ. Да, и въ караулѣ стрѣлковъ, не всѣ были звѣри. Бѣдные, все имъ прощаю... Повторяю : не они повели меня на этотъ крестъ, не они создали клевету. Въ то время какъ высокіе круги еще до сихъ поръ не раскаялись, солдаты, понявъ свое заблужденіе, всячески старались загладить свою ошибку. Помню одного караульнаго начальника съ добрымъ и красивымъ лицомъ. Рано утромъ онъ отперъ дверь и, вбѣжавъ, положилъ кусокъ бѣлой булки и яблоко мнѣ на койку, шепнувъ, что идіотство держать больную женщину въ этихъ условіяхъ, и скрылся. Видѣла его еще разъ въ концѣ своего заключенія. Онъ тогда прослезился, сказавъ, что я очень измѣнилась. Изъ караульныхъ начальниковъ еще двое были добрые. Одинъ, придя съ нѣсколькими солдатами вечеромъ, открылъ форточку и высказалъ, какъ бы ему хотѣлось освобо-

дить меня съ помощью своихъ товарищей... Третій былъ совсѣмъ молоденькій мальчикъ, сынъ кущца изъ Самары. Онъ два вечера подрядъ говорилъ со мной черезъ форточку, цѣловалъ мнѣ руки, обливая слезами, всѣхъ насъ ужасно жалѣлъ, будучи не въ состояніи равнодушно выносить жалкій видъ заключенныхъ. Непривычная къ добру, я долго не могла забыть его ласку и слезы. Добрые солдаты также дѣлились сахаромъ и хлѣбомъ.

Но случалось еще болѣе удивительное. Какъ то разъ вошелъ ко мнѣ солдатъ, завѣдующій библіотекой бастіона, и съ страннымъ выраженіемъ глазъ положилъ мнѣ на койку каталогъ книгъ. Открывая каталогъ, нахожу письмо : « Милая Анушка, мнѣ тебя жаль, если дашь мнѣ 5 рублей, схожу къ твоей матери, отнесу письмо». Я задрожала отъ волненія, боялась оглянуться на дверь, воображая, что за мной слѣдятъ. Долго я предумывала, рѣшиться ли написать... Солдатъ вложилъ конвертъ и бумагу. Не хотѣлъ ли онъ меня подвести? Не начало ли это новыхъ испытаній? Богъ знаетъ. Наконецъ рѣшилась, написала короткое письмо дорогимъ родителямъ. Пять рублей у меня остались : когда я отдавала свои деньги, они прорвались въ подкладку пальто, и я ихъ бережно хранила. Положила это единственное сокровище въ конвертъ и написала ему, что люди меня вообще часто обманывали, что я такъ теперь страдаю и во имя этого страданья стараюсь вѣрить, что онъ меня не подведетъ. Какая же была неописуемая радость, когда на другой день въ книгѣ нашла дорогое письмо отъ мамы. Уходя изъ камеры, онъ ухитрился бросить мнѣ въ уголъ плитку шоколада. Такъ установилась рѣдкая, но безконечно мнѣ дорогая переписка съ родителями. Они ему каждый разъ давали деньги, онъ же, конечно, рисковалъ жизнью. Находила письма въ книгахъ, въ бѣльѣ (онъ завѣдывалъ и цейхгаузомъ), въ чулкахъ. Нашла письмо отъ Лили Денъ, съ извѣстіемъ, что Ихъ Величества здоровы, и она плачетъ, глядя на мои любимые цвѣты. Прислала мнѣ бумажку съ наклееннымъ бѣлымъ цвѣткомъ отъ Государыни и двумя словами : « Храни Господь !» Какъ я плакала надъ этой карточкой. Подобнымъ же образомъ онъ принесъ мнѣ въ крѣпость кольцо, которое Государыня мнѣ надѣла при прощаніи (золотыя вещи изъ канцеляріи бастіона выдали родителямъ). Сначала я не знала, куда его спрятать потомъ оторвала кусочекъ сѣрой подкладки отъ пальто, сшила крошечный мѣшочекъ и прикалывала его на рубашку подъ мышкой англійской булавкой. Булавку подарила добрая надзирательница. Боялась, чтобы другая надзирательница не замѣтила кольцо въ банѣ : прятала тогда въ подкладку. Но скоро библіотекарь возбудилъ къ себѣ подозрѣніе, такъ какъ сталъ слишкомъ часто ходить къ намъ съ кни-

гами, и его смѣнили, назначивъ ужаснаго Изотова. Позже судьба намъ помогла черезъ другого человѣка. Какъ то разъ въ супѣ нашла большой кусокъ мяса, котораго два мѣсяца не ѣла. Я, конечно, жадно его съѣла, но спросить не смѣла. На другой день опять кусокъ мяса. У меня даже сердце забилось. Хотѣлось узнать : кто этотъ тайный другъ, который подкармливалъ меня. Надзирательница осторожно развѣдала и сообщила, что это поваренокъ, что онъ вообще готовъ помогать мнѣ, такъ какъ жалѣетъ меня, предлагаетъ носить письма родителямъ. Но онъ дѣлалъ больше. За небольшое вознагражденіе этотъ хорошій человѣкъ, рискуя жизнью, приносилъ мнѣ чистое бѣлье, чулки, рубашки и ѣду, и даже уносилъ грязное. Всѣ предыдущіе мѣсяцы я стирала рубашку подъ краномъ, изъ шпильки сдѣлала крючекъ и вѣшала въ тепломъ углу. Но, конечно, рубашка вполнѣ не высыхала. Кто можетъ представить себѣ счастье послѣ двухъ мѣсяцевъ одѣть чистую, мягкую рубашку ! ?

Звуки изъ внѣшняго міра почти не долетали до насъ ; далекій благовѣсть въ церквахъ почему то меня раздражалъ. Неужели, думала я, Богъ слышитъ молитвы народа, который свергъ своего Царя ? Доносился бой часовъ. Безъ содраганія не могу вспомнить заунывный мотивъ, который они играли ; при себѣ часовъ не разрѣшали имѣть. Съ утра до ночи ворковали голуби. Теперь, гдѣ бы я не услыхала ихъ, они напоминаютъ мнѣ сырую камеру въ Трубецкомъ бастіонѣ. « Старшій » солдатъ какъ то разсказывалъ мнѣ, что онъ сидѣлъ за политическія дѣла въ крѣпости и часами кормилъ голубей у окна. « Развѣ у васъ было окно и низкое ?» — спросила я съ завистью. Окно — это то, чего я жаждала все время. Солдаты разсказывали, что вообще при Царѣ было легче сидѣть въ крѣпости : передавали пищу, заключенные все могли себѣ покупать и гуляли два часа. Я была рада это услышать, « Старшій », который вначалѣ меня такъ мучалъ, измѣнился, позволялъ разговаривать съ надзирательницей. Онъ былъ развитой и любилъ пофилософствовать. Солдаты были имъ недовольны, и какъ то придравшись, что будто онъ купилъ намъ конфетъ, его смѣнили. Изъ молодыхъ были два изъ Гвардейскаго экипажа, которые говорили : « Вотъ насъ 35 человѣкъ товарищей, а Вы наша 36-я». Заботы о мнѣ моихъ раненыхъ не оставляли меня и располагали ко мнѣ сердца солдатъ. Самымъ неожиданнымъ образомъ я получила поклоны и пожеланія отъ нихъ черезъ караулъ. Разъ какъ то пришелъ караульный начальникъ съ извѣстіемъ, что привезъ мнѣ поклонъ изъ Выборга «отъ вашего раненаго Сашки, которому фугасомъ оторвало обѣ руки и изуродовало лицо. Онъ

съ двумя товарищами чуть не разнесъ редакцію газеты, требуя помѣстить письмо, что они возмущены вашимъ арестомъ. Если бы вы знали, какъ Сашка плачетъ». Караульный начальникъ пожалъ мнѣ руку. Другіе солдаты одобрительно слушали, и въ этотъ день никто не оскорблялъ меня. Другой разъ, во время прогулки, подходитъ часовой къ надзирательницѣ и спрашиваетъ разрѣшенія поговорить со мной. Я перепугалась, когда вспомнила его рябое лицо и какъ онъ, въ одну изъ первыхъ прогулокъ, оскорблялъ меня, называя всякими гадкими именами. «Я, — говоритъ, — хочу просить тебя меня простить, что не зная, смѣялся надъ тобой и ругался. Ѣздилъ я въ отпускъ въ Саратовскую губернію. Вхожу въ избу своего зятя и вижу на стѣнѣ подъ образами твоя карточка. Я ахнулъ. Какъ это у тебя Вырубова, такая-сякая... А онъ какъ ударитъ по столу кулакомъ: «Молчи, — говоритъ, ты не знаешь, что говоришь, она была мнѣ матерью два года», да и сталъ хвалить и разсказывать, что у васъ въ лазаретѣ, какъ въ царствѣ небесномъ, и сказалъ, что если увижу, передалъ бы отъ него поклонъ; что онъ молится и вся семья молится за меня». Надзирательница прослезилась, а я ушла въ мракъ и холодъ тюрьмы, переживая каждое словечко съ благодарностью къ Богу.

Позже я узнала, что Царскосельскій совѣтъ постановилъ отдать моему учрежденію весь Федоровскій городокъ, то есть пять каменныхъ домовъ. Раненые ѣздили повсюду хлопотать, подавали прошеніе въ Петроградскій центральный совѣтъ, служили молебны; ни одинъ изъ служащихъ не ушелъ. Всѣ эти солдаты, которые окружали меня, были какъ большіе дѣти, которыхъ научили плохимъ шалостямъ. Душа же русскаго солдата чудная. Послѣднее время моего заключенія они иногда не запирали двери и часъ или два заставляли меня рисовать. Я тогда хорошо дѣлала наброски карандашемъ и рисовала ихъ портреты. Но въ это же время происходили постоянныя ссоры, драки и возстанія, и мы никогда не знали, что можетъ случиться черезъ часъ.

23-го апрѣля, въ день именинъ Государыни, когда я особенно отчаивалась и грустила, въ первый разъ обошелъ наши камеры докторъ Манухинъ, безконечно добрый и прекрасный человѣкъ. Съ его приходомъ почувствовали, что есть Богъ на небѣ и мы Имъ не забыты. Благодарность и уваженіе, которымъ полно мое сердце, когда произношу дорогое имя доктора, не можетъ быть выражено словами. Уже нѣкоторое время солдаты стали относиться съ недовѣріемъ къ доктору Серебрянникову, находя излишней его жестокость, они обратились съ просьбой въ Слѣдственную Комиссію смѣнить его, и такъ какъ тогда воля солдатъ была закономъ для правительства Керенскаго, то доктора замѣ-

нили человѣкомъ, который былъ извѣстенъ какъ талантливый врачъ и въ смыслѣ политическихъ убѣжденій человѣкъ имъ не опасный, раздѣлявшій мнѣніе «о темныхъ силахъ, окружающихъ Престолъ». Но одного Керенскій, по всей видимости, не зналъ: что у доктора Манухина было золотое сердце, и что онъ былъ справедливый и честный человѣкъ. Серебрянниковъ сопровождалъ доктора Манухина при его первомъ обходѣ и стоялъ съ лиловымъ, злымъ лицомъ, волнуясь, пока Манухинъ осматривалъ мою спину и грудь, покрытую синяками отъ банокъ, побоевъ и паденій. Мнѣ показалось страннымъ, что онъ спросилъ о здоровьѣ, не оскорбивъ меня ни чѣмъ, и уходя добавилъ, что будетъ ежедневно посѣщать насъ. Въ первый разъ я почувствовала, что со мной говоритъ «gentleman». Когда онъ ушелъ, точно въ душѣ растаяло что то, и, упавъ на колѣни, я въ первый разъ молилась и заснула.

Всѣ мы заключенные буквально жили ожиданіемъ его прихода. Обыкновенно вскорѣ послѣ 12-часовой пушки онъ начиналъ свой обходъ, и каждый изъ насъ, стоя у дверей камеры, прислушивался къ его голосу, какъ обходя, онъ здоровался съ заключенными, ласково спрашивая о здоровьѣ. Для него всѣ мы были паціенты, а не заключенные. Онъ требовалъ, чтобы ему показывали нашу пищу, и приказывалъ выдавать каждому по бутылкѣ молока и по два яйца въ день. Какъ это ему удалось, не знаю, но воля у него была желѣзная, и хотя сперва солдаты хотѣли его нѣсколько разъ поднять на штыки, они въ концѣ концовъ покорялись ему, и онъ, не взирая на грубости и непріятности, забывая себя, свое здоровье и силы, во имя любви къ страждущему человѣчеству, все дѣлалъ, чтобы спасти насъ. Вообще послѣ его прихода къ намъ, несмотря на ужасъ тюрьмы, существованіе стало возможнымъ при мысли, что докторъ Манухинъ придетъ завтра и защитить насъ.

Мое сердце стало плохо и мучало; принимала разныя лекарства, склянки стояли въ корридорахъ на окнахъ. Лекарства намъ давали солдаты, такъ какъ мы не имѣли права брать бутылку въ руки. За лекарства платили нашими деньгами, которыя лежали въ канцеляріи. Когда комендантъ ихъ проигрывалъ, покупалъ лекарства докторъ Манухинъ на свои деньги. Разъ въ недѣлю «старшій» обходилъ насъ, и мы давали записку предметовъ первой необходимости, какъ то мыло, зубной порошекъ, которые покупались на наши деньги. Бумагу выдавали листами, контролируя каждый листъ, и, если портили, то надо было листъ бумаги отдать обратно, чтобы замѣнить другимъ. И все же я ухитрялась иной разъ припрятать клочекъ, на которомъ писала письма родителямъ. Въ началѣ «старшій» отнималъ отъ меня и то малое, что полагалось.

Допросы Руднева продолжались все время. Я какъ то разъ спросила доктора Манухина, единственный разъ, что видѣла его одного : за что мучаютъ меня такъ долго ? Онъ успокаивалъ меня, говоря, что разберутся, но предупредилъ, что меня ожидаетъ еще худшій допросъ.

Черезъ нѣсколько дней онъ пришелъ ко мнѣ одинъ, закрылъ дверь, сказалъ, что Керенскій поручилъ ему переговорить со мной глазъ на глазъ, и потому въ этотъ разъ солдаты его не сопровождаютъ. Чрезвычайная Комиссія, говорилъ онъ, почти закончила разсмотрѣніе моего дѣла, и пришла къ заключенію, что обвиненія лишены основанія, но что мнѣ нужно пройти черезъ этотъ докторскій допросъ чтобы реабилитировать себя, и что я должна на это согласиться!.. Много вопросовъ я не поняла, другіе же вопросы открыли мнѣ глаза на бездну грѣха, который гнѣздится въ душахъ человѣческихъ. Когда допросъ кончился, я лежала разбитая и усталая на кровати, закрывая лицо руками. Съ этой минуты докторъ Манухинъ сталъ моимъ другомъ, — онъ понялъ глубокое, безпросвѣтное горе незаслуженной клеветы, которую я несла столько лѣтъ. Но сознаніе, что одинъ человѣкъ понялъ меня, дало силу терпѣть и бороться. Мнѣ было легко съ нимъ говорить, точно я давно, давно знала его.

Къ концу мая буквально не чѣмъ было дышать. Какъ то обошелъ наши камеры предсѣдатель Комиссіи Муравьевъ, важный и повидимому двуличный человѣкъ. Войдя ко мнѣ, онъ сказалъ, что преступленій за мною никакихъ не найдено, и вѣроятно меня куда-нибудь переведутъ. Но все тянули, и я буквально погибала, и, конечно, если бы не заботы дорогого доктора, я бы не вынесла. Вспоминаю, какъ я обрадовалась первой мухѣ ; потомъ уже ихъ налетѣла цѣлая уйма, и я часами слѣдила за ними, завидуя, что онѣ свободно вылетали въ форточку. Слыхала, что другіе заключенные много читаютъ, я же только читала Библію, такъ какъ повѣсти и разсказы не могли занять ума и успокоить сердце. Святое же Писаніе — навѣки единственная и непреложная истина, помогало мнѣ нести крестъ терпѣнія.

Въ одинъ изъ жаркихъ іюньскихъ дней ворвались ко мнѣ человѣкъ 25 солдатъ и стали рыться въ моихъ убогихъ вещицахъ, евангеліяхъ, книжкахъ и т. д. Я вся похолодѣла отъ страха, но увидя высокую фигуру доктора, успокоилась. Онъ громко сказалъ: «Анна Александровна, не волнуйтесь, что простая ревизіонная комиссія». И всталъ около меня слѣдя за ними, объясняя то или иное. Выйдя въ корридоръ, я слышала, какъ онъ сказалъ имъ : « Ей осталось нѣсколько дней жить ; если хотите быть палачами, то берите на себя отвѣтственность, я на себя не беру». Они съ нимъ согласились, что надо меня вывезти, и на слѣду-

ющій день онъ шепнулъ мнѣ, что скоро меня вывезутъ. Надзирательница узнала, что меня хотятъ перевести въ женскую тюрьму. Она побѣжала сообщить объ этомъ доктору, и онъ старался пріостановить это рѣшеніе : онъ ѣздилъ и хлопоталъ за меня и за другихъ, гдѣ могъ.

Дышать въ камерахъ было нечѣмъ, у меня сильно отекли ноги, я все время лежала. Разъ въ недѣлю рано утромъ мыли полъ. Проходя мимо меня, солдатъ-рабочій шепнулъ мнѣ : « Я всегда за васъ молюсь !» — « Кто вы ?» — спросила я. « Конюхъ изъ придворной конюшни». Всмотрѣвшись, я узнала его.

12-го іюня, въ понедѣльникъ, Манухинъ сообщилъ мнѣ, войдя въ камеру, что вѣроятно въ среду меня переведутъ въ арестный домъ. Я безконечно обрадовалась, но все же не вѣрилось. На другой день стали приходить нѣкоторые солдаты наблюдательной команды « прощаться » ; говорили, что у нихъ было общее собраніе, на которомъ постановили защитить васъ противъ стрѣлковъ и дать возможность вывезти. Я такъ волновалась, что совсѣмъ не спала. Было душно и жарко, и я уже почти не вставала, лежала босая, съ распущенными волосами, когда вошелъ докторъ; отъ ожиданія того, что онъ скажетъ, отчаянно билось сердце. Онъ сѣлъ на кровать и видимо тоже волновался, такъ какъ долженъ былъ мнѣ объяснить, что по непредвиденнымъ обстоятельствамъ не можетъ вывезти меня : волновались стрѣлки, и рѣшили меня не выпускать... Я залилась слезами, и въ первый разъ за всѣ переживанія у меня сдѣлалась истерика. Кто не сидѣлъ въ тюрьмѣ, не пойметъ отчаяніе, когда рушится надежда на освобожденіе. Манухинъ былъ очень недоволенъ мною и уговаривалъ меня быть мужественной. Весь день я плакала, къ вечеру стихла. Вдругъ отворилась дверь, вбѣжалъ докторъ, измученный и усталый, со словами : « Успокойтесь, надежда есть !» — и выбѣжалъ. Надзирательница, подойдя къ двери, шепнула, что докторъ Манухинъ привезъ съ собою депутатовъ изъ Центральнаго Совѣта для переговоровъ со стрѣлками. Я очень первничала ночью, такъ какъ слышала разговоръ въ корридорѣ, солдата Куликова, который все говорилъ, что надо скорѣе убить меня, и для этой цѣли укралъ два револьвера изъ караула. Надзирательница передала объ этомъ Манухину и коменданту. Оказалось — правда.

Въ этотъ день Манухинъ явился веселый, объявилъ, что слѣдующій разъ онъ встрѣтитъ меня уже въ другомъ мѣстѣ. Днемъ пошла на свиданіе съ мамой ; она тоже ободрила меня, увѣряя, что скоро все будетъ хорошо, и что это, вѣроятно, послѣднее свиданье въ крѣпости.

Часовъ въ 6, когда я босая стояла, прижавшись къ холодной стѣнѣ, вдругъ распахнулась дверь и вошелъ Чкони. Сперва онъ спросилъ меня,

была ли у меня истерика послѣ свиданья съ мамой. Потомъ продолжалъ, что онъ долженъ мнѣ сообщить, что завтра, вѣроятно, меня вывезутъ. У меня закружилась голова, и я не видала рукъ, которые протягивали мнѣ солдаты, поздравляя меня. Я почти ничего не соображала, какъ вдругъ услышала голосъ молодой надзирательницы, которая вбѣжала въ камеру, говоря : « Скорѣй, скорѣй собирайтесь ! За вами идутъ докторъ и депутаты Центральнаго Совѣта !» У меня ничего не было, кромѣ рваной сѣрой шерстяной кофточки и убогихъ пожитковъ, которые она завязала наскоро въ платокъ. Въ это время начала стучать въ стѣну бѣдная Сухомлинова, прося разрѣшенія проститься со мной, но ей отказали. Вошедшіе солдаты окружили меня и почти понесли по длиннымъ корридорамъ. На лѣстницѣ кивнулъ мнѣ бѣлокурый стрѣлокъ, который водилъ на свиданье. Сошли внизъ, прошли столовую, — караулъ — открыли передъ нами дверь... и мы вышли... на волю...

Насъ ждалъ автомобиль. Меня посадили. Рядомъ вскочилъ Чхони и нѣсколько солдатъ. Въ другомъ автомобилѣ помѣстился докторъ. Насъ окружили солдаты, которые, подбѣгая, стали дѣлать громкія замѣчанія. Депутаты торопили ѣхать, и наконецъ мы поѣхали. Летѣли полнымъ ходомъ за моторомъ доктора, который сидѣлъ спиной къ шоферу и все время слѣдилъ за нами. Я была какъ во снѣ. Вспоминаю, какъ вылетѣли изъ воротъ крѣпости и помчались по Троицкому мосту. Вѣтеръ, пыль, голубая Нева, просторъ, быстрая ѣзда и столько свѣта, что я закрывала лицо руками, ничего не соображая : только сердце разрывалось отъ счастья.

Черезъ пять минутъ мы очутились на Фурштадской 40. Солдаты вынесли меня на рукахъ и провели въ кабинетъ коменданта ; караулъ арестнаго дома не пропустилъ крѣпостныхъ. Помню, какъ меня удивило, когда комендантъ протянулъ мнѣ руку, — это былъ офицеръ небольшого роста, полный. Меня понесли наверхъ, и я очутилась въ большой комнатѣ, оклеенной сѣрыми обоями, съ окномъ на церковь Косьмы и Даміана и на зеленый садъ. Когда меня подвели къ окну, я такъ вскрикнула, увидя опять окно, что солдаты не могли удержаться отъ смѣха. Но съ ними былъ дорогой докторъ : онъ всѣхъ выслалъ, велѣлъ сейчасъ же телефонировать родителямъ, что я въ арестномъ домѣ, и проспалъ, чтобы прислали дѣвушку меня выкупать и уложить.

XVIII.

Мѣсяцъ, который я провела въ арестномъ домѣ, былъ сравнительно спокойный и счастливый, хотя иногда бывало и жутко, такъ какъ въ это время была первая попытка большевиковъ встать во главѣ правительства. Большая часть членовъ Временнаго Правительства уже сошла со сцены, но оставался еще Керенскій. Караулъ арестного дома не показывался кромѣ одного раза въ день при смѣнѣ. Одинъ вооруженный солдатъ сторожилъ у моей двери, но при желаніи я могла выходить въ общую столовую, куда однако же я никогда не ходила. Изъ заключенныхъ я была единственная женщина. Кромѣ меня тутъ были генералъ Бѣляевъ и 80 или 90 морскихъ офицеровъ изъ Кронштадта. «Кронштадтскіе мученики», какъ ихъ называли. Всѣ они, худые и несчастные, помѣщались человѣкъ по десять въ комнатѣ. Нѣкоторые изъ нихъ помнили меня по плаванію съ Ихъ Величествами, и я иногда говорила съ ними.

Комендантъ, узнавъ, что у меня есть походная церковь въ лазаретѣ, обратился ко мнѣ съ просьбою, не позволю ли я отслужить обѣдню для всѣхъ заключенныхъ, такъ какъ самое большое желаніе офицеровъ было причаститься Св. Таинъ. Обѣдня эта совпала съ днемъ моего рожденія 16 іюля. Трогательная была эта служба : всѣ эти несчастные, замученные въ тюрьмахъ люди простояли всю обѣдню на колѣняхъ ; многіе неудержимо рыдали, плакала и я, стоя въ уголку, слушая послѣ неизъяснимыхъ мученій эту первую обѣдню. Закрывъ глаза, прислушивалась къ кроткому голосу священника и стройному пѣнію солдатъ. Я могла себя вообразить у себя въ лазаретѣ, — только вмѣсто раненыхъ стояли пострадавшіеся заключенные.

Комендантъ Наджоровъ обращался со всѣми заключенными предупредительно и любезно, но былъ большой кутила. Онъ держалъ бѣговыхъ лошадей, которыхъ по вечерамъ проѣзжалъ мимо нашихъ оконъ. Навѣщалъ онъ насъ ежедневно, ладилъ съ солдатами и умѣлъ отстранять непріятности. Впрочемъ онъ не стѣснялся требовать съ меня и съ

другихъ постоянно большія суммы денегъ «въ долгъ». Къ счастью эти просьбы удалось мнѣ отклонить. Трудно объ этомъ говорить, когда я видѣла отъ него много добра, но таковы были нравы и привычки многихъ русскихъ людей, — и нечего удивляться, что случилось все то, что теперь мы переживаемъ.

Въ арестномъ домѣ я начала поправляться. Весь день я просиживала у открытаго окна и не могла налюбоваться на зелень въ садикѣ и на маленькую церковь Косьмы и Даміана. Но больше всего доставляло удовольствіе — смотрѣть на проходившихъ и проѣзжавшихъ людей. Цвѣтъ лица изъ земляного превратился въ нормальный, но я долго не могла привыкнуть разговаривать и меня страшно это утомляло. Къ вечеру я очень нервничала: мнѣ все казалось, что пріѣдутъ за мной стрѣлки изъ крѣпости, и я просила разрѣшенія коменданта, чтобы дозволяли дѣвушкѣ спать въ одной комнатѣ со мной. Учитывая мое нервное состояніе, онъ впослѣдствіи разрѣшилъ сестрамъ милосердія моего лазарета ночевать со мной. Спали онѣ бѣдныя на полу на матрацѣ, чередуясь. Одна изъ нихъ скрывала это отъ своихъ родителей, боялась чтобы ей не запретили дежурство: съ благодарностью вспоминаю ихъ всѣхъ.

Свиданья были разрѣшены четыре часа въ день. Какъ я могу описать радость свиданія съ родителями и съ нѣкоторыми дорогими друзьями, которые не побоялись меня навѣщать, — словами всего не опишешь. Сидѣла съ родителями безъ постороннихъ свидѣтелей и говорила безъ умолку; мнѣ привезли одежду, книги и многое множество цвѣтовъ. Узнала я о полномъ разгромѣ нашей арміи и о шаткомъ положеніи пресловутаго Временнаго Правительства. Что ожидало бѣдную родину, никто не зналъ. Мои дорогіе друзья въ Царскомъ были еще живы и здоровы, но терпѣли ежедневно оскорбленья отъ палачей, которые окружали ихъ. О подробностяхъ іюльской революціи знаю меньше, чѣмъ тѣ, кто былъ въ то время на волѣ. Но какіе ужасные дни перемили и мы, заключенные. У насъ въ караулѣ и горничныя заранѣе поговаривали, что будетъ возстаніе большевиковъ.

Произошло это ночью 3 іюля. Изъ казармъ Сапернаго полка, находившихся какъ разъ за церковью Косьмы и Даміана, стали доноситься дикіе крики: «товарищи къ вооруженному возстанію...» Въ одну минуту солдаты сбѣжались со всѣхъ сторонъ, съ винтовками, кричали, пѣли какія то пѣсни, откуда то послышались выстрѣлы, загремѣла музыка. Дрожа отъ волненія и страха, я стояла у окна съ горничной и солдатомъ изъ караула, съ Георгіевской медалью. Послѣдній разсказывалъ, что у нихъ была получена телеграмма отъ Кронштадтцевъ, чтобы

ожидать ихъ пріѣзда къ 2 час. ночи ; лично онъ былъ противъ выступленія и говорилъ, что въ случаѣ чего спрячетъ меня у своей сестры, такъ какъ я де единственная женщина здѣсь, и жалѣлъ меня.

Никто эту ночь не спалъ ; бѣдные морскіе офицеры ходили, какъ звѣри въ клѣткѣ, взадъ и впередъ. Всѣхъ насъ предупредили не оставаться въ нашихъ комнатахъ, такъ какъ опасались, что будутъ стрѣлять въ нашъ домъ. По нашей улицѣ шествовали всѣ процессіи матросовъ и полки съ Красной Горки, направлялись къ Таврическому Дворцу. Чувствовалось что то страшное и стихійное: тысячами шли они, пыльные, усталые, съ озвѣрѣлыми, ужасными лицами, несли огромные красные плакаты съ надписьями : « Долой Временное Правительство ». «Долой войну» и т. д. Матросы, часто вмѣстѣ съ женщинами, ѣхали на грузовыхъ автомобиляхъ, съ поднятыми на прицѣлъ винтовками. Нашъ караульный начальникъ объявилъ, что, если они подойдутъ къ арестному дому, то караулъ выйдетъ къ нимъ навстрѣчу и сдастъ оружіе, такъ какъ всѣ караульные на сторонѣ большевиковъ.

Комендантъ показалъ себя молодцомъ : караулъ хотѣлъ его арестовать, и онъ просидѣлъ съ ними двое сутокъ, уговаривая ихъ, и въ концѣ концовъ склонилъ всѣхъ на свою сторону. Караулъ эти дни къ счастью не смѣняли. Я сама все время сидѣла въ корридорчикѣ съ генераломъ Бѣляевымъ. Нервно больной, онъ трясся какъ листъ, и мнѣ же, которая боялась одной спать въ комнатѣ, приходилось все время его успокаивать. Изнемогая отъ усталости на вторую ночь, я прилегла, пока генералъ сторожилъ у окна. Дорогой докторъ Манухинъ нѣсколько разъ посѣтилъ меня ; но въ эти же дни опасался пріѣхать. Рудневъ пріѣзжалъ ко мнѣ съ допросами, и разъ былъ Петроградскій прокуроръ Карпинскій, который сказалъ, уходя, что есть надежда на мое скорое и полное освобожденіе.

24-го іюля пришла телеграмма изъ прокуратуры, чтобы кто нибудь изъ моихъ родныхъ пріѣхалъ за полученіемъ бумаги на мое освобожденіе. Родители уѣхали въ Теріоки. Цѣлый день я ожидала дядю Гришу, — на него была единственная надежда. Какъ я волновалась. Къ счастью около 6 час. онъ пріѣхалъ и тотчасъ же помчался въ прокуратуру, надѣясь еще застать прокурора. Я стояла у окна съ двумя моими врачами изъ лазарета, съ замираніемъ сердца ожидая его. Наконецъ на углу показался извощикъ, на которомъ ѣхалъ дядя, издали махая бумагой. Вбѣжавъ въ комнату, онъ обнялъ меня со словами : «Ты свободна...» Я заплакала... Прибѣжали арестованые, солдаты, горничныя: жали мнѣ руки. связывали узлы съ моими пожитками. Караульный начальникъ самъ свелъ меня подъ руку по лѣстницѣ, - усадили

меня на извощика и мы поѣхали мимо церкви Косьмы и Даміана въ квартиру дяди. Поднялись на верхъ: маленькая столовая - накрытый столъ - точно во снѣ... Послѣ тюрьмы лишь понемногу привыкаешь къ свободѣ: воля какъ бы убита, даже трудно пройти въ сосѣднюю комнату... все какъ будто надо у кого то просить позволенія... Но какое необъятное счастье — свобода.... Какая радость эти первые дни двигаться по комнатамъ, сидѣть на балкончикѣ, смотрѣть на проходившую и проѣзжавшую публику. Иногда ѣздила съ родителями или съ кѣмъ-нибудь изъ моего лазарета въ Удѣльный лѣсъ или на Лахту, — не могла надышаться и налюбоваться природой.

Въ Царское, конечно, не смѣла ѣхать. Отъ моего вѣрнаго Берчика узнала, какъ обыскивали мой домикъ, какъ Временное Правительство предлагало ему 10 тысячъ рублей, лишь бы онъ наговорилъ гадости на меня и на Государыню ; но онъ, прослужившій 45 лѣтъ въ нашей семьѣ, отказался, и его посадили въ тюрьму, гдѣ онъ просидѣлъ цѣлый мѣсяцъ. Во время перваго обыска срывали у меня въ комнатѣ ковры, подняли полъ, ища « подземный ходъ въ дворецъ » и « секретные телеграфные провода въ Берлинъ ». Искали « канцелярію Вырубовой », и ничего не найдя, ужасно досадовали. Но главное, чего они искали, — это винные погреба, и никакъ не могли повѣрить, что у меня нѣтъ вина. Обыскавъ все, они потребовали чтобы моя старушка кухарка приготовила имъ ужинъ, и уѣхали, увезя въ карманахъ все, что могли найти поцѣннѣй.

Хотя я не могла поѣхать въ Царское навѣстить тѣхъ, о комъ я такъ скучала, но за нѣсколько дней до ихъ отъѣзда въ Сибирь я получила маленькое письмо отъ Государыни. Съ этимъ письмомъ Государыня прислала мнѣ коробку моихъ золотыхъ вещей, которую она сохраняла во время моего ареста. Горничная разсказывала мнѣ, какъ они провели лѣто, какъ одно время Ихъ Величествъ разъединили другъ отъ друга и позволяли только разговаривать во время обѣда и завтрака, въ присутствіи офицеровъ. Революціонная власть Временнаго Правительства старалась всѣми силами обвинить Государыню въ измѣнѣ и т. д., но имъ не удалось. Они ненавидѣли ее гораздо больше Государя. Когда ихъ обвиненіе не нашло себѣ подтвержденія, они снова дозволяли Государю и Государынѣ быть вмѣстѣ. Послѣ ихъ отъѣзда съ Сибирь, маленькая горничная опять пришла ко мнѣ. Она разсказывала, какъ Керенскій устраивалъ ихъ путешествіе и часами проводилъ время въ дворцѣ, какъ это было тяжело Ихъ Величествамъ. Онъ приказалъ, чтобы въ 12 час. ночи всѣ были бы готовы къ отъѣзду. Царственные узники просидѣли въ кругломъ залѣ съ 12 час. до 6 час. утра. одѣтые

въ дорожное платье. Въ 6 час. утра одинъ изъ преданныхъ лакеевъ не побоялся принести имъ чаю, что немножко ихъ подбодрило. Алексѣю Николаевичу становилось дурно. Уѣхали они изъ дворца съ достоинствомъ, совсѣмъ спокойные, точно отправлялись на отдыхъ въ Крымъ или Финляндію. Даже революціонныя газеты не могли ни къ чему придраться.

Я переѣхала къ зятю, въ его домъ на Морской. Въ верхнемъ этажѣ жилъ нѣкій Манташевъ, и тамъ каждую ночь происходили кутежи, которые кончались часовъ въ семь утра. Вино лилось рѣкой. Бывали тамъ Ихъ Высочества Борисъ Владиміровичъ, Марія Павловна и другіе. Я тяжело заболѣла разлитіемъ желчи, ночами не могла спать отъ шума и музыки : больная и нервная не могла привыкнуть къ этой обстановкѣ послѣ всего пережитаго. Зять мой тоже цѣлыми ночами пропадалъ у нихъ наверху. Пріѣзжалъ ко мнѣ Гиббсъ, снималъ меня для Государыни и уѣхалъ въ Тобольскъ. Всевозможные корреспонденты, англійскіе и американскіе, ломились ко мнѣ, но я видѣла кажется только двухъ или трехъ. Зять мой получилъ письмо отъ своей сестры, что она пріѣзжаетъ и не хочетъ быть со мной подъ одной крышей, и я переѣхала снова къ дядѣ.

24-го августа вечеромъ, только я легла спать, въ 11 часовъ, явился отъ Керенскаго комиссаръ съ двумя «адъютантами», потребовавъ, чтобы я встала и прочла бумагу. Я накинула халатъ и вышла къ нимъ. Встрѣтила трехъ господъ, по виду евреевъ ; они сказали, что я, какъ контръ-революціонерка, высылаюсь въ 24 часа заграницу. Я совладала съ собой, хотя рука дрожала когда подписывала бумагу : они иронично слѣдили за мной. Я обратилась къ нимъ съ просьбой отложить отъѣздъ на 24 часа, такъ какъ фактически не могла въ этотъ срокъ собираться : у меня не было ни денегъ, ни разрѣшенія взять кого-нибудь съ собой. Ко мнѣ, какъ опасной контръ-революціонеркѣ, приставили милиціонеровъ. Завѣдующій моимъ лазаретомъ, Рѣшетниковъ, и сестра милосердія Веселова вызвались ѣхать со мной. 25-го появилось сообщеніе во всѣхъ газетахъ, что меня высылаютъ заграницу : указанъ былъ день и часъ. Близкіе мои волновались, говоря, что это провокація. Послѣднюю ночь мои родители провели со мной, изъ насъ никто не спалъ. Утро 26-го было и холодно и дождливо, на душѣ невыразимо тяжело. На станцію поѣхали въ двухъ автомобиляхъ, причемъ милиціонеры предупредили ѣхать полнымъ ходомъ, такъ какъ по дорогѣ могли быть непріятности. Мы пріѣхали первыми на вокзалъ и сидѣли въ залѣ 1-го класса, ожидая спутниковъ. Дорогимъ родителямъ разрѣшили проводить меня до Тріокъ. Вагонъ нашъ былъ первый отъ паровоза. Въ 7 час. утра поѣздъ

тронулся, — я залилась слезами. Дядя въ шутку называлъ меня эмигранткой. Несмотря на всѣ мученья, которымъ я подвергалась за послѣднія мѣсяцы, « эмигрантка » убивалась при мысли уѣзжать съ родины. Казалось бы все готова терпѣть, лишь бы остаться въ Россіи. Наша компанія контръ - революціонеровъ состояла изъ слѣдующихъ лицъ : старика редактора Глинки - Янчевскаго, доктора Бадмаева, пресмѣшного «божка» въ бѣломъ балахонѣ съ двумя дамами и маленькой дѣвочкой, съ черными киргизскими глазками, Манусевича-Мануйлова и офицера съ георгіевской ленточкой въ петлицѣ и въ нарядномъ пальто, нѣкоего Эльвенгрена. Странная была наша компанія « контръ-революціонеровъ», не знавшихъ другъ друга. Стража стояла у двери ; ѣхалъ съ нами тотъ же комиссаръ-еврей, который пріѣхалъ ко мнѣ ночью съ бумагой отъ Керенскаго. Почему то теперь онъ былъ любезный. Въ Бѣлоостровѣ публика замѣтила фигуру доктора Бадмаева въ бѣломъ балаханѣ и начала собираться и посмѣиваться. Узнали, что это вагонъ контръ - революціонеровъ ; кто то назвалъ мою фамилію, стали искать меня. Собралась огромная толпа, свистѣли и кричали. Бадмаевъ ничего не нашелъ умнѣе, какъ показать имъ кулакъ ; началась перебранка, — схватили камни съ намѣреніемъ бросить въ окна. Не знаю, чѣмъ бы все это кончилось, если бы поѣздъ не тронулся. Я стояла въ корридорчикѣ съ дорогими родителями, ни живая, ни мертвая. Въ Теріокахъ — раздирающее душу прощанье, и поѣздъ помчался дальше.

Но случилось еще худшее. Подъѣзжая къ Рихимяки, увидѣла толпу солдатъ въ нѣсколько тысячъ на платформѣ ; всѣ они, видимо, ждали нашего поѣзда и съ дикими криками окружили нашъ вагонъ. Въ одну минуту они отцѣпили его отъ паровоза и ворвались, требуя, чтобы насъ отдали на растерзаніе. « Давайте намъ Великихъ Князей. Давайте генерала Гурко », — кричали они, вбѣжавъ ко мнѣ. Напрасно увѣряла сестра, что я больная женщина, — они не вѣрили, требовали, чтобы меня раздѣли, увѣряя что я — переодѣтый Гурко. Вѣроятно мы бы всѣ были растерзаны на мѣстѣ, если бы не два матроса-делегата изъ Гельсингфорса, пріѣхавшіе на автомобилѣ: они влетѣли въ вагонъ, вытолкали половину солдатъ, а одинъ изъ нихъ — высокій худой, съ блѣднымъ добрымъ лицомъ (Антоновъ) обратился съ громкой рѣчью къ тысячной толпѣ, убѣждая успокоиться и не учинять самосуда, такъ какъ это позоръ. Онъ съумѣлъ на нихъ подѣйствовать, такъ что солдаты немного поутихли и позволили прицѣпить вагонъ къ паровозу для дальнѣйшаго слѣдованія въ Гельсингфорсъ. Антоновъ сказалъ мнѣ, что онъ соціалистъ, членъ Гельсингфорскаго совѣта и что ихъ комитетъ получилъ телеграмму изъ Петрограда, — они предполагали, что отъ Керен-

скаго, — о нашей высылкѣ, и приказаніе насъ захватить ; какъ они мчались въ автомобилѣ, надѣясь захватить также Великихъ Князей и генерала Гурко, и что мы въ сущности представляемъ для нихъ малую добычу, и что они насъ задержать до тѣхъ поръ, пока не получатъ разъясненія Правительства, о причинѣ высылки контръ - революціонеровъ заграницу. Онъ сѣлъ около меня, и видя, что я плачу отъ нервнаго потрясенія, только что пережитаго страха, ласково успокаивалъ меня, увѣряя, что никто меня не обидитъ и, выяснивъ дѣло, отпустятъ. Мнѣ же лично дѣло это не представлялось настолько простымъ : казалось, что все это было подстроено, чтобы толпа разорвала насъ. Вѣроятно, и съ генераломъ Гурко такъ же бы раздѣлались, но онъ былъ умнѣе и уѣхалъ въ Архангельскъ къ англичанамъ.

Къ ночи мы подъѣхали къ Гельсингфорсу. Всѣхъ остальныхъ спутниковъ Антоновъ отправилъ подъ конвоемъ, мнѣ же и сестрѣ онъ сказалъ, что проведетъ насъ въ лазаретъ, находившійся на станціи. Отъ слабости и волненія я не могла держаться на ногахъ, — санитары на носилкахъ понесли меня на пятый этажъ. По всей дорогѣ стояла толпа больныхъ и раненыхъ матросовъ и солдатъ, въ синихъ халатахъ. Особенныхъ замѣчаній не слыхала ; кто то даже сказалъ : « бѣдняжка »... Сестра финка, очень милая, уложила меня въ постель, дала лекарство, но намъ не долго пришлось оставаться въ покоѣ. Черезъ полъчаса поднялась суматоха, пришелъ караулъ съ Петропавловска, матросы, похожіе на разбойниковъ, съ штыками на винтовкахъ, какіе то делегаты изъ комитета, требуя, чтобы меня перевезли на « Полярную Звѣзду » къ остальнымъ заключеннымъ. Антоновъ съ ними сердито спорилъ, доказывалъ, но ему пришлось сдаться. Онъ съ блѣднымъ, взволнованнымъ лицомъ прибѣжалъ мнѣ объяснить положеніе дѣла и торопилъ скорѣе одѣться. Испуганная и слабая я спустилась внизъ на костыляхъ среди возбужденной толпы больныхъ матросовъ. Антоновъ шелъ возлѣ меня, все время ихъ уговаривая. Самое же страшное было когда мы вышли на площадь передъ вокзаломъ. Тысячъ шестнадцать народу, — и надо было среди нихъ дойти до автомобиля. Ужасно слышать безумные крики людей требующихъ вашей крови... Но Господь чудомъ спасъ меня. Я же была увѣрена, что меня растерзаютъ, и чувствовала себя какъ заяцъ, загнанный собаками... Антоновъ велъ меня подъ руку, призывая ихъ къ спокойствію, умоляя, уговаривая... Все это было дѣломъ нѣсколькихъ минутъ, но никогда въ жизни ихъ не забуду. Антоновъ бережно посадилъ меня и сестру въ автомобиль, и мы начали медленно двигаться сквозь неистовавшую толпу. « Царская наперсни-

ца, дочь Романовыхъ. Пусть идетъ пѣшкомъ по камнямъ»... — кричали обезумѣвшіе голоса. Но Антоновъ, стоя въ моторѣ, жестикулировалъ, кричалъ, заставляя ихъ раступиться и давать дорогу... Наконецъ вырвались и покатили куда то по городу. На набережной остановились, пришлось лѣзть по плоту, доскамъ и, наконецъ, по отвѣсному трапу. Антоновъ почти несъ меня на рукахъ. Мы очутились на яхтѣ «Полярная Звѣзда», съ которой связано у меня столько дорогихъ воспоминаній о плаваніяхъ — по этимъ же водамъ съ Ихъ Величествами... Яхта перешла, какъ и все достояніе Государя въ руки Временнаго Правительства. Теперь же на ней засѣдалъ «Центробалтъ». Нельзя было узнать въ заплеванной, загаженной и накуренной каютѣ чудную столовую Ихъ Величествъ. За тѣми же столами сидѣло человѣкъ сто «правителей», — грязныхъ, озвѣрѣлыхъ матросовъ. Происходило засѣданіе, на которомъ рѣшались вопросы и судьба разореннаго флота и бѣдной Россіи.

Пять сутокъ, которые я провела подъ арестомъ на яхтѣ, я цѣлый день слышала, какъ происходили эти засѣданія и говорились «умныя» рѣчи. Мнѣ казалось, что снижу въ домѣ сумасшедшихъ... Насъ помѣстили въ трюмъ. Все было переполнено паразитами-; день и ночь горѣла электрическая лампочка, такъ какъ все это помѣщеніе было подъ водой. Никогда не забуду первой ночи. У нашихъ дверей поставили караулъ съ Петропавловска, тѣ же матросы съ лезвіями на винтовкахъ. — и всю ночь разговоръ шелъ между ними, какимъ образомъ съ нами покончить, какъ меня перерѣзать вдоль и поперекъ, чтобы потомъ выбросить черезъ люкъ, и съ кого начать, — съ женщинъ, или со стариковъ. Всю ночь не спалъ и нашъ новый другъ — Антоновъ; сидѣлъ у стола, разговаривая то съ тѣмъ, то съ другимъ ; когда караулъ гналъ его спать, онъ отказывался, говоря, что исполняетъ при насъ обязанности комиссара и не имѣетъ права спать. Онъ напоминалъ постоянно матросамъ, что безъ согласія совѣта матросы не имѣютъ права насъ лишать жизни. Когда караулъ смѣнили съ Гангута, Антоновъ ушелъ, и я больше никогда его не видала. Вернувшись на свой корабль, матросы съ Петропавловска убили всѣхъ своихъ офицеровъ...

Такъ провели мы пять сутокъ. Какъ мы не сошли съ ума, не знаю, но когда перевели въ крѣпость, то замѣтила, что стала сѣдая. Насъ выводили на полъ часа на верхнюю палубу; тамъ мы набирались воздуха ; я садилась возлѣ рубки, гдѣ такъ часто сидѣла съ Государыней, и гдѣ каждый уголокъ былъ памятенъ мнѣ. На этомъ же мѣстѣ пять лѣтъ тому назадъ я снимала Императрицу-Мать вмѣстѣ съ Государемъ

и ея японскими собачками въ день имянинъ Государыни ; какая чистота была тогда на яхтѣ... а теперь. Подъ крики ораторовъ Центробалта сидѣли мы, ожидая нашей участи. Ну что ? Есть извѣстія изъ Петрограда ? — то и дѣло спрашивали мы, но никто не ѣхалъ, никто ничего не зналъ. Кормили насъ хорошо. Вылѣзали изъ нашихъ норъ къ столу : намъ приносили мясо, супъ, много хлѣба и чай. Новый ужасъ пережили мы на второй вечеръ, когда былъ митингъ на площади около « Полярной Звѣзды » по поводу насъ. Толпа требовала самосуда, ворвались делегаты на яхту, обходили наши конуры и нашли, что мы слишкомъ хорошо содержимся. Мыться не было возможности среди матросовъ. Набрела на двухъ земляковъ изъ нашего села Рождества. Они жалѣли меня и говорили, что «если бы знали, что это наша Анпа Александровна, то какъ нибудь похлопотали бы, но теперь ничего нельзя сдѣлать ». Разъ вечеромъ я нашла у себя въ каютѣ безграмотно написанное письмецо, которое сообщало, что насъ поведутъ въ крѣпость или въ тюрьму, и что пишущій жалѣетъ меня.

Мысль о новомъ заключеніи была ужасна. Наконецъ, 30-го августа вечеромъ пришли къ намъ Островскій (начальникъ охраны), молодой человѣкъ лѣтъ 18-ти, съ злыми глазами и нахальнымъ выраженіемъ, а также нѣсколько членовъ Совѣта и объявили, что всѣ арестованные отправляются въ тюрьму, въ Свеаборгскую крѣпость, сопровождающіе же ихъ — по желанію могутъ быть свободны. Я кинулась къ сестрѣ, умоляя ее не оставлять меня, но она на отрѣзъ отказалась. « Я принесъ Вамъ манифестъ — вы свободны », — объявилъ онъ сестрѣ, Рѣшетникову, двумъ женщинамъ, сопровождавшимъ доктора Бадмаева. Одна изъ нихъ, странная стриженная барышня съ подведенными глазами, Эрика, называла себя гувернанткой маленькой Анды. Островскій, бритый, въ шведской курткѣ и фуражкѣ защитнаго цвѣта, нагло насмѣхался: «Конечно, я понимаю ходить за больными, говорилъ онъ, — но не за такой женщиной, какъ Вырубова ». Вокругъ поднялся наглый хохотъ. «Да кромѣ того, ихъ вѣроятно, скоро убьютъ»... Но стриженная барышня, оставляя маленькую Анду, объявила : « Я ѣду съ докторомъ Бадмаевымъ ». Потомъ, подойдя ко мнѣ, она шепнула : «Хотя я васъ не знаю, я буду за вами ходить ». Насъ торопили. Я передала сестрѣ нѣсколько золотыхъ вещей и просила ее передать послѣдній привѣтъ родителямъ. Спустились по скользкому трапу и помчались въ большой моторной лодкѣ въ неизвѣстность...

XIX.

Крѣпость Свеаборгъ расположена на нѣсколькихъ маленькихъ островахъ въ заливѣ, недалеко отъ Гельсингфорса. Заливъ этотъ зимой совсѣмъ замерзаетъ, лѣтомъ же острова эти покрыты зеленью и служатъ мѣстомъ прогулки для обывателей Гельсингфорса.

Минутъ черезъ 20 мы причалили къ острову, гдѣ находится крѣпость, и пошли пѣшкомъ въ гору. Налѣво, на фонѣ темнаго неба, окруженный зеленью, выспился бѣлый соборъ, направо за гауптвахтой — одноэтажное казенное зданіе, куда насъ повели. Принялъ насъ какой то молоденькій офицеръ, окружили грязные солдаты, повели по узкому, вонючему коррндорчику, по обѣ стороны котораго были двери въ крошечныя грязныя камеры. Меня и Эрику втолкнули въ одну изъ нихъ и заперли.

Двое наръ, деревянный столикъ, высокое окно съ рѣшеткой и непролазная грязь повсюду. Эрика и я улеглись на доски, свернувъ пальто подъ голову. Утромъ проснулась отъ невыносимой боли въ спинѣ, затекла голова, и мы чихали отъ пыли, которой наглотались за ночь. Но Эрика смѣялась, увѣряя, что все будетъ хорошо. Нельзя себѣ вообразить уборную, куда мы ходили въ сопровожденіи часового : для караула и заключенныхъ была одна и та же уборная. Пищу намъ приносили изъ офицерскаго собранія : все было вкусно. Платили за обѣдъ и ужинъ по 10 рублей въ день. Бѣдный Глинка-Янчевскій увѣрялъ, что онъ никогда такъ хорошо не ѣлъ, какъ въ крѣпости. Ѣду приносилъ намъ сторожъ Степанъ ; на видъ онъ былъ непмовѣрный грязный, носилъ полотенце вокругъ шеи и этимъ полотенцемъ вытиралъ тарелки. Онъ вымылъ нашу ужасную камеру. Мы влѣзли на столъ и увидѣли изъ окна дворъ ; напротивъ какая то постройка, рабочіе, — финны и финки, проходили по дворику. Изъ форточки, которую мы ухитрились открыть, дулъ прохладный морской вѣтерокъ.

Напротивъ насъ была камера Мануилова — черезъ форточку въ дверяхъ мы увидѣли его. Онъ сталъ намъ показывать три пальца и написалъ «три дня». — «Нѣтъ, не три дня, навѣрно мы просидимъ здѣсь

мѣсяцъ», — сказала я и написала крупнымъ шрифтомъ: «Мѣсяцъ». Столько времени мы и просидѣли здѣсь.

Большой опасности мы подвергались при смѣнѣ караула, пока не назначили комиссара наблюдать за солдатами. По ночамъ они напивались пьяными и галдѣли такъ, что никто изъ насъ не могъ спать. Узкій коридорчикъ выходилъ прямо въ караульное помѣщеніе; приходило ихъ человѣкъ 20 или 30. Играли въ карты, пили, курили, спали, но больше всего спорили между собой. Караульнымъ начальникомъ былъ офицеръ, а также его помощникъ. Эти юные офицера боялись солдатъ больше насъ, такъ какъ солдаты грозили покончить съ ними самосудомъ. Одинъ изъ нихъ, посмѣлѣй, раза два спасъ намъ жизнь, уговоривъ солдатъ, когда они рѣшили съ нами покончить. Въ концѣ заключенія мы по вечерамъ ходили къ нимъ въ дежурную комнату, пить чай. Въ комнатѣ этой стояли два зеленыхъ кожаныхъ дивана. Съ этихъ диванокъ, послѣ десяти дней заключенія, вынули сидѣнія и принесли Эрикѣ и мнѣ и положили на нары. Но эти сидѣнія оказались неудобныя, скользкія и покатыя. Когда мы засыпали, они изъ подъ насъ выскальзывали. Позже эти сидѣнія замѣнили матрацами, набитыми морской травой.

Насъ не запирали, такъ какъ замки отъ камеръ были потеряны. На воздухъ насъ выводили по полъ-часа и позволяли гулять по гауптвахтѣ. Прогулки эти въ сущности были опасныя, такъ какъ мимо гауптвахты проходила проѣзжая дорога; солдаты артиллеристы изъ крѣпостного гарнизона приходили мимо, идя на пароходъ или съ парохода. Собиралась толпа любопытныхъ, такъ что насъ стали выводить рано утромъ. Особенное вниманіе привлекалъ докторъ Бадмаевъ въ его бѣлой чечунчовой рубахѣ, бѣлой шляпѣ и бѣлыхъ нитяныхъ перчаткахъ; главное же — онъ всегда заговаривалъ съ толпой. Смотрѣли на насъ, какъ на звѣрей въ клѣткѣ, но послѣ и рѣдко кто останавливался.

Эрика все просилась къ доктору Бадмаеву, и ее стали пускать къ нему на цѣлый день. Онъ диктовалъ ей разныя врачебныя сочиненія и романы. По вечерамъ надѣвалъ блѣдно-голубой халатъ, сидѣлъ въ полутьмѣ, такъ какъ лампу ставилъ на полъ, и жегъ какія то ароматныя травы. Солдаты насмѣхались надъ нимъ изъ за его нѣжнаго отношенія къ Эрикѣ, но въ концѣ нашего заключенія къ нему цѣлый день приходили лечиться матросы и говорили, что, если другихъ отпустятъ, то товарища Бадмаева они не отпустятъ, такъ какъ онъ имъ очень помогаетъ. Меня же Бадмаевъ не любилъ, такъ какъ я отказалась принимать его порошки и также отъ массажа, хотя онъ увѣрялъ, что я буду ходить безъ костылей.

Но зато къ бѣдному Глинкѣ - Янчевскому всѣ, начиная со сторожа Степана, относились съ полнымъ презрѣніемъ, такъ какъ у него совсѣмъ не было денегъ. Нельзя себѣ вообразить, какими рисунками были вымазаны стѣны его камеры ; голыя женщины и т. д. въ натуральную величину. Солдаты въ началѣ даже не позволяли къ нему входить, пока не вымыли часть рисунковъ. Бѣдный старичекъ все время спалъ на голыхъ доскахъ, покрываясь старымъ пальто. Когда вечеромъ всѣмъ давали лампы, его обносили. Я приносила ему молоко и читала вслухъ газеты ; чая у него не было, и каждый вечеръ онъ приходилъ со стаканомъ кипятка, прося удѣлить ему немного чаю. Каждый день также онъ обращался къ намъ съ однимъ и тѣмъ же вопросомъ : « Ну что, сегодня мы уѣзжаемъ ?» — «Нѣтъ», — отвѣчали ему, и старичекъ побредетъ къ себѣ въ камеру съ ужасными рисунками и смирно сидитъ весь день. Мы часто шутили, говоря, что если насъ освободятъ, то его навѣрное забудутъ въ крѣпости.

Что Гельсингфорскій совѣтъ не сразу насъ уничтожилъ, думаю было изъ за того, что мы числились арестованными Керенскимъ, котораго они ненавидѣли. Офицеры приносили мнѣ поклоны и выражали столько сочувствія отъ себя и отъ разныхъ лицъ ; особенно же хорошо относился къ намъ нѣкій матросъ, комиссаръ К. Назначили его къ намъ послѣ того, какъ разъ, проснувшись ночью, Эрика и я увидѣли у насъ въ камерѣ нѣсколько пьяныхъ солдатъ изъ караула, пришедшихъ съ самыми плохими намѣреніями. Мы стали кричать о помощи, вбѣжали другіе солдаты, которые спасли насъ. Тогда я обратилась къ одному изъ членовъ Центробалта, нѣкому матросу Попову, котораго называли министромъ юстиціи, такъ какъ онъ завѣдывалъ арестованными, съ просьбой назначить кого нибудь изъ матросовъ комиссаромъ при насъ въ случаѣ опасности отъ караула. Назначили матроса К. ; худой, бритый, съ кудрявыми волосами, онъ былъ очень сердечный. Водилъ меня три раза въ соборъ къ обѣдни въ будній день : народу ни души ; два солдата у выручки ласково встрѣчали. Водилъ онъ меня гулять въ маленькій садикъ, принадлежащій какому то казенному зданію. У окна стоялъ офицеръ: онъ сразу выпрыгнулъ въ садъ, поцѣловалъ мнѣ руку и нарвалъ мнѣ послѣдніе цвѣты. Матросъ К. помнилъ меня по плаванью съ Ихъ Величествами, когда онъ служилъ въ охранѣ.

Газеты были полны рѣшеніями полковыхъ и судовыхъ комитетовъ, и всѣ приговаривали меня къ смертной казни. Караулъ приходилъ отъ шести ротъ поочередно. Вначалѣ настроеніе было очень возбужденное. Когда же поговорятъ, то смягчались, но при смѣнѣ, какъ я уже писала,

до самаго конца были такіе, которые хотѣли покончить съ нами самосудомъ. Но не было того одиночества, какъ въ Петропавловской крѣпости, хотя тогда все же было трудно успокаивать всѣхъ моихъ спутниковъ, которые нервничали и всѣ приходили ко мнѣ за успокоеніемъ и увѣряли меня, что, если бы не я, никому не здоровать.

Разъ какъ то пришла самая буйная, шестая рота, и во главѣ ихъ ужасный рыжій солдатъ. Слышала, какъ онъ съ винтовкой пришелъ и сѣлъ къ намъ на нары и сталъ нагло браниться. Эрика и я угостили его папиросами; онъ сталъ разговаривать, а въ концѣ заключенія сталъ первымъ моимъ защитникомъ. Очевидцы офицеры разсказывали, какъ мимо гауптвахты проходили два артиллериста и кричали: «Не зѣвай, Анна Вырубова одна гуляетъ по дворику, еще сбѣжитъ !» — « Анна Вырубова сбѣжитъ !» — отвѣтилъ онъ. — « Я васъ самихъ за Анну Вырубову заколю, если вы сейчасъ не уйдете!» Еще случай: гуляя по дворику, я срывала всѣ убогіе цвѣточки, которые росли между камнями. Гуляя по гауптвахтѣ, подходитъ ко мнѣ высокій солдатъ артиллеристъ съ большимъ бѣлымъ сверткомъ : « Вотъ вамъ цвѣты », — говорилъ онъ, — « я видѣлъ, какъ вы все собираете, ѣздилъ въ городъ и вамъ привезъ!» Такъ и ушелъ. Солдаты вокругъ только ахнули. Развернула — розы, рублей на 50....

Съ нами сидѣли восемь солдатъ, арестованные за кражи, убійства и т. д. « Наши товарищи по несчастью » — они себя называли. Огромный рябой Калининъ всегда ворчалъ и спалъ, Цыганокъ, который жаловался на насъ караулу, изъ за чего мы могли поплатиться жизнью, и другіе. Позже я имъ читала вслухъ, и мы покупали имъ папиросы.

О судьбѣ же нашей никто ничего не зналъ. Черезъ недѣлю послѣ заключенія пріѣхалъ Шейманъ, предсѣдатель областного комитета, со своей свитой матросовъ и солдатъ, и сказалъ, что на другой день постарается вывезти насъ миноносцемъ въ Кронштадтъ, приказалъ намъ быть готовыми къ 9 час. вечера. Но онъ же пріѣхалъ и далъ знать, что изъ за настроенія толпы вывезти невозможно. Говорили, что пришла телеграмма въ Гельсингфорсъ отъ Керенскаго и отъ Чхеидзе съ требованіемъ о нашемъ освобожденіи, но приказанія Керенскаго на собраніяхъ въ полкахъ и на судахъ рѣшили не исполнять. Матросы и солдаты разсказывали, что они ненавидятъ Временное Правительство ; имя Керенскаго они не могли равнодушно слышать. Отъ Временнаго Правительства и изъ Центральнаго Совѣта пріѣзжалъ къ намъ нѣкій Капланъ, который сочувственно говорилъ, но находилъ положеніе наше безвыходнымъ. Н. Соколовъ (авторъ приказа № 1), очень сердечный, по-

нялъ весь ужасъ нашего положенія, обратился къ караулу съ рѣчью какъ ихъ « старшій товарищъ », прося не учинять безобразій, но они продолжали играть въ карты, курили, а послѣ надъ нимъ смѣялись. Пріѣзжалъ также Іоффе, увѣряя что принимаетъ всѣ мѣры.

Приходили къ намъ посѣтители, и черезъ двѣ недѣли Островскій возвѣстилъ намъ, что мы болѣе не считаемся арестованными, а лишь задержанными. Гулять разрѣшали два раза въ день по одному часу. Когда я сидѣла на дворикѣ, часто приходили рабочіе-женщины разговаривать со мной. Онѣ приносили мнѣ цвѣты, конфеты и молоко, успокаивали, говоря, что въ ихъ газетахъ пишутъ, что меня скоро выпустятъ. Старшій рабочій былъ москвичъ. Въ концѣ моего заключенія онъ умолилъ меня придти въ его домикъ недалеко отъ насъ. Комиссаръ разрѣшилъ. Я пила у нихъ чай, при чемъ ни онъ, ни жена его при мнѣ не садились. Угощали меня чаемъ и пряниками. Странно, что видѣла столько добра среди окружающихъ.

Когда Эльвенгрена перевезли въ лазаретъ, Эрика и я перешли въ его камеру : солдаты помогли намъ вымыть стѣны съ ужасными рисунками. Вскорѣ послѣ этого меня посѣтила дорогая мама. Всего она была у меня три раза: 8, 16 и 20 сентября. Свиданіе разрѣшили на весь день, такъ что она сидѣла со мной съ 12 час. до 7 час. вечера. Заказывали для нея лишній обѣдъ. Она разсказывала, что только на третій день узнали о постигшемъ меня бѣдствіи, сейчасъ же поѣхали въ Гельсингфорсъ, но генералъ - губернаторъ Стаховичъ уговорилъ ихъ уѣхать обратно. Родители передали ему деньги, которыя Стаховичъ передалъ для меня члену Исполнительнаго Комитета, но послѣдній съ этими деньгами скрылся. У услыхала отъ матери, что славу Богу и докторъ Манухинъ вернулся и тоже хлопочетъ за меня. Узнала также о Корниловской исторіи, которая немного отвлекла отъ насъ вниманіе матросскихъ массъ : они ненавидѣли всѣхъ, и Корнилова и Керенскаго, не довѣряли Чхендзе, а разсказывали о качествахъ Ленина и что онъ теперь скрывается въ Петроградѣ.

Какъ то пріѣзжалъ изъ Кронштадта курчавый матросъ, делегатъ-большевикъ. Матросъ Поповъ привелъ его ко мнѣ. Онъ распрашивалъ о Царской семьѣ и моемъ заключеніи, а уходя сказалъ : « Ну, мы насъ совсѣмъ иной представляли !» Ужасно было то, что всякій могъ войти къ намъ помимо караула. Вскорѣ послѣ пришли человѣкъ десять матросовъ - большевиковъ, и насколько первый былъ учтивый, настолько эти ввалились съ громкими криками « показать намъ Вырубову !» Я вся похолодѣла. « Лучше выходить », — сказалъ мнѣ кто то. Я открыла

дверь камеры, и они всѣ сразу окружили меня. Всѣ были очень возбуждены, я же была спокойна. Стали распрашивать, и чѣмъ больше говорили, тѣмъ болѣе становились привѣтливые. « Такъ вотъ вы какая », — говорили они, уходя протянули руки и, желая мнѣ скорѣе освободиться говорили, что въ подобной обстановкѣ заболѣть легко.

Но я не болѣла. Иногда даже послѣ ужина позволяли выходить подышать воздухомъ : звѣздное небо, бѣлый величественный соборъ черезъ дорогу какъ бы охранялъ насъ оть зла ; сколько я молилась, глядя на него. Становилось рано темно, было сыро и холодно, и мы грѣлись у печей въ коррндорѣ, читали солдатамъ вслухъ разсказы Чехова ; приходили и солдаты изъ караула слушать. Вокругъ гауптвахты росли огромныя деревья рябины : солдаты влѣзали на нихъ и приносили рябину, которую мы поджаривали на огнѣ за неимѣніемъ другихъ лакомствъ. Кромѣ матроса К. у насъ было еще два комиссара : первый — маленькій, толстый солдатъ - артиллеристъ ; онъ неохотно дежурилъ такъ какъ былъ противъ нашего заключенія ; онъ тоже водилъ меня въ церковь и гулять, но не хотѣлъ назвать своей фамиліи ; второй — солдатъ Дукальскій, огромный, энергичный, много говорилъ, жестикулировалъ и рѣшалъ міровые вопросы ; впослѣдствіи онъ сталъ помощникомъ Шеймана. Его боялись. Онъ нѣсколько разъ спасалъ насъ отъ караула, говоря рѣчи.

Въ Петроградѣ былъ какой то « Съѣздъ Совѣтовъ », и ожидалась перемѣна правительства. Въ случаѣ ухода Керенскаго матросы рѣшили насъ отпустить. 27-го сентября Шейманъ вернулся изъ Петрограда, зашелъ къ намъ и придя въ мою камеру сказалъ, что Луначарскій и Троцкій приказали, чтобы освободили заключенныхъ Временнаго Правительства. Съ Шейманомъ также говорилъ докторъ Манухинъ, что сегодня вечеромъ во первыхъ будетъ закрытое засѣданіе президіума Областного Комитета и они предложатъ вопросъ о нашемъ освобожденіи; если пройдетъ. то на дняхъ, этотъ вопросъ онъ предложитъ на общемъ собраніи, гдѣ будутъ участвовать человѣкъ 800 изъ судовыхъ командъ, но что онъ рѣшилъ лично меня перевести завтра въ лазаретъ. Вечеромъ мы пили чай въ дежурной комнатѣ офицеровъ ; позвонилъ телефонъ, позвали меня,сказали что президіумъ постановилъ насъ отпустить.

День 28-го сентября прошелъ какъ обыкновенно: грязный Степанъ приносилъ обѣдъ. Въ 6 час. спдѣла съ сестрой милосердія, которая ежедневно навѣщала меня, когда вошли Шейманъ и Островскій. Первый сказалъ мнѣ одѣться и идти за ними, сестрѣ же велѣлъ уло-

жить мои вещи и идти на пароходъ. Все это было дѣломъ минуты. Повысыпали изъ камеръ мои спутники, онъ что то имъ объяснилъ, подписалъ бумагу, которую принесли офицеры, и мы пошли на дворъ, гдѣ стояли два солдата, пріѣхавшіе съ нимъ. Мы быстро пошли по дорогѣ, ведущей мимо стройки по направленію къ берегу ; пока караулъ успѣлъ опомниться, насъ уже не было. У берега между камней была запрятана небольшая моторная лодка. Шейманъ и одинъ изъ солдатъ поднесли меня въ лодку, вскочили, у машины я увидѣла матроса — одного изъ членовъ Областного Комитета. Онъ завелъ моторъ. Островскій сталъ къ рулю, Шейманъ же стоялъ на носу. Я же мало что соображала, сидя между двумя солдатами. « Лягте всѣ » — скомандовалъ Шейманъ : мы проѣзжали подъ пѣшеходный мостъ. Затѣмъ они стали ловить багромъ флагъ, который потеряли, подъѣзжая къ Свеаборгу. Наконецъ моторъ застучалъ и мы полетѣли.

Неслись какъ вѣтеръ по зеркальной поверхности огромнаго залива. Чудный закатъ солнца, бѣлый соборъ уходилъ все дальше и дальше, на небѣ зажигались первыя звѣзды. Я же все думала, какими только путями Богу угодно вести меня этотъ годъ, и черезъ кого только не спасалъ меня отъ гибели. Уже стемнѣло, когда пришли къ военной пристани въ Гельсингфорсъ, прошли такъ близко мимо эскадры, что невольно содрогнулась, смотря на грозные разбойничьи корабли. Шейманъ помогъ мнѣ идти по длинной деревянной дамбѣ, солдатамъ приказалъ уйти. На берегу стоялъ моторъ, шоффферъ даже не обернулся. Онъ плохо зналъ улицы. Шейманъ тоже, такъ что мы долго искали дорогу. У меня кружилась голова отъ волненія. Вездѣ гуляла масса публики, горѣли электрическіе фонари. Наконецъ мы очутились у воротъ небольшого каменнаго дома въ переулкѣ. Пожавъ руку шоффферу « товарищу Николаю». Шейманъ отправилъ Островскаго за сестрой и вещами. Мы же прошли черезъ дворъ. Прелестная сестра милосердія финка открыла намъ дверь. Онъ и передалъ меня ей, приказавъ никого не впускать. Она повела меня въ санаторію, и я легла спать въ большой голубой, угловой комнатѣ.

Послѣ мѣсяца, что я спала на доскахъ, какое счастье была эта мягкая, чистая кровать и уходъ прелестной сестры. Я провела два дня въ этой сказочной обстановкѣ : какой отдыхъ было не видѣть и не слышать ужасныхъ солдатъ и матросовъ. Пріѣзжалъ ко мнѣ врачъ, финскій профессоръ. 30-го неожиданно пріѣхала моя тетя. Шейманъ разрѣшилъ ей остаться со мной. Въ 5 час. пріѣхалъ онъ самъ сказать. что вопросъ о насъ рѣшенъ Областнымъ Комитетомъ положительно, что

насъ отпускаютъ, такъ какъ во главѣ Петроградскаго Совѣта всталъ Троцкій, которому они насъ препровождаютъ. Островскаго онъ послалъ за остальными заключенными, меня же Шейманъ самъ привезъ на вокзалъ, и человѣкъ 6 солдатъ — « народной охраны » провели до вагона. Поѣздъ тронулся, всѣ были очень веселые, Островскій же совсѣмъ пьянъ, все время пѣлъ пѣсни. Я сидѣла между моей тетей и сестрой милосердія, страшно волнуясь, молясь — чтобы ночь скорѣе прошла.

Въ 9 час. утра мы пріѣхали въ Петроградъ. Шейманъ провелъ меня и сестру къ извощикамъ и мы поѣхали въ Смольный. Очутились въ огромномъ корридорѣ, по которому бродили солдаты. Мы вошли въ большую пустую комнату съ надписью « дортуаръ », гдѣ теперь стояли грязные столы. Я была счастлива обнять дорогую маму, которая вбѣжала съ другими родственниками. Вскорѣ пришелъ Каменевъ и его жена ; поздоровавшись со всѣми нами и сказавъ, что вѣроятно мы голодные, приказали всѣмъ принести обѣдъ. Они рѣшили вызвать кого нибудь изъ Слѣдственной комиссіи по телефону, но никого не могли найти, такъ какъ было воскресенье и праздникъ Покрова (я все время надѣялась, что въ этотъ день Божія Матерь защититъ насъ). Каменевъ же сказалъ, что лично онъ отпускаетъ насъ на всѣ четыре стороны. Наконецъ пріѣхалъ сенаторъ Соколовъ въ своей черной шапочкѣ, совѣщался съ ними и сказалъ, чтобы мы теперь ѣхали по домамъ, но завтра въ 11 час. утра пріѣхали въ Слѣдственную Комиссію. Подписалъ бумагу, что принялъ насъ, и мы были свободны. Поблагодарили Каменевыхъ за ихъ сердечное отношеніе, послѣ всѣхъ нашихъ мытарствъ.

На слѣдующій день всѣ газеты были полны нами, писали скорѣе сочувственно о нашихъ переживаніяхъ. Обѣдъ же, которымъ насъ угостили въ Смольномъ, былъ описанъ во всевозможныхъ варіантахъ. Цѣлыя статьи были посвящены мнѣ и Каменевой : пошли легенды, которыя окончились разсказами, что я засѣдаю въ Смольномъ, что меня тамъ видѣли « своими » глазами, что я катаюсь съ Колонтай и скрываю Троцкаго и т. д. Варіанты на эту тему, — какъ прежде о Распутинѣ, слыхала повсюду. Такъ кончилось мое второе заключеніе : сперва « германская шпіонка », потомъ « контръ - революціонерка », а черезъ мѣсяцъ « большевичка », и вмѣсто Распутина повторялось имя Троцкаго. Не зная, какія новыя обвиненія меня ожидаютъ, я сперва поѣхала въ Слѣдственную Комиссію, гдѣ сказали, что дѣло мое окончено и велѣли ѣхать въ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ. Вошла въ кабинетъ, гдѣ какой то бритый мужчина началъ длинную рѣчь о томъ, что правитель-

ство пока высылку заграницу отмѣняетъ, но что мы будемъ подъ надзоромъ милиціонеровъ. Первую недѣлю намъ все же угрожали высылкой въ Архангельскъ, но дорогой докторъ Манухинъ хлопоталъ за насъ, доказывая, что они насъ посылаютъ на вѣрную смерть, такъ какъ большевики послали своихъ комиссаровъ на всѣ дороги чтобы слѣдить за отъѣзжающими.

Около 20 октября стали ожидать безпорядки, и я переѣхала къ скромному, добрѣйшему морскому врачу и его женѣ. Въ это время происходилъ большевистскій переворотъ, стрѣляли пушки, арестовывали Временное Правительство, посадили министровъ въ ту же крѣпость, гдѣ они насъ такъ долго мучали. Самый же главный изъ нихъ — Керенскій — бѣжалъ. Въ городѣ было жутко, на улицахъ стрѣляли, убивали, рѣзали. Докторъ приходилъ по вечерамъ изъ своего госпиталя, разсказывалъ, какъ приносили имъ раненыхъ и убитыхъ. Е. В. Сухомлинова скрывалась со мной, но 28-го октября я переѣхала въ еще болѣе скромную квартиру къ одной бѣдной знакомой массажисткѣ. Вѣрный Берчикъ переѣхалъ ко мнѣ. Въ серединѣ ноября мы нашли маленькую квартиру на шестомъ этажѣ Фурштадской улицы, и я переѣхала съ сестрой милосердія и Берчикомъ. Жила какъ отшельница, ходила только иногда въ храмъ. Видъ изъ комнаты былъ на небо, крыши домовъ и дальнія церкви, и мнѣ казалось, что на время приключенія мои окончились.

Вотъ разсказъ моей матери о томъ, какъ она хлопотала чтобы облегчить мою участь послѣ того, какъ меня заключили въ Петропавловскую крѣпость.

« — Узнавъ о заключеніи дочери, сейчасъ же начала хлопотать и черезъ присяжнаго повѣреннаго Гальперна обратилась къ Керенскому. Пошла къ нему съ мужемъ ; онъ заставилъ насъ ждать около часу, если не больше. Принялъ насъ чрезвычайно грубо, наговорилъ массу гадостей, сказалъ, что Александрѣ Ѳеодоровнѣ, Распутину и Вырубовой нужно поставить памятникъ, такъ какъ благодаря имъ настала революція, говорилъ, что у моей дочери масса брилліантовъ отъ митрополита Питирима и тому подобный вздоръ, и окончилъ тѣмъ, что заявилъ, что сдѣлать для меня ничего нельзя. Когда же увидѣлъ мужа, онъ немного смягчился и сказалъ, что они дѣло разберутъ.

Второе посѣщеніе было у Переверзева, который замѣстилъ Керенскаго въ Министерствѣ. Въ первый разъ мы его ждали два часа, по-

томъ намъ сказали, что онъ пошелъ завтракать и больше не принимаетъ. Въ слѣдующій разъ онъ былъ корректенъ. Я принесла два письма дочери (къ сожалѣнію они у него остались). Онъ обѣщалъ старательно разсмотрѣть дѣло. Тѣмъ временемъ ко мнѣ обращались офицеры, несшіе охранную службу въ крѣпости и видѣвшіе меня во время посѣщенія дочери. Они выманивали у мужа и у меня по четыре тыс. рублей и болѣе, говоря, что за это передадутъ ѣду дочери или что могутъ хлопотать объ ея освобожденіи или предотвратить бунты караула, но все это былъ обманъ. Одинъ изъ нихъ пришелъ вооруженный, обѣщался передать образокъ и письмо, но ничего не передалъ, — деньги эти они пропивали и напаивали солдатъ, часто симулируя бунты, чтобы тащить еще больше денегъ.

Въ то время я обращалась тоже къ извѣстному присяжному повѣренному Николаю Платоновичу Карабчевскому, жившему еще тогда въ своемъ особнякѣ на Знаменской. Карабчевскій принялъ меня очень сердечно и сочувственно, возмущался моимъ разсказомъ о постоянномъ выманиваніи денегъ якобы для облегченія судьбы бѣдной дочери. Онъ сейчасъ же хотѣлъ начать дѣло объ этомъ, но по моей просьбѣ и по совѣту прокурора Каринскаго оставилъ это на время, такъ какъ послѣдній и я опасались, что оглашеніе этого факта только повредитъ дочери. Каринскій, однако, же сказалъ, что онъ этого не забудетъ и что это « большой козырь въ его рукахъ ». Прощаясь со мной Н. П. Карабчевскій сказалъ мнѣ : « и если когда нибудь представится мнѣ случай, я сочту это за честь громогласно защищать вашу дочь отъ всего этого ложнаго обвиненія и этой клеветы ».

Тутъ я стала обращаться въ Слѣдственную Комиссію и просила, чтобы меня и мужа вызвали на допросъ. Меня допрашивалъ слѣдователь Рудневъ четыре часа, а мужа кажется около двухъ съ половиной. Предсѣдателю Муравьеву я принесла письмо дочери, написанное незадолго до революціи послѣ убійства Распутина, когда ее убѣждали покинуть Государыню и тѣмъ себя спасти. Она въ этомъ письмѣ писала : « Я удивляюсь, что меня учатъ побѣгу ; моя совѣсть чиста передъ Богомъ и людьми и я останусь тамъ, гдѣ Господь меня поставилъ». Это письмо вызвало цѣлый переворотъ у Муравьева, въ началѣ наговорившаго мнѣ кучу непріятностей. Онъ мнѣ сказалъ, что это письмо настолько важно, что я должна вернуться съ нимъ къ нихъ засѣданію. Я вернулась въ пленумъ и передъ всѣми членами дала свои показанія.

Была и у сенатора Завадскаго. Гальперинъ держалъ меня въ курсѣ. Тутъ уже мнѣ сталъ помогать докторъ Манухинъ и управляющій дѣ-

лами Слѣдственной Комиссіи Косолаповъ. Ни князь Львовъ, ни Родзянко, къ которымъ я тоже обращалась, ничего мнѣ не отвѣтили. Не отвѣчалъ и Керенскій на мои письма. Участливо къ моимъ хлопотамъ отнесся Чхендзе. Благодаря Косолапову я получила послѣ освобожденія дочери бумагу изъ Слѣдственной Комиссіи о томъ, что дочь никакому обвиненію не подлежитъ.

Во время Свеаборгскаго заключенія я прежде всего обратилась черезъ Гальперина къ Керенскому, который послалъ въ Гельсингфорсъ телеграмму безъ значенія. Потомъ обратилась въ Верховскому, военному министру, который меня не принялъ, къ морскому министру Вердередскому, обѣщавшему хлопотать, но ничего не сдѣлавшему. Товарищъ Министра Внутреннихъ Дѣлъ Салтыковъ участливо отнесся, но послѣ разныхъ хлопотъ сказалъ, что ничего не могъ сдѣлать. Тогда, по совѣту доктора Манухина, я обратилась къ большевикамъ, такъ какъ дочь находилась въ ихъ рукахъ.

Сперва пошла въ Смольный къ Каменевой : она внимательно выслушала, обѣщала сообщиться съ Гельсингфорсомъ. Пріѣхавъ туда, я обратилась въ Совѣтъ солдатскихъ депутатовъ, къ предсѣдателю Шейману. Послѣдній, а также его помощникъ Кузнецовъ, отнеслись сочувственно, сказавъ, что дочь только задержана, а не заключена, обѣщались охранить, дали постоянный пропускъ къ ней. Генералъ-Губернаторъ Стаховичъ сказалъ, что ничего не можетъ сдѣлать. Вернувшись изъ Гельсингфорса, я опять была у Салтыкова, уклончиво мнѣ отвѣтившаго, и въ Смольномъ у Каменевой. Тогда докторъ Манухинъ посовѣтовалъ обратиться къ Луначарскому и Троцкому. Перваго не застала, а у второго была рано утромъ въ десятомъ часу, на маленькой квартирѣ на Тверской. Онъ самъ отворилъ дверь, извинился за безпорядокъ, сказавъ : « наши всѣ ушли на работу », положилъ передъ собой часы, сказавъ, что можетъ дать мнѣ двадцать минутъ. Я была очень взволнована, говорила о прошломъ заключеніи, клеветѣ и грязи и о всѣхъ страданіяхъ, вынесенныхъ дочерью. Онъ меня внимательно выслушалъ. О мужѣ сказалъ : « вѣдь вашего мужа никто не трогалъ ». Окончилъ разговоръ словами : «-что даетъ слово, что все что можетъ, онъ сдѣлаетъ, и что если телеграмма его поможетъ, сегодня же ее пошлетъ ». — Черезъ два дня всѣхъ заключенныхъ изъ Свеаборга перевели въ Петроградъ. Вѣроятно Троцкій сдѣлалъ это, чтобы доказать безвластіе Временнаго Правительства и свое возростающее вліяніе.

Обращалась я и къ Чернову, который участливо выслушалъ и обѣщалъ дѣйствовать черезъ моряковъ. Во время заключенія дочери при

большевикахъ, я обращалась по совѣту разныхъ лицъ къ кленамъ Ч.К. Приходилось мнѣ вносить имъ огромныя суммы денегъ, я получила самые дерзкіе и неутѣшительные отвѣты. Хлопотала я въ Смольномъ и у разныхъ комиссаровъ и слѣдователей. Послѣдній, къ которому я обращалась, былъ А. М. Горькій, который со своей стороны старался, какъ и докторъ Манухинъ, обращаться къ предсѣдателю Ч. К. и другимъ разнымъ лицамъ, убѣждая ихъ прекратить гоненіе на доказанно невиннаго человѣка. Горькій вызвался также освободить ее на поруки. Но моя дочь спасена чудомъ и милостью Божью».

Н. ТАНѢЕВА.

XX.

Какъ ни странно, но зима 1917-1918 г.г. и лѣто 1918 г., когда я скрывалась въ своей маленькой квартирѣ на шестомъ этажѣ въ Петроградѣ, были сравнительно спокойными, хотя столица и находилась въ рукахъ большевиковъ, и я знала, что ни одна жизнь не находится въ безопасности. Пища была скудная, цѣны огромныя, и вообще положеніе становилось все хуже и хуже. Армія больше не существовала, но я должна сознаться, что относилась хладнокровно къ судьбѣ Россіи; я была убѣждена, что всѣ несчастія, постигшія родину, были вполнѣ заслуженными послѣ той участи, которая постигла Государя.

Кто не сидѣлъ вътюрьмѣ, тотъ не пойметъ счастья свободы. На время я была свободна, видѣлась ежедневно съ дорогими родителями ; двое старыхъ вѣрныхъ слугъ жили со мной въ крошечной квартирѣ, раздѣляя съ нами лишенія и не получая жалованья — лишь ограждали отъ враговъ. Любимыя друзья посѣщали насъ и помогали намъ.

Я вѣрила, надѣялась и молилась, что ужасное положеніе Россіи временное, и что скоро наступитъ реакція и русскіе люди поймутъ свою ошибку и грѣхъ по отношенію къ дорогимъ узникамъ въ Тобольскѣ. Такого же мнѣнія, казалось мнѣ, былъ даже революціонеръ Бурцевъ, котораго я встрѣтила у родственниковъ, и писатель Горькій, который, вѣроятно ради любопытства, хотѣлъ меня видѣть. Я же, надѣясь спасти Ихъ Величества, или хоть улучшить ихъ положеніе, кидалась ко всѣмъ. Я сама поѣхала къ нему, чтобы мое мѣстопребываніе не стало извѣстнымъ. Я говорила болѣе двухъ часовъ съ этимъ страннымъ человѣкомъ, который какъ будто стоялъ за большевиковъ и въ то же время выражалъ отвращеніе и открыто осуждалъ ихъ политику, терроръ и ихъ тиранство. Онъ высказывалъ свое глубокое разочарованіе въ революціи и въ томъ, какъ себя показали русскіе рабочіе, получившіе давно желанную свободу. Ко мнѣ Горькій отнесся ласково и сочувственно, и то, что онъ говорилъ о Государѣ и Государынѣ, наполнило мое сердце радостной надеждой. По его словамъ, они были жертвой революціи и фанатизма этого времени, и послѣ тщательнаго осмотра помѣщеній Царской семьи во Дворцѣ, они казались ему даже не аристокра-

тами, а простой буржуазной семьей, безупречной жизни. Онъ говорилъ мнѣ, что на мнѣ лежитъ отвѣтственная задача — писать правду о Ихъ Величествахъ «для примиренія Царя съ народомъ». Мнѣ же совѣтовалъ жить тише, о себѣ не напоминая. Я видѣла его еще два раза и показывала ему нѣсколько страницъ своихъ воспоминаній, но писать въ Россіи было невозможно. Конечно, о томъ, что я видѣла Горькаго, стали говорить и кричать тѣ, кому еще не надоѣло меня клеймить, но впослѣдствіи всѣ несчастные за помощью обращались къ нему. Несмотря на то, что и онъ и жена его занимали видныя мѣста въ большевистскомъ правительствѣ, они хлопотали о всѣхъ заключенныхъ, скрывали ихъ даже у себя и дѣлали все возможное чтобы спасти Великихъ Князей Павла Александровича, Николая и Георгія Михайловичей прося Ленина подписать ордеръ объ ихъ освобожденіи ; послѣдній опоздалъ и ихъ разстрѣляли.

На Рождество у меня была крошечная елка, которую мы зажгли съ дорогими родителями, возвратясь отъ всенощной. Я получила отъ дорогой Государыни посылку съ мукой, макаронами и колбасой, что было роскошь въ это время. Въ посылку были вложены также шарфъ, теплые чулки, которые мнѣ связала Государыня, и видъ Тобольска, нарисованный ею.

Какъ то разъ я пошла къ обѣднѣ въ одно изъ подворій, — я ходила часто въ эту церковь. Послѣ обѣдни ко мнѣ подошелъ монахъ, прося меня зайти въ трапезную. Войдя туда, я испугалась : въ трапезной собралось до двухъ сотъ простыхъ фабричныхъ женщинъ. Одна изъ нихъ на полотенцѣ поднесла мнѣ небольшую серебряную икону Божьей Матери «Нечаянной Радости» ; она сказала мнѣ, что женщины эти узнали, кто я, и просили меня принять эту икону въ память всего того, что я перестрадала въ крѣпости за Ихъ Величества. При этомъ она добавила, что если меня будутъ продолжать преслѣдовать, — всѣ ихъ дома открыты для меня. Я была глубоко тронута, но въ то же время испугалась и, должна сознаться, расплакалась, обнявъ ее и другихъ, которыя были ближе ко мнѣ. Всѣ онѣ обступили меня, прося получить что нибудь на память изъ монхъ рукъ. Къ счастью въ монастырѣ нашлись иконки, которыя я могла раздать нѣкоторымъ изъ монхъ новыхъ друзей. Нѣтъ словъ выразить, какъ глубоко я была тронута этимъ поднесеньемъ бѣдныхъ работницъ : вѣдь онѣ изъ своихъ скудныхъ средствъ собрали деньги, чтобы купить эту небольшую икону въ даръ мнѣ, совсѣмъ для нихъ чужой женщинѣ, и только потому, что я по ихъ словамъ «невинно страдала».

Вскорѣ меня постигло самое большое горе, которое я ко-

гда либо испытала. 25-го января 1918 г. скоропостижно скончался мой возлюбленный, дорогой отецъ, благороднѣйшій, безконечно добрый и честный человѣкъ. Какъ глубоко уважали и любили его Государь и Государыня, свидѣтельствуютъ письма ко мнѣ Государыни послѣ его смерти. Не взирая на всю долголѣтнюю свою службу, — всей душой преданный Ихъ Величествамъ, — онъ умеръ, не оставивъ послѣ себя ничего, кромѣ свѣтлой памяти безкорыстнаго человѣка и глубокой благодарности въ сердцахъ тѣхъ многочисленныхъ бѣдныхъ, которымъ онъ помогалъ.

Я говорила, что отецъ мой былъ композиторъ и музыкантъ, и часто, когда его спрашивали о его званіи, отъ отвѣчалъ : я прежде всего « свободный художникъ » Петербургской консерваторіи, а потомъ уже все остальное. На его похоронахъ хоръ Архангельскаго вызвался пѣть литургію его сочиненія, отличающуюся кристально чистой музыкой, — какъ кристально чиста была и его душа. Послѣ его смерти моя мать переѣхала ко мнѣ, и мы раздѣляли вмѣстѣ тяжелое существованіе.

Единственными свѣтлыми минутами послѣдующихъ дней — была довольно правильная переписка, которая установилась съ моими возлюбленными друзьями въ Сибири. И теперь даже, въ далекѣ отъ Россіи, я не могу назвать имена тѣхъ храбрыхъ и преданныхъ лицъ, которые проносили письма въ Тобольскъ и отправляли ихъ на почту, или привозили въ Петроградъ и обратно. Двое изъ нихъ были изъ прислуги Ихъ Величествъ. Они рисковали жизнью и свободой, чтобы только доставить Помазанникамъ Божьимъ радость — переписки со своими друзьями. Ихъ Величествамъ разрѣшали писать, но каждое слово прочитывалось комиссарами, подвергаясь строгой цензурѣ. Но и тѣ письма, которыя тайно доставались изъ Тобольска, писались съ большой осторожностью. Всѣ письма, полученныя мною, помѣщены здѣсь полностью, только пропущены нѣкоторыя фразы, которыя слишкомъ для меня святы, чтобы передавать ихъ огласкѣ, равно какъ и фамиліи, которыя не могутъ быть пока названы. Большая часть писемъ Государыни, одно отъ Государя и нѣсколько отъ дѣтей. Письма эти безконечно дороги, не только лично для меня, но и всѣмъ русскимъ, которые лишній разъ убѣдятся въ непоколебимой вѣрѣ и мужествѣ Царскихъ мучениковъ : письма полны безграничной любовью къ родинѣ и нѣтъ въ нихъ ни слова упрека или жалобы на тѣхъ, кто предалъ и преслѣдовалъ ихъ. Я увѣрена, что прочитавъ эти письма, никто не сможетъ больше осуждать характеръ и жизнь Государыни и Государя ; каждое слово Государыни показываетъ ее таковой, какой ее знали и любили и предъ которой преклонялись всѣ ея близкія друзья.

XXI.

Лѣтомъ 1918 г. жизнь въ Россіи приняла хаотическій характеръ : несмотря на то, что лавки были закрыты, можно было покупать кое-какую провизію на рынкахъ. Цѣны были уже тогда непомѣрно высокія. Фунтъ хлѣба стоилъ нѣсколько сотъ рублей, и масло нѣсколько тысячъ. Ни чая, ни кофе нельзя было достать, сушили брусничныя и другія листья, а вмѣсто кофе жарили овесъ или рожь. Большевики запретили ввозъ провизіи въ Петроградъ, солдаты караулили на всѣхъ желѣзнодорожныхъ станціяхъ и отнимали все что привозили. Рынки подвергались разгромамъ и обыскамъ ; арестовывали продающихъ и покупающихъ, но тайная продажа продуктовъ все же продолжалась и за деньги и на обмѣнъ вещей можно было не голодать. Многіе жили тѣмъ, что продавали оставшіяся драгоцѣнности, мѣха, картины разнымъ скупщикамъ евреямъ, аферистамъ, которые пользовались пріобрѣтая драгоцѣнныя вещи за незначительныя суммы. Вспоминаю тяжелый день, когда у меня осталось въ карманѣ всего пять копѣекъ: я сидѣла въ Таврическомъ саду на скамейкѣ и плакала. Вернувшись домой, моя мать, которая все лѣто лежала больная въ постели, сказала мнѣ, что только что былъ одинъ знакомый и принесъ намъ двадцать тысячъ рублей, узнавъ о нашей бѣдности. Послѣ этого онъ исчезъ, и мы никогда не узнали, что съ нимъ стало. Благодаря его помощи мнѣ удалось послать Царской семьѣ необходимыя вещи и одежду. Большевики закрыли мой лазаретъ, но мнѣ приходилось платить жалованіе конторщику, старшей сестрѣ и т. д.. а также оставался инвентарь, хотя большую часть раскрали служащіе ; осталась корова и двѣ лошади. Когда завѣдующій лазаретомъ отказался пріѣхать изъ Москвы помочь мнѣ ликвидировать, я обратилась къ присяжному повѣренному съ просьбой помочь мнѣ окончательно развязаться съ этимъ дѣломъ. Послѣдній открылъ мнѣ глаза на всевозможныя злоупотребленія писаря и старшей сестры. Когда же мы призвали его для объясненія, онъ сказалъ, что никакихъ объясненій онъ давать не намѣренъ, что оставшееся имуще-

ство и корова принадлежитъ ему. Когда я стала возражать, прося его отдать корову, такъ какъ моя мать, будучи тяжело больной, нуждалась въ молокѣ, онъ только смѣялся, и затѣмъ написалъ на меня доносъ въ Чека. 7-го октября ночью мать и я были разбужены сильными звонками и стукомъ въ дверь, и къ намъ ввалились человѣкъ восемъ вооруженныхъ солдатъ съ Гороховой чтобы произвести обыскъ, а также арестовать меня и сестру милосердія. Все, что имъ бросалось въ глаза, они взяли у насъ, между прочимъ два письма Государя къ моему отцу, одно изъ нихъ гдѣ онъ пишетъ о причинахъ, побудившихъ его стать во главѣ арміи. Бѣдная мать стояла передъ ними обливаясь слезами, умоляя меня не увозить, но они грубо потребовали, чтобы я скорѣе простилась. Господь знаетъ, легко ли было это прощаніе, но Онъ не оставлялъ насъ, давая силу и спокойствіе. Насъ повели внизъ, гдѣ стоялъ грузовой автомобиль ; я сѣла съ шоффером, было страшно холодно, небо ясное, усѣянное звѣздами ; ѣхали мы быстро по пустымъ улицамъ и минутъ черезъ десять пріѣхали на Гороховую, прошли мимо соннаго караула и очутились въ канцеляріи. Заспанный, грубый комендантъ записалъ насъ и велѣлъ провести въ женскую камеру. Въ двухъ грязныхъ комнатахъ на кроватяхъ, столахъ и на полу — по двѣ и по три вповалку пежали разныя женщины: тутъ были дамы, бабы въ платкахъ и даже дѣти. Воздухъ спертый, ужасный ; солдатъ сидѣлъ у двери ; сестра милосердія и я сѣли на единственную свободную кровать и кое какъ дожили до утра. Кагдо стало разсвѣтать, арестованныя стали подыматься; солдатъ съ ружьемъ водилъ партіями въ грязную уборную. Тутъ же подъ краномъ умывали лицо. Старостой арестованныхъ женщинъ была выбрана та, которая дольше всѣхъ находилась въ « чека » : таковая была рыженькая барышня Шульгина (впослѣдствіи ее разстрѣляли). Подойдя ко мнѣ она совѣтовала мнѣ писать прошеніе объ ускореніи моего дѣла и допроса старшему комиссару. Господинъ этотъ, на видъ еврей съ огромной шевелюрой, вызвалъ меня. сказавъ, чтобы я успокоилась, что онъ увѣренъ, что скоро насъ выпустятъ. Солдаты изъ караула съ нами разговаривали, нѣкоторые предлагали за вознагражденіе сходить къ матери. Тогда я писала коротенькія письма на клочкѣ бумаги и по дорогѣ въ уборную передавала имъ. Мама отвѣтила, что дѣлаетъ все возможное для освобожденія, что докторъ Манухинъ тоже вездѣ хлопочетъ. Большевики цѣнили его знаніе и довѣряли ему быть врачемъ въ тюрьмахъ. На Гороховой находился врачемъ молодой фельдшеръ, который также относился хорошо къ намъ заключеннымъ и изъ всѣхъ окружающихъ имѣлъ самый добродушный видъ. Отъ него я узнала о хлопотахъ Манухина. Мы провели пять дней въ этой кошмарной обстанов-

кѣ ,гдѣ насъ кормили какъ звѣрей. Два раза въ день приносили большую миску съ супомъ (вода съ зеленью) и по маленькому кусочку хлѣба. Нѣкоторыя арестованныя получали пищу изъ дома и тогда дѣлились. Вспоминаю одну красивую женщину полусвѣта — она одѣвалась въ тюрьмѣ въ сквозныя платья, душилась, красилась, но была очень вана такъ какъ помогала бѣжать своему другу «бѣлому» офицеру и добрая и щедро дѣлилась всѣмъ, что ей присылали. Была она арестована, такъ какъ помогала бѣжать своему другу «бѣлому» офицеру и была въ «восторгѣ», что страдаетъ за него.

Не зная, въ чемъ меня обвиняютъ, жила съ часу на часъ въ постоянномъ страхѣ, какъ и всѣ впрочемъ. Грязь и духота. Солдаты при смѣнѣ караула приходили считать арестованныхъ, выкрикивая фамиліи. Если кого вызывали на допросъ, или уводили куда или освобождали, приходили новыя арестованныя, на которыхъ всѣ набрасывались съ вопросами. Кто лежалъ, кто разговаривалъ, но больше всего плакали, ожидая своей участи. Окна выходили на грязный дворъ, гдѣ ночь и день шумѣли автомобили. Ночью въ особенности «кипѣла дѣятельность», то и дѣло привозили арестованныхъ и съ автомобилей выгружали сундуки и ящики съ отобранными вещами во время обысковъ: одежда, бѣлье, серебро, драгоцѣнности; казалось въ станѣ разбойниковъ. Какъ то разъ насъ всѣхъ послали на работу, связывать пачками бумагу и книги изъ архива бывшаго градоначальника; подъ наблюденіемъ вооруженныхъ солдатъ мы связывали пыльныя бумаги на полу и были рады этому развлеченію. Часто ночью, когда усталыя мы засыпали, насъ будилъ электрическій свѣтъ и солдаты вызывали кого нибудь изъ женщинъ: испуганная, она вставала, собирая свой скарбъ — однѣ возвращались, другія исчезали... и никто не зналъ, что каждаго ожидаетъ. Сестру милосердія вызвали на допросъ: вернулась она радостная и сказала, что ее выпускаютъ и меня тоже вскорѣ послѣ нея. Но я недовѣрчиво отнеслась къ этому извѣстію. Часа черезъ два вошли два солдата и выкрикнувъ мою фамилію, добавили: «въ Выборгскую тюрьму». Я была огорошена, просила солдата показать ордеръ, но онъ грубо велѣлъ торопиться. Арестованныя участливо меня окружили; бѣдная Шульгина меня крестила. Меня повели внизъ на улицу. У меня было еще немного денегъ и я попросила солдата взять извощика и по дорогѣ разрѣшить мнѣ повидать мою мать. Уже былъ вечеръ, трамваи не ходили, шелъ дождь. Мы наняли извощика за 60 рублей въ Выборгскую тюрьму, отдала всѣ оставшіеся деньги солдату, и онъ согласился остановиться около нашего дома, но требовалъ, чтобы я отдала ему кольцо, которое мнѣ все же удалось сохранить. Темнѣло, верхъ коляски былъ поднятъ. Подъѣхавъ къ дому, мы зашли на дворъ

и я послала дворника наверхъ. Бѣдная мама спустилась бѣгомъ всѣ шесть этажей, за ней бѣжалъ вѣрный Берчикъ. Солдатъ волновался и торопилъ, мы обнялись и разстались... сказавъ другъ другу нѣсколько словъ. Она увѣряла, что въ Выборгской тюрьмѣ мнѣ безопаснѣе, чѣмъ на Гороховой, и что она и докторъ хлопочутъ. Въ канцеляріи Выборгской тюрьмы насъ встрѣтила хорошенькая, бѣлокурая барышня ; она обѣщалась помочь меня устроить въ тюремную больницу, такъ какъ хорошо знала начальника тюрьмы и видѣла мое болѣзненное состояніе. Въ первые дни февральской революціи, когда мятежники открыли двери тюремъ и выпустили всѣхъ заключенныхъ, каторжанки защищали своихъ надзирательницъ отъ побоевъ и насилій, и поселившись первое время невдалекѣ отъ тюрьмы, надѣляли ихъ щедро всѣмъ, что имѣли, отблагодаривъ ихъ за справедливое и сердечное отношеніе. Такими и остались эти надзирательницы, прослужившія многіе годы тамъ, гдѣ было больше все страданья и слезъ. Вспоминаю ихъ съ благодарностью и уваженіемъ. Старушка надзирательница, которая запирала меня эту ночь въ холодную одиночную камеру (стекло въ форточкѣ было разбито), видя какъ я дрожала отъ слезъ и ужаса тюрьмы, показала мнѣ на крошечный образокъ Спасителя въ углу, сказавъ : « Вспомните, что вы не одни !».

Выборгская одиночная тюрьма построена въ три этажа, коридоры по бокамъ зданія соединены желѣзными лѣстницами ; желѣзныя лѣстницы посреди, свѣтъ сверху, камеры какъ клѣтки, одна надъ другой, вездѣ желѣзныя двери, въ дверяхъ форточки. Послѣ Гороховой, здѣсь царила тишина хотя все было полно, рѣдкіе переговоры заключенныхъ, стукъ въ двери при какихъ нибудь надобностяхъ и шумъ вентиляторовъ. Когда замокъ щелкнулъ за ней, я пережила то же состояніе какъ въ крѣпости, безпросвѣтное одиночество... но старушка не забыла меня и добрая рука просунула мнѣ кусокъ хлѣба. А черезъ нѣкоторое время заключенная женщина, назвавшая себя княгиней Кекуатовой, подошла къ моей двери, сказавъ, что она имѣетъ привилегію — можетъ ходить по тюрьмѣ и даже телефонировать. Я просила ее позвонить друзьямъ, чтобы помогли — если не мнѣ, то моей матери. Она принесла мнѣ также кусочекъ рыбы, который я жадно съѣла. Самая ужасная минута, — это просыпаться въ тюрьмѣ. Съ 7 час. началась возня, пришла смѣна надзирательницъ, кричали, хлопали дверями, стали разносить кипятокъ. У всѣхъ почти форточки въ дверяхъ были открыты и заключенныя переговаривались, но я была « политическая » и « подъ строгимъ надзоромъ», и меня запирали. Послѣ того, что у меня сдѣлался обморокъ, меня перевели изъ «одиночки» въ больницу. Я была рада уви-

дѣть окна, хотя и съ рѣшеткой, и чистые корридоры. Къ камерамъ были приставлены сидѣлки изъ заключенныхъ, которыя крали все что попадалось имъ подъ руку, и половину убогой пищи, которую намъ приносили. Сорвали съ меня платье, одѣли арестанскую рубашку и синій ситцевый халатъ, распустили волосы, отобравъ всѣ шпильки и помѣстили съ шестью больными женщинами. Палата эта называлась сортировочной. Я такъ устала и ослабѣла отъ всѣхъ переживаній, что сразу заснула. Меня разбудили женщины, которыя ссорились между собой изъ за ѣды ; кто то что то укралъ, а одна ужасная женщина около меня съ провалившимся носомъ просила у всѣхъ слизывать ихъ тарелки. Другія двѣ занимались тѣмъ, что искали вшей другъ у друга въ волосахъ. Къ счастью я не долго оставалась въ этой камерѣ, и благодаря женщинѣ-врачу и арестованной баронессѣ Розенъ меня перевели въ другую, гдѣ было получше. Въ 8 час. утра приходила старушка надзирательница, на видъ сердитая, пресердитая ; она раздавала по чайной ложкѣ сахару и при ея наблюденіи обносили обѣдъ, но въ корридорахъ обыкновенно сидѣлки съѣдали полъ порціи. Рядомъ съ больницей была совѣтская пекарня; надзирательницы и сидѣлки ходили туда, кто получалъ, а кто просто кралъ хлѣбъ. Кромѣ баронессы Розенъ и хорошенькой госпожи Сенани, у насъ въ палатѣ были двѣ беременная женщины: Варя—налетчица и Стеша—изъ гуляющихъ. Сенани была тоже беременна на седьмомъ мѣсяцѣ и четыре мѣсяца въ тюрьмѣ ; потомъ какая то женщина, которая убила и сварила своего мужа. Трудно было привыкнуть къ вѣчной ругани, часто доходящей до драки, и все больше изъ за ѣды. Мѣняли все что было, рубашки, кольца и т. п. на хлѣбъ, и крали все что могли другъ у друга. По ночамъ душили другъ друга подушками, и на крикъ прибѣгали надзирательницы. Съ кѣмъ только не встрѣтишься въ тюрьмѣ Были женщины, забытыя тамъ всѣми, которыя скорѣе походили на животныхъ, чѣмъ на людей, покрытыя паразитами, отупѣвшія отъ нищеты и несчастій, изъ которыхъ тюремная жизнь создала преступниковъ. Но ко всѣмъ имъ, ворамъ, проституткамъ и убійцамъ, начальство относилось менѣе строго чѣмъ къ « политическимъ », каковой была я, и во время « амнистіи » выпускали цѣлыми партіями. Была раньше въ Выборгской тюрьмѣ церковь, которую закрыли и во время большевистскаго праздника въ ней устроили балъ и кинематографъ. Священникъ тайно приходилъ причастить меня.

Были между надзирательницами и такія, которыя рискуя жизнью носили письма моей матери и отдавали свой хлѣбъ. Дни шли за днями; однообразіе, какое бываетъ только въ тюрьмахъ. Иногда меня выводили на дворъ передъ больницей, сперва въ общей гурьбѣ съ « заразъ-

нымн» женщинами, больными ужасной болѣзнью, которыя съ папиросами въ зубахъ и руганью крали все по дорогѣ что только могли, зачто ихъ били по рукамъ, но впослѣдствіи, такъ какъ я была «политическая» гулять съ другими не разрѣшали.

Въ верхній этажъ перевели больныхъ заключенныхъ мужчинъ изъ Петропавловской крѣпости. Такъ какъ всѣ тюрьмы были переполнены, то часто, чтобы отдѣлываться отъ нихъ разстрѣливали ихъ цѣлыми партіями безъ суда и слѣдствія: судить невиновныхъ было излишнимъ трудомъ.

Сколько допрашивали и мучали меня, выдумывая всевозможныя обвиненія ! Къ 25 октябрю, большевистскому празднику, многихъ у насъ освободили : изъ нашей палаты ушла Варя налетщица и другія. Но амнистія не касалась «политическихъ». Чего только не навидалась и сколько наслышалась горя : о переживаніяхъ каторжанокъ въ этихъ стѣнахъ, о ихъ терпѣніи и о пѣсняхъ, которыми онѣ заглушали свое горе. И мы, г-жа Сепани и я, пѣли сквозь слезы, забираясь въ ванную комнату, когда дежурила добрая надзирательница. 10 ноября вечеромъ меня вызвалъ помощникъ надзирателя, сказавъ, что съ Гороховой пришелъ приказъ, меня немедленно препроводить туда. Приказъ этотъ вызвалъ среди тюремнаго начальства нѣкоторое волненіе : не знали — разстрѣлъ или освобожденіе ! Я, конечно, не спала всю ночь, даже не ложилась — сидѣла на койкѣ, думала и молилась. Рано утромъ надзирательница велѣла снять халатъ и принесла мнѣ мою одежду и бѣлье. Затѣмъ въ канцеляріи меня передали конвойному солдату и въ трамваѣ мы поѣхали на Гороховую.

Меня обступили всѣ арестованныя женщины ; помню между ними графиню Мордвинову. Почти сейчасъ же вызвали на допросъ. Допрашивали двое, одинъ изъ нихъ на видъ еврей, назвался онъ Владиміровичемъ. Около часу кричали они на меня съ ужасной злобой, увѣряя что я состою въ нѣмецкой организаціи, что у меня какіе то замыслы противъ Чека, что я опасная контръ - революціонерка и что меня непремѣнно разстрѣляютъ, какъ и всѣхъ «буржуевъ», такъ какъ политика ихъ, большевиковъ, — «уничтоженіе» интеллигенціи и т. д. Я старалась не терять самообладанія, видя, что предо мной душевно больные. Но вдругъ, послѣ того, какъ они въ теченіе часа вдоволь накричались, они смягчились, и начали допросъ о Царѣ, Распутинѣ и т. д. Я сказала имъ, что настолько измучена, что не могу больше говорить, тутъ они стали извиняться «что долго держали», и приказали идти обратно въ камеру. Вернувшись, я упала на грязную кровать ; допросъ продолжался три часа. Кто то изъ арестованныхъ принесъ мнѣ

немного воды и хлѣба. Прошелъ мучительный часъ. Снова показался солдатъ и крикнулъ: Тапѣева съ вещами на свободу ! Не помня себя, вскочила, взяла свой узелъ на спину и стала спускаться по лѣстницѣ. Вышла на улицу, но отъ слабости и голода не могла идти. Остановилась, опираясь объ стѣну дома. Какая то добрая женщина взяла меня подъ руку и довела до извозчика. За 50 рублей довезъ онъ меня на Фурштадскую. Сколько радости и слезъ !

Дома меня ожидала непріятность: сестра милосердія, которую я знала съ 1905 года, которая служила у меня въ лазаретѣ и послѣ монхъ заключеній поселилась со мной и моей матерью, украла всѣ мои оставшіяся залотыя вещи. Жаловаться на нее нельзя было : я уже побывала въ тюрьмѣ послѣ подобнаго случая съ служащимъ въ моемъ лазаретѣ. Вѣроятно, все это было учтено, такъ какъ она почти не скрывала, что обокрала меня. Придя въ гостинную, потребовала, чтобы Берчикъ при ней снялъ нашъ коверъ, такъ какъ онъ « ей былъ нуженъ ». Мать попробовала сопротивляться, сказавъ ей : « Екатерина Васильевна, что вы дѣлаете, вѣдь мы замерзнемъ зимой !» — « Мнѣ тоже холодно ». — отвѣтила она и приказала двумъ типамъ, пришедшимъ съ нею, не только увезти коверъ, но и мебель « по ея выбору ». Все это послѣднее случилось позже ; нѣсколько мѣсяцевъ она жила у насъ, обирая ежедневно наше послѣднее имущество. Таковы стали нравы въ нашей бѣдной родинѣ.

Зиму 1919 года провели тихо. Но я очень нервничала : успокоеніе находила только въ храмахъ. Ходила часто въ Лавру, на могилу отца; постоянно бывала на Карповкѣ у о. Іоанна. Изрѣдка видалась съ нѣкоторыми друзьями ; многіе добрые люди не оставляли меня и мою мать, приносили намъ хлѣба и продукты. Имена ихъ Ты вѣси, Господи ! Какъ могу я отблагодарить всѣхъ тѣхъ бѣдныхъ и скромныхъ людей, которые, иногда голодая сами, отдавали намъ послѣднее. Если порокъ привился къ русскому народу, то все же нигдѣ въ мірѣ нѣтъ того безграничнаго добраго сердца и отсутствія эгоизма, какъ у русскаго человѣка.

Наступило лѣто, жаркое какъ и въ предыдущемъ году. У матери сдѣлалась сильнѣйшая дизентерія. Спасалъ ее, какъ и въ прошломъ году, дорогой докторъ Манухинъ. По городу начались во всѣхъ раіонахъ повальные обыски. Цѣлыя ночи разъѣзжали по городу автомобили съ солдатами и женщинами, и арестовывали цѣлыя компаніи. Обыкновенно это лѣто электричество тушилось въ 7 час. вечера, но когда оно снова вечеромъ зажигалось, то обыватели знали, что ожидается обыскъ и тряслись. У насъ эти господа побывали семь рзъ, но держали

себя прилично. Въ концѣ іюля меня снова арестовали. Въ четыре часа подкатилъ автомобиль, и прежде чѣмъ мы успѣли вскочить съ стульевъ, у нашихъ дверей стояли вооруженные солдаты. Обыскъ, — такъ какъ у нихъ было получено письмо, что я скрываю « оружіе ». Было велѣно меня взять. Все перерыли, но ничего не нашли. Рыжій латышъ офицеръ обратился къ товарищамъ : « Господа, вѣдь мы ничего не нашли, ни бомбъ, ни склада оружія ! Что дѣлать ? Вѣдь у насъ ордеръ всѣхъ увезти, кромѣ сестры !» Тутъ взмолились всѣ домашніе и уполномоченная дома, доказывая, какъ тяжело больна мать. Офицеръ сказалъ, что позвонитъ въ штабъ по телефону. Оказалось, что обыскъ былъ отъ штаба Петерса. Вернулся онъ серьезный, сказавъ, что приказали привезти меня одну. Опять душу раздирающее прощаніе съ матерью, и меня увезли въ закрытомъ моторѣ. Два вооруженныхъ солдата сѣли противъ меня.

Пріѣхавъ въ штабъ Петроградской Обороны на Малой Морской, посадили въ кабинетѣ на кожанный диванъ, пока у нихъ шло « совѣщаніе » по поводу меня. Никогда мнѣ не забыть этихъ двухъ часовъ. Рыжій офицеръ входилъ нѣсколько разъ, подбадривалъ, говоря что мое дѣло затребовано съ Гороховой, но что засѣданіе идетъ хорошо. « Долго ли меня здѣсь продержатъ ?» — спросила я. « Здѣсь никого не держатъ, — разстрѣливаютъ или отпускаютъ !...» — отвѣтилъ онъ. Затѣмъ вошелъ другой офицеръ и начался допросъ. Вмѣсто вопроса объ оружіи и бомбахъ, они принесли альбомъ моихъ снимковъ, снятыхъ въ Могилевѣ, и отобранныхъ у меня. Позвавъ еще какихъ то барышень, требовали отъ меня объясненія каждой фотографіи, а также ставили вопросы все тѣ же о Царской семьѣ. Офицеръ, который допрашивалъ меня, сказалъ, что жилъ недалеко отъ моихъ родителей въ Теріокахъ и видалъ меня съ ними. « Посмотри, посмотри, какія онѣ миленькія », — говорили они, смотря на фотографіи Великихъ Княженъ. Затѣмъ объявили мнѣ, что отпускаютъ домой. « Я васъ довезу и кстати еще разъ осмотрю квартиру !» — сказалъ офицеръ. Мы поѣхали. Вбѣжавъ къ мамѣ, мы не вѣрили счастью, что я снова дома. Офицеръ же еще разъ сдѣлалъ тщательный обыскъ и уѣхалъ, сказавъ, что они получили въ штабѣ письмо обо мнѣ. Мать и я подозрѣвали извѣстную уже сестру.

Черезъ мѣсяцъ началось наступленіе бѣлой арміи на Петроградъ. Городъ былъ объявленъ на военномъ положеніи, удвоились обыски и аресты. Нервничала власть. Вездѣ учились солдаты, летали аэропланы. Съ лѣта также ввели карточки, по которымъ несчастное населеніе получало все меньше и меньше продуктовъ. Стали свирѣпствовать эпиде-

міи. Больше всего голодала интеллигенція, получая въ общественныхъ столовыхъ двѣ ложки воды съ картофилемъ, вмѣсто супа, и ложку каши. Кто могъ, тотъ привозилъ продукты тайно ; крестьяне привозили молоко и масло, но денегъ не брали, а мѣняли на послѣднее достояніе. Мы отдали понемногу все, платья, гардины, шторы изъ всѣхъ комнатъ. Часто, за неимѣніемъ дровъ, распиливали и сжигали сперва ящики, потомъ мебель, стулья и столы покойнаго отца.

Мать не вставала послѣ дизентеріи. Жили со дня на день, стараясь не терять бодрости духа и упованія на милосердіе Божіе. Приходилось иногда ходить и просить хлѣба у сосѣдей, но добрые люди не оставляли насъ.

XXII.

Наканунѣ Воздвиженія я была на ночномъ моленіи въ Лаврѣ : началось въ 11 час. вечера. Всенощная, полунощница, общее соборованіе и ранняя обѣдня. Соборъ былъ такъ переполненъ, что, какъ говорятъ, яблоку некуда было упасть. До обѣдни была общая исповѣдь, которую провелъ священникъ Введенскій. Митрополитъ Веніаминъ читалъ разрѣшительную молитву. Болѣе часа подходили къ Св. Тайнамъ: пришлось двигаться сдавленной среди толпы, такъ что нельзя было поднять руку чтобы перекреститься. Ярко свѣтило селнце, когда въ 8 час. утра выходила радостная толпа изъ воротъ Лавры, никто даже не чувствовалъ особенной усталости. Въ храмахъ народъ искалъ успокоенія отъ горькихъ переживаній и потерь этого страшнаго времени.

22-го сентября вечеромъ я пошла на лекцію въ одну изъ отдаленныхъ церквей и осталась ночевать у друзей, такъ какъ идти пѣшкомъ домой вечеромъ было далеко и опасно. Все послѣднее время тоска и вѣчный страхъ не покидали меня ; въ эту ночь я видѣла о. Іоанна Кронштадскаго во снѣ. Онъ сказалъ мнѣ : « не бойся, я все время съ тобой !». Я рѣшила поѣхать прямо отъ друзей къ ранней обѣдни на Карповку, и, причастившись Св. Тайнъ, вернулась домой. Удивилась, найдя дверь чернаго хода запертой. Когда я позвонила, мнѣ открыла мать вся въ слезахъ и съ ней два солдата, пріѣхавшіе меня взять на Гороховую. Оказывается они пріѣхали ночью и оставили въ квартирѣ засаду. Мать уже уложила пакетикъ съ бѣльемъ и хлѣбомъ, и намъ еще разъ пришлось проститься съ матерью, полагая что это наше послѣднее прощаніе на землѣ, такъ какъ они говорили, что берутъ меня какъ заложницу за наступленіе бѣлой арміи.

Пріѣхали на Гороховую. Опять та-же процедура, канцелярія, пропускъ и заключеніе въ темной камерѣ. Проходя мимо солдатъ, слышала ихъ насмѣшки: «Ахъ, вотъ поймали птицу, которая не ночуетъ дома !» Въ женской камерѣ меня помѣстили у окна. Надъ крышей виднѣлся золотой куполъ Исакіевскаго собора. День и ночь окруженная адомъ,

я смотрѣла и молилась на этотъ куполъ. Комната наша была полна ; около меня помѣщалась бѣлокурая барышня, финка, которую арестовали за попытку уѣхать въ Финляндію. Она служила теперь машинисткой въ Чрезвычайкѣ и по ночамъ работала: составляла списки арестованныхъ, и потому заранѣе знала объ участи многихъ. Кромѣ того за этой барышней ухаживалъ главный комиссаръ — эстонецъ. Возвращаясь ночью со своей службы, она въ полъ голоса передавала своей подругѣ, высокой, рыжей грузинкѣ Менабде, кого именно увезутъ въ Кронштадтъ на разстрѣлъ. Помню, какъ съ замираніемъ сердца прислушивалась къ этимъ разсказамъ. Менабде же цѣлыми днями разсказывала о своихъ похожденіяхъ и кутежахъ. Она получала богатыя передачи пищи, покрывалась мѣхами и по ночамъ босая, въ бѣлой рубашкѣ, танцовала между кроватями.

Староста, дѣвушка съ остриженными волосами, находилась четыре мѣсяца на Гороховой ; она храбрилась, пѣла, курила, важничала, что ходитъ разговаривать съ членами « комиссіи », но нервничала наканунѣ тѣхъ дней, когда отправлялся пароходъ въ Кронштадтъ увозить несчастныхъ жертвъ на разстрѣлъ. Тогда исчезали группами арестованные съ вечера на утро. Слышала, какъ комендантъ Гороховой, огромный молодой эстонецъ. Боже, кричалъ своей женѣ по телефону: «Сегодня я везу рябчиковъ въ Кронштадтъ, вернусь завтра !»

Когда насъ гнали внизъ за кипяткомъ или въ уборную, мы проходили около сырыхъ, темныхъ одиночныхъ камеръ, гдѣ показывались измученныя лица молодыхъ людей, съ виду офицеровъ. Камеры эти пустѣли чаще другихъ, и вспоминались со страхомъ слова слѣдователя: « Наша политика — уничтоженіе ». Шли мы каждый разъ черезъ большую кухню, гдѣ толстыя коммунистки приготовляли обѣдъ : онѣ иногда насмѣхались, иногда же бросали кочерыжки отъ капусты и шелуху отъ картофеля, что мы съ благодарностью принимали, такъ какъ пища состояла изъ супа-воды съ картофелемъ и къ ужину по одной сухой воблѣ, которая часто бывала червивая. Вскорѣ меня вызвали на допросъ. Слѣдователь оказался интеллигентный молодой человѣкъ, эстонецъ Отто. Первое обвиненіе—онъ мнѣ предъявилъ письмо, наколоченное на машинкѣ, очень большого формата, сказавъ мнѣ, что письмо это не дошло ко мнѣ, такъ какъ было перехвачено на почтѣ Чрезвычайной Комиссіей. На конвертѣ большими буквами было написано: «Фрейлинѣ Вырубовой». Письмо было приблизительно такого содержанія: «Многоуважаемая Анна Александровна. Вы единственная женщина въ Россіи, которая можете спасти насъ отъ большевиковъ. Вашими организаціями, складами оружія и т. д.». Письмо было безъ подписи, видимо провокація.

но кто сдѣлалъ ? Видно, въ глазахъ враговъ своихъ я все еще не довольно страдала... Подозрѣвала нѣкоторыхъ, но имена ихъ не хотѣла повторить. Видя недоумѣніе и слезы въ моихъ глазахъ, Отто спросилъ меня еще какіе то два вопроса, вродѣ того, принадлежу ли я къ партіи « безпартійныхъ », онъ кончилъ словами, что навѣрно это недоразумѣніе и еще больше удивилъ меня, когда далъ мнѣ кусокъ чернаго хлѣба, сказавъ, что я навѣрно голодна, но что они снова вызовутъ на допросъ. На этотъ второй допросъ меня вызвали въ 11 час. ночи, продержали до 3-хъ час. утра. Было ихъ двое: Отто и Викманъ. Всѣ тѣ же вопросы о прошломъ, тѣ же обвиненія. Если бы не стаканъ чаю, который они поставили передо мной, то я бы не выдержала. Нервная и измученная вернулась въ камеру, гдѣ на столахъ, полу и кроватяхъ храпѣли арестованныя женщины. Оба слѣдователя полагали, что дня черезъ два-три меня выпустятъ.

Ночью то и начиналась жизнь на Гороховой, ежеминутно приводили новыхъ арестованныхъ, которыя не знали куда имъ приткнуться. Среди спящихъ женщинъ были разныя : артистка Александринскаго театра и толстая жена комиссара, и добрая ласковая старушка 75 лѣтъ, взятая за то, что она « бабушка » бѣлаго офицера, и худая какъ тѣнь, болѣзненная женщина « старовѣрка », просидѣвшая на Гороховой четыре мѣсяца, такъ какъ дѣло ея « затеряли », родныхъ у нея не было и потому не было передачъ, и она была голодна, какъ волкъ. Цѣлыми часами простаивала она ночью, кладя сотнями земные поклоны съ лестовочкой въ рукахъ. Служила всѣмъ, въ особенности грузинкѣ Менабде, за что та ей давала объѣдки. Была еще какая то грязная старуха, которая прикинулась, что съ ней параличъ — упала на полъ, застонавъ. Самъ комиссаръ сводилъ ее подъ руку по лѣстницѣ ; сразу освобождая «пролетаріатку». Оставшись одна на минуту, она, подмигнувъ мнѣ, разсказала, какъ обманула ихъ, со мною ухмыляясь беззубымъ ртомъ.

Бѣлые войска подходили все ближе, говорили, что они уже въ Гатчинѣ. Была слышна бомбардировка. Бывшіе члены чрезвычайки нервничали. Разные слухи приносили къ намъ въ камеру: то, что всѣхъ заключенныхъ разстрѣляютъ, то, что увезутъ въ Вологду. Внизу въ кухнѣ коммунары обучались строю и уходили « на фронтъ », такъ что стражу замѣнили солдатами и рабочими изъ Кронштадта. Въ воздухѣ чувствовалось приближеніе чего-то ужаснаго. Разъ какъ то ночью вернулась финка съ работы, и я слышала, какъ она шепнула мою фамилію своей подругѣ, но видя, что я не сплю, замолчала. Я поняла, что

меня ожидаетъ самое ужасное и вся похолодѣла, но молилась всю эту ночь Богу еще разъ спасти меня.

Наканунѣ, когда меня погнали за кипяткомъ съ другими заключенными, я стояла, ожидая свою очередь. Огромный кубъ въ темной комнатѣ у лѣстницы день и ночь нагрѣвался сторожихой, которая съ малыми ребятами помѣщалась за перегородкой этого же помѣщенія. Помню блѣдныя лица этихъ ребятишекъ, которые выглядывали на заключенныхъ, и среди нихъ мальчикъ, лѣтъ 12-ти, худенькій, болѣзненный, который укачивалъ сестренку. «Идіотъ», — говорили комунары. Помню, какъ я въ порывѣ душевной муки и ожиданія подошла къ нему, приласкала, спросивъ: «Выпустятъ ли меня?», вѣря, что Богъ близокъ къ дѣтямъ и особенно къ такимъ, которые по Его волѣ «нищіе духомъ». Онъ поднялъ на меня ясные глазки, сказавъ: «Если Богъ проститъ — выпустятъ, если нѣтъ, то не выпустятъ» и сталъ напѣвать. Слова эти среди холода тюрьмы меня глубоко поразили: каждое слово въ тюрьмѣ переживаешь вообще очень глубоко. Но въ эту минуту слова эти научили меня во всѣхъ случаяхъ испытанія и горя во первыхъ просить прощенія Бога, и я все повторяла «Господи прости меня», стоя на колѣняхъ, когда всѣ спали.

«Менабде на волю, Вырубова въ Москву», — такъ крикнулъ начальникъ комиссаровъ, входя къ намъ въ камеру утромъ 7-го октября. Ночью у меня сдѣлалось сильное кровотеченіе; староста и докторъ пробовали протестовать противъ распоряженія. «Если не идетъ берите ее силой» — крикнулъ онъ. Вошли два солдата, схватили меня. Но я просила ихъ оставить меня, и связавъ свой узелокъ, открыла свое маленькое евангеліе. Взглядъ упалъ на 6 стихъ 3 главы отъ Луки: «и узрить всякая плоть спасеніе Божіе». Лучъ надежды сверкнулъ въ измученномъ сердцѣ. Меня торопили, говорили, что сперва поведутъ на Шпалерную, потомъ въ Вологду... Но я знала, куда меня вели. «Не можемъ же мы съ ней возиться», — сказалъ коимссаръ старостѣ. Въ камерѣ шумѣли, нѣкоторыя женщины кинулись прощаться, особенно же вопила старовѣрка. Въ дверяхъ столкнулась съ княгиней Бѣлосельской (Базилевская), которая отвернулась отъ меня. Мы прошли всѣ посты. Внизу маленькій солдатъ сказалъ большому: «Не стоитъ тебѣ идти, я одинъ отведу, видишь, она еле ходитъ, да и вообще все скоро будетъ покончено». И правда, я еле держалась на ногахъ, истекая кровью. Молодой солдатъ съ радостью убѣжалъ.

Мы вышли на Невскій; сіяло солнце, было 2 часа дня. Сѣли въ трамвай. Публика сочувственно осматривала меня. Кто то сказалъ: «-Арестованная, куда везутъ». — «Въ Москву», — отвѣтилъ солдатъ.

« Не можетъ быть, поѣзда туда не ходятъ съ вчерашняго дня ». Около меня я узнала знакомую барышню. Я сказала ей, что вѣроятно меня ведутъ на разстрѣлъ, передала ей одинъ браслетъ, прося отдать матери. Мы вышли на Михайловской площади, чтобы перемѣнить трамвай, и здѣсь случилось то, что читатель можетъ назвать какъ хочетъ, но что я называю чудомъ.

Трамвай, на который мы должны были пересѣсть, гдѣ то задержался, не то мосты были разведены, или по какой либо другой причинѣ, но трамвай задержался и большая толпа народа ожидала. Стояла и я съ своимъ солдатомъ, но черезъ нѣсколько минутъ ему надоѣло ждать и, сказавъ подождать одну минуточку, пока онъ посмотритъ, гдѣ же нашъ трамвай, онъ отбѣжалъ на право. Въ эту минуту ко мнѣ сперва подошелъ офицеръ Сапернаго полка, которому я когда то помогла, спросилъ, узнаю ли я его и, вынувъ 500 рублей, сунулъ мнѣ въ руку, говоря, что деньги мнѣ могутъ пригодиться. Я сняла второй браслетъ и передала ему, сказавъ то-же, что сказала барышнѣ. Въ это время ко мнѣ подошла быстрыми шагами одна изъ женщинъ, съ которой я часто вмѣстѣ молилась на Карповкѣ, и она была одна изъ домашнихъ о. Іоанна Кронштадтскаго. « Не давайтесь въ руки врагамъ », — сказала она, — «идите, я молюсь. Батюшка Отецъ Іоаннъ спасетъ Васъ». Меня точно кто то толкнулъ, ковыляя со своей палочкой, я пошла по Михайловской улицѣ (узелокъ мой остался у солдата), напрягая послѣднія силы и громко взывая : « Господи спаси меня, Батюшка Отецъ Іоаннъ спаси меня !» Дошла до Невскаго — трамваевъ нѣтъ. Вбѣжать ли въ часовню? Не смѣю. Перешла улицу и пошла по Перинной линіи, оглядываясь. Вижу солдатъ бѣжитъ за мной. Ну, думаю, кончено. Я прислонилась къ дому, ожидая. Солдатъ, добѣжавъ, свернулъ. Былъ ли этотъ или другой, не знаю. Я пошла по Чернышеву переулку. Силы стали слабѣть, мнѣ казалось, что еще немножко и упаду. Шапочка съ головы свалилась, волосы упали, прохожіе оглядывались на меня, вѣроятно принимая за безумную. Я дошла до Загороднаго, на углу стоялъ извощикъ. Я подбѣжала къ нему, но онъ закачалъ головой. « Занятъ ». Тогда я показала ему 500-рублевую бумажку, которую держала въ лѣвой рукѣ. « Садись », — крикнулъ онъ. Я дала адресъ друзей за Петроградомъ. Умоляла ѣхать скорѣй, такъ какъ у меня умираетъ мать, а сама я изъ больницы. Послѣ времени, которое казалось мнѣ-вѣчностью, мы подъѣхали къ калиткѣ ихъ дома. Я позвонила и свалилась въ глубокомъ обморокѣ... Когда я пришла въ себя, вся милая семья была около меня ; я разсказала въ двухъ словахъ, что со мной случилось, умоляя дать знать матери. Дворникъ ихъ вызвался свезти отъ меня

записку, что я жива и здорова и спасена, но чтобы она не искала меня, такъ какъ за ней будутъ слѣдить.

Но къ ней сразу пріѣхала засада съ Гороховой, арестовали бѣдную мать, которая лежала больная, арестовали ее вѣрную горничную и всѣхъ, кто приходилъ навѣщать ее. Засаду держали три недѣли. Стоялъ военный моторъ, день и ночь ожидали меня, надѣясь, что я приду. Нашъ старый Берчикъ, который 45 лѣтъ служилъ намъ, заболѣлъ отъ горя, когда послѣдній разъ меня взяли, и умеръ. Болѣе недѣли тѣло его лежало въ квартирѣ матери, такъ какъ невозможно было достать разрѣшеніе его похоронить. Это было ужасное время для моей бѣдной матери. Съ минуты на минуту она думала получить извѣстіе, что и меня нашли. Но въ Чрезвычайкѣ думали, что я постараюсь пройти къ бѣлой арміи, и разослали мою фотографію на всѣ вокзалы. Мои добрые друзья боялись оставить меня на ночь у себя, и когда стемнѣло, я вышла на улицу, не зная, примутъ ли тѣ, къ кому шла. Шелъ дождь, рѣдкіе прохожіе не обращали вниманія. Помню, не сразу нашла домъ, блуждала по улицѣ и темнымъ лѣстницамъ, ища квартиру, гдѣ жили нѣсколько молодыхъ дѣвушекъ - курсистокъ, учительницъ и два студента. Христа ради, они приняли меня, и я осталась у нихъ пять сутокъ. Одна изъ нихъ ушла провѣдать мою мать и такъ и не вернулась, что доказало мнѣ, что у насъ не благополучно.

Какъ мнѣ описать мои странствованія въ послѣдующіе мѣсяцы. Какъ загнанный звѣрь я пряталась, то въ одномъ темномъ углу, то въ другомъ. Четыре дня провела въ монастырѣ у старицы, которую раньше знала. Затворивъ дверь въ корридоръ, помню какъ она наклонилась, тронувъ рукой полъ, говоря, что она клянется не мнѣ, а Богу, который сотворилъ такое чудо, потомъ раскрыла мнѣ свои объятія. Въ кельи было жарко, мирно горѣли лампады передъ большимъ кіотомъ, вкусно пахло щами, яблоками и стариной, и среди этой мирной обстановки суетилась добрая матушка. Затѣмъ въ черномъ платкѣ, съ мѣшкомъ въ рукахъ, пошла къ знакомымъ, которые жили недалеко отъ Александро - Невской Лавры.

На занятыя деньги наняла за 200 рублей извощика. Вдругъ раздались свистки, и подскочили двѣ милиціонерки съ ружьями. «Развѣ ты не знаешь, — кричали онѣ, — что сегодня вышелъ декретъ, что извощики не смѣютъ возить гражданъ !» — «Слѣзай, гражданка, а то тебя арестуемъ». — кричали онѣ. Холоднѣя отъ страха, я шла пѣшкомъ по Лиговкѣ, боясь каждаго взгляда прохожихъ... Вдругъ слышу голосъ за мной : « Анна Александровна ». Я обернулась и вижу идетъ бывшій офицеръ, знакомый. « Уходите », — сказала я убѣдительно,

— «со мной опасно ходить». Было темно, шелъ снѣгъ, и мои тонкіе полуботинки насквозь промокли. Промокла я вся и замерзла. Постучавъ у двери, спросила какъ и каждый разъ: «Я ушла изъ тюрьмы — примите ли меня ?»

«Входите», — отвѣтила мнѣ ласково моя знакомая, скромная, бѣдная женщина, — «здѣсь еще двѣ скрываются !» Рискуя ежеминутно, жизнью, зная, что никогда и ничѣмъ я не могу отблагодарить ее, она служила намъ всѣмъ своимъ скромнымъ имѣніемъ, мнѣ и двумъ женщинамъ - врачамъ, только чтобы спасти насъ. Вотъ какіе есть русскіе люди, — и завѣряю, что только въ Россіи есть таковые. Я оставалась у нея десять дней. Другая прекрасная душа, которая служила въ совѣтской столовой, не только ежедневно приносила мнѣ обѣдъ и ужинъ, но отдала все свое жалованье, которое получала за службу, несмотря на то, что у нея были трое дѣтей и она работала, чтобы пропитать ихъ.

Такъ я жила однимъ днемъ, скрываясь у доброй портнихи, мужъ которой служилъ въ красной арміи, у доброй бывшей гувернантки, которая отдала мнѣ свои теплыя вещи, деньги и бѣлье. Вернулась и къ милымъ курсисткамъ, которыя кормили меня разными продуктами, которые одна изъ нихъ привезла изъ деревни. Узнала я тамъ и о матери, такъ какъ та, которую арестовали, вернулась. На Гороховой ей сказали, что меня сразу убьютъ, если найдутъ; другіе же говорили, что я убѣжала къ бѣлымъ. Затѣмъ я жила у одного изъ музыкантовъ оркестра: жена его согласилась взять меня за большую сумму денегъ. У меня и у матери уже ничего не было, но одна изъ моихъ бывшихъ учительницъ хранила цѣнную вещь, подаренную мнѣ Ихъ Величествами на свадьбу; аквамаринъ, окруженный брилліантами. Она его продала за 50 тысячъ рублей, и я почти всѣ деньги отдала за нѣсколько дней сохранности. Комнату, гдѣ я жила, не топили, и въ ней былъ градусъ мороза. Было очень тяжело, но кормили не дурно, и я два раза возвращалась къ нимъ. Мнѣ пришлось обрить всѣ волосы — изъ за массы вшей, которые въ нихъ завелись.

6-го ноября я свидѣлась съ матерью. Когда мы кинулись другъ другу въ объятія, мои добрые хозяева заплакали. Туда же пришла моя тетя, сказавъ, что она нашла мнѣ хорошій пріютъ — но совсѣмъ въ другой сторонѣ. Мнѣ пришлось около десяти верстъ идти пѣшкомъ и часть проѣхать въ трамваѣ. Боже, сколько надо было вѣры и присутствія духа ! Какъ я уставала во время этихъ путешествій, какъ болѣли ноги и какъ я мерзла, не имѣя ничего теплаго !.. Кто то мнѣ подарилъ старыя галоши, которыя были моимъ спасеніемъ все это время.

Новая моя хозяйка была премилая, интеллигентная женщина. Она раньше много работала въ « армія спасенія ». У ней я отдохнула, но она боялась оставить меня у себя болѣе десяти дней и обратилась къ мѣстному священнику. Послѣдній принялъ во мнѣ участіе и разсказалъ нѣкоторымъ изъ своихъ прихожанъ мою грустную исторію, и они по очереди брали меня въ свои дома.

Разъ ко мнѣ пришла знакомая эстонка, предлагая бѣжать въ Финляндію, сказавъ, что одна женщина-финка за большія деньги переводитъ черезъ границу. Какое то внутреннее чувство тогда предсказало мнѣ имъ не довѣряться, и оказалось правда. Взявъ деньги, женщина эта завела барышню въ лѣсъ и затѣмъ, сказавъ, что дальше идти нельзя, скрылась. Эстонка эта вернулась въ Петроградъ пѣшкомъ, безъ денегъ и подъ страхомъ ежеминутнаго ареста. Хороша бы я была съ ней вмѣстѣ !

Боюсь надоѣсть разсказами о своихъ похожденіяхъ. Скажу только, что въ концѣ концовъ очутилась въ квартирѣ одного инженера, гдѣ нанимала комнату. Домикъ стоялъ въ лѣсу, далеко за городомъ. Кромѣ другихъ благодѣяній этотъ человѣкъ позаботился первый сдѣлать мое положеніе легальнымъ. Онъ взялъ у знакомаго священника паспортъ дѣвушки, которая вышла замужъ, потомъ заявилъ, что будто потерялъ его и такимъ образомъ, получилъ для меня новый паспортъ, благодаря которому я получила карточки и право на обѣдъ въ столовой. Насколько я могла и умѣла по хозяйству, я помогала ему. Цѣлый день онъ проводилъ на службѣ ; возвращался поздно, кололъ дрова, топилъ печки и приносилъ изъ колодца воду. Я же согрѣвала супъ, который готовился изъ овощей на цѣлую недѣлю. По субботамъ пріѣзжала его невѣста. Конечно, я часто была совсѣмъ голодная. Мать и старичекъ, ея духовникъ, приносили мнѣ что могли, равно какъ и мой другъ, которая служила въ столовой.

Разскажу одинъ случай, который можетъ быть покажется моимъ читателямъ страннымъ и который сама я не могу объяснить. Какъ то разъ я сидѣла у себя въ комнаткѣ, голодная и одинокая. Нервничала какъ всегда, прислушивалась къ каждому звуку ; вокругъ бушевала буря и снѣжныя хлопья со свистомъ кружились у окна. Вдругъ я слышу сильный стукъ внизу у двери. Я сбѣжала внизъ и съ замираніемъ сердца спросила : кто идетъ ? Но отвѣта не было, а стукъ повторился. Тогда съ молитвой и страхомъ я отперла дверь. У дверей — никого... Навстрѣчу неслись въ вихрѣ и падали снѣжинки... Но вотъ вижу, что кто то вдали пробирается по тропинкѣ между елокъ къ нашему домику. Узнаю маленькую дочку моего друга, одинадцатилѣтнюю Олю : въ сво-

ихъ замерзшихъ ручкахъ несетъ она тяжелую посуду въ супомъ и кашей и смотритъ подъ ноги, чтобы не поскользнуться. Увидя меня въ дверяхъ, она вскрикнула отъ радости : « Анна Александровна-!, а я все искала домикъ, гдѣ вы живете, и не могла найти...» — « Ты вѣдь стучала » — возразила я. « Нѣтъ, я иду съ большой дороги. Мама посылаетъ вамъ супу и кашу. Какъ я рада, что я нашла васъ...» Кто стучалъ ? Былъ ли то вѣтеръ ? Ни раньше, ни потомъ этотъ стукъ не повторялся. Кто вѣруетъ въ промыселъ Божій, который насъ ограждаетъ во всѣ минуты нашей жизни, тотъ пойметъ, можетъ быть, какъ и я, что ангелъ хранитель этой маленькой доброй дѣвочки помогъ ей найти меня, а меня Господь не оставилъ голодной. Повторяю, пусть каждый объяснитъ, какъ хочетъ, я описываю только фактъ.

Въ январѣ 1920 г. инженеръ женился, и я перешла къ другимъ добрымъ людямъ, которые не побоялись пріютить меня. Самое мое большое желаніе было поступить въ монастырь. Къ сожалѣнію я не могла исполнить его: монастыри, уже безъ того гонимые, опасались принять меня : у нихъ бывали постоянные обыски, и молодыхъ монахинь брали на общественныя работы. Теперь другой добрый священникъ и его жена постоянно заботились обо мнѣ. Они не только ограждали меня отъ всѣхъ непріятностей, одиночества и холода, дѣлясь со мной послѣднимъ, отчего сами иногда голодали, но нашли мнѣ и занятіе : уроки по сосѣдству. Я приготовляла дѣтей въ школу, давая уроки по всѣмъ языкамъ и даже уроки музыки, получая за это тарелку супу, гдѣ хлѣбъ. Обуви у меня уже давно не было, и я въ послѣднемъ мѣсяцѣ ходила босикомъ, что не трудно, если привыкнешь, и даже, можетъ быть, съ моими больными ногами легче, особенно когда мнѣ приходилось таскать тяжелыя ведра воды изъ колодца или ходить за сучьями въ лѣсъ. Жила я въ крохотной комнаткѣ, и если бы не уйма клоповъ, то мнѣ было бы хорошо. Вокругъ — поля и огороды. Въ тяжеломъ трудѣ, спасительномъ во всѣхъ скорбныхъ переживаніяхъ, я забывала и свое горе, и свое одиночество и нищету. Иногда даже ходила къ ранней обѣднѣ, къ отцу Іоанну.

Такъ шелъ 1920 годъ. Господь черезъ добрыхъ людей не оставлялъ меня. Сколько я видѣла добра и участія отъ бѣдныхъ и окружающихъ, и я ничѣмъ не могла ихъ отблагодарить. Но я вѣрю, что за меня ихъ отблагодарить Богъ своими неизрѣченными и богатыми милостями. Осенью стало трудно, и я перешла жить къ трамвайной кондукторшѣ : нанимала у нея уголъ въ ея теплой комнатѣ. Но я оставалась безъ обуви. Весь день до ночи таскалась по улицѣ... Одна изъ моихъ благодѣтельницъ правда, подарила мнѣ туфли, сшитыя изъ ковра, но

по водѣ и снѣгу приходилось ихъ снимать, и тогда я мерзла, но ни разу не болѣла, хотя стала похожа на тѣнь.

Начали приходить письма изъ заграницы отъ сестры моей матери, которая убѣждала насъ согласиться уѣхать къ ней. Зная, сколько риска сопряжено съ подобными отъѣздами, мы сначала отказались, послѣ же близкіе мои убѣждали согласиться. Говорили, что я чрезвычайно переутомлена и измѣнилась, а главное — все еще нахожусь въ ежеминутной опасности. И это правда : вѣдь я каждую ночь ложилась думая, что эта ночь—моя послѣдняя на землѣ. Столько было критическихъ моментовъ : и обыски и встрѣчи, но Богъ все время чудесно хранилъ меня по молитвамъ моихъ родителей и многихъ дорогихъ и близкихъ.

Въ декабрѣ пришло письмо отъ сестры, настаивавшей на нашемъ отъѣздѣ : она заплатила большія деньги, чтобы спасти насъ, и мы должны были рѣшиться. Но какъ покинуть родину ? Я знала, что Богъ такъ великъ, что если ему угодно сохранить, то всегда и вездѣ рука Его надъ нами. И почему же заграницей больше сохранности. Боже, чего стоилъ мнѣ этотъ шагъ !..

Отправились : я босикомъ, въ драномъ пальтишкѣ. Встрѣтились мы съ матерью на вокзалѣ желѣзной дороги и, проѣхавъ нѣсколько станцій, вышли... Темнота. Намъ было приказано слѣдовать за мальчикомъ съ мѣшкомъ картофеля, но въ темнотѣ мы потеряли его. Стоимъ мы посреди деревенской улицы : мать съ единственнымъ мѣшкомъ, я съ своей палкой. Не ѣхать ли обратно?? Вдругъ изъ темноты вынырнула дѣвушка въ платкѣ, объяснила, что сестра этого мальчика, и велѣла идти за ней въ избушку. Чистенькая комната, на столѣ ужинъ, а въ углу на кровати въ темнотѣ двѣ фигуры финновъ, въ кожанныхъ курткахъ. « За вами пріѣхали » — пояснила хозяйка. Поужинали. Одинъ изъ финновъ, замѣтивъ, что я босикомъ, отдалъ мнѣ свои шерстяные носки. Мы сидѣли и ждали ; ввалилась толстая дама съ ребенкомъ, объяснила, что тоже ѣдетъ съ нами. Финны медлили, не рѣшаясь ѣхать, такъ какъ рядомъ происходила танцулька. Въ 2 часа ночи намъ шепнули : собираться. Вышли безъ шума на крыльцо. На дворѣ были спрятаны большія финскія сани. Тоже безшумно отъѣхали. Хозяинъ избы бѣжалъ передъ нами, показывая спускъ къ морю. Лошадь проваливалась въ глубокій снѣгъ. Мы съѣхали... Крестьянинъ остался на берегу. Почти все время ѣхали шагомъ по заливу: была оттепель, и огромныя трещины во льду. Одинъ изъ финновъ шелъ впереди, измѣряя желѣзной палкой. То и дѣло они останавливались, прислушиваясь. Слѣва близко, казалось, мерцали огни Кронштадта. Услыхавъ ровный стукъ,

они обернулись со словами: «погоня», но послѣ мы узнали, что звукъ этотъ производилъ ледоколъ «Ермакъ», который шелъ прорѣзывая ледъ за нами. Мы проѣхали послѣдними... Разъ сани перевернулись, вылетѣли бѣдная мама и ребенокъ, кстати сказать, пренесносный, все время проспавшій: «поѣдемъ назадъ». И финны увѣряли, что изъ за него какъ разъ мы всѣ попадемся... Было почти свѣтло, когда мы съ разбѣгу поднялись на финскій берегъ и понеслись окольными дорогами къ домику финновъ, боясь здѣсь попасться въ руки финской полиціи. Окоченѣлыя, усталыя, мало что соображая, мать и я пришли въ карантинъ, гдѣ содержали всѣхъ русскихъ бѣженцевъ. Финны радушно и справедливо относятся къ нимъ, но, конечно, не пускаютъ всѣхъ, опасаясь перехода черезъ границу разныхъ нежелательныхъ типовъ. Насъ вымыли, накормили и понемногу одѣли. Какое странное чувство было — одѣть сапоги...

И у меня и у матери душа была полна неизъяснимаго страданія: если было тяжело на дорогой родинѣ, то и теперь подъ часъ одиноко и трудно безъ дома, безъ денегъ... Но мы со всѣми изгнанными и оставшимися страдальцами въ умиленіи сердецъ нашихъ взывали къ милосердному Богу о спасеніи дорогой отчизны.

«Господь мнѣ помощникъ и не убоюся, что̀ мнѣ сотворитъ человѣкъ».

А. А. ТАНѢЕВА.

Государь Императоръ и Наслѣдникъ Цесаревичъ въ Тобольскѣ.

(Сентябрь 1917 года.)

Письмо Государя Императора.

Написано по англійски.

Декабрь 10, 1917. Тобольскъ.

Очень благодарю за пожеланія къ моимъ именинамъ. Мысли и молитвы всегда съ вами, бѣдное, страдающее существо. Ея Величество читала намъ всѣ ваши письма. Ужасно подумать, черезъ что вы прошли. Намъ здѣсь хорошо — очень тихо. Жаль, что вы не съ нами. Цѣлую и благословляю безъ конца. Вашъ любящій другъ

Н.

Мой сердечный привѣтъ родителямъ.

Письма Государыни Императрицы Александры Феодоровны.

№1. *Написано по англійски.*

Августъ 1917. Царское Село.

Дорогая моя мученица, я не могу писать, сердце слишкомъ полно, я люблю тебя, мы любимъ тебя, благодаримъ тебя и благословляемъ и преклоняемся передъ тобой, — цѣлуемъ рану на лбу и глаза, полные страданія. Я не могу найти слова, *но ты все знаешь, и я знаю все*, разстояніе не мѣняетъ нашу любовь — души наши всегда вмѣстѣ и черезъ страданіе мы понимаемъ еще больше другъ друга. Мои всѣ здоровы, цѣлуютъ тебя, благословляютъ и молимся за тебя безъ конца.

Я знаю твое новое мученіе — огромное разстояніе между нами, намъ не говорятъ, куда мы ѣдемъ (узнаемъ только въ поѣздѣ), и на какой срокъ, но мы думаемъ, это туда, куда ты недавно ѣздила — святой зоветъ насъ туда и нашъ другъ.

Не правда-ли странно, и ты знаешь это мѣсто. Дорогая, какое страданье нашъ отъѣздъ, все уложено, пустыя комнаты — такъ

больно, нашъ очагъ въ продолженіи 23 лѣтъ. Но ты, мой Ангелъ, страдала гораздо больше! Прощай. Какъ-нибудь дай мнѣ знать, что ты это получила. Мы молились передъ иконой Знаменья и я вспоминала, какъ во время кори она стояла на твоей кровати. Всегда съ тобой; душа и сердце разрывается уѣзжать такъ далеко отъ дома и отъ тебя и опять мѣсяцами ничего не знать, но Богъ милостивъ и милосердъ, Онъ не оставитъ тебя и соединитъ насъ опять. Я вѣрю въ это — и въ будущія хорошія времена. Спасибо за икону для Беби.

№ 2. Написано по русски. Открытка.

14/X 1917. Тобольскъ

Милая дорогая моя, — все время тебя вспоминаемъ и все тяжелое, которое ты испытала, помоги тебѣ Богъ и впередъ. Какъ больное сердце и ноги? Надѣемся говѣть какъ всегда, если позволятъ. Занятія опять начались и съ Gibb's, такъ рады наконецъ! Всѣ здоровы. Чудное солнце; все время сижу на дворѣ за этимъ заборомъ и работаю. Кланяюсь Батюшкѣ Досифею, докторамъ и Жуку. Горячо цѣлую тебя. Храни Богъ.

№ 3. Написано по русски.

21 Октября 1917. Тобольскъ.

Милая моя, Аня.

Несказанно обрадована дорогими извѣстіями, нѣжно цѣлую за всю любовь вашу. Да, любовь родныхъ душъ не имѣетъ преградъ, разстояніе для нея не существуетъ, но сердце человѣческое все таки жаждетъ вещественнаго знака этой любви. Это какъ разъ то, что я усердно желала, чтобы вы Зину видали. Да, глаза ваши оставили на меня глубокое впечатлѣніе. Такъ рыдала, когда ихъ увидѣла — Боже мой! Но Богъ милостивъ и долготерпѣливъ и своихъ не забудетъ. Мзда ваша многа на небесѣхъ. Чѣмъ больше здѣсь страданья, тѣмъ ярче будетъ тамъ на томъ свѣтломъ берегу, гдѣ такъ много дорогихъ насъ ждутъ. Всѣ мысленно все вмѣстѣ переживаемъ. Родная моя, нѣжно васъ ласкаю и цѣлую, вы всегда въ моемъ сердце, въ нашихъ сердцахъ, какъ за васъ молимся, о васъ говоримъ

— но все въ Божьихъ рукахъ. Вдали ужасно трудно, невозможность помочь утѣшить, согрѣвать страдающаго любимаго человѣка — большое испытаніе. И мы надѣемся завтра пріобщиться Святыхъ Таинъ — сегодня и вчера не позволили быть въ церкви — но служба дома — вчера заупокойная всенощная — сегодня обѣдница, всенощная и исповѣдь. Вы будете какъ всегда съ нами, родная моя душка. Такъ много хотѣлось бы сказать, спросить. О Лили давно ничего не слыхала. Мы здоровы, — я очень страдала зубами и невр. въ лицѣ. Теперь пріѣхалъ Костр.(ицкій) Насъ лѣчитъ. Много о васъ говоримъ. Въ Кр. (ыму) ужасно жить теперь. Ольга А.[1]) страшно счастлива со своимъ маленькимъ Тихономъ, сама его кормитъ. Няни у нихъ нѣтъ, такъ что она и Н. А. все сами дѣлаютъ. Живутъ всѣ въ Ай Т. Дробьязгинъ умеръ отъ рака. Гдѣ бѣдная, бѣдная Е. В.[2]) какъ за нихъ страдаешь и молишься. Это единственное, что всегда и вездѣ можно. Погода не особенная; послѣднее время не выхожу, такъ какъ сердце себя нехорошо ведетъ. Сколько утѣшеній въ чтеніи Библіи. Я теперь много съ дѣтьми читаю и думаю, что ты дорогая тоже. Нѣжно цѣлую и благословляю родное, любимое дитя. Мы всѣ васъ цѣлуемъ, пишите. Господь Богъ сохранитъ и подкрѣпитъ. Сердце полно, но слова слабыя.

Всѣмъ сердцемъ Ваша *М.*

Мад. и Аннушка[3]) еще въ Петроградѣ. Привѣтъ родителямъ. Кофточка грѣетъ и радуетъ. Окружена дорогими подарками: голуб. халатъ, кр. туфли, серебрянное блюдечко, ложка, палка, на груди образа. Не помню Твоихъ хозяевъ. Видѣла ли Ты отца Іоанна изъ Петергофа? Христосъ съ Тобой.

№ *4. Написано по англійски.*

24 Ноября 1917. Тобольскъ.

Дорогая, вчера я получила твое письмо отъ 6 Ноября и благодарю отъ всего сердца. Такая радость слышать о тебѣ, Богъ очень милостивъ, давъ намъ это утѣшеніе. Жизнь въ городѣ должна быть ужасной, въ душныхъ комнатахъ, огромная, крутая лѣстница,

---

1) Великая княгиня Ольга Александровна замужемъ за Н. А. Куликовскимъ.

2) Екатерина Викторовна Сухомлинова.

3) горничныя Государыни.

никакихъ прогулокъ и только ужасы вокругъ. Бѣдное дитя! Но ты знаешь, что душой и сердцемъ я съ тобой, раздѣляю всѣ твои страданія и молюсь за тебя горячо.

Каждое утро я читаю книгу, которую ты мнѣ подарила семь лѣтъ тому назадъ: «День за днемъ», и очень ее люблю, нахожу много словъ и утѣшенія. Погода перемѣнчивая: морозъ и солнце, потомъ таетъ и темно. Ужасно скучно для тѣхъ, кто любитъ длинныя прогулки и кто ихъ лишенъ. Уроки продолжаются какъ раньше. Мать и дочки работаютъ и много вяжутъ, приготовляя рождественскіе подарки. Какъ время летитъ, скоро будетъ 9 мѣсяцевъ, что я съ многими простилась... и ты одна въ страданьи и одиночествѣ. Но ты знаешь, гдѣ искать успокоенія и силу и Богъ тебя никогда не оставитъ — Его любовь выше всего. Всѣ въ общемъ здоровы, исключая мелкихъ простудъ: иногда колѣно и ручка пухнетъ,[1]) но слава Богу безъ особыхъ страданій. Сердце болѣло послѣднее время. Читаю много, живу въ прошломъ, которое такъ полно богатыхъ и дорогихъ воспоминаній. Надѣюсь на лучшее будущее. Богъ не оставляетъ тѣхъ, кто Его любятъ и вѣрятъ въ Его безграничное милосердіе, и когда мы меньше всего ожидаемъ, Онъ намъ поможетъ и спасетъ эту несчастную страну. *Терпѣнье, вѣра и правда.*

Какъ тебѣ понравились двѣ карточки, которыя я нарисовала? Три мѣсяца ничего не слыхала о Лили. Тяжело быть отрѣзанной отъ всѣхъ дорогихъ. Я такъ рада, что твой вѣрный Берчикъ и Настя съ тобой, а гдѣ Зина и Маня? Отецъ Макарій значитъ тоже ушелъ въ лучшій міръ? Но тамъ онъ ближе къ намъ, чѣмъ на землѣ. Наши мысли будутъ встрѣчаться въ будущемъ мѣсяцѣ. Помнишь наше послѣднее путешествіе и все, что случилось послѣ. Послѣ этой годовщины можетъ быть Господь смилуется надъ нами. Лиза и дѣвушки еще не пріѣхали. Поцѣлуй отъ меня Прасковью и дѣтей. Всѣ цѣлуютъ «Большого Беби» и благословляютъ. Храни Богъ. Не падай духомъ. Хотѣла бы послать тебѣ что нибудь съѣдобное.

№ 5. *Написано по русски.*

8 Декабря 1917. Тобольскъ.

Милая родная моя.

Мысленно молитвенно всегда вмѣстѣ — въ любви разстоянія нѣтъ. Тяжело всетаки не видѣть другъ друга. Сердце полно, такъ

---

1) У Наслѣдника.

много хотѣлось бы знать подѣлиться, но будемъ надѣяться, что время придетъ, когда опять увидимся — всѣ старые друзья. Ужасно мнѣ грустно, что съ твоей подругой что то неладно было, надѣюсь, что все прошло и что друзья по прежнему. Не время судить о своихъ друзьяхъ — всѣ нервные стали. Мы далеко отъ всѣхъ поселились: тихо живемъ, читаемъ о всѣхъ ужасахъ, но не будемъ объ этомъ говорить. — Вы во всемъ этомъ ужасѣ живете, достаточно этого. И бываютъ маленькія тучки, которыя другихъ тревожатъ, отъ того моихъ троихъ не пустили — уже 4 дня что благополучно доѣхали. Стыдъ и срамъ, что ихъ не пустятъ — вѣчная боязнь — обѣщали сколько разъ — некрасиво, это очень и невѣрно опять съ Изой начнутъ. Ты видишь никого не пускаютъ, но надѣюсь что поймутъ, что глупо, грубо и нечестно ихъ оставить ждать.

Вотъ холодъ 23 гр. и въ комнатахъ мерзнемъ, дуетъ, красивая кофта пригодится будетъ грѣть снаружи и внутри. У насъ всѣхъ «chilblains» на пальцахъ (помнишь какъ ты отъ нихъ страдала). Пишу отдыхая до обѣда, каминъ горитъ, маленькая собачка «Jimmy» твоя лежитъ рядомъ, пока ея хозяйка на роялѣ играетъ. 6-го Алексѣй, Марія и Жиликъ играли маленькую пьесу, чень мило — другіе всѣ учатъ разныя французскія сценки, развлеченье и хорошо для памяти. Вечера проводимъ со всѣми вмѣстѣ, въ карты играемъ, иногда Онъ намъ читаетъ вслухъ и я вышиваю. Очень занята весь день заготовкой къ Рождеству, вышиваю и ленточки по прежнему рисую и карточки и уроки съ дѣтьми, такъ какъ священника къ намъ не пустятъ для уроковъ, но я эти уроки очень люблю — вспоминаю много. Буду теперь съ удовольствіемъ Творенія Григорія Нисскаго читать ихъ раньше не имѣла. Послѣднее время читала Тихона Задонскаго. Все таки привезла изъ моихъ любимыхъ книгъ съ собой. Ты Библію читаешь? которую я тебѣ дала, но знаешь есть гораздо полнѣе и я всѣмъ дѣтямъ подарила и для себя теперь большую достала, тамъ чудныя вещи — Іисуса Сираха, Премудрости Соломона и т. д. Я ищу всѣ другія подходящія мѣста — живешь въ этомъ — и псалмы такъ утѣшаютъ. Родная, понимаемъ другъ друга, спасибо за все, за все. Все переживаю.

Нашъ бывшій раненый князь Эристовъ опять лежитъ въ нашемъ лазаретѣ (не знаю причину). Если увидишь, кланяйся ему сердечно отъ насъ всѣхъ, трогательный мальчикъ. Знаешь онъ помогъ мостъ передъ Зимнимъ Дворцомъ строить. Привѣтъ и спасибо большое милой Ек. В. что насъ вспомнила, — ей и мужу душевный привѣтъ

—храни и утѣши его[1]) Господь Богъ, который своихъ никогда не оставляетъ. Гдѣ Сережа съ женой? Отъ милой Зины[1]) получила письмо — дорогая ясная душа. И О. В. благодарю, — грустно не о комъ ничего не знать... Да, прошлое кончено, благодарю Бога за все что было, что получила и буду жить воспоминаніями, которыя никто отъ меня не отниметъ. Молодость прошла.... Тоскую сильно. И о тебѣ тоже, мою нѣжно любимую и далекую, Эммѣ[3]) привѣтъ и Англійской сестрѣ, родителямъ привѣтъ, очень рада что ты ихъ имя опять носишь.

6-го былъ молебенъ, не позволили идти въ церковь (боялись чего то). Я уже 2 недѣли не была. Не выхожу при такомъ морозѣ изъ-за сердца, но все-таки тянетъ сильно въ церковь. Наша спальня темная комната въ корридорѣ около красной гостинной. Тогда только Жилику и Валѣ твои снимки показала, дамамъ очень не хотѣлось, слишкомъ твое лицо мнѣ дорого и свято. Настенька мнѣ слишкомъ далекая, она очень милая, но мнѣ не близкій человѣкъ — мои близкіе всѣ далеко, далеко. Окружена ихъ фотографіями, вещами, кофточками, халатъ , туфли, серебрянное блюдечко, ложка, образа и т. д. Такъ хотѣлось бы что нибудь послать, но боюсь пропадетъ. Господь милостивъ. Долготерпѣливъ, помни это. Горячо и нѣжно цѣлую, перекрещу, люблю. *Мы всѣ* крѣпко цѣлуемъ, любимъ тронуты поздравленіями всегда молимся вспоминаемъ не безъ слезъ

Твоя

9-го. Сегодня праздникъ образа «Нечайной Радости» стала теперь всегда читать, и ты душка, тоже самое дѣлай. Годовщина нашего послѣдняго путешествія,помнишь какъ уютно было. Старица добрая тоже ушла, ея образъ всегда со мной. Разъ получила письмо отъ Демидовой изъ Сибири. Очень бѣдна. Такъ хочется Аннушку повидать, о многомъ мнѣ разскажетъ. Вчера 9 мѣсяцевъ что заперты. Больше 4 что здѣсь живемъ. Это Англійская сестра мнѣ писала? Или кто? Удивляюсь, что Ники и семья не получили образа, который имъ до нашего отъѣзда посылала. Жалко, что добрая Федосья не съ Вами. Привѣтъ и спасибо моему вѣрному, старому Берчику и Настѣ. Этотъ годъ ничего имъ давать не могу подъ елкой, какъ

---

1) С. А. Танѣевъ, братъ А. А. Ташѣевой.

2) Зинаида Сергѣевна Толстая, рожденная Бехтѣева (см. «Русская Лѣтопись» кн. I, стр. 139-145).

3) Дочь графа В. Б. Фредерикса, Министра Императорскаго Двора.

грустно. Родная моя молодецъ дорогой, Христосъ съ тобой. Надѣюсь, что письмо 17 получишь, соединимся въ молитвахъ. Спасибо отцу Досифею и отцу Іоанну, что не забыли.

Я утромъ въ постели пишу и «Jimmy» спитъ у меня прямо подъ носомъ и мѣшаетъ писать. Ортипо на ногахъ, теплѣе имъ такъ. Подумай, добрый Макаровъ (комиссаръ) послалъ мнѣ 2 мѣсяца тому назадъ Святого Симеона Верхотурскаго, Благовѣщеніе, изъ «mauve» комнаты и изъ спальни надъ умывальникомъ Мадонна; 4 маленькія гравюры надъ «mauve» кушеткой, 5 пастель Каульбаха изъ большой гостинной, самъ все собралъ и взялъ мою голову (Каульбаха). Твой увеличенный снимокъ изъ Ливадіи, Татьяна и я, Алексѣй около будки съ часовымъ, акварели А. III, Ник. I. Маленькій коврикъ изъ спальни — моя соломенная кушетка (она стоитъ въ спальни теперь и между другими подушками, та изъ розъ отъ Сайде Муфти- заде, которая всю дорогу съ нами сдѣлала). Послѣднюю минуту ночью ее взяла изъ Царскаго Села и спала съ ней въ поѣздѣ и на пароходѣ — чудный запахъ меня порадовалъ. Ты имѣешь извѣстіе отъ Гахама? Напиши ему и поклонись. Сыробоярскій былъ у него лѣтомъ, помшниь его? Онъ теперь въ Владивостокѣ.

22 градуса сегодня, ясное солнце. Хочется фотографію посылать, но не рѣшаюсь по почтѣ. Помнишь Клавдію М. Битнеръ, сестра милосердія въ Ліанозовскомъ лазаретѣ, она даетъ дѣтямъ уроки, счастье такое. Дни летятъ, опять суббота, всенощная въ 9 час. Устроились уютно съ нашими образами и лампадками въ углу залы, но это не церковь. Привыкли эти 3½ года быть почти ежедневно до лазарета у Знаменья — очень не достаетъ. Совѣтую Жилику написать. Вотъ перо опять наполнили! Посылаю макароны, колбасы, кофе — хотя постъ теперь. Я всегда изъ супа вытаскиваю зелень, чтобы бульонъ не ѣсть, и не курю. Все мнѣ такъ легко и быть безъ воздуха и часто почти не сплю, тѣло мнѣ не мѣшаетъ, сердце лучше, такъ какъ я очень спокойно живу и безъ движеній, была страшно худа, теперь менѣе замѣтно, хотя платья какъ мѣшки и безъ корсета еще болѣе худая. Волосы тоже быстро сѣдѣютъ. Духъ у всѣхъ семи бодръ. Господь такъ близокъ, чувствуешь его поддержку, удивляешься часто, что переносишь вещи и разлуки, которыя раньше убили бы. Мирно на душѣ, хотя страдаешь сильно, сильно за родину и за тебя, но знаешь, что въ концѣ концовъ все къ лучшему, но ничего больше рѣшительно не понимаешь — всѣ съ ума сошли. Безконечно тебя люблю и горюю за свою «маленькую дочьку» — но знаю что она стала большая, опытная, настоящій воинъ Христовъ. Помнишь карточку Христовой Невѣсты? знаю что тебя тянетъ въ

монастырь (не смотря на твоего новаго друга!) Да, Господь все ведетъ, все хочется вѣрить, что увидимъ еще храмъ Покрова съ придѣлами на своемъ мѣстѣ — съ большимъ и маленькимъ монастыремъ. Гдѣ сестра Марія и Татьяна. Мать генерала Орлова писала. Знаешь Иванъ былъ убитъ на войнѣ и невѣста убилась изъ отчаянія, лежатъ они съ ихъ отцомъ. Алексѣй на Югѣ, не знаю гдѣ. Привѣтъ моимъ дорогимъ уланамъ и Отцу Іоанну, всегда о нихъ всѣхъ молюсь.

Послѣ годовщины по моему Господь умилосердится надъ родиной. Могла бы часами еще писать, но нельзя. Радость моя, сожги письма всегда, въ наши тревожныя времена это лучше, у меня тоже ничего не осталось прошлаго, дорогого. Мы всѣ тебя нѣжно цѣлуемъ и благословляемъ. Господь великъ и не оставитъ своей всеобъемлющей любви..... бордствуй. Буду особенно вспоминать въ Праздникъ, молиться и надѣяться, что увидимся, когда, гдѣ и какъ одному Ему извѣстно и будемъ все Ему передать, Который лучше насъ все знаетъ.

№ 6. Карточка въ мой лазаретъ. Написано по русски.

9. XII. 1917. Тобольскъ.

Сердечный привѣтъ вамъ всѣмъ и отцу Кибардину, другимъ служащимъ и отцу Досифею, Берчику, хозяйкѣ милой. Часто всѣхъ вспоминаемъ. Живемъ хорошо. Очень холодно — 23 градуса. Но яркое солнце — всѣ здоровы. Какъ Бобковъ и его жена? Живутъ ли они еще въ домикѣ съ матушкой? Думаю о постройки церкви, какъ катались на маленькихъ саняхъ. Грустно, но Богъ милостивъ.

Дѣти кланяются.

№ 7. Написано по русски.

15. XII. 1917. Тобольскъ.

Родная милая дорогая моя, опять пишу тебѣ не какъ обыкновенно, такъ что благодари Анушку за вещи и пиши мнѣ осторожно. Моихъ все еще ко мнѣ не пустили, они уже 11 дней здѣсь и не знаю какъ дальше будетъ. Иза [1]) опять коликой заболѣла, говорятъ ее впустятъ (когда прійдетъ), такъ какъ у нея дозволенье есть, но сомнѣваюсь. Странно, что она у тебя не была. Знаетъ ли она твой

1) И. К. Буксгевденъ.

адресъ, но слишкомъ вѣрно боится и совѣсть не чиста всетаки. Помнитъ навѣрное мои слова зимой — что можетъ быть будетъ время когда ее тоже отъ меня отнимутъ и не допустятъ опять. Она живетъ на Гороховой у племянницы Miss Mathers, которая тоже съ ней. Madame Zizi на Сергіевской 54. Отецъ Александръ говорятъ еще очень боленъ, онъ отслужилъ напутственный молебенъ у Спасителя для моихъ трехъ. Надѣюсь, что наши вещи получишь къ празднику, отослали ихъ только вчера; это Анушка мнѣ все готовитъ съ Волковымъ вмѣстѣ. Другимъ посылаю черезъ Маделенъ, такъ что пользуюсь этимъ образомъ и другимъ могу писать. Только пиши когда получишь. Я въ книгѣ отмѣчаю когда посылаю, такъ что писала 10, а послала 14-го и до этого 9-го. Рисованныя карточки ты всѣ получила? Посылаю еще муки на дняхъ.

Чудные дни — яркое солнце, все розовое блеститъ — инеемъ покрыто, свѣтлыя лунныя ночи. Навѣрно идеально на горѣ, а они бродятъ по двору... Такъ хотѣлось бы пріобщиться Св. Таинъ, но такъ неудобно все теперь — на все надо просить позволенье. Ты прочти Премудрость Соломона и Іисуса Сираха. Іова я не успѣла все отмѣтить — каждый разъ находишь новое. Вотъ Премудрости Іисуса Сираха читала лѣтомъ лежа около пруда, окруженная солдатами. Какъ я рада, что ничего изъ твоихъ вещей не потеряли — альбомы всѣ оставила въ сундукѣ съ моими. Грустно безъ нихъ, но лучше такъ, а то очень больно смотрѣть, вспоминать. Есть вещи, которыя отгоняю отъ себя, убиваютъ онѣ, слишкомъ свѣжи еще въ памяти — все прошлое. Что впереди не догадываюсь. Господь знаетъ и по своему творитъ. Ему все передала. Помолись за насъ и за тѣхъ, кого мы любимъ и за дорогую родину когда бываешь у «Скоропослушницы»; ужасно люблю ея чудный ликъ. Что пишутъ про чудотворную икону въ Покровскомъ? Попрошу черезъ Чемодурова особенно въ Воскресенье вынимать частицу за тебя и всѣхъ нашихъ, навѣрно ты будешь говѣть съ нами. Надѣюсь, что мы будемъ у обѣдни.

Гдѣ твоя бѣдная бабушка — часто ее вспоминаю въ ея одиночествѣ и твои разсказы, помнишь. Кто тебѣ «happy Christmas» скажетъ по телефону? Прошлый годъ ты у насъ жила. А гдѣ Сережа съ женой? Ты ихъ никогда не вспоминаешь въ письмахъ. Ты знаешь Линевичъ женился и Гротенъ тоже прямо изъ крѣпости. Ты не видѣла Маню Ребиндеръ, они лѣтомъ были еще въ Павловскѣ, съ нашего отъѣзда о нихъ больше ничего не знаю. А гдѣ епископъ Исидоръ и Мельхисидекъ? А про Протопопова не знаешь — говорятъ

что у него прогрессивный параличъ? Понимаю, что ты ничего писать не съумѣешь пока. Слишкомъ все свѣжо, раны болятъ, странная наша жизнь вообще. Не правда ли? Цѣлые тома описывала бы. Зиночка Толстая съ мужемъ и дѣтьми давно въ Одессѣ, въ собственномъ домѣ живутъ — очень часто пишутъ, трогательные люди. Рита гоститъ у нихъ очень рѣдко, она намъ пишетъ. Ждали они въ октябрѣ Лили, о ней уже ничего 4 мѣс. не знаю. Маленькій Сѣдовъ (помнишь его) тоже вдругъ очутился въ Одессѣ, прощался съ полкомъ. Про Малину ты ничего не слыхала? Эристовъ тебѣ передалъ Татьянино письмо? Байба и вся семья въ Ялтѣ, кромѣ мужа, который въ Москвѣ въ церковномъ соборѣ. Федоровъ въ Москвѣ, учителя Петровъ и Конрадъ въ Царскомъ, тамъ Мари Рюдигеръ. Мужъ Мадамъ Комстадіусъ умеръ. Стараюсь тебѣ о всѣхъ давать извѣстія. Хотя ты навѣрно больше знаешь чѣмъ я. Гдѣ Горяиновъ, остался остался ли онъ при своемъ хозяинѣ?

Дѣти носятъ брошки Ек. Вик., а я твою фотографію вставила въ рамку и повѣсила на стѣнѣ такъ что лежа въ кровати всѣхъ твоихъ вижу. Ты не увидишь мать генерала Орлова? Я знаю, что ты ее не такъ любишь, но она такая одинокая. Иванъ убитъ, Алексѣй далеко, она одна и могила въ Царскомъ, жаль старушку. Вяжу маленькому теперь чулки, онъ попросилъ пару, его въ дырахъ, а мои толстыя и теплыя. Какъ зимой прежде вязала, помнишь? Я своимъ людямъ тоже дѣлаю, все теперь нужно. У Папы брюки страшно заштопаны тоже, рубашки у дочекъ въ дырахъ... У Мамы масса сѣдыхъ волосъ. Анастасья очень толстая (ея отчаяніе), какъ Мари раньше была, большая крупная до таліи, потомъ короткія ноги — надѣюсь, что растетъ еще. Ольга худая, Татьяна тоже, волосы чудно растутъ такъ что безъ шали бываютъ (какъ Рита зимой). Подумай, газеты пишутъ, что князь Трубецкой (Володя) соединился съ Калединымъ, молодецъ. Вдругъ писала по англійски. Не знаю хорошо ли это или нѣтъ, вѣдь пока Анушка не съ нами пишу иначе, а ты сожги мои письма — вдругъ опять придутъ и осмотръ сдѣлаютъ.

17-го всѣ молитвы и мысли вмѣстѣ, переживаемъ опять все. Были утромъ у обѣдни. такое утѣшеніе. Нашихъ не пускаютъ, такъ какъ у нихъ нѣтъ позволенія изъ Петрограда, но надѣются когда соберется Учредительное Собраніе. Солдаты и Панкратовъ (комиссаръ нашъ) не пустятъ, ждутъ другія комнаты, которыя подешевле, но страшно трудно найти. Очень онѣ обижены и подозрѣваютъ, что слуги въ нашемъ домѣ противъ нихъ интригуютъ, что не правда, такъ что если Анушка глупости напишетъ, знай что не правда.

Чемодуровъ [1]) насплетничалъ изъ болтливости — это его слабая сторона, а то онъ чудный. Вамъ его жена взяла мою записку въ соборъ на горѣ, архіерейская служба шла, тогда не принято поминать за здравіе, но когда діаконъ узналъ, что это отъ меня, громко прочиталъ всѣ имена, такъ рада. Діаконъ даже оставилъ у себя записочку. Е. Гермогенъ страшно за «Father» и всѣхъ. За упокой дала записочку въ нашей церкви (и чувствовала такимъ образомъ — соединяюсь со всѣми, крестъ его былъ у насъ и во время всенощной лежалъ на столѣ).

Надо кончать письмо, ужъ очень длинное. До свиданья, родная моя, буду особенно за тебя молиться когда Праздники. Помнишь, начали новый годъ вмѣстѣ. (Ник. П. [2]) тоже). Въ эти 11 лѣтъ никогда не случалось такъ долго съ тобой разставаться. Храни тебя Христосъ. Крѣпко, крѣпко. Всѣмъ милымъ добрымъ, которые насъ вспоминаютъ, привѣтъ. Мои тебя нѣжно цѣлуютъ. Родителямъ привѣтъ.

М.

№ *8. Написано по англійски.*

10. XII. 1917. Тобольскъ.

Кажется мнѣ страннымъ писать по англійски по 9 тяжелыхъ мѣсяцахъ. Конечно мы рискуемъ, посылая этотъ пакетъ, но пользуюсь Анушкой. Только обѣщайся мнѣ сжечь всѣ мои письма, такъ какъ это могло бы тебѣ безконечно повредить, если узнаютъ, что ты съ нами въ перепискѣ. Люди вѣдь еще совсѣмъ сумасшедшіе. Оттого не суди тѣхъ, которые боятся видать тебя. Пускай люди придутъ въ себя, — ты не можешь себѣ представить радость получить твое письмо. Читала и перечитывала его сама и другимъ. Мы всѣ вмѣстѣ радовались ему, какое счастье и благодарность знать тебя на свободѣ наконецъ! Я не буду говорить о твоихъ страданіяхъ. Забудь ихъ, съ твоей фамиліей, брось это все и живи снова. Объ столькомъ хочу сказать и сказать ничего не могу. Я отвыкла писать по англійски, такъ какъ писала карточки безъ всякаго значенья. Твои духи такъ напомнили тебя — передавали ихъ другъ другу вокругъ чайнаго стола, и мы всѣ ясно представляли себѣ тебя. Моихъ духовъ «бѣлой

---

1) Камердинеръ Государя.

2) Флигель-адъютантъ Н. П. Соблинъ, котораго Императрица считала ближайшимъ другомъ своей семьи.

розы» у меня нѣтъ чтобы тебѣ послать, надушила шаль, которую послала тебѣ «verveine». Благодарю тебя за лиловый флаконъ и духи, чудную синюю кофточку и вкусную пастилу. Дѣти и Онъ такъ тронуты, что ты послала имъ свои собственныя вещи, которыя мы помнили и видѣли въ Царскомъ. У меня ничего такого нѣтъ чтобы тебѣ послать. Надѣюсь, ты получила немного съѣдобнаго, которое я послала черезъ Лоткаревыхъ и г-жу Крарупъ. (Послала тебѣ по крайней мѣрѣ 5 нарисованныхъ карточекъ, которыя ты всегда можешь узнать по моимъ знакамъ («свастикѣ») выдумываю всегда новое). Да, Господь удивительно милосердъ,ославъ тебѣ добраго друга во время испытаній, благословляю его за все что онъ сдѣлалъ и посылаю образокъ. Какъ всѣмъ, кто добръ къ тебѣ. Прости, что такъ плохо пишу, но ужасное перо, и пальцы замерзли отъ холода въ комнатѣ..

Были въ церкви въ 8 час. утра. Не всегда намъ позволяютъ. Горничныхъ еще не пустили, такъ какъ у нихъ нѣтъ бумагъ; намъ ужасный комиссаръ не позволяетъ и комендантъ ничего не можетъ сдѣлать. Солдаты находятъ, что у насъ слишкомъ много прислуги, но благодаря всему этому, я могу тебѣ писать и это хорошая сторона всего. Надѣюсь, что это письмо и пакетъ дойдутъ до тебя благополучно. Напиши Анушкѣ, что ты все получила, — они не должны догадываться, что мы ихъ обманываемъ, а то это повредитъ хорошему коменданту и они его уберутъ.

Занята цѣлый день, уроки начинаются въ 9 час. (еще въ постели) встаю въ 12 часовъ. Законъ Божій съ Татьяной, Маріей, Анастасіей и Алексѣемъ. Нѣмецкій 3 раза съ Татьяной и 1 разъ съ Мари и чтеніе съ Татьяной. Потомъ шью, вышиваю, рисую цѣлый день съ очками, глаза ослабѣли, читаю «хорошія книги», люблю очень Библію, и время отъ времени романы. Грущу, что они могутъ гулять, только на дворѣ за досками, но по крайней мѣрѣ не безъ воздуха, благодарны и за это.

Онъ прямо поразителенъ — такая крѣпость духа, хотя безконечно страдаетъ за страну, но поражаюсь глядя на него. Всѣ остальные члены семьи такіе храбрые и хорошіе и никогда не жалуются, — такіе какъ бы Господь и нашъ другъ хотѣли бы. Маленькій — ангелъ. Я обѣдаю съ нимъ, завтракаю тоже, только иногда схожу внизъ. Священника для уроковъ не допускаютъ. Во время службъ, офицеры комендантъ и комиссаръ стоятъ возлѣ насъ, чтобы мы не посмѣли говорить. Священникъ хочень хорошій, преданный. Странно, что Гермогенъ здѣсь епископомъ, но сейчасъ онъ въ Москвѣ. Никакихъ извѣстій изъ моей бывшей родины и Англіи? Въ Крыму всѣ здоровы.

М. Ѳ.[1]) была больна и говорятъ постарѣла. Сердцу лучше, такъ какъ веду тихую жизнь. Полная надежда и вѣра, что все будетъ хорошо, что это худшее и вскорѣ возсіяетъ солнце. Но сколько еще крови и невинныхъ жертвъ!? Мы боимся, что Алексѣя маленькій товарищъ изъ Могилева былъ убитъ, такъ какъ имя его среди маленькихъ кадетовъ, убитыхъ въ Москвѣ. О Боже спаси Россію! Это крикъ души и днемъ и ночью — все въ этомъ для меня — только не этотъ постыдный ужасный миръ... Я чувствую, что письмо мое глупо, но я не привыкла писать, хочу столько сказать и не могу. Я надѣюсь ты получила мое вчерашнее письмо черезъ Марію Феод. — дочку. Какъ хорошо что ея мужъ занимается твоимъ лазаретомъ. Вспоминаю Новгородъ и ужасное 17 число и за это тоже страдаетъ Россія. Всѣ должны страдать за все что сдѣлали, но никто этого не понимаетъ.

Я только два раза видѣла тебя во снѣ, но душой и сердцемъ мы вмѣстѣ и будемъ вмѣстѣ опять, — но когда? Я не спрашиваю, Богъ Одинъ знаетъ. Благодарю Бога каждый день, который благополучно прошелъ. Я надѣюсь, что не найдутъ эти письма, такъ какъ малѣйшая неосторожность заставляетъ ихъ быть съ нами еще строже, т. е. не пускаютъ въ церковь. Свита можетъ выходить только въ сопровожденіи солдата, такъ что они конечно не выходятъ. Нѣкоторые солдаты хорошіе, другіе ужасные. Прости почеркъ, но очень торопилась и на столѣ мои краски и т. д. Я такъ рада, что тебѣ нравится моя синяя книга, въ которую я переписывала.

Ни одного твоего письма не оставляю, все сожжено — прошедшее какъ сонъ! только слезы и благодарность. Мірское все проходитъ: дома и вещи отняты и испорчены, друзья въ разлукѣ, живешь изо дня въ день. Въ Богѣ все, и природа никогда не измѣняется. Вокругъ вижу много церквей (тянетъ ихъ посѣтить) и горы. Волковъ везетъ меня въ креслѣ въ церковь — только черезъ улицу — изъ сада прохожу пѣшкомъ. Нѣкоторые люди кланяются и насъ благословляютъ, другіе не смѣютъ. Каждое письмо читается, пакетъ просматривается... Поблагодари добрую Ек. Вик. отъ насъ, очень тронуты. «Father» и Алексѣй грустятъ, что имъ нечего тебѣ послать. Очень много грустнаго... и тогда мы тебя вспоминаемъ. Сердце разрывается по временамъ, къ счастью здѣсь ничего нѣтъ, что напоминаетъ тебя — это лучше — дома же каждый уголокъ напоми-

---

1) Императрица Марія Оедоровна.

налъ тебя. А дитя мое, я горжусь тобой. Да, трудный урокъ, тяжелая школа страданья, но ты прекрасно прошла черезъ экзаменъ. Благодаримъ тебя за все, что ты за насъ говорила, что защищала насъ и что все за насъ и за Россію перенесла и перестрадала. Господь одинъ можетъ воздастъ..... Наши души еще ближе теперь, я чувствую твою близость, когда мы читаемъ Библію, Іисуса Сираха и т. д... Дѣти тоже всегда находятъ подходящія мѣста, — я такъ довольна ихъ душами. Надѣюсь Господь благословитъ мои уроки съ Беби — почва богатая — стараюсь какъ умѣю — вся жизнь моя въ немъ. Ты всегда со мной, никогда не снимаю твое кольцо, ночью одѣваю на браслетъ, такъ какъ оно мнѣ велико — и ношу всегда твой твой браслетъ.

Тяжело быть отрѣзанной отъ дорогихъ послѣ того что привыкла знать каждую мысль. Благодарю за всю твою любовь, какъ хотѣла бы быть вмѣстѣ, но Богъ лучше знаетъ. Учишься теперь не имѣть никакихъ личныхъ желаній. Господь милосердъ и не оставитъ тѣхъ, кто на него уповаетъ.

Какая я стала старая, но чувствую себя матерью этой страны и страдаю, какъ за своего ребенка и люблю мою родину, несмотря на всѣ ужасы теперь и всѣ согрѣшенія. Ты знаешь, что нельзя вырвать любовь изъ моего сердца и Россію тоже, несмотря на черную неблагодарность къ Государю, которая разрываетъ мое сердце, — но вѣдь это не вся страна. Болѣзнь, послѣ которой она окрѣпнетъ. Господь смилуйся и спаси Россію!... Страданье со всѣхъ сторонъ. Сколько времени никакихъ извѣстій отъ моихъ родныхъ. А здѣсь разлука съ дорогими, съ тобой. Но удивительный душевный миръ, безконечная вѣра, данная Господомъ, и потому всегда надѣюсь. И мы тоже свидимся — съ нашей любовью, которая ломаетъ стѣны. Рождество безъ меня, въ шестомъ этажѣ!... не могу объ этомъ думать.

Дорогое мое дитя, мы никогда не разстались, все простили другъ другу, и только любимъ. Я временами нетерпѣливая, но сержусь, когда люди нечестны и обижаютъ и оскорбляютъ тѣхъ, кого люблю. Не думай, что я не смирилась (внутренно совсѣмъ смирилась, знаю что все это не на долго). Цѣлую, благословляю, молюсь безъ конца. Всегда твоя

М.

Посылаю тебѣ письмо отъ «Father». Поблагодари тѣхъ, кто написали по англійски. Но лучше не говори, что мы пишемъ другъ другу; чѣмъ меньше знаютъ, тѣмъ лучше. Еще одна карточка тебѣ.

№ 9. Написано по русски.

9 Января 1918 г.

Милая родная, мое Дитя, спасибо тебѣ Душка за разныя письма, которыя глубоко насъ обрадовали. Наканунѣ Рождества получила письмо и духи, тобой уже въ октябрѣ посланные. Потомъ еще разъ духи черезъ маленькую Н., жалѣю, что ее не видала. Но мы всѣ видѣли одного, который могъ бы быть братъ нашего друга. Папа его издали замѣтилъ высокій, безъ шапки, съ красными валенками, какъ тутъ носятъ. Крестился, сдѣлалъ земной поклонъ, бросилъ шапку на воздухъ и прыгнулъ отъ радости.

Скажи, получила ли ты разныя посылки черезъ знакомыхъ съ колбасой, мукой, кофе, чаемъ и лапшей, и подарки, письма и снимки черезъ..... М. Э. Г. Волнуюсь, такъ какъ говорятъ открываютъ посылки съ съѣстными продуктами. Тоже говорятъ лучше не посылать «заказныя», они больше на нихъ обращаютъ вниманья, и оттого теряются. Начинаю сегодня номера ставить, и ты слѣди за ними. Твои карточки, серебрянное блюдечко и Лили колокольчикъ, тотъ пакетъ еще не могли передать. Мы всѣ тебя горячо поздравляемъ съ именинами — да благословитъ тебя Господь, утѣшитъ и подкрѣпитъ, обрадуетъ. Нѣжно тебя обнимаю и цѣлую страдальческій лобъ.

Вѣрь, дорогая, Господь Богъ и теперь тебя не оставитъ. Онъ милостивъ, спасетъ дорогую, любимую нашу Родину и до конца не прогнѣвается. Вспомни Ветхій Завѣтъ, всѣ страданія Израильтянъ за ихъ прегрѣшенія. А развѣ Господа Бога не забыли, оттого они счастья и благополучія не могутъ принести — разума нѣтъ у нихъ. О какъ молилась 6-го, чтобы Господь ниспослалъ бы духа разума, духа страха Божія. Всѣ головы потеряли, царство Зла не прошло еще, но страданье невинныхъ убиваетъ. Чѣмъ живутъ теперь, и дома, и пенсіи и деньги — все отнимаютъ. Вѣдь очень согрѣшили мы всѣ, что такъ Отецъ Небесный наказываетъ своихъ дѣтей. Но я твердо, непоколебимо вѣрю, что Онъ все спасетъ, Онъ одинъ это можетъ.

Странность въ русскомъ характерѣ — человѣкъ скоро дѣлается гадкимъ, плохимъ, жестокимъ, безразсуднымъ, но и одинаково быстро онъ можетъ стать другимъ; это называется — безхарактерность. Въ сущности — большіе, темные дѣти. Извѣстно, что во время длинныхъ войнъ больше разыгрываются всѣ страсти. Ужасъ, что творится, какъ убиваютъ, лгутъ, крадутъ, сажаютъ въ тюрьмы — но надо перенести, очиститься, переродиться.

Прости душка, что я тебѣ скучно пишу. Часто очень ношу твои кофты, лиловую и голубую, такъ какъ холодно въ комнатахъ. Но морозы небольшіе, изрѣдка доходитъ до 15-20 гр., иногда выхожу даже сижу на балконѣ. Дѣти только что выздоровѣли отъ краснухи (кромѣ Анастасіи). Получили ее отъ Коли Деревенки. Обѣ старшія начали новый годъ въ кровати, у Маріи конечно температура поднялась до 39,5. Волосы у нихъ хорошо растутъ. Теперь уроки опять начались, и я давала вчера утромъ три урока, сегодня же я свободна, оттого и пишу. 2-го я очень много о тебѣ думала, послала свѣчку поставить передъ образомъ Св. Серафима. Даю въ нашу церковь и въ соборъ, гдѣ мощи, записки за всѣхъ васъ дорогихъ. Подумай, тотъ..... странникъ былъ здѣсь осенью, ходилъ со своимъ посохомъ передалъ мнѣ просфору черезъ другихъ. Начала читать твои книги, немного слогъ иной, чѣмъ обыкновенно написано. Здѣсь достали себѣ тоже хорошія книги, но времени мало читать, такъ какъ вышиваю, вяжу, рисую, уроки даю и глаза слабѣютъ, такъ что безъ очковъ уже не могу заниматься. Ты увидишь старушку.

Знаешь ли у Николая Дм. апендицитъ, онъ лежитъ въ Одессѣ въ госпиталѣ. А у Сыробоярскаго мѣсяцъ тому назадъ была операція. Скучаетъ съ его матерью и въ перепискѣ такая милая, нѣжная, горячо вѣрующая душа. Лили должна была съ ней познакомиться. Надѣюсь, что ты всѣ карточки получила: въ пакетѣ съ колбасой тоже была одна вложена, онѣ не всегда удачны. Если письмо получишь, то просто пиши, спасибо за № 1. Моихъ трехъ и Изу все не пускаютъ къ намъ, не желаютъ и онѣ глубоко огорчены, сидятъ такъ зря, но и Анушка такимъ образомъ болѣе полезна. Образки для всѣхъ ты въ посылкѣ получила. Но гдѣ Сережа и Тина, ничего о нихъ не знаю. Бѣдная Аля, надѣюсь не слишкомъ груститъ, и Беби сталъ ли плохимъ вдали отъ нея, а милыя дѣтки Miss Ida съ ней я надѣюсь. Знаешь, сестра Грекова должна была выйти замужъ за барона Таубе на дняхъ. Какъ я рада, что ты видѣла А. П. на дняхъ, странно было въ штатскомъ, что онъ про брата говорилъ.

Все прошло. Новую жизнь надо начинать и о себѣ позабыть. Надо, кончить, душка моя. Христосъ съ тобой. Всѣмъ твоимъ привѣтъ. Маму цѣлую. Еще разъ нѣжно поздравляю. Скорѣй хочу рисунокъ кончить и вложить. Боюсь, что ужасные дни у васъ, слухи долетаютъ и про убійство офицеровъ въ Севастополѣ. Боюсь за Родіонова, онъ тамъ съ братомъ.

Твоя старая М.

№ 10. Написано по русски.

9-го Января 1918 г. Тобольскъ.

Милая и дорогая моя, очень я вамъ благодарна, что мнѣ писали, получила сегодня отъ 30-го и еще телеграмму. Вотъ я счастлива, что посылки дошли, должно быть ихъ 4. Спасибо большое за открытки. Да, хорошо, что могли праздникъ въ церкви провести, — да и я подъ елкой очень усердно за мою маленькую молилась, вспоминала прошлые годы. Помнишь встрѣчали въ первый разъ Новый Годъ вмѣстѣ.

Мнѣ не легко, но я такъ благодарна за все, что имѣла, — я теперь старая и далеко отъ всего. Ты все родная понимаешь. Какъ твои всѣ маленькіе питомцы, навѣрно они тебя радуютъ, но Мишу не надо баловать. Наконецъ Беби будетъ со своими послѣ разлуки. Теперь я все иначе понимаю и чувствую — душа такъ мирно, все переношу, всѣхъ своихъ дорогихъ Богу отдала и Святой Божіей Матери. Она всѣхъ покрываетъ своимъ омофоромъ. Живемъ какъ живется. Привѣтъ старому Берчику. Господь Богъ видитъ и слышитъ все. Дорогой О. В. привѣтъ. Ты теперь большая и Богъ къ тебѣ близокъ. Милому Эристову привѣтъ. Получилъ ли онъ письмо отъ тебя, что онъ про свадьбу говорилъ? Гдѣ молодые живутъ? Носишь ли ты сѣрый шарфъ, съ горячей любовью вязала его. Прощай, моя милая маленькая подруга. Господь съ вами всѣми дорогими. Дядѣ и Маріи Алекс. привѣтъ. Очень тронута была красивой кофтой, которую давно получила. Доктору Кореневу мой привѣтъ. Говорятъ ужасъ что творится въ городѣ. Храни Васъ Богъ отъ всякаго зла. О. Досифею поклонъ. Вашъ раненый Денисовъ такъ красиво работаетъ, но сталъ очень пить, что жалко, жена его симпатичная и ребенокъ въ кудряхъ. — душка. Сынъ Путятина съ женой живутъ въ домѣ ея брата, который онъ продалъ.

№ 11. Написано церковно-славянскимъ шрифтомъ.

16-го Января 1918 года.

Милая, дорогая, возлюбленная
сестрица Серафима.

Отъ нѣжно любящаго сердца поздравляю Васъ, многолюбивая страдальница моя, съ праздникомъ Вашимъ. Да ниспошлетъ Вамъ

Господь Богъ всякихъ благъ, добраго здоровья, крѣпость духа, кротость, терпѣніе, силы перенести всѣ обиды и гоненіе, душевную радость. Да освѣтитъ лучъ солнца ярко и ясно путь вашъ жизненный. Сами погрѣйте всѣхъ любовью вашей. Да свѣтитъ свѣтъ вашъ въ эти темные неясные дни. Не унывай, родимая, скорбящая сестра. Господь услышитъ твои молитвы. Все въ свое время. Молимся и мы за васъ, богоизбранную сестру, вспоминаемъ васъ. Уголокъ вашъ убогій далекъ отъ насъ. Всѣ любящіе васъ въ этомъ мѣстѣ привѣтствуютъ васъ, многолюбимая сестра.

Не судите плохимъ шрифтомъ написанное, вѣдь сестрица ваша малограмотная, болящая труженица, изучаю я писаніе молитвъ, но слабость зрѣнія мѣшаетъ моему рвенію. Читаю творенія святого отца нашего Григорія Нисскаго, но туго идетъ: очень ужъ много о сотвореніи міра.

И получила я отъ сестры нашей Зинаиды добрѣйшее посланіе, столько любви въ каждомъ словѣ, все дышитъ душевнымъ миромъ. Семья вами любимая въ добромъ здоровьи; дѣти были больны дѣтскими болѣзнями, — поправились, но младшая теперь слегла, но весела и не страдаетъ. Господь благословилъ погодой, она у насъ чудная, мягкая, такъ что сестрица ваша пташка гуляетъ и грѣется на солнце. Но когда большой морозъ, тогда она прячется въ свою келью, беретъ чулокъ свой и очки надѣваетъ. Сестра Софія, которая недавно пришла, не оставлена, начальство не благоволило ее оставить тамъ — пріютилась она у попадьи со своей старушкой... другія сестры тоже въ разныхъ мѣстахъ.

Многолюбимая, не устала ты чтеніемъ этого письма. Пора кончать — всѣ пошли въ трапезную, я останусь дежурить у болящей рабѣ Божьей Анастасіи. Рядомъ въ келіи сестра Екатерина даетъ урокъ. Вышиваемъ мы покрывалы, воздухи, на аналой покрывалы — сестры Татьяна и Марія особенно искусно вышиваютъ, но рисунокъ нѣтъ больше. Отецъ нашъ, Батюшка Николай, собираетъ насъ по вечерамъ вокругъ себя и читаетъ намъ вслухъ, а мы занимаемся рукодѣльемъ. Со своею кротостью и при тѣлесномъ здравіи, онъ не пренебрегаетъ въ это тяжелое время колоть и пилить дрова для нашихъ нуждъ, чиститъ дорожки со своими дѣтьми. Матушка наша Александра привѣтствуетъ васъ, многолюбимая сестра и шлетъ вамъ свое материнское благословеніе и надѣется что вы сестрица, хорошо поживаете въ духѣ Христа. Тяжело вамъ живется но духъ твердъ. 2 градуса мороза, тихо на улицѣ Добрая сестра Серафима.

Будьте Богомъ хранимы, прошу вашихъ молитвъ. Христосъ съ Вами.

Грѣшная сестра Ѳеодора.

Господь помощникъ мой и защита моя. На Него уповаетъ сердце мое и поможетъ мнѣ.

Боже ущедри ны, просвѣти лице Твое на ны и спаси насъ.

Отцу Досифею земной поклонъ.

№ *12. Написано по англійски.*

17/1 918.

Мой дорогой другъ, посылаю тебѣ мои самыя нѣжныя пожеланія и благословленія къ твоимъ дорогимъ именинамъ. Надѣюсь, что ты здорова, несмотря на переживаемое ужасное время. Всѣ здоровы кромѣ младшей, у которой краснуха; остальные всѣ поправились. У насъ была недавно очень мягкая погода, вчера 2 гр. мороза, сегодня уже 15 гр. и сильный вѣретъ. Вся семья посылаетъ сердечныя пожеланія и привѣты. Благослови тебя Господь. душка моя, будь здорова и бодра. Я получила доброе письмо отъ Зины. Акилина въ Кіевѣ. Нѣжный поцѣлуй издалека.

№ *13. Написано по русски.*

22 Января 1918 г.

Милая моя душка. Такъ неожиданно получила сегодня дорогое письмо отъ 11го и открытку отъ 10-го и тороплюсь отвѣтить. Нѣжно благодаримъ, несказанно тронуты Ярош. правда ужасно трогательно и мило что и теперь насъ не забывалъ. Дай Богъ, чтобы его имѣніе не трогали бы и благослови его Господь. Посылаемъ немного ѣды, не знаю какъ можетъ доставить.

Родное мое дитя, много и часто о тебѣ вспоминаю. Писала тебѣ черезъ Жука 16-го, и 17-го открытку черезъ мистеръ Гиббсъ, и 9-го черезъ А. 2 письма. Вотъ, уронила любимое перо и сломала его, скука такая. Ужасно холодно, 9 градусовъ въ залѣ и дуетъ отовсюду такой вѣтеръ, но они всѣ гуляютъ. Надѣемся офицера завтра увидѣть хоть издали. Такъ рада что ты все получила. Надѣюсь, что

носишь сѣрый платокъ и что онъ «вервеномъ» пахнетъ Понюхай это письмо — знакомый старый запахъ. Добрая Зиночка мнѣ нашла и послала изъ Одессы Что ты познакомилась съ Горькимъ меня такъ удивило — ужасный онъ былъ раньше, не моральный, ужасныя, противныя книги и пьесы писалъ — неужели это тотъ? Какъ онъ противъ Папы и Россіи все воевалъ, когда онъ въ Италіи жилъ. Будь осторожна, дорогая.

Хорошо, что можно въ церковь идти — намъ это опять запретили, такъ что дома служба и другой священникъ. Какъ я рада, что съ Сережой[1]) все хорошо — но бѣдной Тинѣ будетъ трудно теперь, помоги ей Богъ. Маня Р. мнѣ образъ умиленія черезъ Изу теперь посылала, онъ еще въ П., хотѣли его убить. Трудно людей теперь понять, иногда на видъ большевики, въ душѣ напротивъ. Какъ же отдашь — не знаю какъ. Висѣлъ надъ койкой дѣтей, теперь и мнѣ стало лучше — носила на новый годъ — лежалъ на молитв. столѣ 31-го и во время службы. Какъ же мнѣ это сдѣлать — совсѣмъ не знаю.

Гермогенъ каждый день служитъ молебенъ у себя для Папы и Мамы, очень за нихъ. Много удивительнаго, страннаго. Полнымъ ходомъ надо писать, ждутъ письма. Скорѣе нарисовала (очень плохо) молитву на кусочкѣ березы, кот. онъ пилилъ. Мало теперь рисую изъ за глазъ пишу въ очкахъ — холодно, пальцы совсѣмъ окоченѣли. Хотѣлось бы послать что нибудь, но нѣтъ ничего. Посылаю тебѣ образъ Абал. Б. Матери, молилась у нея, она привезена была въ нашу церковь. Офицеръ тоже въ монастырь поѣдетъ, замерзнетъ боюсь по дорогѣ. Спасибо за чудную молитву. Страшный вѣтеръ, дуетъ въ комнаты. Часто очень ношу твою синюю кофточку и лиловую тоже. Любовь горячую шлю, молитвы, душу. Крѣпко вѣрю, на душѣ мирно. Всѣ мы твои и тебя горячо нѣжно цѣлуемъ. Привѣтъ всѣмъ.

№ *14. Написано по русски.*

23 Января 1918 г.

Душка моя родная маленькая, — есть еще возможность тебѣ написать, такъ какъ уѣдетъ только 26-го обратно..... Кто могъ подумать, что онъ сюда пріѣдетъ; надѣюсь, что его не обокрадутъ по дорогѣ, везетъ тебѣ 2 фунта макаронъ, 3 ф. рису и 1 ф. колбасы; такъ

---

1) С. А. Танѣевъ, братъ А. А. Танѣевой.

удобно вышло, что Анушка не съ нами живетъ. Связала чулки и посылаю тебѣ пару. Они для мужчины слѣланы. но, думаю, тебѣ пригодятся. Подъ валенками носишь, и когда холодно въ комнатахъ. 29 гр. опять, 6 гр. въ залѣ — дуетъ невѣроятно. Страшно тронуты, что Х. деньги привезъ, но, правда, не надо больше — все пока у насъ есть. Бывали минуты когда не знали, откуда взять, такъ какъ изъ Петрограда не высылали, теперь опять пока есть. Чѣмъ ты живешь? Твои деньги я тебѣ тогда положила внизъ въ шкатулку съ твоими золотыми вещами. Скажи Х принадлежитъ ли къ друзьямъ Лили или Келлера? Нѣтъ ли у него имѣнья на югѣ около Кіева..... Почти не могу держать пера. Какъ я рада, что твоя комнатка уютная и свѣтлая, но страшно утомительно такъ высоко подниматься. Какъ бѣдная спина и нога. И сердце золотое Съ тѣхъ поръ ничего о Лили не знаю, кажется югъ отъ сѣвера отрѣзанъ; оттого я тоже больше не получаю письма отъ матери Сыробоярскаго. Онъ учится англійскому языку. Отъ Сѣдова не имѣю извѣстій; Лили писала давно, что онъ долженъ былъ бы быть не далеко отсюда. Отъ двухъ сестеръ моихъ и брата ужъ годъ ничего не знаю. Лѣтомъ только разъ отъ сестры. О. А. [1]) пишетъ дѣтямъ длинныя письма — все про своего мальчика, котораго обожаетъ, кормитъ его, ухаживаетъ за нимъ (у нихъ нѣтъ няни). Бабушка, кажется, постарѣла очень, — больная у себя въ комнатѣ сидитъ и груститъ. У Тудельсъ 4 гр. въ комнатѣ. Сломала перо опять и это жесткое. Говорятъ, что «Столпу семейства» хорошо живется въ Кисловодскѣ; оба сына у нея, она много принимаетъ, тамъ весь «beau monde»; Рубинштейнъ и Манташевъ царствуютъ и все устраиваютъ. Говорятъ, и румыны туда приглашены. Мерика ждетъ тамъ ребенка, Маріана Р. Рожнова купила себѣ домъ и принимаютъ по вечерамъ.... очень про тебя спрашивалъ, и Тудельсъ и моя хорошая большая Нюта Демидова съ такимъ участіемъ. Jimmy лежитъ у меня на колѣняхъ и грѣетъ меня. Солнце свѣтитъ, они всѣ пошли на улицу. Невѣроятно холодно изъ за вѣтра, но у васъ должно быть адъ просто — темнота, холодъ и голодъ. Помоги Вамъ Богъ перенести все это тяжелое. Какія испытанья! Тѣмъ хуже здѣсь, тѣмъ лучше и свѣтлѣе будетъ тамъ. Больно думать, сколько еще будетъ кровопролитій, пока настанутъ лучшіе дни. Я слышала, что Малама и Эллисъ еще въ полку. Видаете ли Вы добраго Отца Іоанна.

Душка, посылаю тебѣ всю мою любовь; грустно, что ничего здѣсь

---

*) Великая Княгиня Ольга Александровна.

нельзя достать. Вышиваю покрывала на аналои и воздухи, когда глаза позволяютъ, а то вяжу чулки, но скоро конецъ шерсти, которую привезла. Здѣсь нельзя достать, только грубая и дорогая. Шура Петровская выучилась сапоги шить и продаетъ ихъ теперь; она съ дѣтьми брата теперь (онъ оставилъ полкъ, какъ почти всѣ остальные), но ихъ выгоняютъ изъ дома. Сандру она видѣла разъ, впечатлѣніе больной женщины. В. Чеботарева [1]) оставила лазаретъ. Вильчковскіе [2]) въ Ессентукахъ. Дѣти получили отъ ихъ няни письмо изъ Англіи — съ октября мѣсяца первое письмо оттуда. Ну, какія глупости во всѣхъ газетахъ о Татьянѣ стали писать [3]). Гдѣ епископъ Исидоръ. Какъ здоровье доктора — твоего спасителя, видаешь ли ты его? Сердечный привѣтъ добрымъ родителямъ, храни ихъ Богъ. Такъ хотѣлось бы тебѣ что нибудь интересное написать, но ничего не знаю.

Маленькій носитъ фуфайку въ комнатахъ, дѣвочки валенки; я знаю какъ ты бы грустила смотря на насъ; мы 7 это говоримъ и тебя вспоминаемъ. Татьяна получила письмо отъ Равтопуло изъ Москвы. Вообще письма часто не доходятъ. Если ты уже читала «Притчи Соломона», то теперь надо читать «Премудрости Соломона», найдешь много хорошаго тамъ. Люблю уроки Закона Божьяго съ дѣтьми, читаемъ Библію, говоримъ, читаемъ описаніе жизни Святыхъ, объясненіе Евангелія, изрѣченія, объясненія молитвъ, службы и т. д. Добрый Сѣдневъ только что мнѣ принесъ чашку какао чтобы согрѣться, и Jimmy проситъ. Родная, когда съ четками молишся, какую молитву читаешь ты на 10-ое. Я разныя, Отче нашъ, Богородицѣ, Царю небесный и т. д., но не знаю вѣрно ли такъ или нужно одну особенную повторять. Искала въ книгахъ и нигдѣ не нашла. Знаю только, что Г. И. Хр. С. Б. помяни мя грѣшную. Такъ тянетъ въ церковь, позволили въ двунадесятый праздникъ, такъ что надѣюсь 2-го февраля. А 3-го попрошу за тебя у Раки молиться. За здоровье болящей Анны. Чемодуровъ мнѣ это устроилъ. Потомъ буду, дальше писать.

Ты лучше сожги мои письма, вдругъ придутъ къ тебѣ и будутъ

---

1) Валентина Ивановна Чеботарева, жена артиллерійскаго генерала, старшая сестра милосердія въ лазаретѣ государыни Александры Феодоровны въ Царскомъ Селѣ. *(Ред.)*.

2) Генералъ Сергѣй Николаевичъ Вильчковскій, завѣдывавшій лазаретомъ государыни Александры Феодоровны въ Царскомъ Селѣ. *(Ред.)*.

3) Газеты сообщали о бѣгствѣ изъ Тобольска Великой Княжны. *(Ред.)*.

рыть въ твоихъ вещахъ. Что бѣдный..... Какъ мужъ Нины. Сашка гдѣ..... священникъ этотъ энергичный, преданный, борется за правду, очень милое лицо, хорошая улыбка, худой съ сѣрой бородой и умными глазами. Исповѣдовались у него въ октябрѣ, но говорили больше объ общемъ положеніи. Онъ извѣстенъ среди хорошихъ людей, потому его отъ насъ убрали, но можетъ быть и лучше, такъ какъ онъ можетъ больше дѣлать теперь. Епископъ за насъ и Патріархъ въ Москвѣ тоже, и большая часть духовенства.

Будь осторожна со всѣми, кто приходитъ къ тебѣ. Я очень безпокоюсь о «Bitter»,[1])— онъ издаетъ ужасную газету и писалъ столько гадкихъ пьесъ — грязныхъ и книгъ. Ничего серьезнаго при немъ не говори. Люди будутъ стараться какъ прежде окружать тебя, — я не говорю о твоихъ настоящихъ друзьяхъ, честныхъ людяхъ. но изъ за своихъ личныхъ выгодъ будутъ пользоваться тобою и опять прятаться за твою спину. Тогда услышатъ о твоемъ имени и начнутъ снова тебя преслѣдовать. «Bitter» настоящій большевикъ. Ломаю себѣ голову, что тебѣ послать, такъ какъ здѣсь ничего нѣтъ. Масса нашихъ рождественскихъ подарковъ были всѣ нашей собственной работой, и теперь глаза должны отдохнуть. Сегодня 24-го — 19 градусовъ и теплѣе говорятъ. Какъ я тронута, что кн. Эристова такъ мило говорила про образовъ. Шлю ей и сыну сердечный привѣтъ, пускай онъ намъ напишетъ, что онъ теперь дѣлаетъ. Одна попадья увидѣла во снѣ, что Иртышъ былъ совсѣмъ черный, потомъ сталъ свѣтлѣе, изъ середины показался человѣкъ — въ сіяніи; всѣ въ Тобольскѣ говорятъ объ этомъ снѣ и видятъ въ немъ будущее Россіи. Люди милые здѣсь все больше киргизы. Сижу у окна и киваю имъ, и они отвѣчаютъ и другіе тоже, когда солдаты не смотрятъ. Оказывается, много разграбили въ большой церкви Зимняго Дворца. Изъ ризницы тамъ богатые, цѣнные, старинные образа были (и масса нашихъ въ маленькой комнатѣ около ризницы) и въ Гатчинской церкви тоже. Это ужасно. Знаешь портреты моихъ родителей. «Father» совершенно уничтожены, кажется русскій шлейфъ (нѣсколько) и 12 платьевъ тоже. Это ужасно, что церковь не пощадили; думаютъ, что санитары лазарета Зимняго Дворца показали имъ все.

24-го Спасибо милая, родная за открытку отъ 12-го. Сегодня получила. Рада, что получила вѣсточку черезъ Эристова. Такъ радостно имѣть извѣстія. Ужасно хочу тебѣ сегодня стихи срисовать на березовой корѣ, если глаза позволятъ. Былъ только что урокъ съ

---

1) Горькій.

Татьяной, теперь надо вставать, и урокъ съ Мари. Говорятъ, что поганцы въ Смольномъ запаслись многимъ, такъ что не будутъ голодать и имъ все равно, что въ Петроградѣ умираютъ съ голода. Зачѣмъ Х. деньги далъ, лучше было бы ихъ бѣднымъ раздать. Буду ихъ прятать на «черный день». Были минуты — ....люди ждали уплаты въ магазинахъ и наши люди 4 мѣсяца не получали жалованіе, потомъ прислали. Но и солдаты не получали то, что полагается; тогда пришлось изъ нашихъ денегъ взять, чтобы ихъ успокоить. Это все мелочь, не большая непріятность для коменданта, онъ имѣетъ наши деньги. Не говори другимъ объ этомъ. Пока не упразднили гофмаршальскую часть; но хотѣли теперь, тогда не знаемъ какъ будетъ; но ничего, Господь поможетъ, и намъ здѣсь хорошо и все есть, что нужно.

Не знаю, что съ бѣдной Ливадіей дѣлаютъ, много политическихъ арестованныхъ, которыхъ освободили, живутъ тамъ. Не знаешь, гдѣ дорогой Штандартъ. Боюсь спросить. Боже, какъ я за тебя страдала, что ты жила на Полярной Звѣздѣ. Какой ужасъ ее такъ увидать. Можешь ли мой мелкій почеркъ читать. Не могу о яхтѣ вспоминать, невыносимо больно..... Вотъ нашли «paper knife» изъ мамонтовой кости, не очень хорошій, но все-таки здѣсь сдѣланный и можетъ быть тебѣ пригодится. Скорѣй нарисовала тебѣ карточку — и на березѣ тоже, очень торопилась, такъ что прости, что сни не лучше вышли. Вотъ кажется уберутъ нашего комиссара (our sailor, un ex forçat) и мы этому очень рады, его помощникъ уѣдетъ съ нимъ, ужасный типъ, они вмѣстѣ въ Сибири сидѣли, комиссаръ 15 лѣтъ. Солдаты это рѣшили, а слава Богу оставляютъ намъ нашего коменданта. Все отъ солдатъ зависитъ. Могла бы больше писать, но все-таки боюсь. Надѣюсь, онъ тебѣ благополучно доставитъ. Сейчасъ маленькій придетъ на урокъ, я лежу, такъ какъ 6 часовъ, дрова трещатъ въ каминѣ — очень уютно, но мало грѣютъ. Говорятъ, что теплѣе на улицѣ и что вѣтеръ затихъ. Прохожу съ Алексѣемъ объясненіе литургіи, дай мнѣ Богъ умѣніе учить, чтобы на всю жизнь осталось у нихъ въ памяти, чтобы имъ было въ пользу и для развитія души. Все-таки вездѣ невѣжественность большая. Жалѣю, что письмо мало интересное. Вчера пили чай въ ихъ маленькой уборной. Уютно, что всѣ такъ близко живемъ и что все слышно. Мнѣ надо письмо кончить, тогда онъ завтра утромъ получитъ — надѣемся его увидѣть изъ окна.

Милая родная моя душка, Господь съ тобою, благословляю тебя нѣжно цѣлую, всѣ мои тебя цѣлуютъ и посылаютъ «much love»

Господь поможетъ. Помнишь, что я тебя въ 1914 г. сказала про Германію. Вотъ теперь тамъ начинается тоже что у насъ. Чѣмъ хуже тамъ тѣмъ лучше свѣтлѣе будетъ у насъ, это мое чувство, этимъ спасемся. Но ты понимаешь тоже, что переживаю, не имѣя извѣстія отъ брата, и что впереди.... онъ тоже про насъ ничего не знаетъ. Если я думаю что маленькій будетъ тоже такъ страдать какъ мы, (а потомъ Англія), хотя нашъ другъ сказалъ, что намъ ничего не будетъ, такъ какъ я оттуда, но здѣсь еще такъ страшно плохо. Стараюсь мысли отгонять, чтобы отъ отчаянія покой душевный не потерять. Боюсь за моихъ тамъ, что будетъ. И ты родная помолись за мою маленькую старую родину,—и знаешь за эти годы все что мнѣ въ жизни дорого — заставляетъ меня страдать «home, new home», ты, отрѣзана отъ всѣхъ. Довѣряю всѣхъ въ Ея святыя руки, да покроетъ она всѣхъ своимъ омофоромъ. Благодарю день и ночь за то, что не разлучена со своими собственними 6 душками, за много надо благодарить, за то, что ты можешь писать, что не больна, храни и спаси тебя Господь, всѣмъ существомъ за тебя молюсь, а главное, что мы еще въ Россіи (это главное), что здѣсь тихо, не далеко отъ раки св. Іоанна. Не удивительно, что мы именно здѣсь. Прощай, досвиданья, моя дочка любимая, горячо цѣлую какълюблю

Лучше было, если Тина поѣхала въ Одессу, чтобы быть недалеко отъ Сережи и добрая Зиночка могла бы за ней ходить. Но такъ какъ румыны взяли уже Кишиневъ, Сережа уже вѣроятно уѣхалъ, но я рада, что они были вмѣстѣ, хорошо, что раздѣляютъ трудности жизни — любовъ ихъ только окрѣпнетъ. Какъ здоровье Али, [1]) какой Дерфельденъ убитъ на Кавказѣ, мужъ ли Маріанны. [2]) Мать ея съ семьей живутъ въ домѣ Бориса. Вижу изрѣдка Изу на улицѣ и нашихъ дѣвушекъ; живутъ онѣ въ разныхъ мѣстахъ. Надя Коцебу живетъ въ Ялтѣ со своей belle mere, Сестра Татьяна Андр. теперь въ Петербургѣ, устроитъ сестру, потомъ вернется къ М. Э. Привѣтъ о. Кибардину, о. Афанасію, нашему о. Александру и Ліо — милому старику сердечный привѣтъ, часто его вспоминаю. Онъ пишетъ иногда нашимъ, Про Кондратьева ничего не знаю. Имѣешь ли извѣстье отъ Лили. Гдѣ твоя Зина съ ребенкомъ, гдѣ наши шоферы. Гдѣ Коньковъ. Разорви письмо, лучше. Имѣешь ли отъ Га-

1) Александра Александровна Пистолькорсъ, рожденная Танѣева. *(Ред.)*.

2) Марьяина Эриковна Дерфельденъ, рожденная Пистолькорсъ дочь княгини О. В. Палѣй отъ перваго брака. (*Ред.*)

хама письма. Живъ ли генералъ Шведовъ. Святая Богородица береги мою дочку.

Если «Bitter» авторъ, берегись, такъ какъ не хорошій человѣкъ, настоящій большевикъ...

№ *15. Написано по русски.*

5 Февраля 1918.

Милая душка, родная моя маленькая. Боже, какъ мнѣ тебя жаль. Сегодня одновременно получила твои открытки отъ 26 января и телеграмму о смерти дорогого Папа. И я не съ тобой, не могу тебя прижать къ груди и утѣшить тебя въ твоемъ большомъ горѣ. Дитя мое, ты знаешь, что я съ тобой, молюсь съ тобой и раздѣляю твое горе. Спаситель и Матерь Божія утѣшь дочку мою.

Упокой душу дорогого отца. Завтра утромъ Анушка пойдетъ и закажетъ въ Соборѣ сорокоустъ у раки святого и помолится за насъ всѣхъ, — мы только можемъ у себя молиться всѣмъ сердцемъ. Въ немъ мы обѣ потеряли вѣрнаго, милаго, долголѣтняго друга. Папа, дѣти скорбятъ съ тобой, цѣлуютъ и передаютъ все, все. Ты чуткимъ своимъ сердцемъ все понимаешь, такъ какъ телеграмма почтой шла, не знаю когда Богъ его къ себѣ взялъ, неужели въ тотъ день, что мнѣ писала. Какъ я рада, что ты его ежедневно видѣла, но какъ все это случилось. Бѣдный маленькій папа. Какая большая потеря. Знаю, какъ вы другъ друга любили, понимаю и раздѣляю твое горе, сама все это испытала и знаю эту страшную боль. Но за него надо Бога благодарить, слишкомъ много тяжелыхъ переживавшій, безъ дома и вообще... помню, нашъ другъ сказалъ, что послѣ женитьбы Сережи онъ умретъ. И Вы двѣ женщины однѣ, или Беби съ вами, чтобы помогъ, и добрый дядя. Я черезъ него какъ слѣдуетъ напишу тебѣ и мамѣ бѣдной. Цѣлую ее крѣпко и скажи какъ мы оба его любили и цѣнили, онъ рѣдкій былъ человѣкъ... Ужасно только сегодня это знать, быть такъ далеко. Боже мой. Какъ ты во всемъ этомъ. Одинъ ужасъ, помоги и подкрѣпи тебя Господь Богъ. Какое счастье, что такъ много вмѣстѣ были и дружно жили, упрекать себя не въ чемъ. Ты дала ему всю любовь и Богъ тебя за это вознаградитъ. Не плачь, онъ счастливъ теперь, отдыхаетъ и молится за васъ всѣхъ у Престола Божьяго. Ужасно не имѣть возможности побывать въ церкви, помолиться за всѣхъ васъ, у себя всетаки не то.

Мы оба нѣжно благодаримъ за образчики отъ дорогого образа. Я

счастлива, что ты мои два письма получила, теперь не скоро опять два черезъ.... что онъ разскажетъ тебѣ о твоихъ дорогихъ, только для тебя. Какіе ужасы въ Ялтѣ и Массандрѣ; Боже, куда, куда. Гдѣ спасенье офицерамъ и всѣмъ. И церкви грабятъ и ничего больше святого нѣтъ, кончится землетрясеніемъ или чѣмъ нибудь ужаснымъ — кара Божья страшна. Умилосердись надъ родиной многострадалькой. Боже, какъ молюсь за ея спасеніе.

Ты не видала Іоанчика въ Іоан. монастырѣ, онъ служилъ тамъ діакономъ и скоро будетъ священникомъ. Бѣдная его жена.— Я очень счастлива, что маленькія мои карточки тебѣ понравились. Какъ мнѣ тебя жаль и Аля бѣдная и братъ, Боже мой сколько страданія. 3-го намъ передали твои милыя вещи: духи, серебряное блюдо, пташки, кожаную книжку; за все горячо благодаримъ. Мило, что именно въ этотъ дорогой день получили.

Милая, не надо бѣлья, достаточно совершенно у всѣхъ, все имѣемъ. Говорятъ, что скоро привезутъ японскій товаръ. Японцы въ Томскѣ порядокъ держатъ. Надѣюсь ты съѣдобныя вещи получила къ празднику. Скоро опять пошлемъ муку и что можно достать. Не позволено больше 12 фунтовъ, такъ какъ у васъ сахара нѣтъ неочищенный вкусный мэдъ — во время поста. Мы живемъ еще по старому календарю, но придется вѣроятно перемѣнить, только какъ съ постомъ и разными службами. Думаю, что народъ страшно разсердится, что такимъ образомъ двѣ недѣли выключаютъ, оттого раньше не было сдѣлано.

Вышиваемъ много для церкви, только что кончили бѣлый вѣнокъ изъ розъ съ зелеными листьями и серебряннымъ крестомъ, чтобы подъ образъ Б. Матери Абалакской повѣсить. Солнышко блеститъ, грѣетъ днемъ и чувствуемъ, что всетаки Господь не оставитъ, но спасетъ, да спасетъ, когда все мрачно и темно кругомъ и только слезы льются. Вѣра крѣпка, духъ бодръ, чувствую близость Бога. Ангелъ мой не скорби — это все должно сбыться. Только, Боже, какъ мнѣ этихъ невинныхъ жаль, которые гибнутъ тысячами. Письмо слишкомъ толстое, нельзя больше писать. Пускай мама проститъ, что ошибки дѣлаю, когда пишу по русски. Досвиданья, Господь съ тобой — прижимаю дорогую головку къ груди и въ молитвахъ всегда съ тобой.

Посылаю письма отъ «Father» и дѣтей.

№ 16. Написано по русски.

2./15 марта 1918 г.

Милое родное мое Дитя! Какъ тебѣ за все благодарить, спасибо большое, нѣжное отъ Папы, Мамы и дѣтокъ. Балуешь ужасно всѣми гостинцами и дорогими письмами. Волновалась, что долго ничего не получила, слухи были, что уѣхала. Не могу писать, какъ хотѣлось бы боюсь писать какъ ты по англійски, если попадутъ въ другія руки—ничего плохого не пишу. Спасибо за твои чудные духи, образки, книги. Все дорого. Ек. Вик. большое спасибо, еще не видали, что прислала, все понемногу. Въ шутку называю: контрабандой. Радость, моя, только берегись спасибо что извѣстье дала..... скользко ходить, иногда хочешь другу дорогу прочистить въ снѣгу и не замѣчаешь, что стало болѣе скользко безъ снѣга. Твоимъ дорогимъ хорошо живется, она стала хозяйкой, съ Жиликомъ сидятъ надъ счетами, все ладно, новая работа практичная. Спасибо за работы, щоколадъ, — все еще увидимъ. Погода чудная, весеняя, они даже загорѣли, теперь 20 гр. (17 на солнцѣ). Два раза сидѣла на балконѣ, а то на дворѣ (когда небольшой морозъ). Здоровье хорошо было все время, недѣля что опять сердце безпокоитъ и болитъ. Я очень мучаюсь.....

Боже какъ родина страдаетъ! Знаешь, я гораздо сильнѣе и нѣжнѣе тебя ее люблю. Бѣдная родина, измучали внутри, а нѣмцы искалѣчили снаружи, отдали громадный кусокъ, какъ во времена Алексѣя Михайловича, и безъ боя во время революціи. Если они будутъ дѣлать порядокъ въ нашей странѣ, что можетъ быть обиднѣе и унизительнѣе, чѣмъ быть обязаннымъ врагу — Боже спаси. Только они не смѣли бы разговаривать съ Папой и Мамой.

Надѣемся говѣть на будущей недѣли, если позволятъ въ церковь идти. Не были съ 6-го января, можетъ быть теперь удастся, — такъ сильно въ церковь тянетъ. Буду четки такъ молиться, какъ ты пишешь.

Бѣдную твою маму цѣлую.

Хорошо, что ты вещи изъ лазарета взяла. Много добраго г. С. Боже, какія у васъ тамъ переживанія, и намъ тутъ хорошо живется. Получила чудное письмо отъ Зины. Полнымъ ходомъ нарисовала тебѣ 2 молитвы, очень торопилась, извиняюсь, что не важно. Только что узнали что «Misha» уѣхалъ! Николай Михайловичъ, это онъ сказалъ,что ты знакома съ большевиками!.... Не могу больше писать: сердцемъ, душой, молитвами всегда съ тобою. Господь тебя

хранитъ. Всѣмъ вообще спасибо... Скоро весна на дворѣ и въ сердцахъ ликованіе. Крестный путь, а потомъ Христосъ воскресъ! Годъ скоро, что растались съ тобой, но что время? Ничего, жизнь — суета, всѣ готовимся въ царство небесное. Тогда ничего страшнаго нѣтъ. Все можно у человѣка отнять, но душу никто не можетъ, хотя діаволъ человѣка на каждомъ шагу, хитрый онъ, но мы должны крѣпко бороться противъ него: онъ лучше насъ знаетъ наши слабости и пользуется этимъ. Но наше дѣло быть на стороже, не спать, а воевать. Вся жизнь — борьба, а то не было бы подвига и награды. Вѣдь всѣ испытанія, Имъ посланныя, попущенья — все къ лучшему; вездѣ видишь Его руку. Дѣлаютъ люди тебѣ зло. А ты принимай безъ ропота: Онъ и пошлетъ ангела хранителя, утѣшителя своего. Никогда мы не одни, Онъ Вездѣсущій—всезнающій—Самъ любовь. Какъ же ему не вѣрить. Солнце ярко свѣтитъ. Хотя міръ грѣшитъ, и мы грѣшимъ, тьма и зло царствуютъ, но солнце правды возсіяетъ; только глаза открывать, двери души держать отпертыми, чтобы лучи того солнца въ себя принимать. Вѣдь мы Его любимъ, дитя мое, и мы знаемъ, что «такъ и надо». Только потерпи еще, душка, и эти страданья пройдутъ, и мы забудемъ о мукахъ, будетъ потомъ только за все благодарность. Школа великая. Господи, помоги тѣмъ, кто не вмѣщаетъ любви Божіей въ ожесточенныхъ сердцахъ, которые видятъ только все плохое и не стараются понять, что пройдетъ все это; не можетъ быть иначе, Спаситель пришелъ, показалъ намъ примѣръ. Кто по его пути, слѣдомъ любви и страданья идетъ, понимаетъ все величіе царства небеснаго. — Не могу писать, не умѣю въ словахъ высказать то, что душу наполняетъ, но ты, моя маленькая мученица, лучше меня все это понимаешь: ты уже дальше и выше по той лѣстницѣ ходишь... Живешь какъ будто тутъ и не тутъ, видишь другими глазами многое, и иногда трудно съ людьми, хотя религіозными, но чего то не хватаетъ,— но то, что мы лучше, напротивъ, мы должны были бы быть болѣе снисходительными къ нимъ... Раздражаюсь всетаки еще. Это мой большой грѣхъ, невѣроятная глупость.

Тудельсъ меня иногда безумно раздражаетъ, а это плохо и гадко: она не виновата, что такая. Мнѣ стыдно передъ Богомъ, но когда она не совсѣмъ правду говоритъ, а потомъ опять какъ пастырь проповѣдуетъ. О! я тоже слишкомъ тебѣ знакомая вспылчивая. Не трудно большія веци переносить, но такіе маленькіе комары несносны. Хочу исправиться, стараюсь; и бываетъ долго хорошо, потомъ вдругъ опять. Будемъ опять съ другимъ батюшкой исповѣды-

ваться, второй въ эти 7 мѣсяцевъ. Прошу и у тебя прощенія, моя радость;завтра прощальное воскресенье: прости за прошлое и молись за грѣшную твою старушку! Господь съ тобой. Да утѣшитъ и подкрѣпитъ онъ тебя и бѣдную маму. Вчера у насъ была панихида 1-го марта, и я молилась крѣпко за твоего отца. Былъ день смерти моего отца 26 лѣтъ, и сегодня милаго раненаго — лежалъ въ Большомъ Дворцѣ, свѣтлый герой. Хочу согрѣть души, но тѣхъ, кто есть около меня, не согрѣваю: не тянетъ къ нимъ, и это плохо, мнѣ съ ними, и это опять не хорошо.

Горячій поцѣлуй.

Твоя.

№ *17. Написано по русски.*

3-го Марта.

Милая, дорогая «сестра Серафима».

Много о тебѣ съ любовью думаю и молитвенно вспоминаю. Знаю твое большое новое горе. Говорятъ, что почта идетъ, попробую писать. Спасибо душевное за длиное письмо и за все, за все...

Хорошо живешъ. Здѣсь все достать можно, хотя иногда немного трудно, — ни въ чемъ не нуждаемся. Божій свѣтъ прекрасенъ, солнце свѣтитъ, за облаками у васъ, а у насъ ярко и грѣетъ. Въ комнатахъ холодно, такъ что всѣ наши пальцы похожи на ваши зимой въ маленькомъ домикѣ

Такой кошмаръ, что нѣмцы должны спасти всѣхъ и порядокъ наводить. Что можетъ быть хуже и болѣе унизительно, чѣмъ это? Принимаемъ порядокъ изъ одной руки, пока другой они все отнимаютъ. Боже, спаси и помоги Россіи! Одинъ позоръ и ужасъ. Богу угодно эти оскорбленія Россіи перенести; но вотъ это меня убиваетъ, что именно нѣмцы — не въ бояхъ (что понятно), а во время революціи, спокойно подвинулись впередъ и взяли Батумъ и. т. д. Совершенно нашу горячо любимую родину общипали...Не могу мириться, т. е. не могу безъ страшной боли въ серцѣ это вспоминать. Только бы не больше униженія отъ нихъ, только бы они скорѣе ушли... Но Богъ не оставитъ такъ, Онъ еще умудритъ и опасетъ, помимо людей... Не могу больше писать. Пойми. Нѣжно цѣлую, благословляю. Всѣмъ горячее спасибо. Цѣлуютъ тебя всѣ

№ *18. Написано по русски.*

5/18 Марта 1918 г.

Милая, родная душка моя, еще маленькое письмецо. Теперь видѣли всѣ вещи и страшно благодаримъ. Скажи, что дѣвочки одѣли шелковыя кофточки, 1 и 3 темныя, 2 и 4 свѣтлыя. Шоколадъ въ кожаномъ футлярѣ очень обрадовалъ. Мои кофты чудныя, красивыя и удобныя, шерсть мягкая, нѣжная отъ Эммы. Роботы очень годятся, готовые воздухи прелестны, бѣлье слишкомъ нарядно въ сущности.

Погода дивная, сидѣла на балконѣ и старалась «Душе моя, душе моя» пѣть, такъ какъ у насъ нѣтъ нотъ. Пришлось намъ вдругъ сегодня утромъ пѣть съ новымъ діакономъ, безъ спѣвки, шло — ну... Богъ помогъ, но не важно было, послѣ службы съ нимъ пробовали. Дастъ Господь вечеромъ лучше будетъ. Въ С. П. и С. можно въ 8 час. утра въ церковь. Радость!! Утѣшеніе!! А другіе дни придется намъ 5 женщинамъ пѣть. Вспоминаю Ливадію и Ореанду. Такъ удивительно на солцѣ тепло. На этой недѣли будемъ вечера одни съ дѣтьми (первый разъ), такъ какъ надо раньше спать и хотимъ «хорошія» вещи вмѣстѣ читать и вышивать. Служба утромъ, въ 9 час., веч. въ 7 час.

Ничего новаго не знаю — сердце страдаетъ, а на душѣ свѣтло, чувствую близость Творца Небеснаго, который своихъ не оставляетъ своей милостью. Но что дѣлается въ Москвѣ!! Боже помоги!

Очень тороплюсь, надо отдать во время, не знала раньше что могла. — Они много работаютъ въ саду — во дворѣ пилили и кололи. — Радость моя, душка любимая, писала тебѣ изъ за брата... Всѣ благодарятъ за духи. Молюсь крѣпко за тебя, за всѣхъ дорогихъ. Храни тебя Господь Богъ. Всѣ нѣжно цѣлуютъ, благодаримъ за письмо № Все. Все.

№ *19. Написано по русски.*

13/26 Марта. Тобольскъ.

Господь Богъ далъ намъ неожиданную радость и утѣшеніе, допустивъ намъ пріобщиться Св. Христовыхъ Таинъ, для очищенія грѣховъ и жизни вѣчной. Свѣтлое ликованіе и любовь наполняютъ душу. Вернулись мы изъ церкви, и нашли твое милое письмецо. Развѣ не удивительно, что Господь намъ далъ читать твое привѣтствіе именно въ тотъ день... Какъ будто ты, ненаглядная, вошла бы

къ намъ поздравить насъ по старому. Горячо за тебя и за всѣхъ молилась, и О. Владиміръ вынулъ за всѣхъ васъ частицы — и за дорогихъ усопшихъ. Часто прошу молиться за любимыхъ моихъ далекихъ друзей, — они знаютъ уже мои записки. Подумай, была 3 раза въ церкви! О, какъ это утѣшительно было. Пѣлъ хоръ чудно, и отличныя женскія голоса; «да исправится» мы пѣли дома 8 разъ безъ настоящей спѣвки, но Господь помогъ. Такъ пріятно принимать участіе въ службѣ. Батюшка и діаконъ очень просили насъ продолжать пѣть, и надѣемся устроить, если возможно, или удастся пригласить баса.

Все время тебя вспоминали. Какъ хороша «Земная жизнь Іисуса Христа», которую ты послала, и цвѣтокъ душистый. Надѣюсь, ты телеграмму получила. Раньше ихъ почтой посылали, теперь, говорятъ, идутъ въ три дня. Маленькій серафимчикъ прилетитъ къ тебѣ до этого письма и принесетъ тебѣ мою любовь. Стала маленькіе образки такимъ же способомъ рисовать, и довольно удачно (съ очками и увеличительнымъ стекломъ), но глаза потомъ болятъ. Довольно много придется молитвъ рисовать. Благодарность всѣмъ, не забывающимъ твоихъ дорогихъ ѣдой и т. д. Бѣлья взяли каждая по 2, спрячемъ до лѣта. Нѣжное спасибо Эммѣ за письмо и чудную теплую кофточку. Окружена твоими нѣжными заботами. Духи — цѣлая масса — стоятъ на каминѣ. Погода теплая, часто на балконѣ сижу. Дошла съ помощью Божьей пѣшкомъ въ церковь, теперь должна надѣяться попасть 25-го. Скажи маленькому М., что его шефъ былъ очень радъ его видѣть. Хорошо помню тотъ день, когда онъ у насъ съ твоими родителями былъ, такъ мило о тебѣ писалъ. Дорогую фотографію твоего отца счастлива получить, такъ его напоминаетъ, милаго старичка. Какъ Богъ милостивъ, что вы такъ много видѣлись послѣдніе мѣсяцы и дружно жили. Цѣлую бѣдную Мама. Всегда теперь за него молюсь и увѣрена, что онъ близко около тебя, но какъ сильно онъ долженъ вамъ недоставать! Онъ свое дѣло сдѣлалъ, до гроба преданный намъ, любящій глубоко религіозный, 26 лѣтъ, что я своего отца похоронила.... и благодарю Бога, что его нѣтъ теперь на свѣтѣ.

Читаю газеты и телеграммы и ничего не понимаю. Миръ, а нѣмцы все продолжаютъ идти въ глубь страны, — имъ на гибель. Но можно ли такъ жестоко поступать? Боже мой! Какъ тяжело!

Посылаю тебѣ немного съѣдобнаго, — много сразу не позволяютъ. Много хочу моему улану Яковлеву передать черезъ О. Іоанна — благослови его Господь за все. Когда все это кончится? Когда Богу

угодно. Потерпи, родная страна, и получишь вѣнецъ славы. Награда за всѣ страданья. Бываетъ, чувствую близость Бога, непонятная тишина и свѣтъ сіяетъ въ душѣ. Солнышко свѣтитъ и грѣетъ и обѣщаетъ весну. Вотъ и весна придетъ и порадуетъ и высушитъ слезы и кровь, пролитыя струями надъ бѣдной родиной. Боже, какъ я свою родину люблю со всѣми ея недостатками! Ближе и дороже она мнѣ, чѣмъ многое, и ежедневно славлю Творца, что насъ оставилъ здѣсь и не отослалъ дальше. Вѣрь народу, душка, онъ силенъ и молодъ, какъ воскъ въ рукахъ. Плохія руки схватили, — и тьма и анархія царствуетъ; но грядетъ царь славы и спасетъ, подкрѣпитъ, умудритъ сокрушенный, обманутый народъ.

Вотъ и Великій Постъ! Очищаемся, умолимъ себѣ и всѣмъ прощеніе грѣховъ, и да дастъ Онъ намъ пропѣть на всю святую Русь «Христосъ Воскресе!» Да готовимъ наши сердца его принимать, откроемъ двери нашихъ душъ; да посѣлится въ насъ духъ бодрости, смиренномудрія, терпѣнія и любви и цѣломудрія; отгонитъ мысли, посланныя намъ для искушенья и смущенья. Станемъ на стражу. Поднимемъ сердца дадимъ духу свободу и легкость дойти до неба, примемъ лучъ свѣта и любви для ношенія въ нашихъ грѣшныхъ душахъ. Отбросимъ стараго Адама, облекемся въ ризу свѣта, отряхнемъ мірскую пыль и приготовимся къ встрѣчи небеснаго жениха. Онъ вѣчно страдаетъ за насъ и съ нами и черезъ насъ; какъ онъ и намъ подаетъ руку помощи, то и мы подѣлимъ съ Нимъ, перенося безъ ропота всѣ страданья, Богомъ намъ ниспосланныя. Зачѣмъ намъ не страдать, разъ Онъ, невинный, безгрѣшный вольно страдалъ? Искупаемъ мы всѣ наши столѣтніе грѣхи, отмываемъ въ крови всѣ пятна, загрязнившія наши души. О, дитя мое родное, не умѣю я писать, мысли и слова скорѣе пера бѣгутъ. Прости всѣ ошибки и вникни въ мою душу. Хочу дать тебѣ эту внутреннюю радость и тишину, которой Богъ наполняетъ мнѣ душу, — развѣ это не чудо! Не ясна ли въ этомъ близость Бога. Вѣдь горе безконечное, — все что люблю — страдаетъ, счета нѣтъ всей грязи и страданьямъ, а Господь не допускаетъ унынья: Онъ охраняетъ отъ отчаянья, даетъ силу, увѣренность въ свѣтлое будущее еще на этомъ свѣтѣ.

Любимая душа, мученица моя маленькая! Да согрѣетъ Отецъ Небесный твою скорбную душу, да освѣтитъ тебя небеснымъ свѣтомъ, покрывая всѣ твои раны любовью и радостью. Не страдай, дружокъ! Попрошу за тебя молиться у раки преподобнаго, чтобы подкрѣпитъ твое сердце.

Когда письмо получаешь, скажи какія номера получаешь.

Кажется, ты все получила. Привѣтъ Эристову и спасибо его матери за письмо. «Father» посылаетъ «very best love». Ношу кофту по ночамъ, хорошо грѣетъ. Одну недѣлю сидѣли вечеромъ одни, вышивали и онъ намъ читалъ о Св. Николаѣ Чудотворцѣ. Помнишь, мы вмѣстѣ читали его жизнь? «Father» читаетъ для себя теперь весь Ветхій Завѣтъ. Исповѣдывались у другого батюшки, тотъ, который теперь всегда служитъ; была общая молитва съ нашими людьми. Довольно болтала, пора вставать. Благословляю и нѣжно цѣлую. Всѣмъ привѣтъ.

М.

Привѣтъ Нини, докторамъ, О. Досифею, О. Іоанну.

№ *20. Написано по русски.*

20 Марта 1918 г.

Милая моя,

Годъ, что съ тобой и Лили простилась. Много всѣ пережили, но Господь своей милостью не оставитъ своихъ овецъ погибнуть. Онъ пришелъ въ міръ чтобы своихъ въ одно стадо собрать, и самъ Всевышній охраняетъ ихъ. Душевную связь между ними никто не отниметъ и свои своихъ вездѣ узнаютъ. Господь ихъ направитъ, куда имъ нужно идти. Промыселъ Божій недостижимъ человѣческому уму. Да осѣнитъ насъ Премудрость, да войдетъ и воцарится въ душахъ нашихъ и да научимся черезъ нее понимать, хотя говоримъ на разныхъ языкахъ, но однимъ Духомъ. Духъ свободенъ. Господь ему хозяинъ; душа такъ полна, такъ живо трепещетъ отъ близости Бога, который невидимо окружаетъ Своимъ Присутствіемъ. Какъ будто всѣ святые угодники Божіи особенно близки, и незримо готовятъ душу къ встрѣчѣ Спасителя Міра. Женихъ грядетъ, приготовимся Его встрѣчать: отбросимъ грязныя одежды и мірскую пыль, очистимъ тѣло и душу. Подальше отъ суеты, — все суета въ мірѣ. Откроемъ двери души для принятія Жениха. Попросимъ помощи у Св. Угодниковъ, не въ силахъ мы одни вымыть наши одежды. Поторопимся Ему на встрѣчу! Онъ за насъ грѣшныхъ страдаетъ, принесемъ Ему нашу любовь, вѣру, надежду, души наши. Упадемъ ницъ передъ Его пречистымъ образомъ: поклонимся ему и попросимъ за насъ и за весь міръ прощенье, за тѣхъ, кто забываетъ молиться, и за всѣхъ, Да услышитъ и помилуетъ. И да согрѣемъ мы его нашей любовью и довѣріемъ. Облекшись въ бѣлыя

ризы, побѣжимъ Ему навстрѣчу, радостно откроемъ наши души. Грядетъ Онъ, Царь славы, покланяемся Его кресту, и понесемъ съ Нимъ тяжесть креста. Не чувствуешь ли его Его помощь, поддержки несенія твоего креста. Невидимо Его рука поддерживаетъ твой крестъ, на все у него силы хватитъ; наши кресты только тѣнь Его креста. Онъ воскреснетъ скоро, скоро и соберетъ своихъ вокругъ себя, и спасетъ родину, яркимъ солнцемъ озаритъ ее. Онъ щедръ и милостивъ. Какъ тебѣ дать почувствовать чѣмъ озарена моя душа? Непонятной, необъяснимой радостью, — объяснить нельзя, только хвалю, благодарю и молюсь. Душа моя и духъ Богу принадлежатъ. Я чувствую ту радость, которую ты иногда испытывала послѣ причастія или у св. иконъ. Какъ Тебя, Боже, благодарить? Я не достойна такой милости. О Боже, помоги мнѣ не потерять, что Ты даешь! Душа ликуетъ, чувствуетъ приближеніе Жениха: грядетъ Онъ, скоро будемъ Его славить и пѣть Христосъ Воскресе.

Я не «exaltée», дитя мое; солнце озарило мою душу, и хочу съ тобой подѣлиться, не могу молчать! Торжествуетъ Господь, умудряетъ сердца: увидятъ всѣ языцы «яко съ нами Богъ». Слышишь ли мой голосъ? Разстоянія ничего не значутъ — духъ свободенъ и летитъ къ тебѣ, и вмѣстѣ полетимъ къ Богу, преклонимся передъ его Престоломъ.....

Я спокойна, это все въ душѣ происходитъ. Я разъ нехорошій сонъ видѣла: кто то старался отнять отъ меня радость и спокойствіе, но я молилась, вспоминая, что надо беречь то, что дано. Знаю, что это даръ Господенъ, чтобы мнѣ все перенести, и Онъ спокоенъ, и это чудо. У раки Святого молилась за тебя, — не грусти, дитя мое! Господь поможетъ, и твой отецъ теперь тамъ за тебя молится. Бориса взяли; это бѣда, но не разстрѣляли, — онъ зналъ что будетъ такъ..... Большевики у насъ въ городѣ ничего, не безпокойся. Господь вездѣ, и чудо сотворитъ. Не бойся за насъ. Зина мнѣ послала свою книжку «Великое въ маломъ» Нилуса, и я съ интересомъ читаю ее, и съ Татьяной читаю твою книгу о Спасителѣ. Сижу часто на балконѣ, вижу, какъ они на дворѣ работаютъ (очень всѣ загорѣли). И наши свиньи гуляютъ тамъ..... Какъ тебя за деньги благодарить? Несказанно тронута. Берегу, чтобы тебѣ вернуть потомъ; пока нѣтъ нужды. Знаешь, Гермогенъ здѣсь Епископомъ. Надѣюсь, посылка дойдетъ до тебя. Что нѣмцы въ Петроградѣ, или нѣтъ? У Маріи П. ребенокъ долженъ былъ быть лѣтомъ.

«Укоряемы — благословляйте, гонимы — терпите, хулимы —

утѣшайтесь, злословимы — радуйтесь (слова о. Серафима). Вотъ нашъ путь съ тобой. Претерпѣвый до конца спасется. Тянетъ въ Саровъ. Готовимся пѣть 24 и 25 дома. Пора кончать. Нѣжно обнимаю, цѣлую Маму. Помоги тебѣ Богъ и святая Богородица во всемъ.

Твоя

№ *21. Написано по русски.*

6/19. IV. *1918.*

Милая, дорогая родная моя, горячо тебя благодарю за все, за все — и всѣхъ за все. Несказанно тронуты дорогимъ вниманіемъ и любовью. Передай самое сердечное спасибо. Но не стоитъ такъ баловать: вамъ трудно во всѣхъ отношеніяхъ, а у насъ нѣтъ лишеній, правда. Воздухъ чудный эти дни, ѣсть можно, и богаты въ сравненіи съ вами. Вчера дѣти уже одѣвали милыя блузочки, шляпы очень полезны, такъ какъ ихъ не было въ такомъ родѣ; розовая кофта слишкомъ красива для старушки, шляпа хороша для сѣдыхъ волосъ. Сколько вещей! И книги. Конечно уже начала «Невидимая брань», и нашла чудныя мѣста. И все другое за все спасибо большое, большое. И за тужурку и штаны, — онъ такъ тронутъ. Духи — сладость. Отъ кого чудный старый образъ Благовѣщенія? Такъ счастливы имѣть послѣднія вещи, яички, получу сегодня — понемногу. Аннѣ Ив., Э. Н. отцу Д..... горячее спасибо. Каждый день — новый сюрпризъ А намъ ничего не достаетъ, кромѣ муки и маленькихъ яичекъ, которыя заказала, но не у твоего Денисова, такъ какъ онъ вѣчно пьянъ. Тронута, благодарю за ноты дорогого папа. Понемногу постараюсь всѣмъ писать, если можно. А. тебѣ напишетъ какъ опять по старому прошлогоднему живемъ. Теперь отрѣзаны отъ Юга. Какъ разъ еще на дняхъ получили письмо отъ Зиночки, Риты, Л. Покровской изъ О. Ужасъ, что они тамъ пережили, но Богъ ихъ спасъ. Ник. Дмит. тоже тамъ былъ боленъ и Род. тамъ. С. С. вѣроятно во Франціи былъ. Боже, что Л. должна переживать въ деревнѣ, окруженная врагомъ, съ бабушкой-старушкой и нашимъ крестникомъ?! Больная М. Барятинская въ сторонѣ, въ Ялтѣ, потому что заступаются татары. Мать Нади Коцебу тоже тамъ; за то, что не хотѣла свои ожерелья отдать, на годъ ее посадили, но можетъ быть отпустятъ, такъ какъ больна. Байба съ дѣтьми и матерью живутъ наверху у себя, внизу солдаты. У Мерики родился осенью сынъ въ Кисловодскѣ. Тамъ вертепъ, легкомысленная, веселая жизнь.

К. А. съ мужемъ, дѣтьми и матерью живутъ со всѣми въ Дюльб. изъ за охраны. О. въ Харакеѣ, маленькомъ домикѣ, если остались бы въ Ай Т., пришлось бы платить за комнаты. Кажется, Вамъ всѣ извѣстія дала. О братѣ ничего не знаю. Гдѣ Ал. Павл.? Е. С. получилъ отъ Гординск. письмо; у брата въ Нижегородской губерніи въ лѣсопильнѣ работаетъ тамъ, въ отставкѣ, безъ денегъ; невѣста его бросила, деньги — 8000 руб., которыя послѣ крушенія получилъ отецъ, невѣста потребовала за покупку дома, такъ что онъ все потерялъ. Хочу ему писать. Отъ (раненаго офицера) отвѣта не получила.

Боже, что нѣмцы дѣлаютъ? Наводятъ порядокъ въ городахъ, но все берутъ; голодъ будетъ хуже, — весь хлѣбъ въ ихъ рукахъ. Когда говорятъ, что для пользы пришли, то это только лицемѣріе, и бывшихъ солдатъ берутъ. Уголь, сѣмена, все! Теперь они въ Біорки!! Турки въ Батумѣ. Нѣмцы въ Полтавской губерніи близко отъ Курска. Какъ ползущій, все съѣдающій ракъ.

Кто дядя Гриша; я думала — мужъ Мар. Алекс. Л., но если онъ теперь женихъ, то это не онъ, — ничего не поняла. Отъ Зины тоже нѣтъ письма О. В. нѣжно цѣлую, благодарю и прошу молитвъ. «Sunbeam» уже недѣлю боленъ въ постелѣ. Когда тебѣ писала, былъ здоровъ. Отъ кашля, если что нибудь тяжелое поднялъ, внутри кровоизліяніе, страшно страдалъ. Теперь лучше, но плохо спитъ, и боли, хотя гораздо меньше, не прошли.

Могла бы часами писать, надѣемся не уѣхать далеко.

Вчера наконецъ началъ немного ѣсть. Очень похудѣлъ, первые дни напоминали Спалу, помнишь. Господь милостивъ. Владиміръ Ник. доволенъ, можетъ немного двигаться, спина болитъ и усталъ на ней лежать, кости болятъ. Сижу цѣлый день у него, обыкновенно держу ногу, такъ что я стала похожа на тѣнь. Конечно Пасху придется дома встрѣтить; ему легче будетъ, что вмѣстѣ. Св. Іоаннъ помогаетъ — хочу надѣяться, что скорѣе пройдетъ, чѣмъ обыкновенно. Всю зиму все было хорошо, но навѣрно такъ и надо. Недѣлю не выхожу, такъ какъ на балконъ «нельзя», а лѣстницу избѣгаю. Жаль мнѣ, что сердце у тебя не хорошо, но понятно. Во время скажи, куда переѣдешь. Нашихъ всѣхъ 1 Мая изъ Царскаго въ Петроградъ выгонятъ. Посылаю моему старику Ліо посылку. Бѣдное Царское Село, что значитъ на военномъ положеніи, несчастные люди. Кто будетъ теперь охранять комнаты? А твой лазаретъ? Твой крестный путь принесетъ тебѣ небесныя награды, родная, тамъ будешь по воздуху ходить, окруженная розами и лиліями. Душа выросла, — то что раньше стоило тебѣ одинъ день мученья, теперь

годъ терпишь и силы не ослабѣли. Черезъ крестъ къ славѣ, всѣ слезы тобою пролитыя, блестятъ какъ алмазы на ризѣ Божіей Матери; ничего не теряется, хорошое и плохое, все написано въ книгѣ жизни каждаго; за всѣ твои мученья и испытанія Богъ тебѣ особенно благословитъ и наградитъ. «Кто душу свою положитъ за друзей своихъ». — Да, моя маленькая мученица, это все въ пользу тебѣ. Богъ попустилъ эту страшную ругань, клевету, мученія — физическія и моральныя, которыя ты перенесла. Мы никогда не можемъ отблагодарить за все, лишь въ молитвахъ, чтобы Онъ и впредь тебя сохранилъ и охранилъ отъ всего. Дорога къ нему одна, но въ этой одной масса другихъ, — и всѣ стремимся дойти до пристани спасенья и къ вѣчному свѣту. А тѣ, кто по стопамъ Спасителя идутъ, тѣ больше страдаютъ. Избранные крестоносцы... Господь скорѣе слышитъ молитвы тѣхъ, кто перестрадалъ, но вѣру не потерялъ. Не вспоминай все больное, но лучи солнца, которые Онъ посылаетъ. Понимаю какъ тебѣ хочется увидѣть лѣсъ, поближе быть къ просыпающейся природѣ, она одна не попорчена людьми. Ужасно досадно, что ты мнѣ деньги послала, мнѣ они пока не нужны, а тебѣ нужнѣе. Посовѣтуй, какъ мнѣ ихъ вернуть, чтобы тебя не обидѣть. Я была бы гораздо спокойнѣе, если бы ты ихъ имѣла. И не посылай больше вещей, а то мнѣ совѣстно. Скучаю безъ церкви, много тяжелаго впереди, но Господь милостивъ, не отступитъ отъ любящихъ Его, не попуститъ больше чѣмъ силы могутъ вынести.

Всѣмъ привѣтъ и Христосъ Воскресе. Черезъ два дня день нашей помолвки (24 года). Благословляю, обнимаю горячо. Беби страшно страдалъ, ужасно было слышать и видѣть, надѣюсь, что къ Пасхѣ можетъ будетъ сидѣть.

№ 22. Написано по русски.

10/23 Апрѣля 1918 г. Тобольскъ.

Милая, дорогая моя сестра Серафима!

Хочется опять съ Вами поговорить. Знаю, что васъ безпокоитъ здоровье Солнышка; разсасывается быстро и хорошо. Отъ того ночью сегодня были опять сильныя боли. Вчера былъ первый день, что смѣялся, болталъ, даже въ карты игралъ и даже днемъ на два часа заснулъ. Страшно похудѣлъ и блѣденъ, съ громадными глазами. Очень грустно. Напоминаетъ Спалу, но хорошо все идетъ, и вчера температура была только немного повышена. Разъ на дняхъ дошло

до 39, но это былъ признакъ разсасыванія. Любитъ, когда ему вслухъ читаютъ, но слишкомъ мало ѣстъ: никакого аппетита нѣтъ. Мать цѣлый день съ нимъ, а если ее нѣту, то 2-ая сидитъ и милый Жиликъ, который умѣетъ хорошо ногу держать, грѣть и читать безъ конца.

Два дня, что снѣгъ падаетъ, но быстро таетъ — грязь и мокрота. Я уже полъ недѣли не выхожу — сижу съ нимъ и слишкомъ устала, чтобы внизъ спускаться. Не совсѣмъ поняла вашу телеграмму, что посылку получили. «О. не было.» Что это? Вторая посылка въ дорогѣ, хочу скорѣе третью посылать, такъ какъ боюсь, что скоро будетъ трудно: столько пріѣзджихъ разныхъ отрядовъ отовсюду, что вѣроятно лишнее не остается чтобы послать. Новый комиссаръ изъ Москвы пріѣхалъ, какой то Яковлевъ. Ваши друзья сегодня съ нимъ познакомятся.

Лѣтомъ жара доходитъ до 40 градусовъ въ городѣ; пыль и одновременно сырость — зелени нѣту. Хлопочемъ на это время переселиться въ какой нибудь монастырь. Понимаю, какъ васъ на воздухъ тянетъ, — другое видѣть, листьями, свѣжимъ воздухомъ подышать. Дастъ Богъ, намъ, можетъ быть, удастся вдругъ: надо надѣяться на Божью милость. Вашимъ все говорятъ, что придется путешествовать или вдали или въ центрѣ, но это грустно и не желательно и болѣе чѣмъ непріятно въ такое время. Какъ хорошо, если бы вашъ братъ могъ бы устроиться въ Одессѣ, Зиночка могла бы смотрѣть за Иной. Но теперь я думаю, что мы совсѣмъ отрѣзаны отъ Юга и ничего больше не узнаемъ отъ нихъ и Тины. Вы видѣли маленькаго Сережу. Онъ вамъ разсказалъ, что видѣлся со всѣми издали. Какъ я рада, что М. вернулась: мужу спокойнѣе будетъ, что она близко. Они благополучно пріѣхали и прислали привѣтъ. Такъ боюсь, чтобы не ужасные, ложные слухи къ вамъ дошли, — люди такъ отчаянно врутъ. Думается, что заболѣванія не просто такъ какъ корь: тоже, видимо, послана чтобы не двигаться и чтобы гнѣздо не разрушить, хотя двухъ птенцовъ вырвали: одну въ клѣтку посадили, другую выпустили. Во всемъ воля Божія, чѣмъ глубже смотришь, тѣмъ яснѣе понимаешь. Вѣдь скорби для спасенія посланы. Здѣсь отплачиваемъ наши грѣхи, и дана намъ возможность исправиться; иногда попускается для измѣренія смиренія и вѣры, иной разъ для примѣра другимъ. А изъ этого надо себѣ выгоды искать и душевно расти. Скажу некрасивое сравненіе: хороши удобрѣнія... да потомъ растетъ, цвѣтетъ пышно, душисто, ароматно, и садовникъ, обходя садъ свой, должно быть доволенъ своими растеніями. Если нѣтъ, опять со своимъ ножомъ придетъ, срѣзываетъ,

поливаетъ, вынимаетъ плевелъ, который душитъ цвѣтокъ, и ждетъ солнца и нѣжнаго вѣтерка. Любуется онъ росту своихъ питомцевъ, съ любовью посадилъ. Безъ конца могла бы писать объ этомъ садикѣ, о всемъ, что тамъ растетъ, и что надо избѣгать, чтобы не портить, повредить нѣжныхъ цвѣточекъ. Хотѣлось бы быть художникомъ, чтобы излить мои мысли картинными словами. Вспомните англійскій садъ, (вы видѣли книги у меня иллюстраціи): уютный домикъ дорожка, въ серединѣ акв. у меня въ Ливадіи. Ну, тогда вы понимаете, что я сказать хочу, какъ сравниваю съ душами. — Вотъ 11 человѣкъ верхомъ прошли, хорошія лица — мальчики еще, улыбаются. Это уже давно невиданное зрѣлище. У охраны комиссара не бываютъ такія лица... Ну, спасибо... Куда тѣхъ въ садикъ посадить? Нѣтъ тамъ мѣста — внѣ ограды лишь, но такъ, чтобы милосердные лучи солнца могли бы до нихъ дойти и дать имъ возможность переродиться, очиститься отъ грязи и пыли.

Пора отправить. Господь съ вами, радость моя, милая душка. Я васъ нѣжно цѣлую. Всѣ мысли и горячія мысли васъ окружаютъ. Лиловыя яички такъ тронули — и всѣ другія. Вотъ сегодня А. дала знать, чтобы посылку готовить. Хочется понемногу мнѣ посылать вамъ деньги обратно, такъ какъ они мнѣ не нужны, и очень прошу васъ скорѣе отвѣтить, можно ли; я всетаки не хочу ихъ трогать. Пошлю ихъ тогда черезъ Л., какъ все теперь; она знаетъ, если вы комнаты перемѣните. Христосъ съ вами! Святая Богородица да покроетъ васъ своимъ святымъ омофоромъ. Всѣмъ привѣтъ. Мать цѣлую, О. В. и всѣмъ, Берчику привѣтъ и докторамъ Н. Ив. и Прох. и всѣмъ.

Видѣли новаго комиссара — не плохое лицо. Мои васъ нѣжно цѣлуютъ. Привѣтъ Элисбару, отцу Іоанну и о. Досифею сердечные привѣты.

Ваши.

Сегодня день рожденія Сашки.

№ 23. Написано по русски.

8/21 1918 г. Тобольскъ.

Родная моя! Горячо благодаримъ за все, яички, открытки; маленькій за шоколадъ, птичку, за чудный образъ — стоялъ за службой на столѣ. Спасибо мамѣ за стихи, ноты, книжку. Всѣхъ благодаримъ. Папиросы, говорятъ, удивительно вкусны; несказанно тронутъ. И конфекты.

Снѣгъ шелъ опять, но яркое солце. Ножкѣ медленно лучше, меньше страданій, ночь была лучше наконецъ. Ждемъ сегодня обыска, пріятно. Не знаю, какъ съ перепиской дальше будетъ; надѣюсь, возможно. Молись за твоихъ дорогихъ. Атмосфера электрическая кругомъ, чувствутся гроза, но Господь милостивъ и охранитъ отъ всякаго зла. Борисъ вѣроятно, все еще тамъ, хотя свободенъ. Дорога мимо дома нашего друга идетъ ужъ очень безпокойно для Н. Ф. Сегодня будетъ обѣдница, но всетаки трудно не бывать въ церкви, ты это лучше всѣхъ знаешь, мученица моя маленькая. Не посылаю черезъ А., такъ какъ она обыска ждетъ. Такъ тропута, что дорогое платье послала. Спасибо за нее. Ек. В. спасибо за все. Сегодня 24-ое, годовщина нашей помолвки. Имѣешь ли отъ Зины извѣстія? Грустно вѣчно всѣ твои письма жечь; отъ тебя всѣ такія хорошія, но что же дѣлать? Не надо привязываться къ къ мірскимъ вещамъ, это теперь не почувствуень, но ко всему привыкаешь.

Какъ хотѣлось тебѣ сласти послать, но ихъ нѣту; зачѣмъ ты шоколадъ не оставила себѣ? Тебѣ онъ нужнѣе чѣмъ дѣтямъ. Получаешъ сахаръ 1 /2 ф. по карточкамъ на мѣсяцъ, тогда добрые люди еще даютъ. Сама во время поста не ѣмъ, такъ что мнѣ уже все равно теперь. Ужасно грустно, что милый Осоргинъ погибъ, а кто еще? Сколько несчастныхъ жертвъ! Невинные, но они счастливѣе на томъ свѣтѣ. Хотя гроза приближается—на душѣ мирно—все по волѣ Божіей. Онъ все къ лучшему дѣлаетъ. Только на него уповать. Слава Ему, что маленькому легче. Можетъ тебѣ можно деньги послать, они мнѣ правда не нужны и лежатъ зря, тебѣ нужнѣе будутъ, когда въ другую квартиру переѣдешь.

Милочкѣ отъ насъ всѣхъ привѣтъ — не далеко отъ тебя живетъ. Храни тебя Христосъ. Благословляю, обнимаю, ношу въ сердцѣ. желаю здоровья, крѣпости духа. Всѣмъ привѣтъ отъ вѣчно тебя любящей

старой М.

Письмо Императрицы Александры Феодоровны къ А. С. и Н. И. Танѣевымъ.

10 Іюня 1917 г. Царское Село.

Шлю Вамъ обоимъ самый сердечный привѣтъ. Да утѣшитъ и подкрѣпитъ Васъ Господь. Молюсь... молюсь. Вспоминаю... Богъ наградитъ *за все, за все*. На него крѣпко уповаемъ. Всѣхъ Вашихъ, большихъ и маленькихъ, нѣжно цѣлую.

Храни Васъ Богъ.

Письма Наслѣдника Цесаревича къ Аннѣ Александровнѣ Танѣевой.

24/XI. 1917. Тобольскъ

Часто вспоминаемъ, скучаемъ, Вспоминаемъ маленькій домикъ. Днемъ пилимъ дрова для ванны. Давно выпалъ спѣгъ. День проходитъ незамѣтно. Храни Господь Богъ. Привѣтъ дѣвочкамъ.

Милая дорогая, надѣюсь, что ты получила мою открытку. Очень, очень благодарю за грибокъ. Духи такъ тебя напоминаютъ. Я каждый день молю Бога, чтобы мы опять жили всѣ вмѣстѣ. Храни тебя Господь.

Твой А.

Тобольскъ, 22 Января 1918 г.

Дорогая моя милая Аня,

Радуемся опять имѣть отъ тебя извѣстія и что ты наши вещи получила. Сегодня 29 град. мороза, и сильный вѣтеръ и солнце. Гуляли — ходилъ на лыжахъ по двору. Вчера игралъ съ Татьяной и Жиликомъ французскую пьесу. Всѣ готовятъ еще другія комедіи. Есть у насъ хорошихъ нѣсколько солдатъ, съ ними я играю въ караульномъ помѣщеніи въ шашки. Коля Д. бываетъ по праздникамъ у меня. Нагорный спитъ со мною. Сѣдневъ, Волковъ, Трупъ и Чемодуровъ съ нами. Пора идти къ завтраку. Цѣлую и люблю. Храни тебя Господь.

А.

Письма Великихъ Княженъ.

Письма Великой Княжны Ольги Николаевны.

Тобольскъ, 10-го Декабря 1917 г.

Душка моя дорогая,

Какая была радость увидѣть Твой дорогой почеркъ и Твои вещички. Спасибо за все присланное. Духи такъ сильно и живо напомнили Твою комнату и Тебя конечно, что грустно. Очень часто Тебя вспоминаю и крѣпко, крѣпко цѣлую и люблю. Мы четыре живемъ въ крайней голубой комнатѣ. Устроились очень уютно. Противъ насъ, въ маленькой голубой комнатѣ, уборная Папы и брата,

около, въ розовой Алексѣй и Нагорный. Въ коричневой спальня Мамы и Папы, около красная гостинная и за залой кабинетъ его. Когда сильные морозы довольно холодно дуетъ въ окно. Были сегодня въ церкви. Ну, всего Тебѣ свѣтлаго и тихаго къ празднику. Христосъ съ Тобою, родная душка. Еще и еще цѣлую и обнимаю. Всегда Твоя Ольга.

Тобольскъ, 22-го Января 1918 г.

Душка моя дорогая.

Были такъ рады отъ Тебя услышать. Какъ холодно стало эти дни. И сильный вѣтеръ. Только что вернулись съ съ прогулки. У насъ въ угловой комнатѣ на среднемъ окнѣ карандашемъ написано «Милая», а дальше «Аня душка» — первое очень напоминаетъ знакомый почеркъ.

Будь здорова.

Твоя Ольга.

Поцѣлуй О. В. и кланяйся всѣмъ, кто помнитъ.

Тобольскъ, 5/17 Февраля 1918 г.

Душка дорогая. Всей душой, какъ Тебя люблю, съ Тобой эти тяжелые для Тебя дни. Помоги и сохрани Тебя Господь, душка моя. У мамы на туалетномъ столѣ стоитъ бутылочка лиловая съ «roseroi» и такъ напоминаетъ... Здѣсь много солнца, но морозы въ общемъ не Сибирскіе, бываютъ часто вѣтра, а тогда холодно въ комнатахъ, особенно въ нашей угловой. Живемъ мы по прежнему, всѣ здоровы, много гуляемъ. Столько тутъ церквей, что постоянно звонъ слышишь.

Господь съ Тобой, дорогая. Крѣпко Тебя обнимаю.

О.

1918 г.

Христосъ Воскресе.

Тебя, душка, отъ души поздравляемъ наступающимъ праздникомъ и желаемъ насколько возможно тихо и радостно встрѣтить и провести. Вспоминаю Тебя и яхту каждый разъ, когда за обѣдницей поютъ «хвали душе моя Господа». Подумай и мы разъ все это пропѣли. Крѣпко, цѣлуемъ. Христосъ съ Тобою.

О.

Душка, не успѣла все это время Тебѣ написать. Послѣдующія наши вѣсти отъ 23-го изъ Екат.[1]) Живутъ въ трехъ комнатахъ, ѣдятъ изъ общаго котла, здоровые. Дорога очень утомила, такъ какъ страшно трясло. Маленькому лучше, но еще лежитъ. Какъ будетъ лучше, поѣдемъ къ нашимъ. Ты, Душка, поймешь, какъ тяжело..... вернулся къ намъ на второй день Пасхи и сейчасъ получили первое письмо. Много стало съ нимъ спокойнѣе и все время чувство почему отдали. Зина довольно часто пишетъ, отъ Лили ничего, а Ты. Пишутъ ли Аля и братъ. Стало свѣтлѣй. Зелени еще никакой. Иртышь прошелъ на Страсной. Лѣтняя погода. Господь съ Тобой, дорогая. Отъ всѣхъ крѣпко цѣлую, ласкаю.

О.

Письма Великой Княжны Татьяны Николаевны.

9-го Декабря.

Голубушка моя родная, постоянно думаю о тебѣ, молюсь и много говоримъ и вспоминаемъ. Тяжело, что такъ давно не видались, но Богъ поможетъ намъ и навѣрно еще встрѣтимся, въ лучшія времена, чѣмъ тѣ, которыя мы переживаемъ. Вспоминаемъ добрую Ек. Вик. нося ея брошки и Твои маленькія вещицы всегда съ нами и такъ Тебя напоминаютъ. Живемъ тихо и мирно. Дни проходятъ очень скоро. Утромъ у насъ уроки. Гуляемъ отъ 11—12 передъ домомъ въ загрожденномъ для насъ мѣстѣ, завтракаемъ всѣ вмѣстѣ внизу. Иногда Мама съ Алексѣемъ съ нами, но обыкновенно они одни наверху у Папы въ голубомъ кабинетѣ. Днемъ тоже гуляемъ часа 1½, если не очень холодно. Чай пьемъ наверху. Потомъ читаемъ или пишемъ, обѣдаемъ опять всѣ вмѣстѣ, а потомъ всѣ остаются вечеромъ у насъ. Кто работаетъ или играетъ въ карты или во что нибудь другое. Иногда Папа читаетъ вслухъ.

И такъ каждый день тоже самое. По субботамъ у насъ бываетъ всенощная дома въ залѣ въ 9 час. вечера, такъ какъ до этого батюшка служитъ въ церкви. Поетъ хоръ любителей, а раньше монахини. По воскресеньямъ, когда пускаютъ ходить въ ближайшую церковь Благовѣщанія, въ 8 час. утра, идемъ пѣшкомъ городской садъ, кругомъ конечно стоятъ солдаты стрѣлки, пріѣхавшіе съ нами. Обѣдню служатъ для насъ отдѣльно въ прав. придѣлѣ, а для всѣхъ

---

1) Екатеринбурга.

— потомъ. По праздникамъ къ сожалѣнію приходится имѣть дома молебенъ или обѣдницу; напримѣръ 6-го декабря пришлось быть дома. Грустно было въ такой большой праздникъ не быть въ церкви, но что же, не всегда можно дѣлать что хочешь, правда. Надѣюсь, что Ты можешь много ходить въ церкви, если здоровье не мѣшаетъ. А какъ твое сердце и нога. Передай, душка привѣтъ Марѣ, сестрѣ, О. В. Попроси помолиться цѣлую ее и всѣхъ, кто помнитъ. Видаешь ли ты Сергѣя Петровича. Помнишь какъ мы тебя, бѣдную, дразнили. Жуку привѣтъ. Кюрѣ, старичку и, если видаешь. А гдѣ Тина съ мужемъ — у нея на родинѣ. Буду очень о Тебѣ думать все это время. Храни тебя Богъ, моя дорогая, горячо любимая душка. Рада, что родители Елизбара такіе добрые, его я хорошо знаю, а ихъ не видала. Письма всѣ ѣдутъ черезъ комисара. Иза еще но пріѣхала, — навѣрно не была у Тебя. Крѣпко цѣлую какъ люблю. Христосъ съ Тобою.

Твоя Татьяна.

Тобольскъ, 10-го Декабря 1917 г.

Душка моя дорогая Аня.

Ужасъ какъ была рада отъ Тебя услышать. Спасибо за записочку и вещицы. Ек. Викт. поблагодари за брошки. Написала Тебѣ вчера черезъ Эристова. Рада, что съ нимъ познакомилась, онъ очень симпатичный. Странно выходитъ, что мы живемъ тамъ, гдѣ Ты останавливалась. Помни, что эту посылку посылаемъ негласно: единственный случай удался, больше, навѣрное, невыйдетъ. А вчерашнее письмо послала какъ всѣ, черезъ комиссара. Постоянно о Тебѣ думаю, моя дорогая. Много о Тебѣ говоримъ, но къ сожалѣнію, только между нами. Твой браслетъ всегда ношу и никогда не снимаю, который Ты мнѣ дала 12-го января. Помнишь уютные вечера у камина. Какъ было хорошо. А Линевича и Гротена не видала больше. Ну, досвиданья, моя родная, хорошая Аня душка. Храни Тебя Богъ, цѣлую крѣпко какъ люблю, дѣвочекъ и О. В. Досвиданья... но когда?

Твоя Татьяна.

Тобольскъ, $^{22}/_{1}$ 1918 г.

Дорогая моя душка родная, всегда радуемся вѣстямъ отъ тебя Надѣюсь, что письмо черезъ Э. дошло до тебя. Думаю о Тебѣ много и всегда молюсь, чтобы Господь сохранилъ и помогъ Тебѣ. Рада,

что познакомилась съ.... онъ такой милый. Странное совпаденіе фамиліи... Зина хорошая красивыя письма. Бываетъ много грустнаго. Христосъ съ Тобой, моя родная. Въ холодные дни Папа носитъ черкеску. Цѣлую крѣпко какъ люблю, поздравляю днемъ ангела.

Т.

Тобольскъ, 5/18 Февраля 1918 г.

Душка моя дорогая, мнѣ ужасно Тебя жалко, молю Бога, чтобы онъ помогъ тебѣ и твоей бѣдной матери перенести это тяжелое испытаніе. Грустно, что брата и сестры нѣтъ съ Тобой. Вспоминаю Тебя часто и крѣпко цѣлую какъ люблю. Христосъ съ Тобой.

Письма Великой Княжны Маріи Николаевны.

Январь, Тобольскъ.

Горячо любимая моя. Какъ поживаешь. Очень пріятно было о тебѣ услышать. Всѣ мы здоровы и много гуляемъ по двору, катаемся съ горы. Эти дни сильный морозъ, такъ что Мама сидитъ дома. Навѣрное получишь эту открытку уже въ февралѣ, поэтому поздравяю Тебя съ днемъ Ангела, помоги Тебѣ Богъ въ будущемъ и благословитъ Тебя. Много о тебѣ вспоминаемъ. На дняхъ написала Акиму Ив., не знаю получилъ ли. Рада очень за Сережу. Храни Тебя Господь на всѣхъ путяхъ, не скучай милая, Богъ дастъ все будетъ хорошо и опять будемъ вмѣстѣ. Цѣлую тебя крѣпко какъ люблю.

Твоя М.

Здравствуй дорогая моя! Какъ давно Тебѣ не писала милая, такъ рада была получить Твою записочку. Грустно очень, что не видимся, но Богъ дастъ опять встрѣтимся и тогда такая радость будетъ. Живемъ въ домѣ, гдѣ Ты была. Помнишь комнаты? Онѣ очень уютныя, въ особенности когда вездѣ свои вещи. Гуляемъ каждый день два раза. Есть милые люди и здѣсь. Вспоминаю Тебя, душку, ежедневно и и очень люблю. М. Гибсъ далъ намъ твои карточки, такъ пріятно было ихъ имѣть. Гостины брошки носимъ Нюхали всѣ твои

духи, такъ напомнило тебя. Всего тебѣ желаю хорошаго отъ Бога и крѣпко и горячо цѣлую. Не скучай, Христосъ съ тобой. Крѣпко тебя любящая

М.

Всѣмъ твоимъ привѣтъ.

Письма Великой Княжны Анастасіи Николаевны.

Тобольскъ, 10 Декабря 1917 г.

Моя родная и милая, спасибо Тебѣ большое за вещицу. Такъ пріятно ее имѣть, такъ какъ ужасно напоминаетъ именно тебя. Вспоминаемъ и говоримъ о Тебѣ часто и всегда молитвенно вмѣстѣ. Собачка, которую ты подарила, всегда съ нами и очень мила. Устроились тутъ уютно. Мы четыре живемъ вмѣстѣ. Пріятно видѣть изъ оконъ маленькія горы, которыя покрыты снѣгомъ. Сидимъ много на окнахъ и развлекаемся, глядя на гуляющихъ. Привѣтъ Жуку. Всего хорошаго Тебѣ желаю моя дорогая. Цѣлую крѣпко очень. Христосъ съ Тобою.

Твоя А.

1918. Тобольскъ.

Моя дорогая, родная, часто вспоминаю Тебя милую, и хорошее время. Хоть на разстояніи далеко, а мысленно вмѣстѣ... Живемъ ничего, слава Богу. Устраивали «представленія» пьесы и сами конечно, играли для развлеченія. Въ нашей загородкѣ гуляемъ. Устроили маленькую горку и катаемся. Всего хорошаго, моя душка. Храни Тебя Богъ. Крѣпко цѣлую очень. Всегда помню и люблю. Всѣмъ Твоимъ очень кланяюсь.

Твоя А.

АЛФАВИТНЫЙ

указатель лицъ, упоминаемыхъ подъ иниціалами или уменьшенными именами, въ письмахъ Императрицы Александры Феодоровны и Великихъ Княженъ къ А. А. Танѣевой.

А. П. — А. П. Саблинъ, братъ флигель-адъютанта Н. П. Саблина.
Аля — Александра Александровна Пистолькорсъ, рожденная Танѣева, сестра А. А. Танѣевой.
Аннушка — горничная Императрицы.
Анна Ив. — Анна Ивановна Ханенко, жена члена Государственной Думы В. А. Ханенко, дочь И. Г. Щегловитова.
Байба — графиня Апраксина.
Борисъ — Великій Князь Борисъ Владиміровичъ.
Валя — князь Василій Ивановичъ Долгорукій, Свиты Его Величества генералъ-маіоръ.
Гординскій — раненый офицеръ, находившійся на излеченіи въ лазаретѣ Ея Величества.
Е. В. — Екатерина Викторовна Сухомлинова, жена б. Военнаго Министра.
Е. С. — Е. С. Боткинъ, лейбъ-медикъ Его Императорскаго Величества.
Жиликъ — П. Жильяръ, учитель Наслѣдника.
Зина — Зинаида Сергѣевна Толстая, рожденная Бехтѣева, жена офицера Кавалергардскаго полка.
Иза — графиня Изабелла Карловна Буксгевденъ, фрейлина Ея Величества.
Іоанчикъ — Великій Князь Іоаннъ Константиновичъ.
К. А. — Великая Княгиня Ксенія Александровна.
Коньковъ — любимый кучеръ Ихъ Императорскихъ Величествъ.
Л. — Лили Денъ.
Ліо — камердинеръ Ея Величества.
М. Ф. — Императрица Марія Федоровна.
М. Ф. Г. — Марія Федоровна Герингеръ.
Марія Александровна — М. А. Лашкарева.
Маня Р. — М. Ребиндеръ.
Мерика — княгиня Голицына, рожденная графиня Карлова.
Мужъ Нини — генералъ В. Н. Воейковъ, Дворцовый комендантъ.
М. — Марковъ, раненый офицеръ, находившійся на излеченіи въ лазаретѣ Ея Величества.
Маленькій Сережа — онъ же.
Маленькая Н. — дѣвочка, возившая Ихъ Величествамъ въ Тобольскъ письма и посылки.
Матреша — дочь Г. Е. Распутина.
Мара — дочь Г. Е. Распутина.
Маделенъ — горничная Ея Величества.
Никол. Мих. — Великій Князь Николай Михайловичъ.

Нини — жена генерала В. Н. Воейкова, рожденная графиня Фредериксъ.
Настенька — графиня А. В. Гендрикова, фрейлина Ея Величества.
Н. П. — Н. П. Саблинъ, флигель-адъютантъ.
Николай Д. — Н. Деменьковъ, офицеръ Сводnаго Его Величества полка.
Н. Ив. — Н. И. Рѣшетниковъ, управляющій лазаретомъ А. А. Танѣевой.
О. А. — Великая Княгиня Ольга Александровна, замужемъ за Н. И. Куликовскимъ.
Прох. — Прохоровъ, пасынокъ камеръ фрау Ея Величества.
Рита — Маргарита Хитрово.
Род. — Родіоновъ, офицеръ Гвардейскаго Экипажа, плававшій на яхтѣ Штандартъ.
Сестра Е. — Великая Княгиня Елизавета Федоровна.
Сашка — Графъ А. И. Воронцовъ Дашковъ, сынъ б. Намѣстника на Кавказѣ.
Сережа — С. А. Танѣевъ, братъ А. А. Танѣевой.
Серг. Пет. — С. П. Мусинъ-Пушкинъ, врачъ.
С. С. — флигель-адъютантъ С. С. Погуляевъ.
Тудельсъ — горничная Ея Величества.
Ярош. — Карлъ Іосифовичъ Ярошинскій, крупный землевладѣлецъ Югозападнаго края, извѣстный финансовый дѣятель.
Эмма — графиня Э. В. Фредериксъ, дочь графа В. Б. Фредериксъ, Министра Двора.
Элисбаръ — князь Эристовъ, раненый офицеръ, состоявшій на излеченіи въ лазаретѣ въ Царскомъ Селѣ.

Письма въ редакцію.

М. Г.

По порученію Великаго Князя Александра Михаиловича, прошу редакцію исправить слѣдующія неточности, встрѣчающіяся въ статьѣ Д. Н. Дубенскаго «Какъ произошелъ переворотъ въ Россіи», помѣщенной въ третьей книгѣ «Русской Лѣтописи»:

На стр. 32 .. «Государь, окруженный своей свитой, своимъ штабомъ находившимися здѣсь въ Царской Ставкѣ Великими Князьями Борисомъ Владиміровичемъ, Сергіемъ и Александромъ Михаиловичами, былъ страшно всетаки одинокъ. У него не было людей, которые понимали бы сложную, чистую его душу, не было людей, которые имѣли бы особый вѣсъ въ глазахъ Государя...»

На стр. 71 въ описаніи встрѣчи Государыни Императрицы Маріи Феодоровны въ Могилевѣ:.....«Стояла вѣтряная, свѣжая погода. На военную платформу часамъ къ 3 дня прибылъ Его Величество, вся свита Государя, Великіе Князья Александръ и Сергій Михаиловичи, генералъ Алексѣевъ со старшими чинами своего штаба.....»

Между тѣмъ Великій Князь Александръ Михаиловичъ прибылъ изъ Кіева въ Могилевъ только 4 Марта вмѣстѣ съ Государыней Императрицей Маріей Феодоровною, т. е. уже послѣ отреченія Государя Императора отъ Престола и вмѣстѣ съ Ея Величествомъ отбылъ изъ Могилева въ Кіевъ 8 Марта. Такимъ образомъ оба упоминанія автора статьи въ приведенныхъ отрывкахъ о Великомъ Князѣ Александрѣ Михаиловичѣ совершенно не точны. Въ эти памятные дни роковыхъ рѣшеній Великій Князь находился вдали отъ Государя Императора.

Примите и пр.

М. Молодовскій.

(Управляющій дѣлами Великаго Князя Александра Михаиловича)

1-го Августа 1922 г.
Парижъ.

II.

М. Г.

Въ послѣдней книгѣ «Русской Лѣтописи» помѣщены воспоминанія г-жи О. Добровольской, сообщенныя А. Д. Нечволодовымъ, о первыхъ дняхъ революціи. Въ этой статьѣ авторъ говоритъ о Вели-

комъ Князѣ Николаѣ Михаиловичѣ и приводитъ совершенно невѣрныя свѣдѣнія объ отношеніяхъ Великаго Князя къ бывшему Министру Юстиціи Временнаго Правительства, Керенскому. Какъ лицо, по своей должности близко стоявшее къ покойному Великому Князю въ теченіе многихъ лѣтъ, и какъ человѣкъ, пережившій съ нимъ революціонные дни, я считаю долгомъ разъяснить настоящую причину посѣщеній Великимъ Княземъ Керенскаго.

За все время пребыванія Керенскаго у власти Великій Князь былъ у него три раза, а не постоянно или ежедневно, какъ пишетъ авторъ воспоминаній. При этомъ отношенія Великаго Князя Николая Михаиловича къ Керенскому были лишены какой бы то ни было личной окраски. Онъ посѣщалъ его по побужденіямъ исключительно дѣловымъ, связаннымъ съ стремленіемъ облегчить положеніе нѣкоторыхъ членовъ Императорской Фамиліи, находившихся тогда внѣ Петрограда. Пріѣзжалъ къ нему Великій Князь не во время пріема посѣтителей, а уже поздно вечеромъ, скорѣе даже ночью, послѣ засѣданій Временнаго Правительства, которыя всегда затягивались. Слѣдовательно о какихъ либо обѣдахъ Великаго Князя у Керенскаго и рѣчи быть не можетъ, да и на самомъ дѣлѣ этого не было. Если же Великому Князю приходилось иногда ожидать въ пріемной представителя новой власти, то осуждать за это слѣдовало бы именно А. Ф. Керенскаго, а не Великаго Князя, приносившаго въ жертву свое самолюбіе.

Быть можетъ эти позднія посѣщенія и ввели въ заблужденіе автора воспоминаній, но въ переживаемые нами дни необходимо особенно чутко относиться къ памяти усопшихъ. Неосторожнымъ словомъ, непровѣреннымъ свидѣтельствомъ можно причинить имъ непоправимое зло.

Имя Великаго Князя Николая Михаиловича — одно изъ тѣхъ именъ, которыя не будутъ забыты лѣтописцами Русской Земли, но и на современникахъ лежитъ долгъ не допускать оскорбленій свѣтлой его памяти. Подобно Государю Императору, Великій Князь Николай Михаиловичъ, въ ряду другихъ Членовъ Императорской Фамиліи, мученической смертью запечатлѣлъ свою глубокую и неизмѣнную любовь и вѣрность Россіи. Не разъ близкіе Великому Князю люди давали ему возможность покинуть страну. Но твердо отклонялись всѣ эти предложенія покойнымъ Великимъ Княземъ. Онъ хотѣлъ остаться въ Россіи до конца..... Можно ли ставить ему въ упрекъ глубокую вѣру въ разумъ и совѣсть своего народа.

Примите и проч.

Бывшій управляющій дѣлами Великаго Князя Николая Михаиловича

М. Молодовскій.

1-го Августа 1922 г.
Парижъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

1. Предисловіе.

2. Страницы изъ моей жизни. *А. А. Танѣевой (Вырубовой).*

3. Письма Высочайшихъ Особъ къ А. А. Танѣевой.

4. Алфавитный Указатель.

5. Письма въ редакцію. *М. Н. Молодовскаго.*

ВЪ СКЛАДѢ ИЗДАНІЙ

РУССКАГО ОЧАГА въ ПАРИЖѢ

14, rue de l'Yvette — Paris (16)

S. KRIJANOWSKY

Имѣются и высылаются по письменному требованію слѣдующія книги :

«Русская Лѣтопись» книга первая 1921г.

«Русская Лѣтопись» книга вторая 1922г.

«Русская Лѣтопись» книга третья 1922 г.

«Русская Лѣтопись» книга четвертая 1922 г.

Цѣна каждой книги **10** франковъ

«Воскресенье», номера 1-5.

Цѣна номера **1** франкъ.

НА ФРАНЦУЗСКОМЪ ЯЗЫКѢ :

LA RÉVOLUTION RUSSE, *Le Gouvernement Provisoire.*
(Essai d'analyse)

Цѣна **3** фр. **50** с.

НА АНГЛІЙСКОМЪ ЯЗЫКѢ :

«THE RUSSIAN REVOLUTION»

Цѣна **3** фр. **50** с.

ИСТОРИЧЕСКОЕ
ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ ИЗДАНІЕ

РУССКАЯ ЛѢТОПИСЬ

Изданіе «Русскаго Очага» въ Парижѣ.

Цѣна четвертой книги
«Русской Лѣтописи»

Во Франціи и Бельгіи . . . . **10** франковъ

Въ прочихъ странахъ — особыя цѣны.

КОНТОРА ИЗДАНІЯ
«РУССКАЯ ЛѢТОПИСЬ» (LES ANNALES RUSSES)

14, rue de l'Yvette, Paris (16)

Imp. «Presse Franco-Russe», 216, Bd Raspail, Paris.